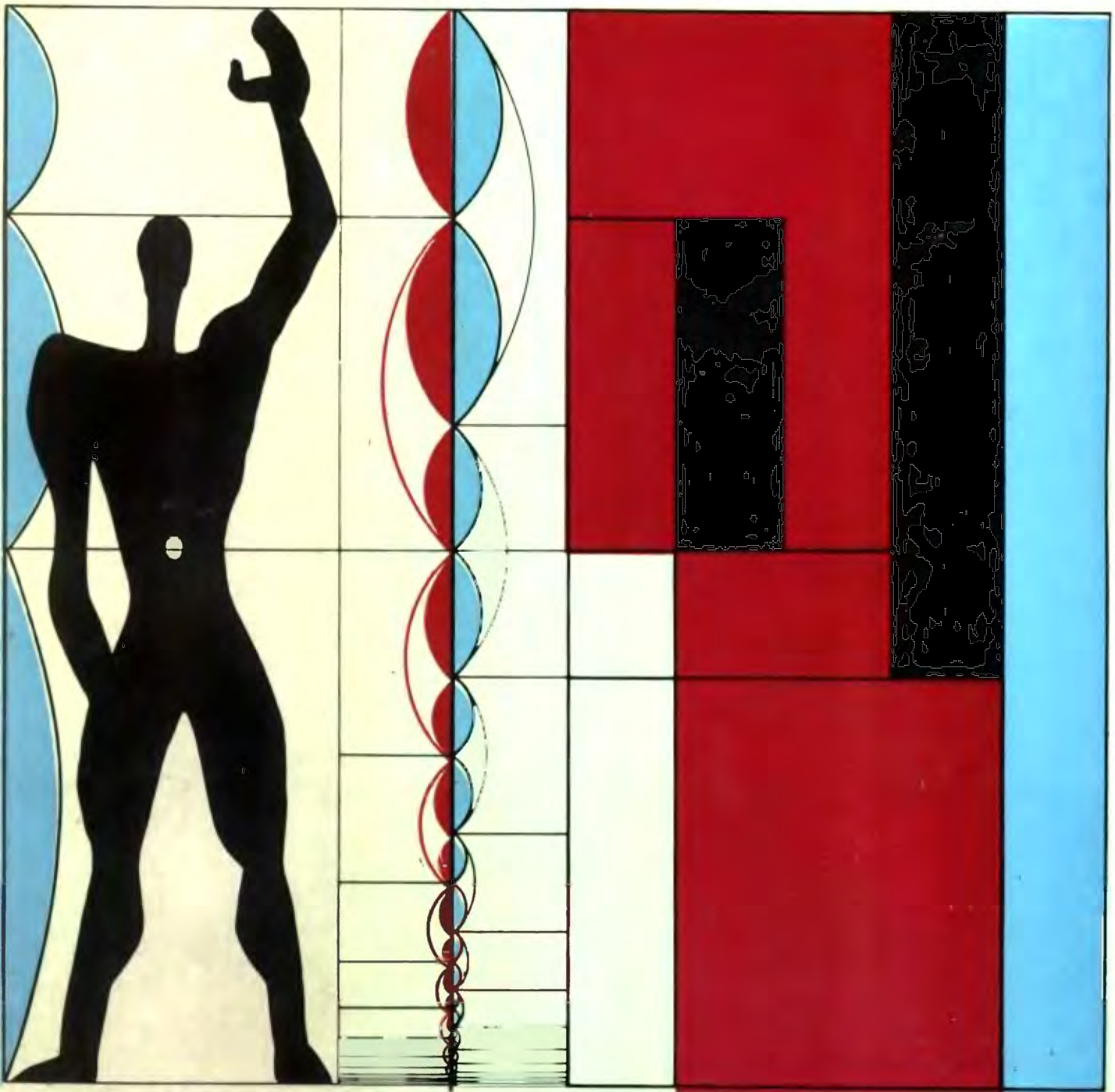
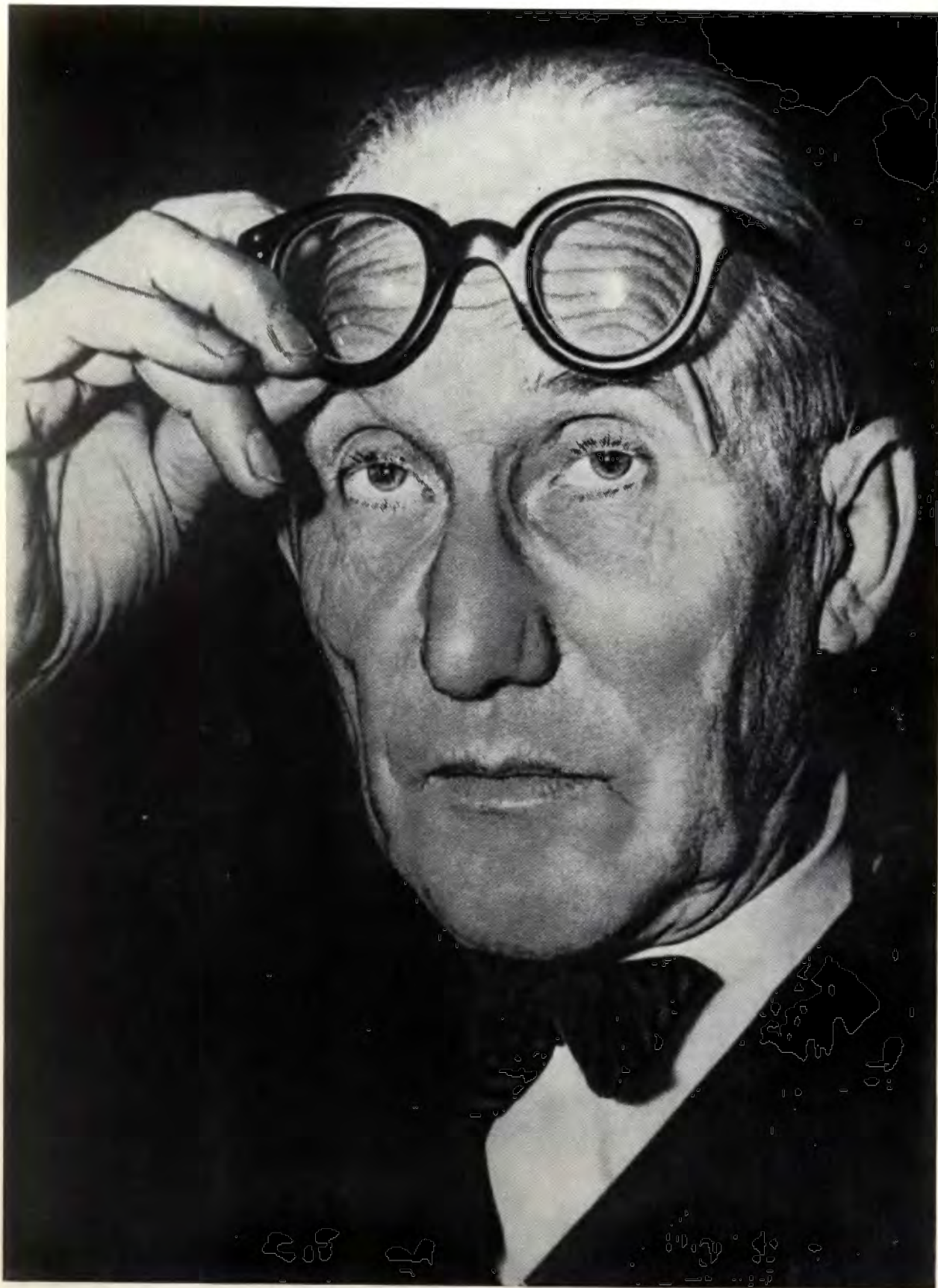

ЛЕ КОРБЮЗЬЕ

АРХИТЕКТУРА
XX
ВЕКА

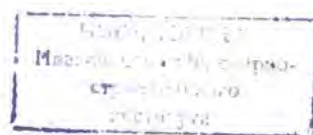
ЛЕ КОРБЮЗЬЕ

АРХИТЕКТУРА
XX
ВЕКА

Перевод с французского

Под редакцией
Н. Т. Топуридзе

2098

СП ИЗДАТЕЛЬСТВО • „ПРОГРЕСС“ • 1977

Составитель
М. В. Толмачев

Переводчики
В. Н. Зайцев
и *В. В. Фрязин* *ов*

Редактор
С. Д. Комаров

Послесловие
К. Т. Топуридзе

Второе издание

Редакция литературоведения и искусствоведения

© Составление, перевод на русский язык с изменениями и послесловие, «Прогресс», 1977.

К 80102-823
006(01)-77 129-77

328-434

Имя Ле Корбюзье, смелого новатора в архитектуре, теоретика современного зодчества и градостроительного искусства, широко известно во всем мире.

Ле Корбюзье оставил огромное литературное наследство, которое неотделимо от его творчества.

В течение полувека Ле Корбюзье выступал за создание новой архитектуры, нового градостроительства, за то, чтобы обеспечить всех и каждого достойным человеком жилищем. Им опубликованы научные исследования, полемические выступления, книги по теории архитектуры и искусства.

Его первая книга «Развитие декоративного искусства в Германии» вышла в свет в 1911 году, когда автору было 24 года. С тех пор Ле Корбюзье до конца своей жизни (1965 г.) не выпускал из рук пера, отстаивая свои идеи.

В книге «К архитектуре», изданной в 1923 году, Ле Корбюзье изложил основы своего понимания задач архитектуры. Из нее мы публикуем лишь часть остро изложенных тезисов, дающих ясное представление о творческом кредо мастера, и несколько других отрывков, развивающих эти тезисы.

Из изданного в Париже в 1925 году капитального труда «Градостроительство» в сборник вошли разделы, в которых Ле Корбюзье обосновал свой проект современного города на 3 млн. жителей и проект реконструкции центра Парижа (так называемый «План Вуазен»).

В сборник включены также отрывки из книг: «Декоративное искусство сегодня» (1925), «Альманах современной архитектуры» (1926), «Уточнения по поводу современного состояния архитектуры и градостроительства» (1930), «Лучезарный город» (1935), «Три человеческих установления» (1945).

Из книги «Модуль» (1950) переведен отрывок, в котором изложены основные принципы системы композиционного построения и пропорционирования, созданной Ле Корбюзье.

Книги Ле Корбюзье «Афинская хартия» (1943), «Жилой комплекс в Марселе» (1950) взяты полностью. Кроме того, в сборник вошли

некоторые из писем и заметок Ле Корбюзье, собранных Софи Дариа в ее книге «Ле Корбюзье» (1964).

В своих книгах и статьях по теории градостроительства и архитектуры Ле Корбюзье выходил за рамки узкопрофессиональных задач, поднимал глубокие социальные проблемы.

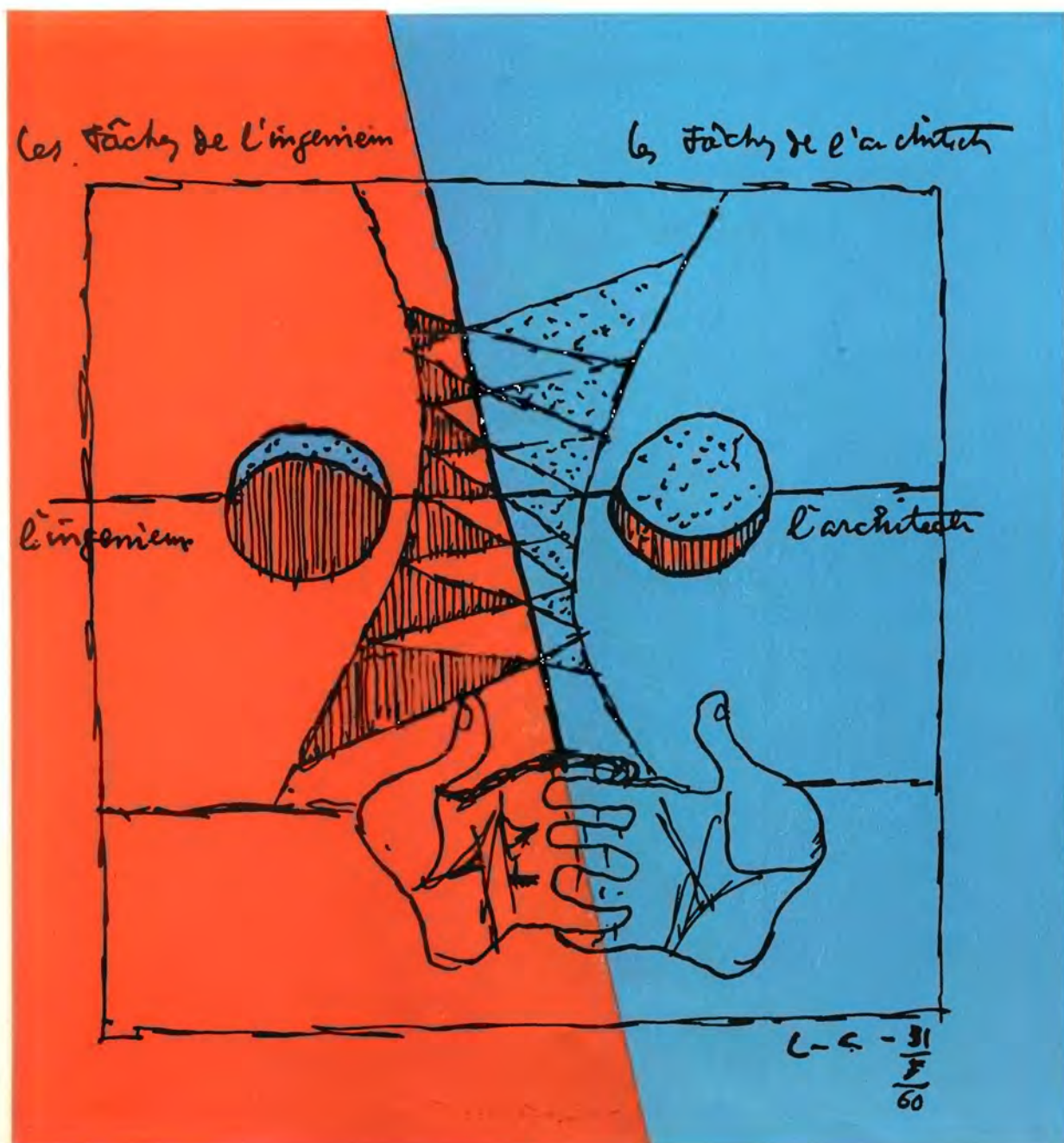
Особый интерес представляет его острая, беспощадная критика условий жизни в городах капиталистического мира. Конечно, этот большой гуманист не понимал, что в условиях частной земельной собственности выдвигаемые им смелые градостроительные решения не могут быть осуществлены без серьезных политических сдвигов. Не владея философией марксизма-ленинизма, Ле Корбюзье часто пытался примирить непримиримое.

Но как человек цельный и правдивый, он всегда был на стороне прогресса, свободы и справедливости. В 1938 году Ле Корбюзье резко выступил против тех, кто готовил вторую мировую войну. В 1950 году вместе с другими прогрессивными людьми он поставил свою подпись под Стокгольмским воззванием в защиту мира.

Ле Корбюзье — яркий публицист с очень своеобразным стилем изложения. Форма его литературных произведений полностью подчинена содержанию, поставленной цели. Он часто прибегает к гиперболам, парадоксам, нарочитым повторам. Главное для него — это довести свою мысль до читателя кратчайшим путем. Он всегда стремится к ясности изложения и доходчивости. Он вызывает, он требует, он резко критикует. Даже когда Ле Корбюзье высказывает идеи спорные, читатель как бы включается в этот спор, обогащаясь логическим ходом его мыслей и делая собственные выводы.

Сняжки с важнейших, построенных по проектам Ле Корбюзье зданий, проекты, эскизы, схемы, рисунки, чертежи и репродукции его живописных и скульптурных работ, помещенные в сборнике (подобрал и подготовил К. Т. Тонуридзе), зрительно представляют читателю идеи мастера в их замыслах и воплощении и помогут получить представление о творческой лаборатории крупнейшего зодчего современности.

АРХИТЕКТУРА XX ВЕКА

Тезисы

ЭСТЕТИКА ИНЖЕНЕРА И ЭСТЕТИКА АРХИТЕКТОРА

Эстетика инженера и эстетика архитектора связаны единством, но первая из них переживает бурный расцвет, а вторая мучительно деградирует.

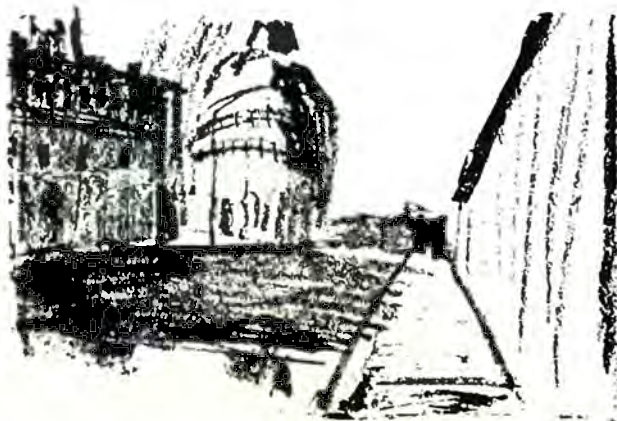
Инженер, вдохновляемый законом экономии и ведомый точным расчетом, согласует нашу деятельность с законами природы. Так он достигает гармонии.

Архитектор, организуя формы, создает гармонию, которая является чистым продуктом его разума; формами он воздействует на наши чувства, вызывая в нас эстетические эмоции; созданные им соотношения форм пробуждают в нас глубокий отклик, приобщают нас к постижению гармонии мира. Творчество архитектора является источником многих наших душевных движений, оно помогает нам познать красоту.

ТРИ НАПОМИНАНИЯ АРХИТЕКТОРАМ

Объем. Наши глаза устроены так, чтобы видеть формы освещенными. Простые геометрические формы прекрасны, потому что они легко воспринимаются.

Пиза. Бантистерий. Рисунок.

Современные архитекторы больше не создают простых форм.

Оперируя вычислениями, инженеры используют геометрические формы, которые удовлетворяют наше зрение геометрией и убеждают разум своей математической логикой. Творчество инженера приближается к большому искусству. **Поверхность.** Объем ограничен поверхностью. Поверхность членится направляющими и образующими линиями данного объема, которые выявляют его особенности.

Ныне архитекторы боятся геометрических составных элементов поверхности.

Главные проблемы современного строительства будут решены на основе геометрии.

Инженеры, подчиненные жестким требованиям заданной программы, используют образующие и показательные линии форм и создают при этом ясные и волнующие пластические объекты.

План. План определяет творческую программу.

Где нет плана, там беспорядок, царит произвол.

В плане заключена сущность творческого ощущения.

Великие проблемы завтрашнего дня, диктуемые общественными потребностями, вновь ставят вопрос о плане.

Афины. Акрополь. Вид на Парфенон через пропилеи — рисунок.

ЧЕРТЕЖ-РЕГУЛЯТОР

С тех пор как человеку понадобился кров, возникла архитектура. Архитектура изначально несет в себе стремление к порядку. Порядок определяется закономерностью пропорций архитектурных форм. Чертеж-регулятор пропорционального построения архитектурных композиций — это гарантия от произвола, это творческий стимул.

Чертеж-регулятор — это не рецепт, а только средство, метод работы. Его выбор и способы выражения составляют органическую часть архитектурного творчества.

ГЛАЗА, НЕ УМЕЮЩИЕ ВИДЕТЬ

Океанские корабли. Наступает великая эпоха. Возникают новые веяния.

Множество творений человеческого труда проникнуто новым духом, особенно часто они встречаются в промышленном производстве.

Архитектуру душит косность.

«Стили» — это ложь.

Стиль есть единство принципа, который вдохновляет все творчество эпохи и является выражением ее духа и умонастроений.

Наша эпоха день ото дня утверждает свой стиль.

К несчастью, мы пока еще не умеем его различить.

Самолеты. Самолет есть продукт высшего отбора.

Его создатели могут преподать нам важный урок: научить логике в постановке и в разрешении проблемы.

Проблема дома еще не поставлена.

Нынешнее состояние архитектуры уже не отвечает нашим потребностям.

Между тем существуют жилищные стандарты.

В механике фактор экономии диктует соответствующий отбор.

Дом — это машина для жилья.

Автомобили. Чтобы подойти к проблеме совершенства, надо стремиться к выработке стандарта.

Царфенон — это продукт отбора, основанного на определенном стандарте.

Архитектура оперирует стандартами.

Стандарты суть продукт логики, анализа, тщательного изучения; они создаются на основе правильной постановки проблемы. Выбранный стандарт окончательно закрепляется опытом.

Афины. Акрополь. Провилеи. Рисунок.

АРХИТЕКТУРА

Урок Рима. Архитектура состоит в том, чтобы из необработанного материала создать впечатляющие соотношения форм.

Архитектура выходит за рамки утилитарности.

Архитектура пластична.

В ней господствует дух гармонии, единства замысла.

Архитектура распределяет массы и объемы.

Вдохновение превращает инертный камень в драму.

ПРИЗРАЧНЫЕ ПЛАНЫ

План развивается в направлении от внутреннего к внешнему: фасад обусловлен интерьером.

Архитектурные элементы суть свет и тень, стена и пространство. Соотношение элементов — это иерархия целей, классификация замыслов.

Человек видит архитектурное сооружение с высоты 1 метра 70 сантиметров от уровня земли. В расчет должны идти лишь те цели, что доступны глазу, лишь те замыслы, что ос-

нованы на архитектурных элементах. Если сюда применяются намерения, чуждые языку архитектуры, план становится призрачным, фальшивым, его правила нарушаются из-за отсутствия твердой концепции или в угоду суетным побуждениям.

ЧИСТЫЙ ПРОДУКТ РАЗУМА

Внешний декор здания — пробный камень архитектора.

Здесь он показывает себя либо художником-творцом, либо простым инженером, поскольку при выборе декора он пользуется полной свободой, ему не препятствуют ни установившиеся традиции, ни требования строительной технологии, ни утилитарные соображения.

Внешний декор здания — чистый продукт разума; здесь требуется художник.

СЕРИЙНОЕ ДОМОСТРОЕНИЕ

Начинается великая эпоха.

Возникают новые веяния.

Индустрия, нахлыпывая, словно бурный поток, принесла с собой новые орудия, приспособ-

Стамбул. Рисунок.

ленные к этой новой эпохе и порожденные новыми веяниями.

Закон экономии властно управляет нашими действиями и мыслями.

Проблема дома — это проблема эпохи. От нее ныне зависит социальное равновесие. Первая задача архитектуры в эпоху обновления — произвести переоценку ценностей, переоценку составных элементов дома.

Серия основана на анализе и эксперименте. Тяжелая индустрия должна заняться разработкой и массовым производством типовых элементов дома.

Надо повсеместно внедрить дух серийности, серийного домостроения, утвердить понятие дома как промышленного изделия массового производства, вызвать стремление жить в таком доме.

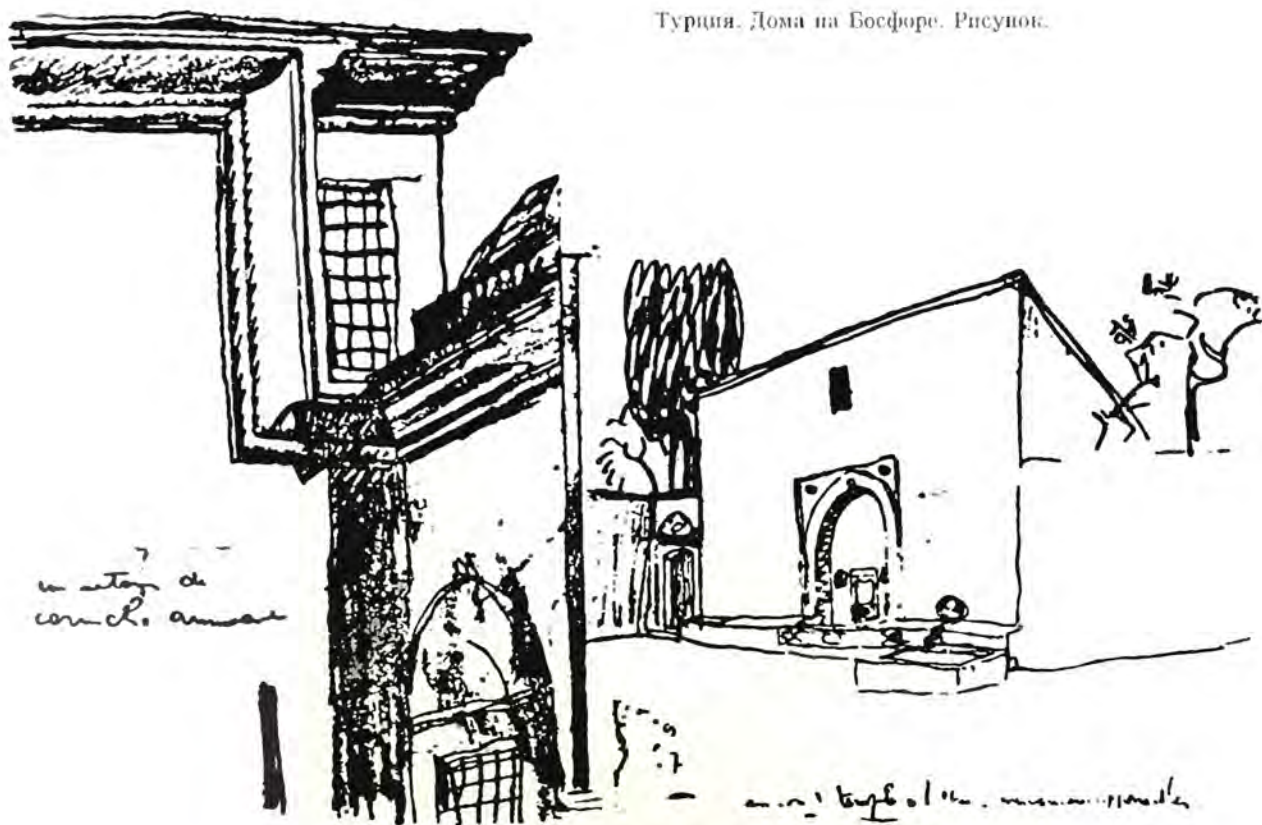
Если мы вырвем из своего сердца и разума застывшее понятие дома и рассмотрим вопрос с критической и объективной точки зрения, мы придем к дому-машине, промышленному изделию, здоровому (и в моральном отношении) и прекрасному, как прекрасны рабочие инструменты, что неразлучны с нашей жизнью.

Дом будет исполнен той одухотворенной красоты, которую человек-творец способен сообщить всякому простому и необходимому инструменту труда.

АРХИТЕКТУРА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ

Во всех отраслях промышленности поставлены новые проблемы, создано оборудование для их разрешения. Перед лицом прошлого этот факт представляет собой революцию.

Турция. Дома на Босфоре. Рисунок.

Начинается серийное изготовление отдельных частей здания; в соответствии с новыми экономическими потребностями созданы элементы деталей и элементы целого. Сооставив это с прошлым, мы обнаружим революцию в методах и в размахе предприятий.

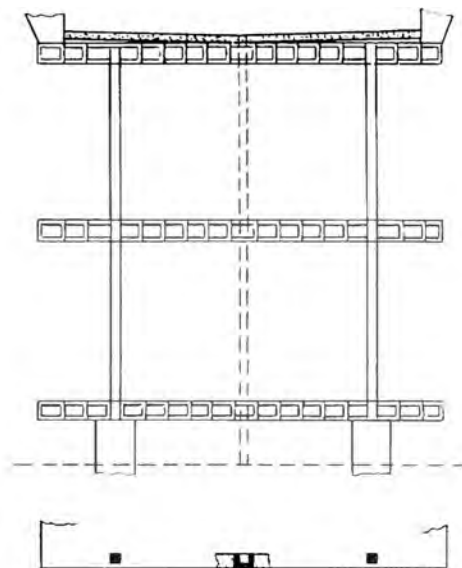
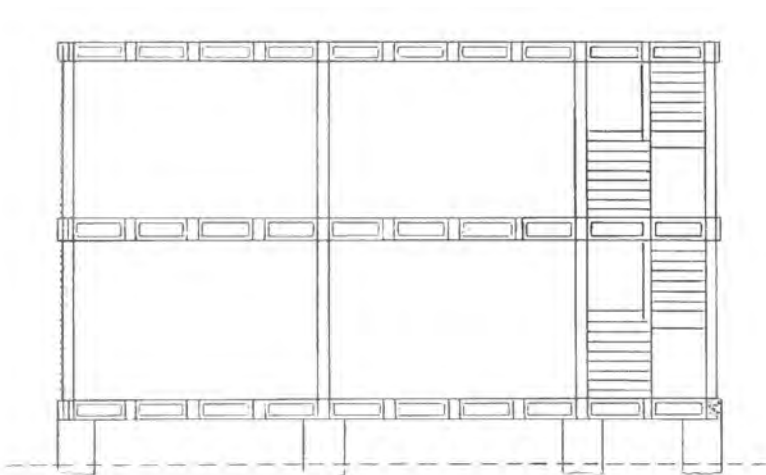
Архитектура, основанная на разнообразии приемов общей композиции здания и его декора, эволюционировала в течение долгих веков. Железо и цемент за какие-нибудь пятьдесят лет привели нас к достижениям, свидетельствующим об огромной строительной мощи и о полном пересмотре прежнего архитектурного кодекса. Сооставив это с прошлым, мы начинаем осознавать, что отныне «стили» для нас уже не существуют, что выработан единый стиль эпохи, что произошла революция.

Для общественного мнения все эти события являются свершившимся фактом независимо от того, осознаны они или нет, осознанно или неосознанно люди почувствовали новые потребности.

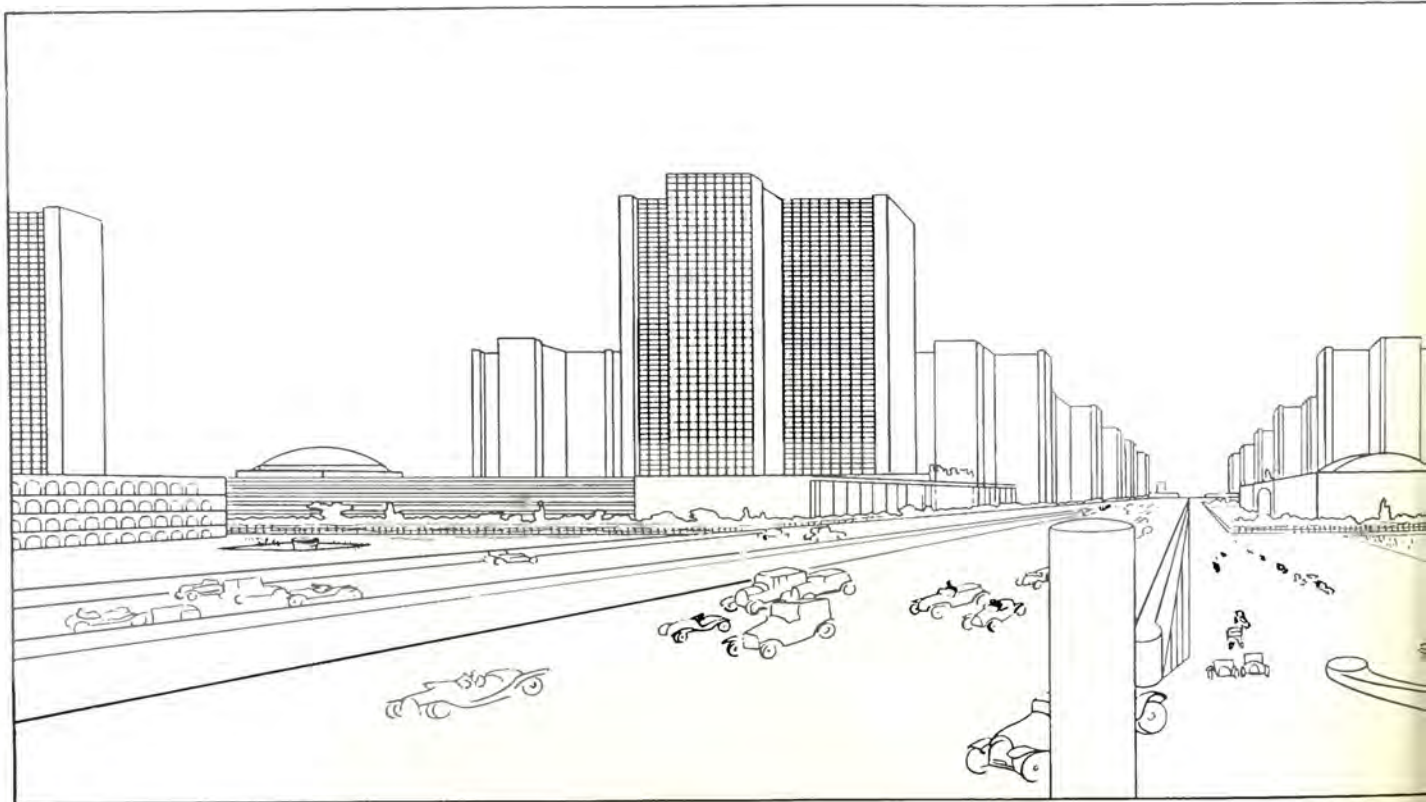
Глубоко потрясенная общественная машина нуждается в переделке поистине исторической, иначе ее ждет гибель.

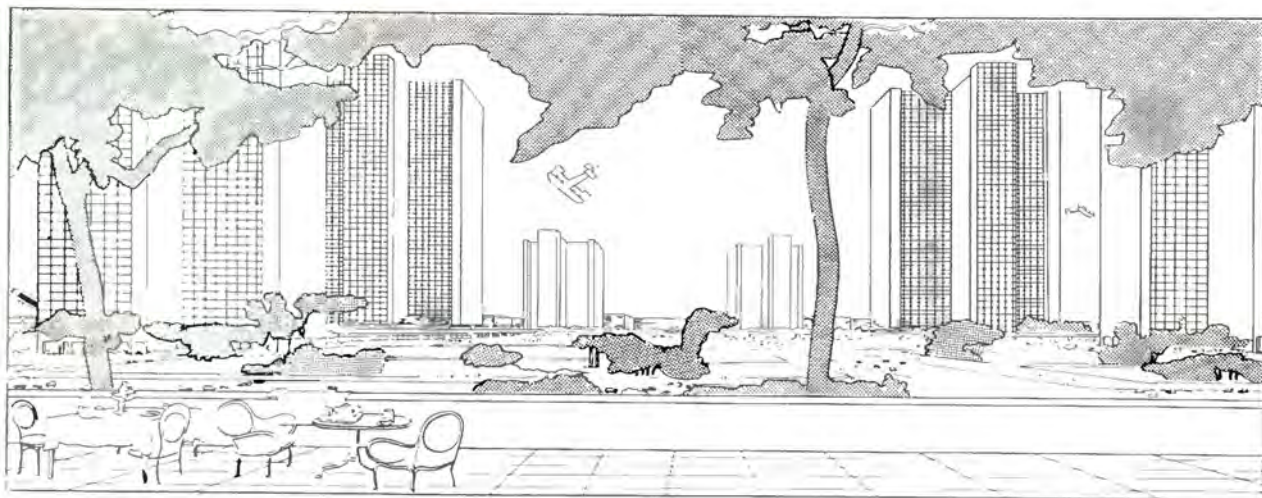
Всякое живое существо, повинаясь первичному инстинкту, стремится обеспечить себе кров. Различные активные слои общества *уже не располагают подобающим кровом*. Его нет ни у рабочего, ни у интеллигента.

Решение проблемы жилья — основа для восстановления нарушенного равновесия: архитектура или... революция.

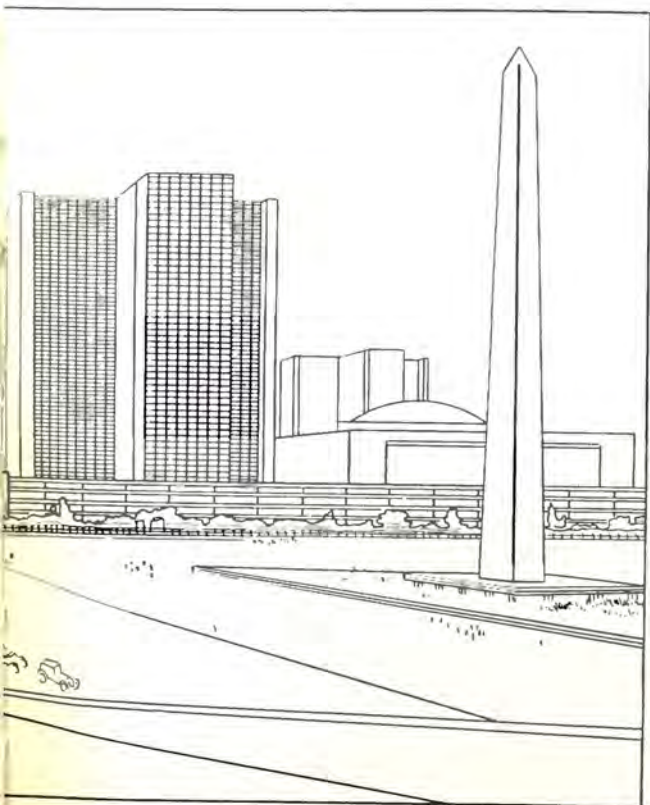

«Дом шва». Схема жилого дома свободной планировки со стандартным каркасом для серийного производства, 1914.

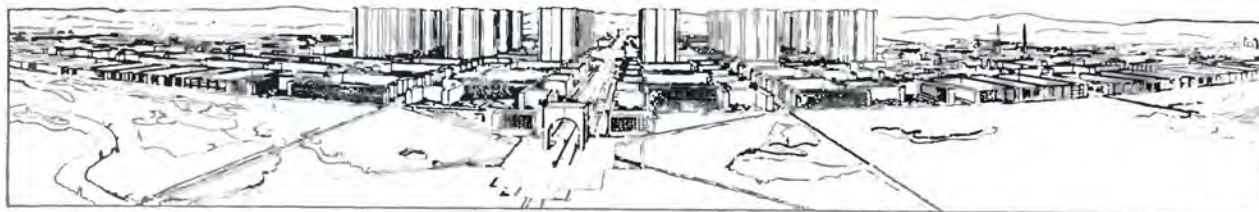

Проект современного города на 3 млн. жителей. 1922.
Вид с террасы на центр города.

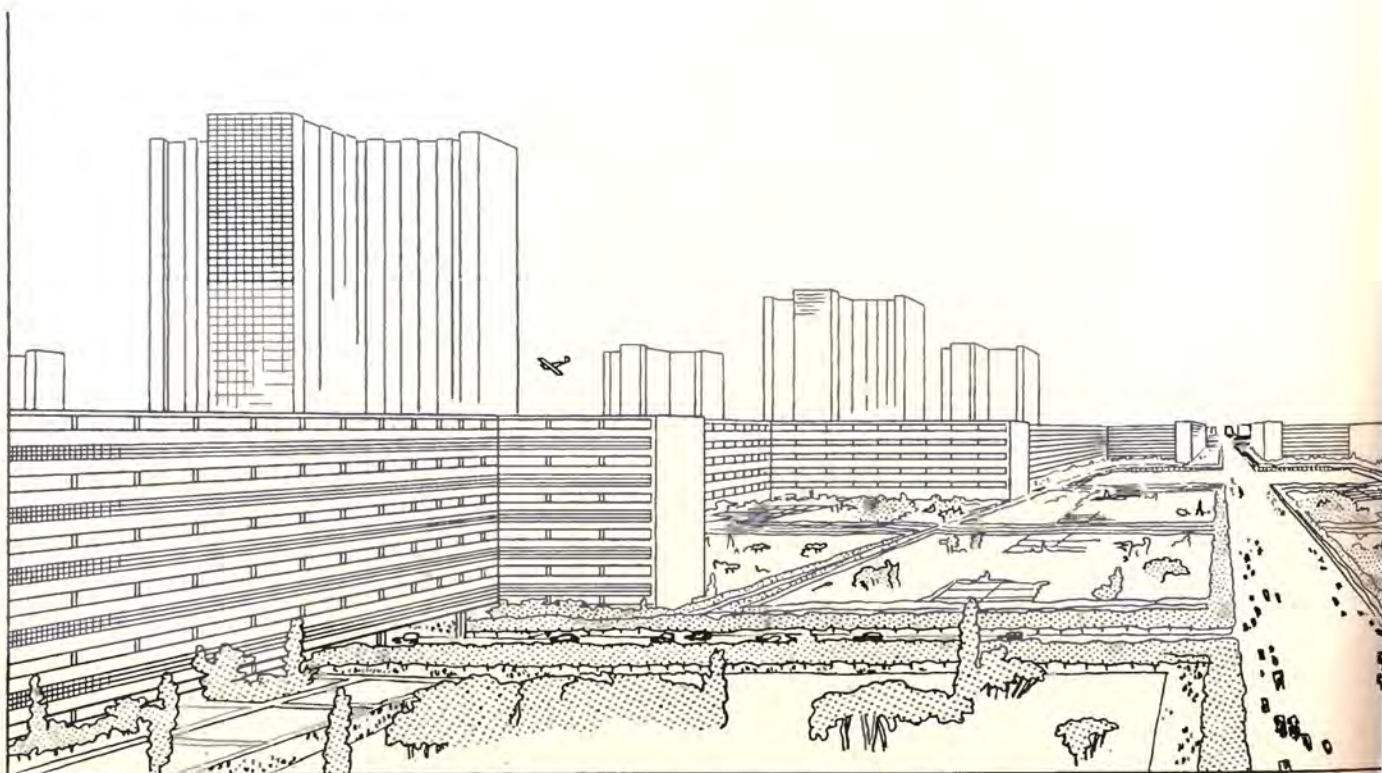

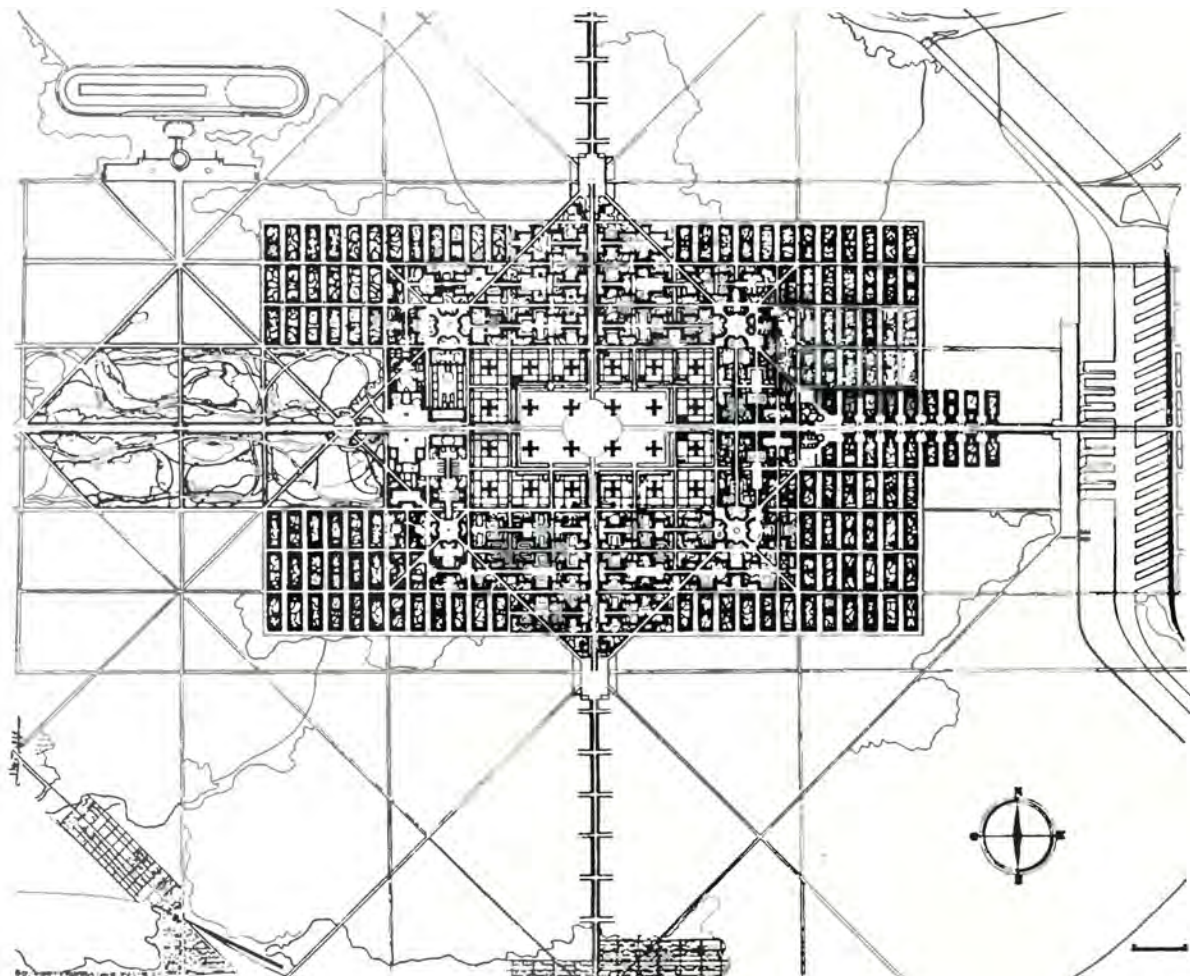
Проект современного города на 3 млн. жителей.

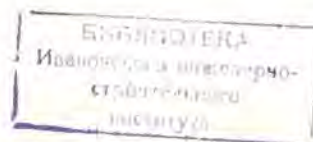
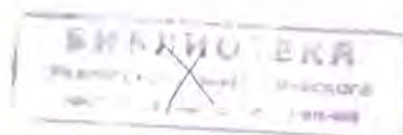
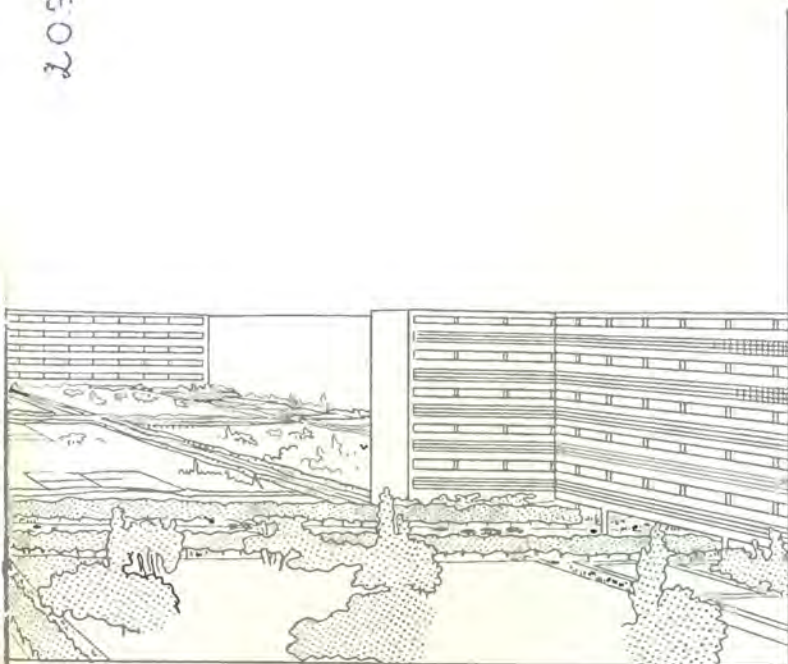
Проект современного города на 3 млн. жителей.
Общий вид.

Проект современного города на 3 млн. жителей.
Улица, пересекающая жилой район.

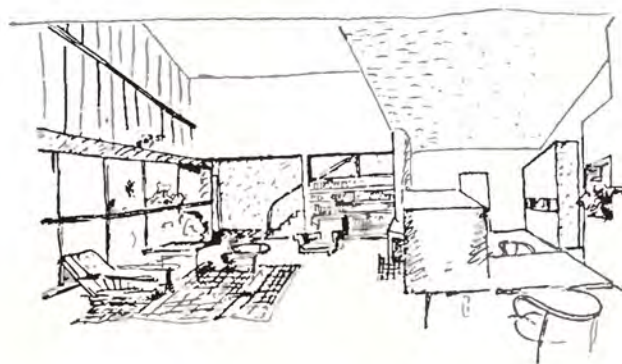

План современного города на 3 млн. жителей.

Проект «Дома-виллы» на 120 квартир. Перспектива.
1922.

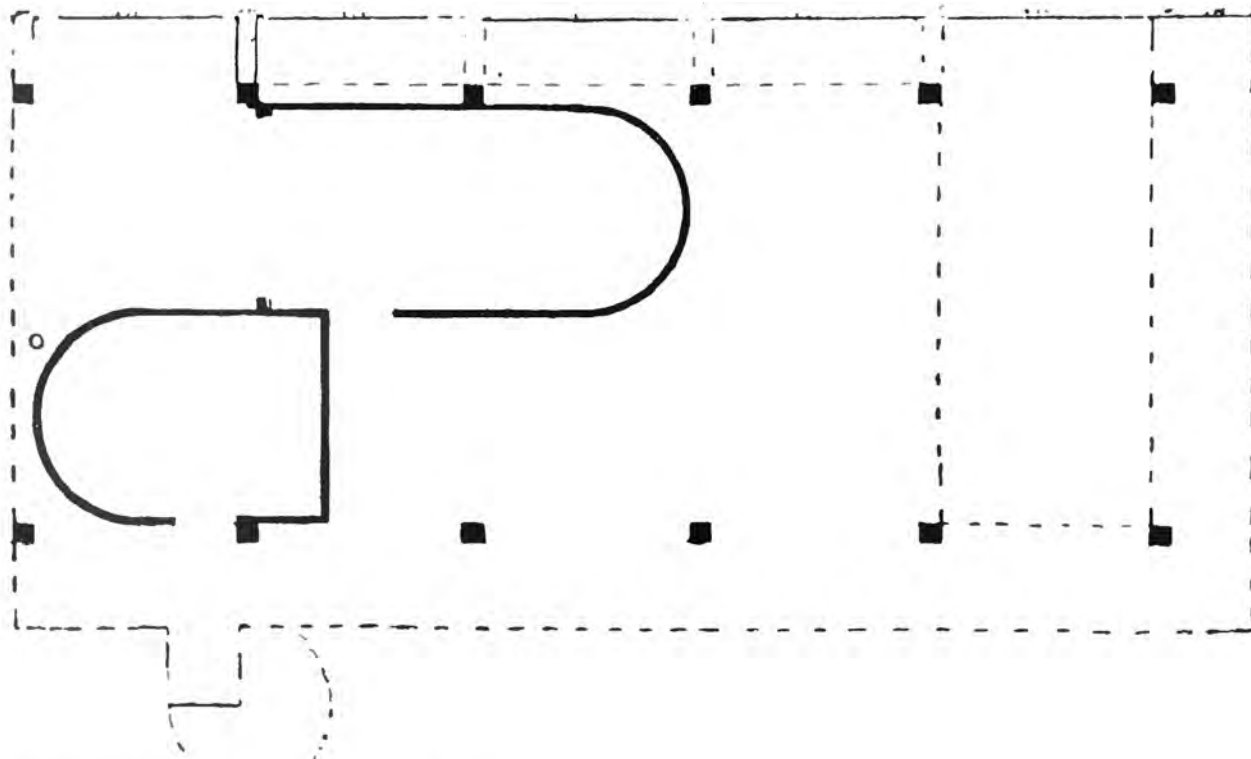
Проект «Дома-виллы». Жилой дом с глубокой
лоджией в каждой квартире. Фрагмент фасада.

Эскиз интерьера, выполненный в 1922 г.,
использованный при проектировании жилого дома
в поселке Вейсенгоф, Штутгарт.

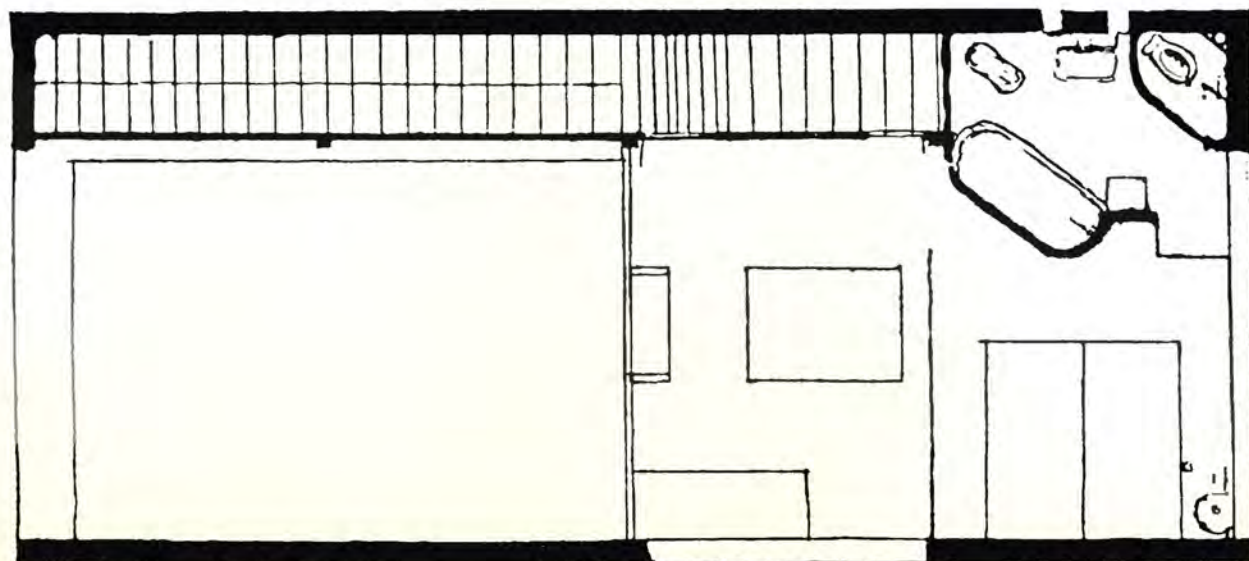
Жилой дом в поселке Вейсенгоф, Штутгарт, 1927.

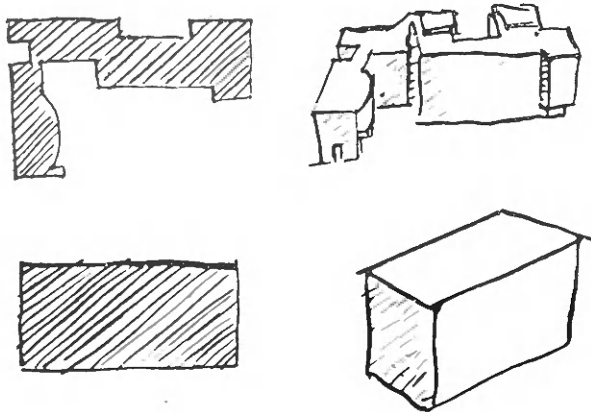

Планировка 1922 г., легшая в основу проекта жилого дома в поселке Вейсенгоф, Штутгарт. План первого этажа.

Планировка 1922 г., легшая в основу проекта жилого дома в поселке Вейсенгоф, Штутгарт. План второго этажа.

Композиционные схемы виллы Ля Роша в Париже и в Гарне под Парижем.

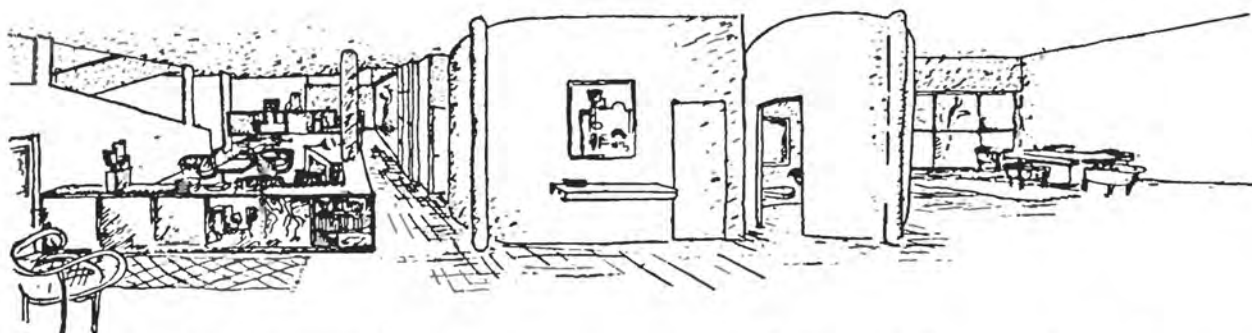
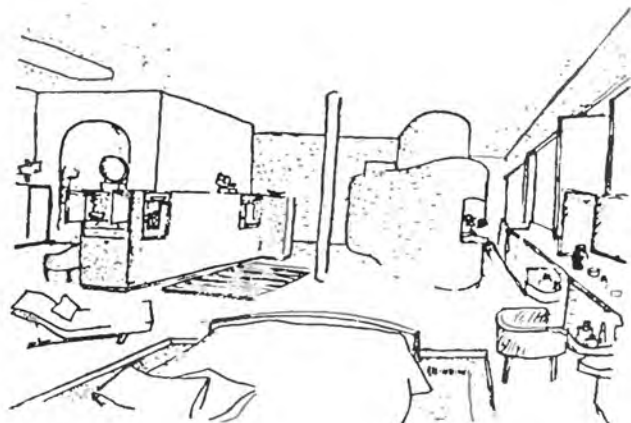
Вилла Ля Роша и А. Жаньере в Отёйе в Париже. Холл.

Вилла Ля Роша и А. Жаньере в Отёйе в Париже, 1923—1924.

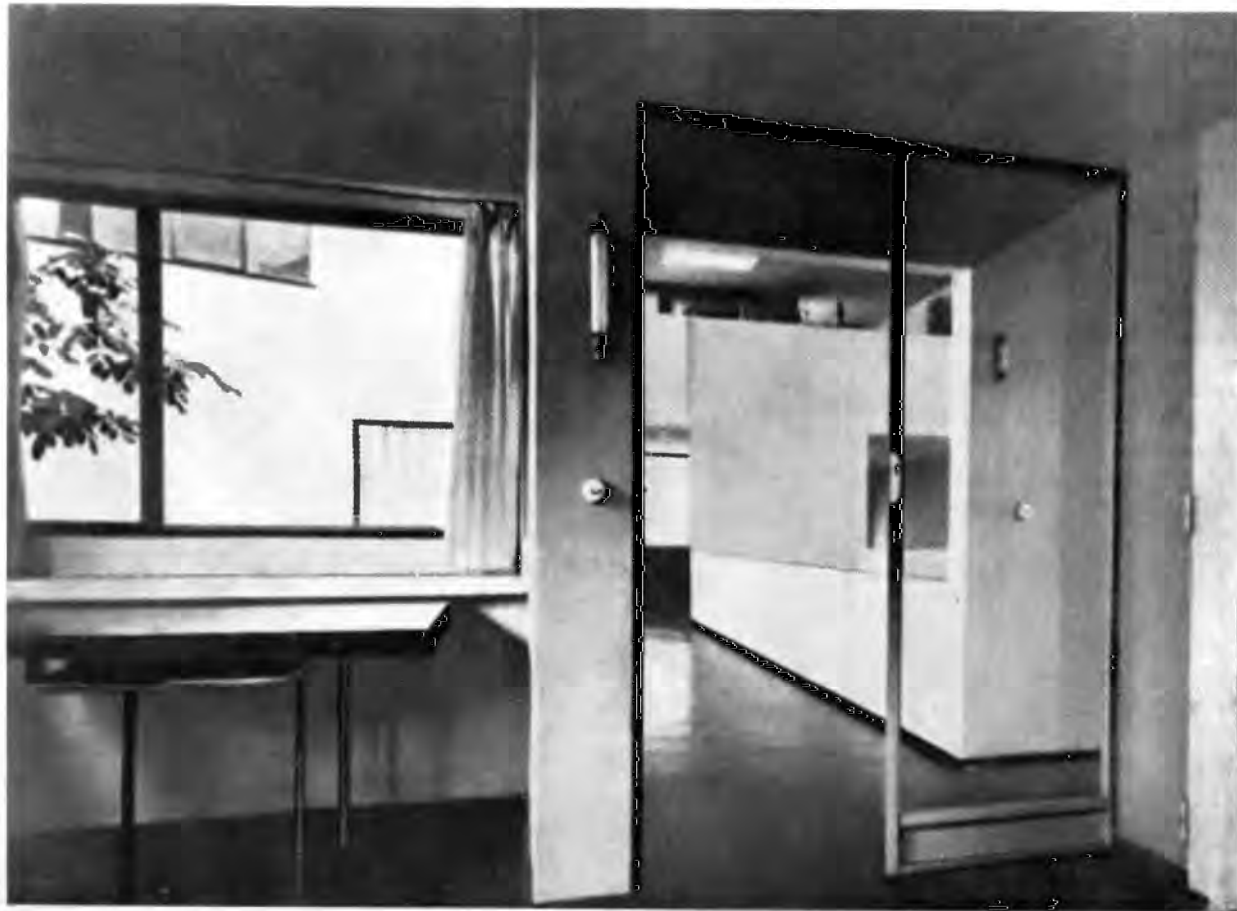

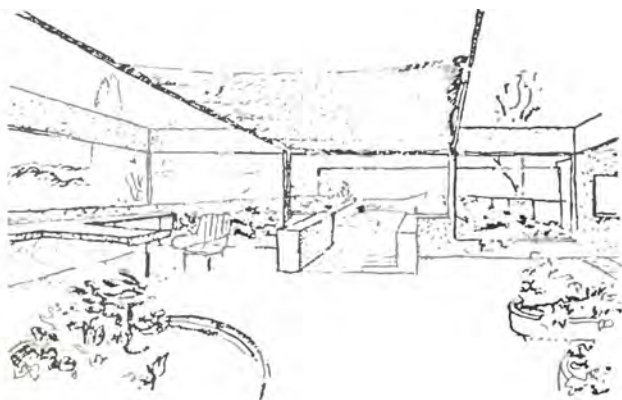
Эскизы к проекту дома для г-жи М. в Париже.
Холл.

Эскизы к проекту дома для г-жи М. в Париже.
Гостиная.

Вилла Ля Роша и А. Жакере в Отёне в Париже.
Интерьер.

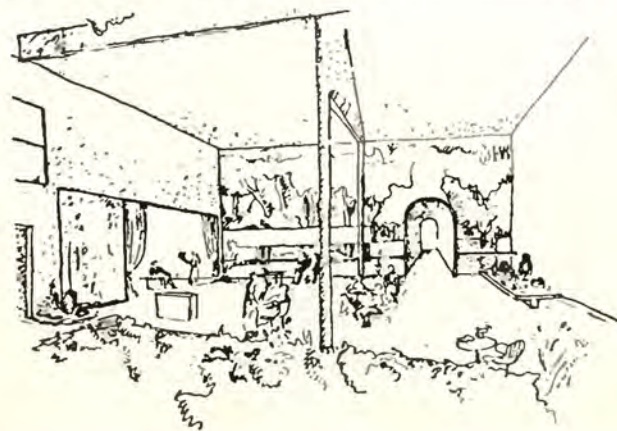
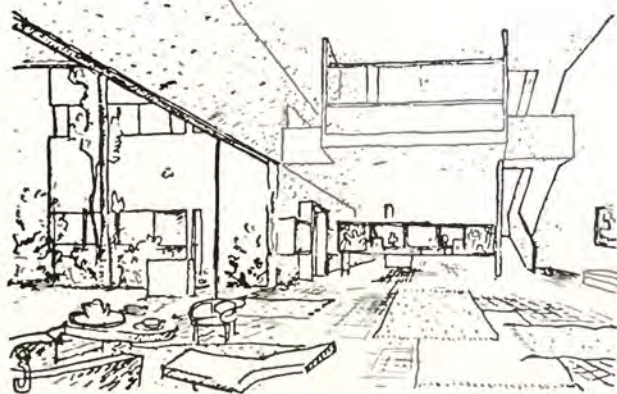

Эскизы к проекту дома для г-жи М. в Париже.
1925. Сад на крыше.

Поселок Пессак под Бордо, 1925.

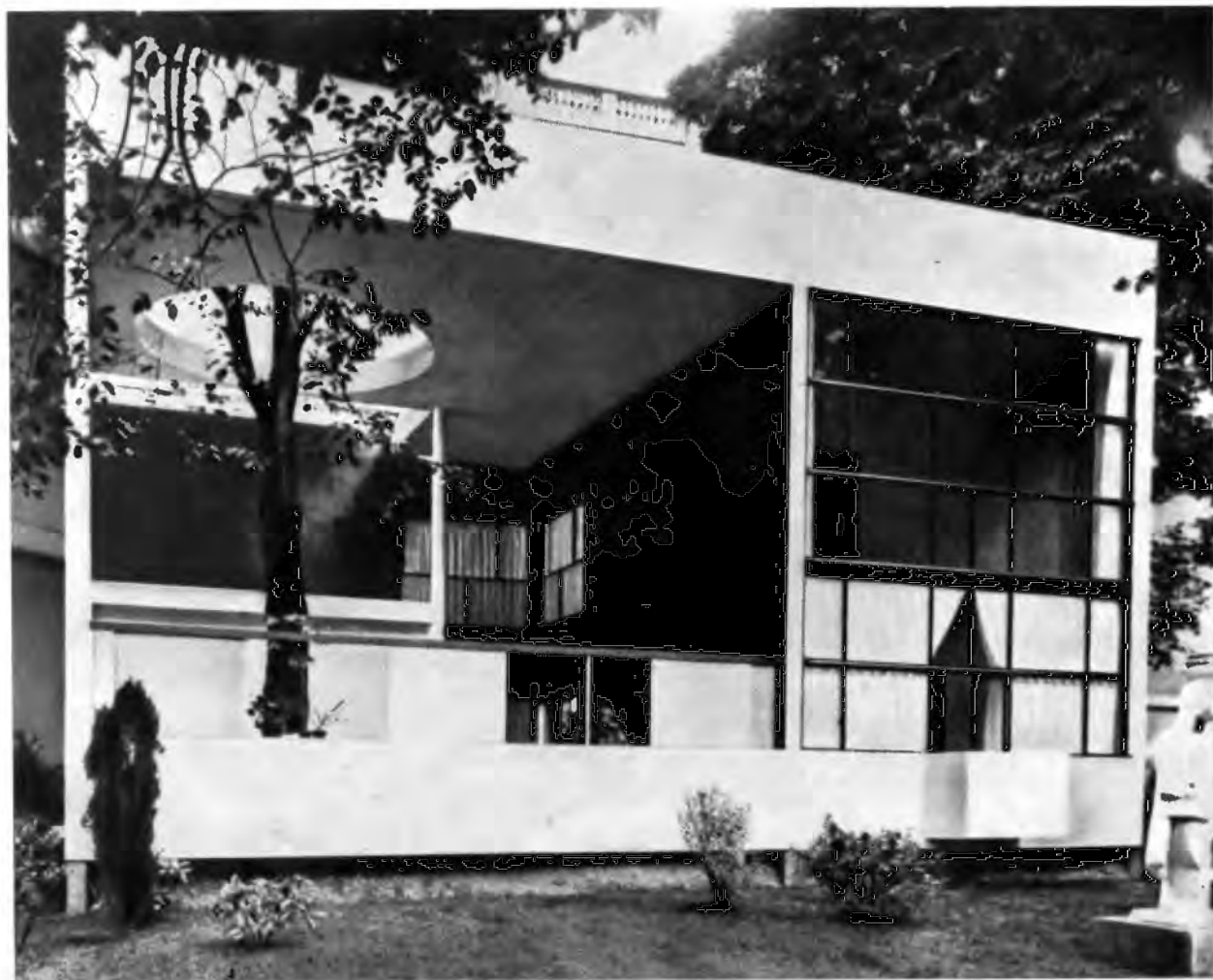
Павильон «Эспри нуво» на Международной
выставке декоративного искусства в Париже. 1925.
Эскизы к проекту дома для г-жи М. в Париже.
Интерьеры.

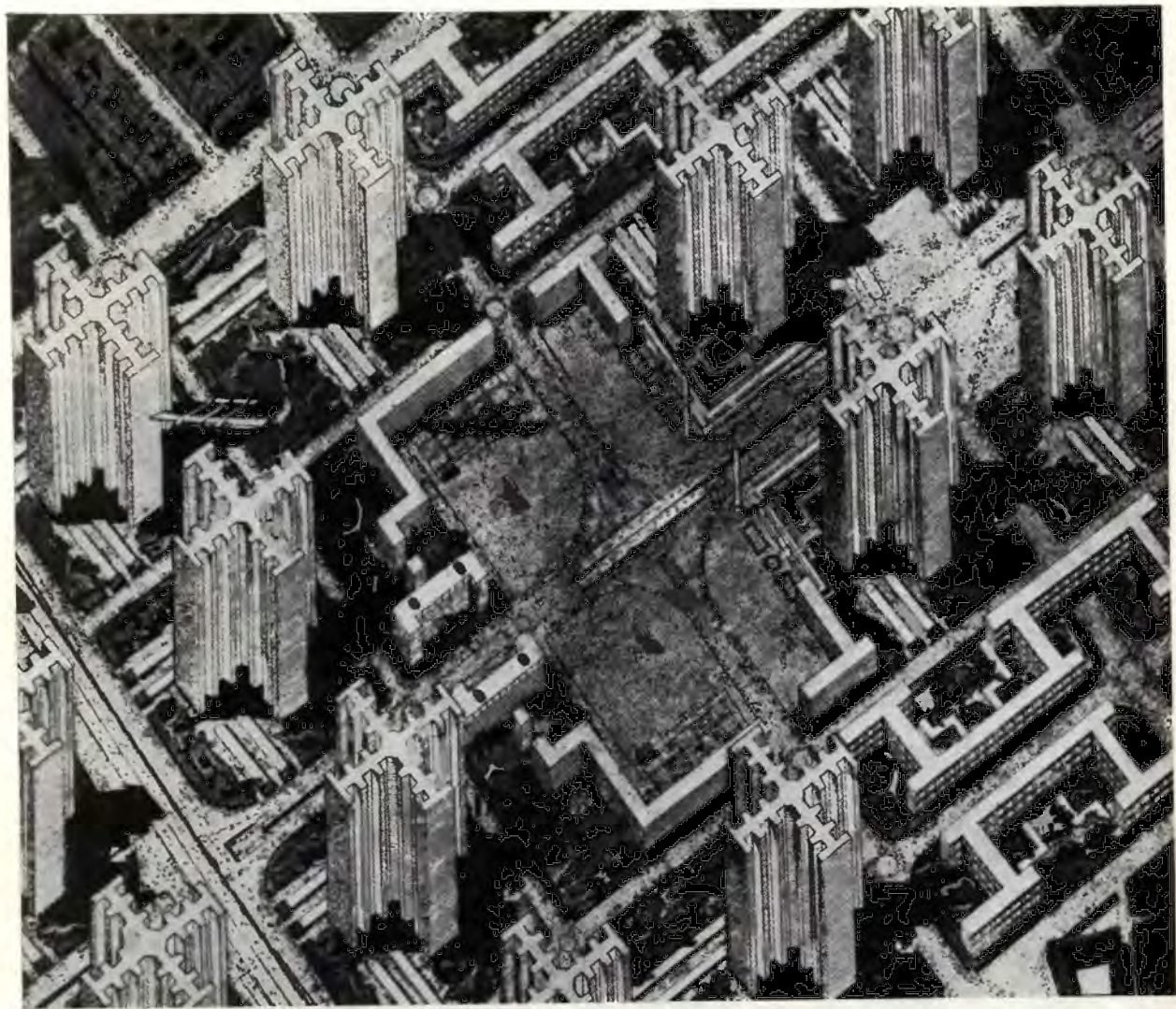

Павильон «Эспри нуво» на Международной выставке декоративного искусства в Париже. Интерьер.

Павильон «Эспри нуво» на Международной выставке декоративного искусства в Париже. Общий вид павильона.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Стремление постичь некую отвлеченную истину опустошает разум. Человеческий разум обогащается только в познании реального мира.

Макс Жакоб, 1924

Город есть орудие труда.

Города больше не выполняют нормально своего назначения. Они становятся бесплодными; они изнашивают тело и противятся здравому смыслу.

Непрерывно возрастающая анархия городов оскорбительна, их вырождение ранит наше самолюбие, задевает наше чувство собственного достоинства.

Города не достойны своей эпохи, они уже не достойны нас.

*

Город!

Это символ борьбы человека с природой, символ его победы над ней. Это рукотворный организм, призванный защищать человека и создавать ему условия для работы. Это плод человеческого творчества.

Поэзия есть человеческий акт: создание согласованных связей между воспринимаемыми образами. Поэзия природы — это образное воссоздание разумом наших чувств. Город — это мощный образ, действующий на сознание человека. Разве не может он быть для нас истинным поэтом и сегодня?

*

Геометрия есть средство, с помощью которого мы воспринимаем среду и выражаем себя.

Геометрия — это основа.

Кроме того, она является материальным воплощением символов, выражающих все совершенное, возвышенное.

Она доставляет нам высокое удовлетворение своей математической точностью.

Машина идет от геометрии. Следовательно, человек нашей эпохи своими художественными впечатлениями обязан в первую очередь геометрии. После столетия анализа современное искусство и современная мысль рвутся за пределы случайного, и геометрия приводит их к математическому порядку и гармонии. Эта тенденция усиливается с каждым днем.

*

Дом вновь ставит проблему архитектуры, поднимая одновременно вопрос о совершенно новых способах разрешения этой проблемы, о со-

вершенно новом плане, отвечающем новому образу жизни, вопрос об эстетике, выражающей дух эпохи.

*

Приближается один из тех исторических моментов, когда страсть и энергия коллектива способны всколыхнуть целую эпоху (как пангерманизм 1900—1920 годов или как вера первых христиан).

Такая страсть управляет всей деятельностью людей и сообщает ей ту или иную окраску.

В наше время это страсть к точности, доведенной до степени некоего идеала, это поиск совершенства.

Стремясь к точности, нельзя быть пораженным: здесь требуются постигаемая воля и твердость характера. Наша эпоха не допускает разрядки, расслабления. Она утверждает себя в действии. Пораженцем нельзя быть ни в каком серьезном деле (как, впрочем, нельзя быть ни глянцем или скептиком); нужно верить, нужно укреплять в человеке его положительное начало.

Мечтая о новых городах, пораженцем нельзя быть уже потому, что здесь нужно заранее отречься от многих прописных истин. Ныне мы можем говорить о новом градостроительстве, поскольку время его уже наступило: страсть и энергия коллектива возбуждены самыми простыми потребностями и направляются высоким стремлением к истине. Пробуждающийся разум уже перекраивает всю общественную структуру.

Накопленный опыт, по-видимому, подсказывает возможное решение проблемы, и выдвинутые гипотезы подкрепляются вескими данными статистики. Наступает один из тех моментов, когда страсть и энергия коллектива способны привести в движение целую эпоху.

*

В прошлом году я работал над этой книгой в пору летнего парижского затишья. Это неожиданное отсутствие городского шума, это спокойствие внушили мне мысль, что я, быть может, чересчур увлекся значительной темой, оторвался от действительности.

Но вот наступило первое октября. Предрасветные сумерки на Елисейских полях, и... вдруг начинается какое-то столпотворение. На смену пустоте приходит бешеное движение. Возбуждение растет день ото дня. Человек выходит из дому и сразу же, не успев опомниться, становится данником смерти: идут автомобили. Я вспоминаю свою студенческую юность; тогда, двадцать лет назад, мостовая целиком принадлежала пешеходу: па ней можно было стоять, разговаривать, петь... мимо тихо проплывали омнибусы, влекомые лошадьми.

Первого октября мы становимся свидетелями важного события — титанического возрождения того нового, порывы которого были заглушены тремя летними месяцами, — движения транспорта. Всюду автомобили, они несутся все быстрее и быстрее!

Казалось бы, наблюдая за этими сверкающими в свете фар стремительными экипажами, человек должен преисполниться какого-то особого энтузиазма, поведомых ему прежде ощущений. Но этого не происходит. Возникает лишь ощущение силы, простодушное и искреннее удовольствие от своей причастности к этой силе, к этой мощи. Человек сознает себя частицей этого зарождающегося общества и иерит, что оно найдет великолепное применение своим неиссякаемым возможностям.

Но эта мощь напоминает бурный грозовой поток, сметающий все на своем пути. Город крошится, будучи уже не в силах устоять перед таким напором. Жизнь ломается. Город слишком стар. У потока нет русла. Это грозит катаклизмом. Это нечто совершенно ненормальное: покой и равновесие нарушаются день ото дня.

Теперь каждый из нас чувствует нависшую над ним угрозу. Заметим, кстати, что за какие-нибудь несколько лет люди позабыли все радости бытия (извечное удовольствие от вольной ходьбы исчезло; человек стал похож на затравленного зверя; в городах словно воцарился панический воля «спасайся кто может»¹; сместились привычные понятия; извратились, приобрели негативный смысл все принятые нормы жизни).

Для исцеления от этого недуга нам предлагают кое-какие средства, но очень уж робкие, чересчур похожие на тот ребяческий пыл, с ка-

ким деревенские жители в снежке и смятении устраивают импровизированные запруды, стараясь преградить путь вспученному грозовому потоку, бурные водовороты которого полны разрушительной силы...

15 лет назад, в годы своих долгих путешествий по миру, я постиг всю меру могущества архитектуры, но прежде мне пришлось пройти трудный путь. Архитектура, затопленная лавиной наследия минувших веков, принятого без всяких оговорок, привлекала к себе умы лишь путем сложных ухищрений и не способна была по-настоящему взволновать. И напротив, архитектура, порожденная новой средой, глубоко трогала. Сама жизнь убедила меня в том, что существует такое важное, ренающее явление, как градостроительство, хотя с этим термином я столкнулся позднее.

В ту пору я целиком отдался искусству.

Одно время я под влиянием книги австрийца Камилло Зитте² увлекался живописными старыми городами. Зитте искусно аргументировал свои положения, его концепция казалась правильной. Основана она была на прошлом. По существу, она сама по себе была прошлым, но прошлым весьма невысокого полета: нечто сентиментальное, случайный цветок на обочине дороги. То не было прошлое в его апогее, то был, скорее, период полюбовного соглашения, затишья. Красноречие Зитте как нельзя более подходило к трогательному возрождению «крыши» — причуде, словно порожденной фантазией обитателя приюта для умалишенных и так грубо столкнувшейся архитектуру с ее прямым путем.

В 1922 году, готовя по заказу Осеннего салона диораму города с трехмиллионным населением, я доверился испытанным доводам рассудка и почувствовал, что, переварив лиризм минувших эпох, я начинаю проникаться лиризмом своей, столь любимой мною эпохи.

Друзей удивляла неприлужденность, с которой я перешагивал через сегодняшние возможности. «Вы забрались в двухтысячный год», —

¹ Дело обстоит именно так: мы каждый день рискуем жизнью. Представьте себе, что вы поскользнулись на мостовой, что с вами случился обморок...

² Camillo Sitte. Städtebau nach künstlerischen Gesichtspunkten, 1889.

говорили мне. Во всех газетах писали, что я проектирую «город будущего». И все же я назвал эту работу «современным городом». Именно современным, потому что завтра — это что-то слишком уж неопределенное, вещь, которая пока никому еще не принадлежит.

Я отлично понимал, что время не ждет. 1922—1925 — как быстро промелькнули эти годы.

1925 год. Международная выставка декоративного искусства в Париже окончательно докажет бессмысленность всякой оглядки назад. Произойдет всеобщее обращение умов, страница будет перевернута.

Вполне можно допустить, что от всякого рода «прелестных» бездельиц мы перейдем наконец к серьезной работе.

Декоративное искусство скончалось. Вместе с новой архитектурой зарождается новое градостроительное искусство.

Гигантская, всепоглощающая, жесткая эволюция сожгла все мосты между нами и прошлым.

*

Недавно один молодой венский архитектор, человек во всем разочарованный, заявил, что принимает неизбежную гибель старой Европы, что теперь мы можем уповать лишь на юную Америку. «Проблема архитектуры в Европе уже не стоит, — говорил он, — нагруженные непомерным бременем прошлых культур, мы допознали до сегодняшнего дня на коленях. Мы слишком богаты, мы пресыщены, нам не хватает того целомудрия, которое способно оживить архитектуру».

«Проблема архитектуры старой Европы, — отвечал я ему, — это проблема большого современного города. Здесь может быть лишь один выбор: «да» или «нет», жизнь или медленное угасание. Но, захотев того, мы сможем продолжить жизнь. И как раз висящие над нами тяжелым грузом культуры прошлого помогут нам найти единственно правильное и твердое решение, тщательно выверенное разумом и чувством».

*

Знакомясь с дилоромой 1922 года, директор нью-йоркского «Брума» говорил мне:

«Через двести лет американцы будут любоваться строго рациональными произведениями современной Франции, французы же будут поражены романтикой небоскребов Нью-Йорка».

*

Резюме:

Между верой и неверием следует выбрать веру.

Между действием и капитуляцией следует выбрать действие.

Юность и здоровье гарантируют возможность много производить, но требуются десятки лет опыта, чтобы производить хорошо.

Усвоив предшествующие цивилизации, можно рассеять мрак и вынести здравое суждение о положении вещей. Думать, что время учения прошло, что дальше идти уже некуда, — значит быть пораженцем. Зачем считать себя стариками? XX век Европы может стать прекрасной порой зрелости нашей цивилизации. Старушка Европа не так уж стара — все это одни разговоры. Она еще полна мощи. Наш дух, угасший веками, бодр и деятелен, наше преимущество в интеллекте, тогда как Америка сильна крепкими руками и благородными порывами юности, она в первую очередь производит. Европа же мыслит. И хоронит ее пет никаких оснований...

Общие положения

ДОРОГА ОСЛОВ ДОРОГА ЛЮДЕЙ

Человек идет прямо, потому что у него есть цель, он знает, куда он идет. Избрав себе цель, он идет к ней не сворачивая.

Осел идет зигзагами, ступает лениво, рассеянно; он петляет, обходит крупные камни, избегая крутых откосов, отыскивая тень; он старается как можно меньше затруднить себя.

У человека рассудок руководит чувством; человек сдерживает свои естественные порывы, свои инстинкты во имя избранной цели. Он подчиняет разуму свое животное начало. Основываясь на опыте, он создает себе практические правила. Опыт есть результат труда; человек работает, чтобы выжить. Всякое производство предполагает какой-то определенный образ действия, необходимость подчиняться правилам опыта. Для этого надо смотреть вперед, предугадывать результат своих действий.

Осел ни о чем не думает, единственная его забота — это поскорее избавиться от всяких забот и усилий.

*

Планы всех городов нашего континента, в том числе — увы! — и Парижа, начертаны ослом.

Люди понепому заселяли землю, и по земле кое-как, с грехом пополам тащились повозки. Они двигались, минуя рвы и колдобины, камни и болота; даже ручей оказывался на их пути большим препятствием. Так возникли тропы и дороги. На перекрестках дорог, на берегах водоемов были построены первые хижины, первые дома, появились первые укрепленные поселения. Дома выстраивались вдоль дорог и троп, проторенных ослами. Поселение обносили укрепленной стеной, а в центре воздвигали здание городского управления. Дороги, проложенные ослами, были узаконены, ухожены, обжиты и пользовались всеобщим уважением. Пять веков спустя был возведен второй пояс укреплений, потом третий, еще более обширный. В тех местах, где дороги, начертанные ослами, выходили за пределы города, строились городские ворота; на заставах стали взимать въездные пошлины. Города, укрепленные лучше других, становились столицами. Париж, Рим,

Стамбул были построены на перекрестках дорог, проторенных копытами ослов.

Столицы не имеют артерий, у них есть лишь капилляры; их рост знаменуется тяжелыми недугами, а иногда приводит к смерти. Чтобы выжить, эти города уже издавна прибегают к услугам хирургов, которые без конца кромсают их.

Римляне были великими законодателями, великими колонистами и великими администраторами. Прибыв на место, к перекрестку дорог, к берегу реки, они прежде всего брались за угомер, чтобы тут же наметить будущий город — прямоугольный, четкий, с разумными пропорциями, удобоуправляемый, поддающийся чистке, — город, в котором можно было бы легко ориентироваться, свободно перемещаться, словом — город для работы (имперский город) или для досуга и наслаждений (Помпеи). Прямая линия как линия более приличествовала их римскому достоинству.

Но, увлеченные заботами об Империи, они у себя дома, в Риме, продолжали топтаться на дорогах ослов. Такова проия судьбы! Люди богатые, стремясь вырваться из столичного хаоса, стали возводить себе большие, разумно спланированные виллы (вилла Адриана).

Римляне и затем Людовик XIV были единственными великими градостроителями Запада.

Средневековые уступили патиску осла, и многие позднейшие поколения вынуждены были с этим мириться. Неудачная попытка подчистить Лувр (Колоппада) отбила у Людовика XIV охоту к такого рода экспериментам, и он приступил к более серьезным мерам. Так появился Версаль — город и замок, построенные целиком по единому плану, прямоугольному и подчиненному единому порядку. Так появились Обсерватория, Дворец инвалидов, эспланада Тюильри, Елисейские поля. Все они были вынесены за пределы старого города, все прямоугольные, пропорциональные и свободные от всякого хаоса.

Удушье было преодолено. Дальше развитие пошло по прямой линии: Марсово поле, площадь Звезды, авеню Нейи, Венсен, Фонтенбло и т. д. Казалось, грядущие поколения уже не сойдут с этого пути.

Но понепому усталость, анархия, слабость, «демократическая» система ответственности

взяли свое, и удупье возвратилось. Больше того, его оберегают, к нему стремятся, и все это во имя законов красоты.

Дорога осла превращена в религиозный культ.

*

Движение это зародилось в Германии. Оно явилось результатом воздействия книги Камилло Зитте на градостроительную практику. Книга эта представляет собой апологию кривой линии, ее непоподражаемых красот. Произвольные положения автора, его демагогические доказательства подкреплены примерами всех средневековых ремесленных городов. К. Зитте приписывал картинную живописность города за первейшее условие его жизнеспособности. Недавно в Германии на основе этой эстетики (поскольку ничего, кроме эстетики, эта концепция в себе не заключала) были построены большие городские кварталы.

Этим самым было высказано чудовищное, абсурдное презрение к нашему веку — к веку автомобилей. «Тем лучше, — заявил мне один из важных муниципальных чиновников, руководивших разработкой плана расширения Парижа, — тем лучше: машины не смогут больше двигаться по городу».

В современном городе должна господствовать прямая линия. Жилые дома, водопроводные и канализационные линии, шоссе, тротуары — все должно строиться по прямой. Прямая линия оздоравливает город. Кривая несет ему разорение, всякого рода опасности и осложнения, парализует жизнь.

Прямая линия есть путь исторического развития человека, это направление всех его помыслов и действий.

Надо набраться смелости и взглянуть с восхищением на прямоугольные города Америки. Быть может, эстету они покажутся непривлекательными, но моралист, напротив, должен к ним приглядеться особенно внимательно.

*

Кривая улица — это дорога ослов, прямая улица — дорога людей.

Кривая улица есть результат прихоти, неряшливости, беснечности, лени, животного начала.

Прямая улица — результат напряжения, деятельности, инициативы, самоконтроля. Она полна разума и благородства.

Город — это место жизни и напряженной работы.

Народы, общества, города, склонные к беснечности, небрежению, подверженные лени и праздности, быстро сходят со сцены. Их побеждают и ассимилируют другие народы, более деятельные и организованные.

Именно так умирают города, и на смену одним империям приходят другие.

Порядок

Прямой угол есть необходимый и достаточный инструмент для работы, поскольку с его помощью можно самым точным образом отмерить пространство.

Дом, улица, город являются объектами приложения человеческого труда; они должны быть упорядоченными, иначе они вступают в противоречие с основными принципами, которыми мы руководствуемся, порождают всевозможные прегнетствия, стесняют нас, точно так же как нас стесняет природная среда, с которой мы боремся и боремся всякий день.

*

Если я «ломлюсь в открытые двери» (о чем мне говорили еще в 1923 году, после публикации моей книги «К архитектуре»), то лишь потому, что в градостроительстве, равно как и во многих других сферах человеческой деятельности, влиятельные лица, занимающие командные посты в битве идей, в битве за прогресс, — люди, движимые педовверием ко всему новому и крайне неуместной в таком деле, пагубной, преступной септиментальностью, пагучо заперли эти двери. Они хотят утаить от самих себя и от других вклад предшествующих тысячелетий, пытаются скрыть его за пелесой словесных ухищрений, закрыть глаза на неизбежный ход событий. *Движение к порядку* они стараются уподобить робким младенческим шагам, вздорной фантазии кудых умов. Так, г-н Леандр Вайя обличал меня на страницах газеты «Тан» как отравителя и как немца, что, по его мнению, уже само за себя говорило.

«... И я не премину, — писал он, — возразить им (то есть архитекторам, которые ответили бы, что ныне наступило царство логики), что существуют иные мотивы и соображения, неведомые рассудку. Быть может, чисто абстрактного удовлетворения человеку еще недостаточно для счастья, в нем заложена потребность в нелогичности, в фантазии, в красоте. Совершенный город, образцовая деревня будут напоминать на нас смертную скуку...»

Со времени последнего Осеннего салона нам следует особо подчеркивать это обстоятельство. Доводы г-на Ле Корбюзье в пользу «Города будущего» получили известное распространение; журналы, газеты, кое-кто из моих коллег, по-

видимому, поддались этому соблазну идеей, который — увы! — далеко не всегда приводит к соблазну реальностью. Кажется, эти несчастные не замечают разницы между жизнью и абстракцией, между планом старинного ФРАНЦУЗСКОГО особняка, столь одухотворенного и столь правдивого в своих кривых, и монотонным однообразием НЕМЕЦКОГО плана» («Тан», май 1923 г.)¹. Не кажется ли Вам, г-н Вайя, что здесь Вы уже хватили через край и что этот Вап последний трюк в условиях послевоенного времени несколько напоминает удар ниже пояса?

Людовик XIV и Лувр, Ленотр и Тюпльри, Дворец инвалидов, Версаль, Елисейские поля, французские сады — все это, выходит, немцы! Прежде всего, какое имеет значение, немец ты или уроженец Индокитая, когда речь идет об интеллектуальной деятельности человека? И если бы г-н Леандр Вайя, редактирующий в таком солидном органе, как газета «Тан», такой важный в этот кризисный момент раздел, как градостроение, если бы он был осведомлен в вопросах, по которым выносит свое суждение, ему было бы известно, что вся латинская цивилизация вообще и французская в частности основаны на прямой линии, тогда как кривые издавна были гораздо более типичны для Германии и северных стран (барокко, рококо, разнузданная готика и, наконец, планы современных городов). Г-н Леандр Вайя и все, кто ему симпатизирует, обожают и внедряют в градостроительство кривую линию, которая отнюдь не характерна для французской цивилизации, но, напротив, в течение последних двадцати лет является типичным германским проявлением.

¹ Как правило, я воздерживаюсь от цитирования упоминаемых мною авторов из опасения исказить смысл их высказываний. Однако в приведенных выше строках, на мой взгляд, весьма отчетливо вырисовываются все основные положения доктрины г-на Леандра Вайя и многих его единомышленников. Это доктрина «жизни», жизни многоликой, неуловимой, прогнившей и здоровой, ясной и запутанной, точной и зыбкой, логичной и алогичной, от господ бога и от самого дьявола. Наливают в один горшок всего понемногу, забалтывают, перемешивают, разогревают и прислаивают похлебке наименование «жизнь». Всякий отведавший ее может считать себя многоликой и многогранной личностью.

Солидный орган прессы, газета «Тап» с помощью г-на Леандра Вайя, человека обаятельного и весьма падкого на мелкие архитектурные сенсации, занимается дезинформацией своих читателей.

*

Мы утверждаем, что человеку свойственно стремление к порядку, что все его действия и мысли направляются прямой линией и прямым углом; что он выбирает прямую инстинктивно и что в его сознании она рисуется ему как возвышенная цель.

Человек — продукт природы, и он по-своему организует природу, он действует и соответствует ее законам, он как бы читает эти законы, человек сформулировал их и создал стройную систему, основанную на рациональном знании. Опираясь на эту систему, он действует, приобретает, производит. Знание не противопоставляет его природе, напротив, оно приводит его к согласию с ней; следовательно, у него есть основание действовать подобным образом и никак иначе. Что произошло бы, если бы человек придумал систему, которая, будучи сама по себе абсолютно логичной, противоречила бы законам природы, и если бы он решил перейти от таких умозрительных построений к их осуществлению на практике? Он тут же споткнулся бы, не успев сделать и шага.

Перед нашим взором природа предстает в хаотических формах: небесный свод, очертания озер и морей, контуры холмов. Расчлененный, разрезанный, зыбкий ландшафт, простирающийся перед нами, создает впечатление какой-то путаницы. В нем ничто не напоминает те вещи, которые мы создаем и которыми себя окружаем. Когда мы смотрим на природу в упор, мы видим лишь ее случайные внешние проявления.

Природой движет дух порядка, мы учимся его познавать. Мы отличаем то, что мы видим, от того, что мы узнаем или знаем. Вся человеческая деятельность направляется знанием. Итак, мы отбрасываем внешнюю оболочку вещей, с тем чтобы проникнуть в их сущность.

Когда я разглядываю какого-нибудь отдельно человека, я вижу лишь единичное явление и ряд случайных, необязательных признаков; мое понятие о человеке складывается не из того, что

я в данный момент вижу, но из того, что я о человеке знаю. Когда человек обращен ко мне лицом, я не вижу его спины; если он протягивает мне руку, я уже не различаю отчетливо его пальцев, хотя я знаю, как выглядит его спина и как устроена кисть его руки, какую она имеет форму и для каких функций приспособлена.

Закон всемирного тяготения обеспечивает нам решение проблемы столкновения различных сил и поддержания равновесия во Вселенной; благодаря этому закону существует вертикаль. Горизонт рисует горизонтальную линию как абстрактное выражение покоя. Вертикаль, пересекаясь с горизонталью, образует два прямых угла. Вертикаль и горизонталь неизменны. Прямой угол — это как бы интеграл сил, поддерживающих мир в равновесии. Есть только один прямой угол, но существует бесконечное множество других углов. Следовательно, прямой угол обладает определенным преимуществом перед всеми другими углами: он единственный и постоянный. Для работы человеку требуются постоянные величины. Без них он не сможет сделать и шагу. Можно сказать, что прямой угол — это необходимый и достаточный инструмент для работы, поскольку с его помощью можно самым точным образом отмерить пространство. Прямой угол имеет законное право на существование, больше того, являясь составной частью нашего детерминизма, он обязателен.

Вот, г-н Леандр Вайя, что вызывает у Вас такое негодование. Но я пойду дальше и задам Вам такой вопрос: взгляните окрест, перенеситесь мысленным взором за горизонт и в глубь тысячелетий и скажите мне, действовал ли когда-либо человек иначе как с помощью прямого угла, и есть ли вокруг Вас что-либо, кроме прямого угла? Такой опыт совершенно необходим. Прделайте его, и тогда по крайней мере мы определим основу для дискуссии.

Чтобы обезопасить себя, человек создает в окружении природных стихий особую среду, некую защитную зону, соответствующую его сущности и его мышлению; человеку нужны ориентиры, защищенные пространства, внутри которых он мог бы чувствовать себя в безопасности; ему нужны условия для самоопределе-

ния. Все, что он делает, есть творчество, которое тем резче отличается от естественной среды, чем больше его цель диктуется сознанием. Можно сказать, что чем дальше человеческая деятельность уходит от простейших реакций на внешние раздражения, тем ближе она к чистой геометрии: если, скажем, скрипка или стул — вещи, непосредственно соприкасающиеся с нашим телом, — построены на геометрии прикладной, то город — это уже чистая геометрия. Человек, наделенный свободной волей, тяготеет к чистой геометрии. В этом случае он создает порядок.

Порядок ему необходим, без него все его действия теряют согласованность, логическую взаимосвязь. Человек привносит в понятие порядка идею совершенства. Чем совершеннее порядок, тем спокойнее и увереннее чувствует себя человек. Он делает умозрительные построения, основываясь на порядке, который продиктован ему потребностями его организма, — это творческий процесс. Человеческое творчество есть акт упорядочения. Если смотреть на человеческие творения с высоты, они предстают в виде геометрических фигур. Когда мы прокладываем по крутым горным склонам дорогу, ведущую к перевалу, лента этой дороги представляет собой ясную геометрическую функцию, выделяющуюся своей точностью на фоне окружающей ее сумятицы.

На высшей ступени творчества мы стремимся к наиболее строгому порядку. Это художественное творчество. От хижины дикаря до Парфенона человек проделал большой путь отбора, сортировки и оценки. Если произведение исполнено порядка и гармонии, оно переживает века, оставаясь в нашем сознании как предмет, достойный восхищения. Это уже произведение искусства, в нем нет уже ничего взятого непосредственно из природы, хотя оно и подчиняется ее законам.

Это тоже способно повергнуть Вас в ужас, г-н Вайя. Ваша христианская любовь к корявым и неуклюжим вещам уязвлена при одной мысли о том сверкающем кристалле, который мне хотелось бы создать. Вы не единственный, кто стремится увековечить в людях привязанность к насторалим триангонов. Если бы взгляды, разделяемые Вами и Вашими единомыш-

ленниками, утвердились в градостроительной практике, это привело бы к упадку городов и целых областей, к гибели отечества, так как мы оторвались бы от нашей среды. Человек вгрызается, врывается в природу, сражается с ней и тем утверждает себя! В этом есть что-то ребяческое и вместе с тем величественное!

Так он делал всегда, так он построил свои дома и города. В его работе всегда царил и царит человеческий, геометрический порядок, которым отмечены все великие цивилизации и который оставил в истории человечества блистательные вехи, составляющие предмет нашей гордости и указующие нам путь вперед.

Ваши излюбленные кривые улицы и кривые крыши суть результат лени, свидетельство неудач. Поэтому Вам не следует расточать на страницах Ваших газет похвалы тем, кто не способен справиться с промахами и провалами.

*

Свайные доисторические поселения; хижины первобытных людей; храмы Древнего Египта и Вавилона, ставшие для нас синонимом великолепия; Пекин — город высокой культуры Китая — свидетельствуют, с одной стороны, о том, что прямой угол и прямая линия неотступно сопутствуют всякому проявлению человеческой деятельности (человек, создавая и совершенствуя свои орудия, практически исходит от прямого угла и в принципе возвращается к нему же). С другой стороны, они демонстрируют величие и мощь человеческого разума, выражающего себя посредством прямого угла; доказывают неоспоримое совершенство и неуязвимость уникальной, законченной и стройной системы, способной соединиться с идеей свободы, победы над тиранией, идеей чистоты — основы всех религий.

Париж с его беспокойными скоплениями огромных людских масс подобен кипящей вулканической лаве. Многовековая стоянка кочевников, стекающих сюда по всем великим мировым путям; вместилище мощи, очаг разума, призванного просветить мир, Париж врывается в свои дебри и, несмотря на все выпавшие на его долю бедствия, тяготеет к порядку, к прямым линиям и прямым углам, к организации — залогом его жизнеспособности, здоровья и долго-

вечности, к порядку, который является необходимым условием утверждения его ясного духа и красоты.

*

Если посмотреть с неба на бурную и сложную жизнь земли, можно заметить, что во все времена и на всех широтах усилия людей сводились, в сущности, к одному. Храмы, дома, города представляют собой ячейки единого образа, соразмерные одному человеческому масштабу. Про человека, как и про пчелу, можно сказать, что это животное, строящее геометрические ячейки.

Теперь нам остается признать, что, запесенные внезапным, стихийным, непредвиденным, чудовищным потоком в большие города, захваченные врасплох, поставленные в тупик, брошенные на произвол судьбы, мы в течение последних ста лет оставались в бездействии. Водарился хаос со всеми его неизбежными последствиями. Большой город, порождение динамических сил, утратив свой геометрический порядок, грозит нам катастрофой.

Современный город

На основе экспериментальных исследований и теоретических выводов я разработал план современного города с трехмиллионным населением. Эта работа экспонировалась в ноябре 1922 года в парижском Осеннем салоне. Она вызвала известное замешательство; некоторые пришли в негодование, другие встретили проект с энтузиазмом. Мною было предложено весьма крутое, исключавшее всякий компромисс решение проблемы. Выставленные на всеобщее обозрение планы не сопровождались комментариями, а в планах — увы! — способе разобраться не каждый. Чтобы ответить на все основные вопросы, мне пришлось бы постоянно паходиться у стенда. Эти вопросы, вызванные глубокой заинтересованностью зрителей, заслуживают большого внимания и не должны оставаться без ответа. Когда впоследствии мне предложили написать это исследование и изложить в нем новые принципы градостроительства, я твердо решил *прежде всего* ответить на эти вопросы. Я пользовался двумя категориями аргументов: во-первых, ссылками на общечеловеческие, духовные факторы, на психологию людей; во-вторых, ссылками на историю и статистику. Таким образом, я постоянно держал в поле зрения человека, не отрываясь при этом от его жизненной среды.

По-видимому, мне удалось уже пройти известные этапы на этом пути и вооружить читателя некоторыми истинами. Поэтому, развивая перед ним в дальнейшем свои планы, я вправе ожидать, что его удивление не будет впредь походить на оцепенение, а опасения — на замешательство.

Современный город с трехмиллионным населением

Действуя подобно экспериментатору в лаборатории, я избегал частных вопросов, исключил все элементы случайности: я обеспечил себе идеальные условия для исследования.

Цель состояла не в том, чтобы показать существовавшее прежде положение вещей, а в том, чтобы **СОЗДАТЬ ЧЕТКУЮ ТЕОРИЮ И НА ЕЕ ОСНОВЕ СФОРМУЛИРОВАТЬ ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА**. Эти принципы, если они достаточно обоснованы, могут составить костяк всей системы современного градостроительства; они станут чем-то вроде *правил игры*.

Опираясь на выявленные истины, можно смело заняться рассмотрением всех частных случаев — будь то Париж, Лондон, Берлин, Нью-Йорк, будь то самый крохотный городок — и начинать разработку плана предстоящего сражения. Дело в том, что реконструкция крупного современного города — это поистине великая битва. А можно ли вступать в сражение, не зная и точности целей, которых с его помощью собираешься достигнуть? Мы находимся именно в такой ситуации. Власти, поставленные в тупик, бросаются во всякого рода авантюры, прибегая к помощи пеших и конных жандармов, звуковых сигналов и светофоров, навесных переходов, подземных пешеходных дорожек, городов-садов, упраздняют трамвай и т. п. Делаются отчаянные усилия, чтобы сдержать дикого зверя. Но *зверь* — Большой Город — слишком силен, так можно лишь пробудить его ярость. Что придумают завтра?

Нужна программа действий¹.

Нужно располагать основными принципами современного градостроительства.

Ровная территория — это идеальная территория. Всюду, где возрастает движение транспорта, ровная территория позволяет найти простое решение проблемы. Там, где движение менее насыщено, фактор рельефа не имеет столь большого значения.

Река протекает вдали от города. Река — это железная дорога на воде, вокзал для грузов, сортировочная станция. В хорошем доме служебная лестница никогда не пересекает гостиную, даже если горничная-бретонка — кокетливая особа (даже если зеваки любят глазеть с мостов на проходящие мимо суда).

НАСЕЛЕНИЕ

Горожане, жители пригородов, население смешанного типа.

а) Горожане — те, что постоянно живут с семьями в городе и служат в его деловом центре.

б) Жители пригородов — те, что работают на окраинах, в фабрично-заводской зоне и не ездят регулярно в город; живут в городе-саде.

в) Население смешанного типа — те, что служат в деловом центре города, но живут с семьями в городах-садах.

Выявить эти категории жителей (и, выявив их, **ОБЕСПЕЧИТЬ НА ПРАКТИКЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕХОДА ИЗ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ В ДРУГУЮ**) — значит вплотную подойти к проблеме градостроительства: определив места проживания этих трех основных континентов городского населения, обозначив предел заселенных ими районов, мы тем самым получаем возможность решения трех следующих аспектов проблемы:

1) городской *центр* с его деловыми кварталами и жилыми районами;

2) *промышленный город* и *города-сады* (средства сообщения между ними);

3) *города-сады* и *общественный транспорт*.

Должен получить признание такой важный орган большого города, как *центр* — правильно спланированный, плотно заселенный, сконцентрированный на небольшой территории, деятельный и эффективный. Другой, обширный, гибкий

¹ Тут же сыгнется град замечаний! Например, необходим контроль, как его осуществить? А что, если будет допущена серьезная ошибка? Как совместить разумные меры с поэтическими мечтаниями? Пресса с восторгом хватается за всякого рода идеи (и за враки тоже). Так, газета «Энтрапизикан», которая вот уже два года задает тон этой кампании, заявляет: «Что касается заграничных городов, то их следует возводить в необжитых районах». Ничего подобного, опыт показывает, что следует прежде заняться старыми городами. Журнал «Импостраспон» сообщает нам о предложении одного из крупнейших и наиболее трезвых архитекторов, который по сему случаю дает такой рискованный совет: окружить Париж кольцом небоскребов! Мое мнение — небоскребы следует возвести в *центре города*, а не на окраинах — воспринимается как поэтическая мечта, на практике совершенно неприемлемая.

и эластичный орган — *город-сад* (пригородный пояс).

Между этими двумя органами должна быть учреждена в законодательном порядке совершенно необходимая городу защитная и резервная зона: пространство, покрытое лесом и лугами, зона чистого воздуха.

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

Чем выше плотность городского населения, тем меньшие расстояния приходится преодолевать горожанину. Отсюда вывод: **УВЕЛИЧИТЬ ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ЦЕНТРЕ ГОРОДА. СРЕДОТОЧНИ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ.**

ЛЕГКИЕ

Современный труд становится все более и более интенсивным, все более опасным для нашей нервной системы. Он требует спокойной обстановки, здорового, свободного от всяких вредных примесей воздуха.

В современных городах плотность населения возрастает в ущерб зеленым насаждениям, которые являются легкими города.

В новом городе наряду с ростом плотности населения должны значительно увеличиться озелененные пространства.

Итак, *увеличить площадь зеленых насаждений и сократить расстояния.* Для этого потребуются строить центр *в высоту*.

Жилые дома центральной части города не должны образовывать пыльных и суматошных улиц-коридоров и сумрачных дворов.

Городской жилой дом может не иметь двора и далеко отстоять от улицы, его окна будут обращены в сторону парков и садов (жилые участки с «уступами», «замкнутые» участки).

УЛИЦА

Теперешняя улица — это, если употребить морское выражение, суша, которую сверху обпили мостовой и под которой прорыли несколько линий метро.

Новая улица должна быть совершенно особым организмом, чем-то вроде длинного завод-

ского корпуса, со сложной системой городских коммуникаций, доступ к которым должен быть всюду, где в этом может возникнуть необходимость. Пол этого своеобразного заводского корпуса будет отвечать самым различным назначениям. Улица со всеми ее атрибутами должна возникать не сама по себе, а планомерно *строиться*, точно так же как строятся окоимляющие ее по традиции дома или мосты, которые перебрасывают ее через ложбины на местности или через реки.

Современная улица должна быть *педевром инженерного искусства*.

Улица-коридор впрямь не может быть терпима, поскольку она отравляет стоящие на ней дома и порождает замкнутые дворы.

ДВИЖЕНИЕ ТРАНСПОРТА

Средства городского транспорта больше, чем что-либо другое, поддаются классификации.

До сих пор такая классификация не осуществлена. Лавина машин, хлынувшая в коридоры улиц, — это взрывчатка, брошенная в толпу. Пешеход жертвует жизнью. И при всем том движение *парализуется*. Жертва пешехода напрасна.

Надо разделить все средства городского транспорта на следующие основные типы:

- а) тяжелые грузовики;
- б) легкие фургоны (которые перемещаются с грузом на небольшие расстояния в любых направлениях);
- в) легковой и общественный транспорт.

В соответствии с этим планируются три основных типа улиц, расположенных одна над другой.

1. Под землей — для тяжелых грузовиков. Находящиеся на этом уровне этажи здания представляют собой столбы, между которыми имеются широкие свободные пространства, где происходит погрузка и разгрузка товаров.

2. На уровне первых этажей зданий устраивается сложная и гибкая система улиц обычного типа, которая обеспечивает транспорту возможность самых сложных маневров.

3. Две осевые артерии города: север — юг, восток — запад — *автодромы для скоростного одностороннего движения*. Они представляют

ебой бетонные эстакады шириной от 40 до 60 м, имеющие через каждые 800—1200 м съезды на лежащие под ними улицы обычного типа. В этих местах машины будут въезжать на эстакаду-автодром и пересекать затем на большой скорости город или направляться в пригороды, не встречая на пути никаких перекрестков.

Тепереннее число улиц *должно быть сокращено на две трети*. Число перекрестков находится в прямой зависимости от числа улиц. Перекрестки немного увеличивают количество улиц. *Перекресток — враг уличного движения.*

Расстояние между двумя станциями метро может быть принято как разумный коэффициент расстояния между перекрестками улицы. Этот коэффициент обусловлен скоростью автомобилей и допустимыми пределами выносливости пешехода. В среднем 400 метров — нормальное расстояние между улицами, это единица отсчета всех городских расстояний. Таким образом, мой город расположен на прямоугольной сетке улиц при ширине каждой клетки 400 метров, в некоторых случаях пересекаемой надвое.

Тройная система расположенных одна над другой улиц соответствует режиму движения автомобильного транспорта (грузовиков, легковых автомобилей и автобусов), этих быстроходных и маневренных машин.

Нет смысла сохранять рельсовые экипажи, если только они не составляют поезд и не обеспечивают тем самым большой объем перевозок, как, например, метро или пригородные поезда. *Трамвай впредь будет лишен права гражданства в центре современного города.*

Квадратный квартал со стороной 400 метров будет иметь площадь 16 гектаров и население от 6 до 50 тысяч человек в зависимости от назначения расположенных в нем зданий: жилых домов или учреждений. Средняя длина перегона парижского метро (400 метров) должна, естественно, быть принята и при строительстве новых линий, и станции метро будут, таким образом, находиться в центре каждого квартала. По двум осевым артериям города двумя этажами выше автодромов проходят въездные линии метро, конечные станции которых расположены в четырех крайних точках предместий (в городах-садах). Эти линии составляют систему всей

сети метрополитена. Кроме того, под двумя главными артериями города имеется второй подземный этаж, где проходят поезда пригородного сообщения; движение одностороннее (с петлевым маршрутом) и непрерывное. И наконец, по третьему подземному этажу проложены четыре крупные железнодорожные линии, ведущие по четырем основным направлениям в другие города и страны.

ВОКЗАЛ

Вокзал всего один. Он может быть расположен только в центре города. Это единственное возможное для него место, и не имеет никакого смысла искать другое. Вокзал — это втулка колеса.

Прежде всего вокзал должен быть подземным сооружением. Его крыша на уровне третьего этажа обычного здания является одновременно *аэропортом для аэротакси*. Этот аэропорт¹ (связанный с главным городским аэропортом, который расположен в зеленой защитной зоне) должен находиться в непосредственной близости от метро, пригородных железнодорожных линий, поездов дальнего следования, от осевых автострад и административных транспортных служб.

¹ В 1923 г., через восемь месяцев после Осеннего салона, «Энтрапсжан» объявила: «Английская идея: аэропорт на крыше вокзала».

План города

Основные принципы:

- 1) ЛИКВИДАЦИЯ ЗАТОРОВ В ЦЕНТРЕ ГОРОДА.
- 2) УВЕЛИЧЕНИЕ ПЛОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ.
- 3) УВЕЛИЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОРОДСКОГО ТРАНСПОРТА.
- 4) УВЕЛИЧЕНИЕ ПЛОЩАДИ ЗЕЛЕННЫХ НАСАЖДЕНИЙ.

В центре — *вокзал* с посадочной площадкой для самолетов-такси.

Север — юг, восток — запад — дороги-эстакады для скоростных автомобилей (ширина 40 метров).

У подножия небоскребов и вокруг них — площадь 2400 метров × 1500 метров (3 640 000 кв. метров), покрытая садами, аллеями деревьев. В нарках вокруг небоскребов расположены рестораны, кафе, первоклассные магазины, ступенчатые здания, состоящие из двух или трех террас, театры, концертные залы и т. п., гаражи или открытые стоянки автомобилей.

В небоскребах размещены учреждения.

Справа находятся большие общественные здания: музеи, ратуша, городские службы. Еще левее — английский сад (ландшафтный парк). Он является логическим продолжением центра города.

Справа от эстакады отходят ответвления в сторону складских помещений и промышленных кварталов с товарными станциями.

Город опоясывает зеленая *защитная зона* — лес и луга.

Вслед за ней идет широкий пояс *городов-садов*.

Итак, в центре — *центральный вокзал*:

а) платформа: аэропорт площадью 200 000 кв. метров;

б) антресоли-эстакада для движения скоростных автомобилей с одним-единственным перекрестком в виде спирального разъезда;

в) уровень мостовой: холлы и кассы метро, станции железных дорог пригородного и дальнего сообщения, аэровокзал;

г) первый подземный этаж: станции и линии метро;

д) второй подземный этаж: железнодорожные линии пригородного сообщения;

е) третий подземный этаж: железнодорожные линии дальнего следования (на север, на юг, на запад и на восток).

ДЕЛОВОЙ ЦЕНТР

Он состоит из 24 небоскребов, каждый из которых способен вместить от 10 до 50 тысяч служащих. Деловой центр — это учреждения, гостиницы и т. п.; от 400 до 600 тысяч жителей.

Население города, живущее в домах с «уступами» или «замкнутых» корпусах, составляет 600 тысяч человек.

В городах-садах живет 2 миллиона человек или сверх этого.

На центральной площади расположены кафе, рестораны, первоклассные магазины, великолепный форум с зелеными массивами парков — зрелище, полное гармонии и красоты.

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ

а) Район небоскребов: 3 тысячи жителей на гектар;

б) кварталы корпусов с «уступами»: 305 жителей на гектар; квартиры высшей категории;

в) кварталы «замкнутых» корпусов: 300 жителей на гектар.

Столь высокая плотность застройки ведет к сокращению расстояний и обеспечивает быструю сообщения между отдельными пунктами.

Примечание. Средняя плотность населения Парижа в черте города составляет 364 человека на гектар; Лондона — 158 человек; плотность наиболее перенаселенных парижских кварталов — 533 человека, в Лондоне — 422 человека на гектар.

ПЛОЩАДЬ ЗЕЛЕННЫХ НАСАЖДЕНИЙ

В районах застройки зданиями типа *а* озеленено 95% всей территории (скверы, рестораны, театры).

В районах типа *б* — 85 процентов (сады, спортивные площадки).

В районах типа *в* — 48 процентов (сады, спортивные площадки).

УЧЕБНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ЦЕНТР

Университеты, художественные и политехнические музеи, общественные учреждения, ратуша.

Английский сад: его территория будет продолжением центральной части города.

Спортивные сооружения: автодром, ипподром, велодром, стадион, бассейн, цирк.

ЗЕЛЕНАЯ ЗАЩИТНАЯ ЗОНА (СОБСТВЕННОСТЬ ГОРОДА) С АЭРОДРОМОМ

Зона, свободная от всякой застройки и представляющая собой резерв для дальнейшего развития города в соответствии с планом, разрабатываемым муниципальными органами: лес, луга, спортивные площадки. Создание такой зоны путем скупки мелких владений в районах банжных предместий представляет собой одну из наиболее неотложных задач муниципалитета. Это обеспечит городу капитал, способный возрасти в десятикратном размере.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ КВАРТАЛЫ¹ НЕПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СТРОЕНИЯ

Учреждения: 60-этажные небоскребы без внутренних дворов.

Жилые корпуса с «уступами», без внутренних дворов; 6 двойных этажей; квартиры со всех сторон обращены к зеленым массивам.

Жилые «замкнутые» корпуса без внутренних дворов; 5 двойных этажей, висячие сады, система квартир с коммунальным обслуживанием (новый вид жилых домов); окна квартир выходят в сторону парков.

ЭСТЕТИКА, ЭКОНОМИЯ, СОВЕРШЕНСТВО, ДУХ СОВРЕМЕННОСТИ

Строить на вольном воздухе — такова потребность завтрашнего дня. В градостроительстве должна господствовать геометрия, ею должны диктоваться всякая линия чертежа и выбор всякого, пусть даже самого незначительного, решения.

Город наших дней гибнет оттого, что в нем отсутствует геометрия. Строить свободно, на вольном воздухе — это значит на месте несуразной, бессмысленной застройки произвести *планомерную* застройку. Вне этого нет спасения.

Чтобы ввести принцип серийности в градостроительную практику, необходима индустриализация строительства. Строительство — единственный вид экономической деятельности, которого до сих пор не коснулась индустриализация, то есть прогресс. Поэтому оно продолжает оставаться чрезмерно дорогостоящим.

Архитектор стал извращенно понимать цели своей профессии. Ему стала нравиться несуразная застройка, в которой якобы можно найти секрет оригинальных решений. Архитектор заблуждается. Впредь так можно строить лишь для богатых заказчиков, иначе строительство приносит убытки (муниципальному бюджету) либо качество его оказывается безнадежно плохим и не обеспечивает необходимых удобств. Автомобиль массового производства представляет собой шедевр удобства, точности, гармонии и вкуса.

Индустриализовав строительство, можно будет создать бригады строительных рабочих, столь же искусных и опытных, как рабочие-механики. Профессия механика родилась двадцать лет назад, а теперь механики составляют высшую рабочую касту.

Профессия каменщика возникла... в незнание времена! Каменщик работает кустарно, походя все бьет, ломает и корейзит материал. И здесь необходима индустриализация.

¹ Здесь предлагаются новые принципы проектирования промышленных кварталов. Последние застраивались, как правило, беспорядочно, были чрезвычайно грязными и неустroенными. Печальный парадокс. Промышленность, базирующаяся на строгом распорядке, должна развиваться *планомерно*. Какая-то часть индустриальных кварталов может быть заблаговременно застроена зданиями различных типов из стандартных элементов. Половина всей территории будет зарезервирована под застройку специализированными производственными помещениями. Необходимо внедрить в практику строительства заводских зданий *дуг серийности*, обеспечить возможность беспретязственного развития промышленных предприятий, прекратить строительство промышленных корпусов в случайных местах, что неминуемо приводит в дальнейшем к тесноте, и т. п.

Персонал стройки будет распределен по системе Тэйлора на несколько категорий: вознаграждение каждого рабочего должно соответствовать проделанной работе.

Хаотичная застройка поглощает все творческие силы архитектора, истощает его энергию. Созданные такой ценой произведения оказываются, по существу, несуразными, коленогами недоносками. Они могут радовать лишь того, кто знает их подоплеку, прочим они просто непонятны.

Строить надо *на вольном воздухе* как в пределах черты города, так и вне ее.

В произведении, созданном с учетом *экономики*, иерархия отдельных элементов, основанная на геометрии, будет производить на зрителя глубокое художественное впечатление.

ЭСТЕТИКА ГОРОДА

Новый коэффициент городских расстояний (400 метров) определяет весь план города. Правильная, квадратная сетка улиц, пересекающихся через каждые 400 или 200 метров, единообразна (по такому плану туристу легче ориентироваться), и все же в городе нет двух похожих один на другой объектов. Стихий геометрии создают бурную симфонию.

Въезжаем в город через английский сад. Автомобиль проносится по эстакаде; видна величественная аллея небоскребов. Приближаемся к центру. 24 небоскреба создают перспективу, уходящую к горизонту; слева, справа от них или под ними общественные учреждения; на относительно небольшом пространстве расположены музеи и университеты.

И вот мы оказываемся у подножия первых небоскребов. Между ними обширное свободное пространство, а не узкий просвет, как в Нью-Йорке. Начинаются парки: живописные купы деревьев, лужайки. Невысокие строения удлиненных пропорций тянутся вдаль и теряются в кипении листвы. Куда девались претенциозные особняки? Перед нами многолюдный *город*, в котором нет суеты, где воздух чист, где шум затухает в листве деревьев. Хаотичный Нью-Йорк побежден. Перед нами современный, полный света город.

Автомобиль съехал с эстакады и замедлил ход, теперь он тихо катит вдоль жилых кварталов. Уступы зданий создают перспективу архитектурных планов. Сады, площадки для игр, для спорта. Повсюду небо, оно просматривается вплоть до горизонта. Горизонтальные линии крыш-террас пересекают четко рисующуюся зеленую бахрому висячих садов. Соразмерность архитектурных деталей подчеркивает твердую линию крупных массивов. Стеклобетонные геометрические объемы небоскребов смягчены голубой дымкой. Голубое небо отражается в их стеклянных фасадах. Чарующее зрелище: гигантские и в то же время лучезарные призмы.

Никакой монотонности — правильная сетка 400-метровых квадратов удивительным образом преобразена архитектурой (уступы раздвигают стороны квадрата до 600 метров).

Путешественник, прибывающий на самолете из Константинополя, а быть может, и из Пекина, среди беспокойных очертаний рек и лесов вдруг замечает этот ясный контур города, рисунок, созданный человеческой фантазией.

Смеркается. Стекла небоскребов отражают полыхающую зарю.

Это не опрометчивый футуризм, не пиротехнический трюк, призванный ошеломить зрителя. Это картина, созданная пластическими средствами Архитектуры, то есть игрой освещенных форм.

Центр Парижа

«План Вуазен»¹, предусматривающий реконструкцию центра Парижа, включает в себя два существенно новых элемента: *деловой центр* и *жилой центр*.

Деловой центр расположен на территории площадью 240 гектаров, в том самом месте, где теперь находятся особенно ветхие и поздоровые кварталы Парижа: от площади Республики до улицы Лувра и от Восточного вокзала до улицы Риволи.

Жилой центр занимает территорию от площади Пирамид до площади Елисейских полей и от вокзала Сен-Лазар до улицы Риволи, что предусматривает снос кварталов, ныне по большей части перенаселенных. По плану на месте жилых домов с буржуазным по преимуществу населением должны появиться учреждения. Центральный вокзал находится между деловыми и центральными кварталами. Это подземное сооружение.

Главная ось нового плана парижского центра проходит с востока на запад от Венсена до Леваду-Перре. Она восстанавливает существовавшую некогда и совершенно необходимую городу сквозную магистраль. Главная транспортная артерия имеет в ширину 120 метров и снабжена автомобильной эстакадой с односторонним движением и без перекрестков. Основная магистраль должна разгрузить Елисейские поля, которые, по существу, не могут обеспечить бесперебойное движение больших масс транспорта, поскольку они заканчиваются тупиком — садом Тюильри².

«План Вуазен» возвращает городу его древний центр. В предыдущей главе я доказал, что практически невозможно заменить издавна сложившийся центр большого города и целиком построить новый город по соседству со старым³.

Этот план посягает на самые смрадные кварталы, на самые узкие улочки; ему совершенно не свойствен «опиортунизм», мелкие уступки каких-то пядей земли под напором перегруженных артерий. Нет, он открывает в стратегически важном пункте Парижа блестящую сеть транспортных коммуникаций. Там, где ныне улицы 7—9—11-метровой ширины перескакают через каждые 20—30 или 50 метров, он устанавливает квадратную сетку артерий шириной 50, 80 и 120 метров, пересекающихся через 350 или

400 метров. Он возводит крестообразные в плане небоскребы в центре квадратных застроенных участков, он строит город *вверх*, он подбирает распластанные на земле жилые ячейки и располагает их паверху, в окружении воздуха и света.

Отныне на месте сплюснутого и стиснутого города (когда мы впервые видим его *снизи* с самолета, они производят пугающее впечатление) появляется новый город, устремленный высь, доступный воздуху и свету, ясный и лучезарный. Территория, покрытая раньше на 70—80 процентов постройками, теперь застроена

¹ Автомобиль подорвал вековые основы градостроительства. У меня возник план привлечь автомобильных фабрикантов к постройке павильона «Эспри нуво» для Международной выставки декоративных искусств, поскольку этот павильон должен был быть посвящен жилищу и градостроительству.

Я встретился с руководителями компаний «Пежо», «Ситроен», «Вуазен» и сказал им:

«Автомобиль убил большой город.

Автомобиль должен спасти его.

Не хотели бы вы финансировать план перестройки Парижа, который назывался бы «План Пежо, Ситроен и Вуазен», — план, единственной целью которого было бы привлечь внимание публики к настоящей архитектурной проблеме эпохи? Проблема эта не имеет отношения к декоративному искусству, это вопрос архитектуры и градостроительства: создание здорового кровя и городского организма, отвечающего новым условиям жизни, порожденным механизацией».

Компания «Пежо» не рискнула вывести свое имя на борту нашей чересчур отважной галереи.

Г-н Ситроен весьма любезно ответил мне, что он совершенно не понимает смысла моего вопроса и не видит никакой связи между автомобилем и проблемой парижского центра.

Г-н Монжермон, представитель правления компании «Аэропланы Г. Вуазен (Автомобиль)», не колеблясь, согласился взять шефство над исследованиями и над составлением плана, каковой, таким образом, и получил название «План Вуазен».

² Последний проект продолжения Елисейских полей через сад до улицы Тюильри совершенно нелеп, поскольку улица Тюильри с одной стороны сообщается с улицей Риволи и улицей Пирамид, и без того ныне загроможденным, а с другой стороны выходит к Королевскому мосту, где постоянно происходит заторы. Королевский мост перекрывает улицу Бак, которая имеет 11 или 13 метров в ширину и которую следует перевести на одностороннее движение.

³ Во времена Возрождения новые города строились рядом со старыми. Это делалось из чисто военных соображений. Старый город был маленьким, и перемещение старого центра не могло повести к увеличению его населения.

всего на 5 процентов. Остальные 95 процентов занимают крупные транспортные магистрали, стоянки автомобилей и парки. Тенистые аллеи образованы из двух или четырех рядов деревьев; парки, разбитые у подножия небоскребов, превращают территорию этого нового города в гигантский сад.

Высокая плотность населения кварталов, припесенных в жертву «Плану Вуазен», отнюдь не сокращена. Она *возросла вчетверо*.

Вместо чудовищных кварталов (которые мы так плохо знаем¹⁾) с плотностью населения 800 человек на гектар план предлагает кварталы, плотность которых можно довести до 3500 человек на гектар.

Мне хотелось бы, чтобы читатель силой воображения постиг, что представляет собой этот новый тип города, построенного в высоту; чтобы он представил себе, как теперешний город, выросший на земле, словно сухая корка, соскабливается, удаляется и на его месте встают чистые как кристалл стеклянные призмы 200-метровой высоты, далеко отстоящие одна от другой и окруженные зеленым массивом парков. Город, который прежде стлался по земле, вдруг поднимается и приобретает невиданную доселе гармонию и непринужденность. Все это превосходит наше воображение, ограниченное привычными представлениями вековой давности. Я написал для павильона «Эспри цувю» на Международной выставке декоративных искусств в Париже, в котором экспонировался «План Вуазен», диораму, целью которой было воочию представить эту будущую реальность, к постижению которой наш разум еще не подготовлен. На этой тщательно прорисованной диораме представлен старый Париж от Нотр-Дам до площади Звезды и все памятники, являющиеся неотъемлемым достоянием Парижа. Вдали поднимается новый город. Здесь нет ничего общего с убогим мрачным Манхэттенем с его хаотичными стрелами и башнями, которые плотно притиснуты одна к другой и крадут друг у друга воздух и свет. Здесь создан величавый ритм вертикаль-

ных плоскостей, сливающихся в непрерывную перспективу и выявляющих чистые объемы.

Город вновь утверждается на своих осях, как это свойственно всякому творению архитектуры. Градостроительство входит в архитектуру, архитектура входит в градостроительство. Если взглянуть на «План Вуазен», то на западе и на юго-западе можно увидеть черты, оставленные Людовиком XIV, Людовиком XV, Наполеоном: Дворец инвалидов, Тюильри, площадь Согласия, Марсово поле, площадь Звезды. Мы можем оценить по достоинству творческую силу, разум, восгоржествовавший в них над сумятицей и беспорядком. Новый городской центр не выглядит здесь чем-то инородным; он продолжает традицию и является ее закономерным развитием.

Для деловых учреждений после войны в Париже стало не хватать свободного места. Мало-помалу для них начали строить «билдинги», против чего я в свое время резко возражал. Учреждение — это вполне определенный организм, не имеющий ничего общего с жильем. Место работы — это орудие труда. Деловой центр «Плана Вуазен» является вполне конкретным, четким, уместным предложением, осуществив которое страна получит настоящий административный центр. По логике событий Париж как столица Франции должен иметь в XX веке свой командный пункт. Представляется, что проведенный нами анализ стал основой вполне разумного предложения. Каждый небоскреб может приять одновременно от 20 до 40 тысяч служащих. В предусмотренных планом 18 небоскребах будет, следовательно, размещено от 500 до 700 тысяч служащих, целая армия управления страной.

Линии метро, образующие квадратную сетку, проходят под небоскребами; улицы и автодромы позволяют огромной массе народа легко перемещаться в пределах города.

Над железнодорожными путями проходит бетонная эстакада. Эта новая основная артерия, ведущая на север, проложена на участках территории, имевших пустыри.

Сквозная магистраль южного направления может брать свое начало от нового центрального вокзала, расположенного между деловой и жилой зонами центра.

¹ Читатель, совершите, пожалуйста, одну дневную и одну ночную прогулку по сектору, предусмотренному «Планом Вуазен». Эта экскурсия будет весьма поучительной.

„План Вуазен“ и история Парижа

Автострада *восток — запад*, ныне не существующая, станет своего рода желобом, который будет принимать и сортировать потоки транспорта, запертые в теперешней многоугольной системе. Автострада освобождает нас от этой замкнутой системы и открывает въездные ворота города в его крайней восточной и крайней западной точках.

Жилой центр, расположенный к западу от нового вокзала, будет состоять из просторных кварталов, в которых будут находиться новые административные здания министерств высотой 30—40 метров, залы для конференций и совещаний, концертные залы и гостиницы для приезжих.

Центральный вокзал обеспечит значительное усовершенствование транспортной системы, предусмотренной планом 1922 года, где железнодорожные линии дальнего сообщения завершались туннелями. В новом плане эти линии связаны в единую кольцевую систему. У четырех главных платформ — Восток, Запад, Север и Юг — поезда ныне существующих (или новых) железнодорожных компаний будут останавливаться только затем, чтобы доставить пассажиров на вокзал и принять новых; *ни стоянок, ни формирования составов* на вокзале практиковаться не будет: поезда будут прибывать уже полностью готовыми к очередному рейсу и, приняв пассажиров и грузы, продолжат свой маршрут, двигаясь при этом в *одном направлении*.

«План Вуазен» не посягает на историческое прошлое города, являющееся всеобщим достоянием. Больше того, он *спасает его*. Дальнейшее развитие пышного кризиса очень скоро привело бы к уничтожению этого прошлого.

В этом смысле уже произошло одно важное нарушение психологического порядка: сегодня история Парижа поблекла в нашем сознании, так как новый жизненный уклад навязал памятникам этой истории совершенно не свойственные им функции. Я мечтаю увидеть площадь Согласия спокойной, тихой и безлюдной, а Елисейские поля — местом неторопливых прогулок. «План Вуазен» высвобождает весь старый город от Сен-Жерве до площади Звезды и возвращает ему тишину и спокойствие.

Кварталы Марэ, Аршив, Тампль и им подобные должны быть разрушены. Но старые церкви останутся¹ и будут смотреться на фоне зелени. Это будет чарующее зрелище! Конечно, их первоначальное окружение было совсем иным, но нельзя не признать, что нынешнее их обрамление, ни в коей мере не соответствуя первоначальному, выглядит весьма жалким и безобразным.

На «Плане Вуазен» среди древесной листвы можно то здесь, то там заметить какой-нибудь отдельный старый камень, аркаду или портик. Они заботливо сохраняются, потому что это либо страницы истории, либо произведения искусства.

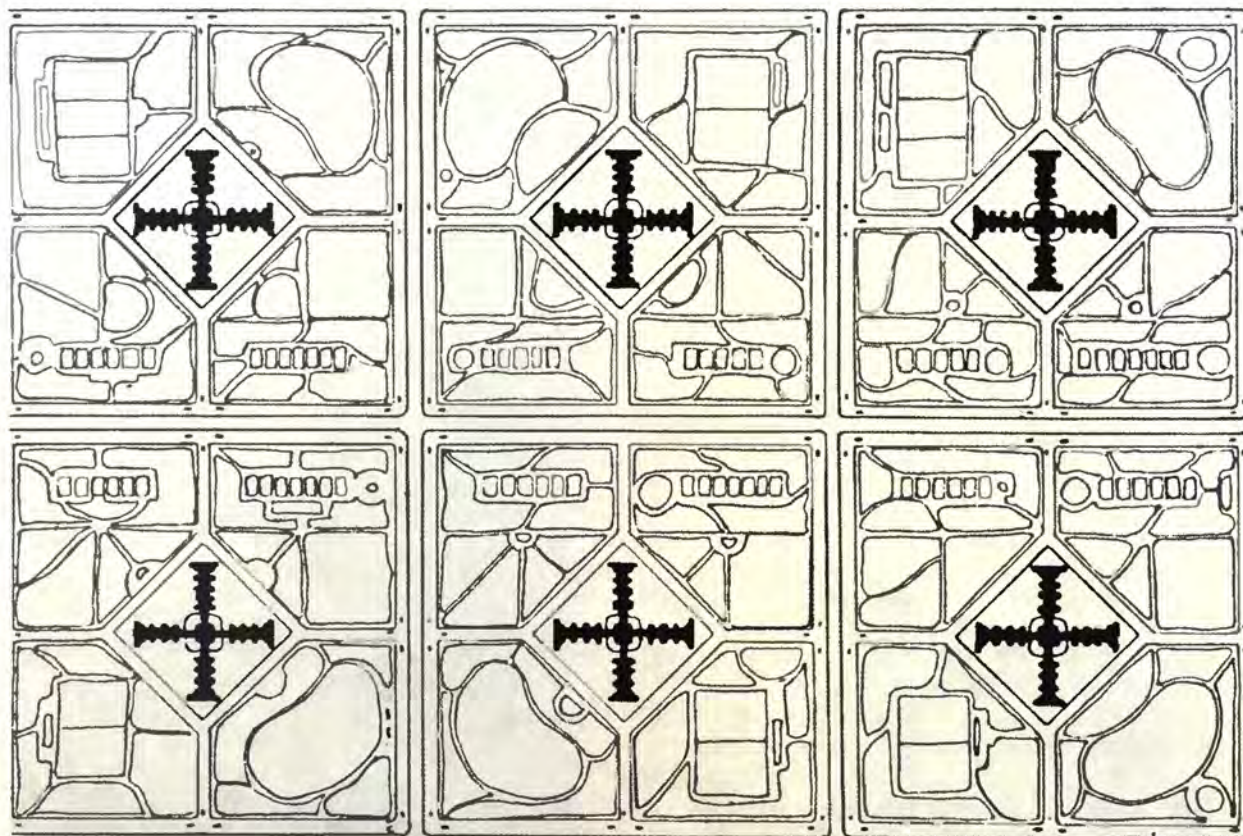
В центре зеленого газона возвышается опрятный и кокетливый особняк эпохи Возрождения. Это один из особняков квартала Марэ, который сохранили или перенесли на новое место; теперь в нем библиотека, либо читальня, либо конференц-зал, либо что-нибудь еще в том же роде.

«План Вуазен», покрывая строениями всего лишь 5 процентов городской территории, сохраняет памятники прошлого и создает им гармоничное обрамление: деревья, рожи. Разумеется, вещи тоже смертны, и эти парки будут всего лишь красивым и ухоженным кладбищем. Прогулка по нему будет весьма поучительной, она настроит человека на философский лад, но прош-

¹ Это будет сделано не с какой-то особой целью, а просто в соответствии с архитектурной композицией.

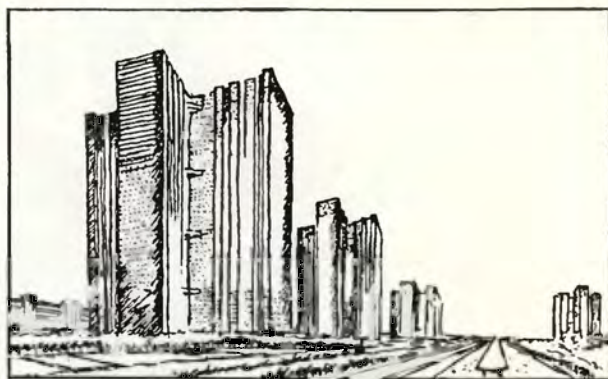
ное перестанет портить людям жизнь, оно займет подобающее ему место.

«План Вуазен» не претендует на исчерпывающее решение проблемы центра Парижа. Но он может способствовать тому, чтобы дискуссия по этому поводу была поднята на уровень современных требований, чтобы вопрос рассматривался с более здравых позиций. Часто выдвигаемым бесполезным полумерам он противопоставляет твердые принципы.

45 Проект реконструкции центра Парижа —
«План Вуазен». Генеральный план (слева
вверху).

Проект реконструкции центра Парижа —
«План Вуазен». План крестообразных
небоскребов (слева внизу).

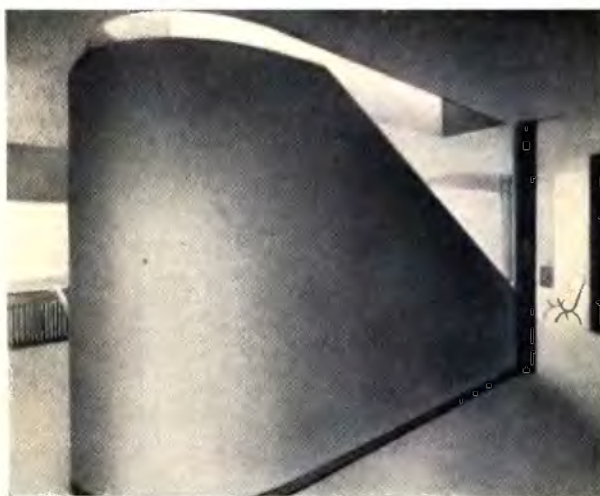
Проект реконструкции центра Парижа —
«План Вуазен». Перспектива.

Вилла в Гарне под Парижем, 1927. Южный фасад.

Вилла в Гарше под Парижем. Фрагмент южного фасада.

Вилла в Гарше под Парижем. Интерьер первого этажа.

Вилла в Гарше под Парижем. Северный фасад.

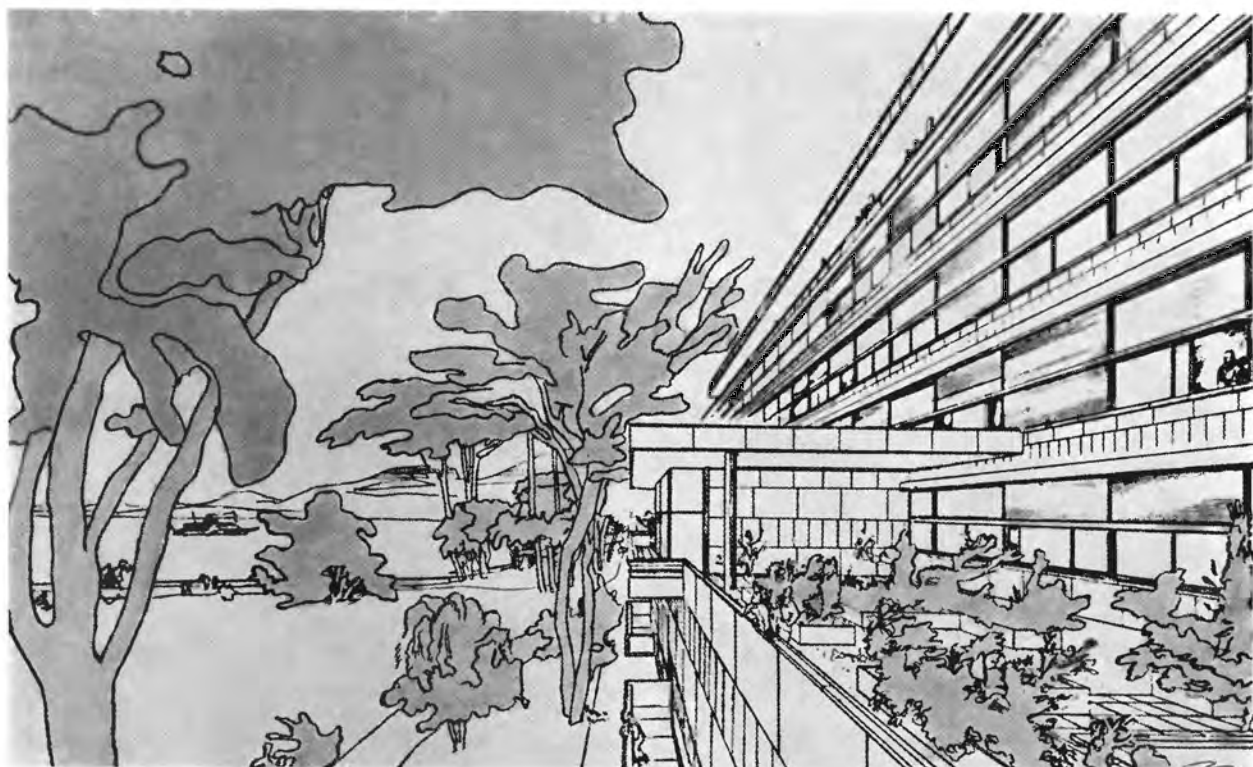

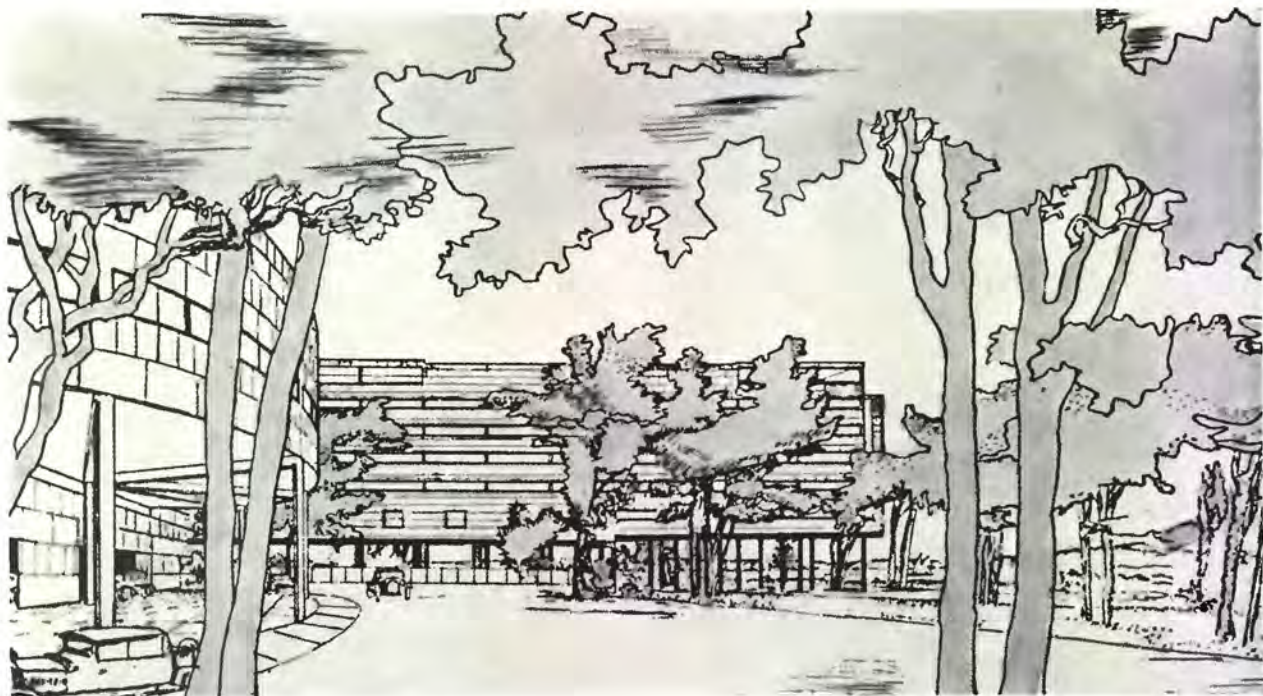
Вилла в Гарше под Парижем. Фрагмент северного фасада.

Конкурсный проект здания Лиги Наций
в Женеве, 1927. Вид с озера.

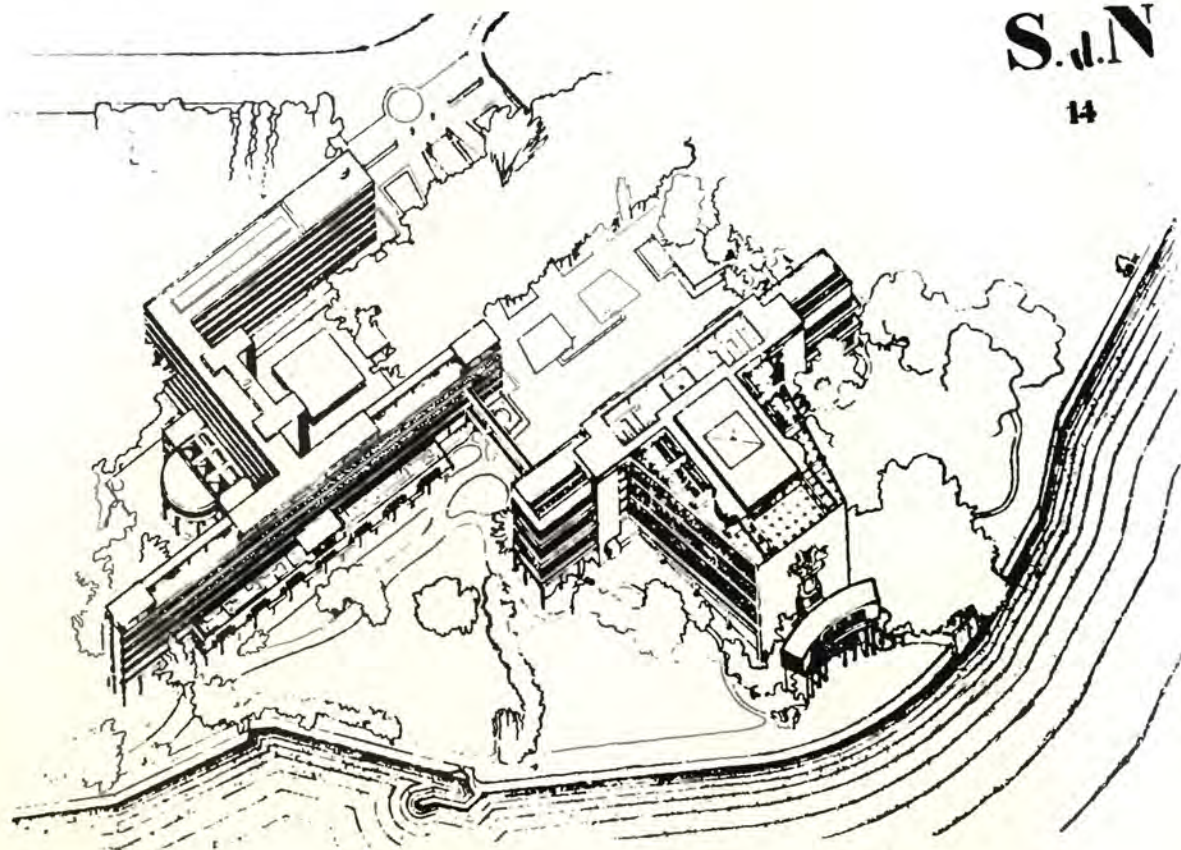
Конкурсный проект здания Лиги Наций
в Женеве. Перспектива с озером.

Конкурсный проект здания Лиги Наций
в Женеве. Перспектива фрагмента заднего
фасада.

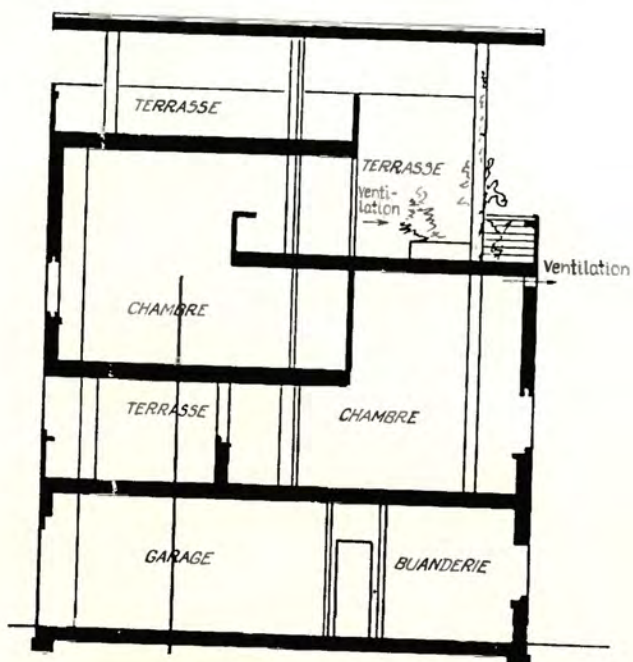
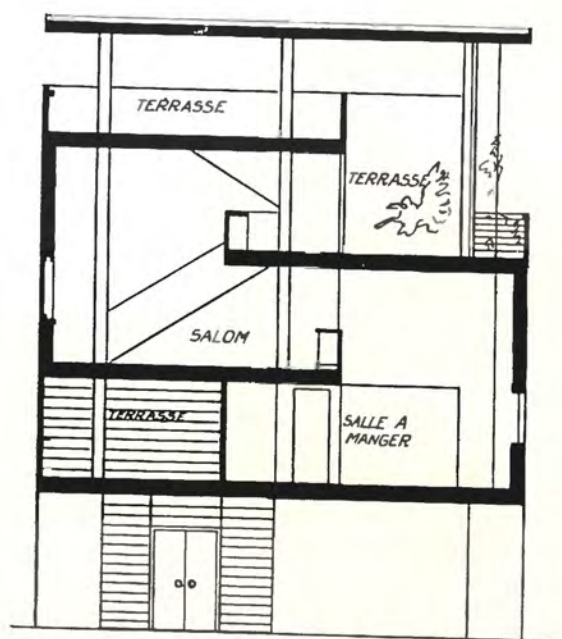
Конкурсный проект здания Лиги Наций
в Женеве. Аксонометрия.

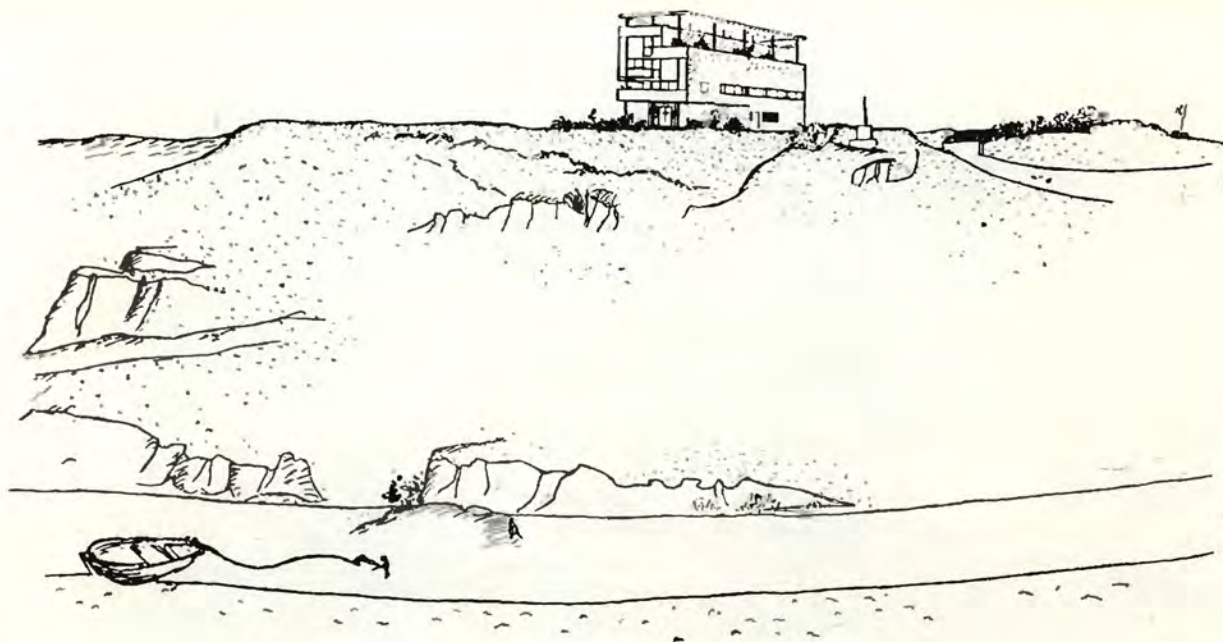

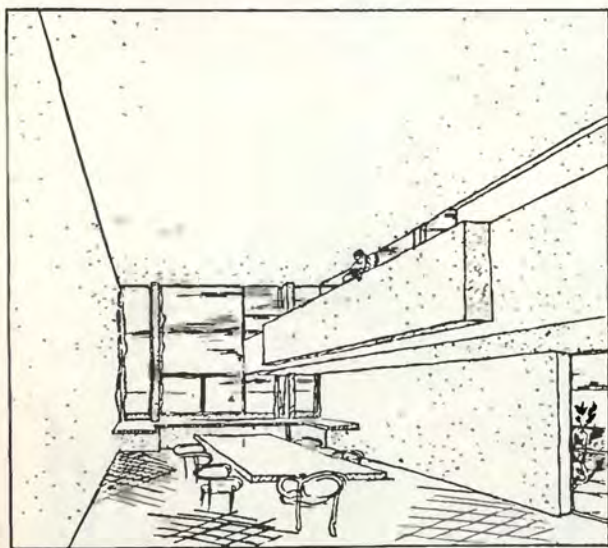
Вилла в Булонь-сюр-Сен, 1927. Фрагмент фасада.

Вилла в Карфагене, Тунис, 1928. Поперечные разрезы.

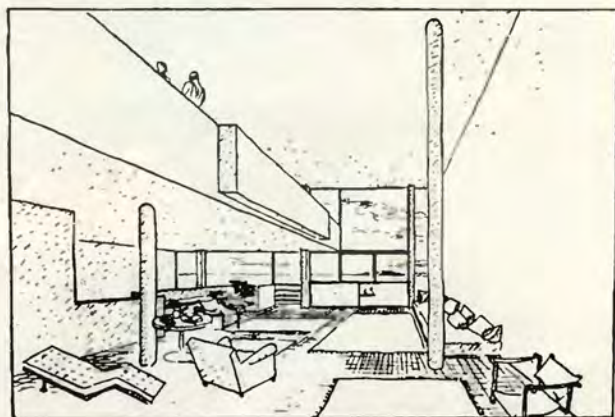

Вилла в Карфагене, Тунис. Общий вид.

Вилла в Карфагене, Тунис. Интерьер.

Вилла в Карфагене, Тунис. Интерьер.

ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО СЕГОДНЯ

ПИСЬМО ПОЛЯ ВАЛЕРИ ЛЕ КОРБЮЗЬЕ

Господин Ле Корбюзье,

по поводу Вашей книги я могу сказать только одно слово: великолепно! Слово, которое я произношу очень редко. Мне даже как-то неловко писать это. По большинству вопросов, затронутых Вами в книге, мое мнение целиком совпадает с Вашим, и мне остается лишь одобрить свои собственные взгляды.

Замечу, что в литературе и даже в философии существует совпадение или соответствие тех или иных точек зрения. Но в данном случае по причинам бесспорным, но требующим пространных объяснений следует «связаться» с прошлым. Здание предстает перед нашим взором и уже тем самым утверждает факт своего существования; литературное же произведение требует заинтересованности и доброй воли читателя, каковые появляются в том случае, если читатель ждет чего-то от книги. Эти ожидания в свою очередь есть результат его привычек и т. д. Поиски чистоты форм в искусстве не могут быть даже начаты, если не опереться на примеры из наследия прошлого.

Прошу поверить, господин Ле Корбюзье, что я очень высоко ценю Вашу книгу, которую я стараюсь сделать известной как можно более широкому кругу лиц, а также прошу принять выражение моей благодарности и некрепней к Вам симпатии.

Поль Валери

ARTS DECO 1925 EXPO

Под этим знаком в 1924 году в нашем журнале «Эспри нуво» («Дух нового» — международное обозрение современной деятельности) был опубликован цикл статей, посвященных предстоящей Международной выставке декоративного искусства. Я намеренно печатал статьи без своей подписи, чтобы они не имели характера личного выступления. В 1923 году серия моих статей — «Эстетика инженера и эстетика архитектора», «Три напоминания архитекторам», «Чертеж-регулятор» (Пропорциональное построение), «Глаза, не умеющие видеть», «Се-

рийное домостроение» и «Архитектура или революция» — была издана отдельной книгой в издательстве «Кре». Книга неоднократно переиздавалась вплоть до закрытия этого издательства (1932); она переведена на английский, немецкий, испанский и японский языки. Так создавалась «Коллекция „Эспри нуво“», в которую вошли книги: «К архитектуре», «Декоративное искусство сегодня», «Градостроительство», «Альманах современной архитектуры», «Дом, дворец», «Уточнения», «Крестовый поход».

Во время выставки 1925 года все пространство Дома инвалидов и берега Сены от площади Согласия до улицы Альмы были застроены оштукатуренными сооружениями. Всюду царили гипсовые муляжи, затейливая лепнина, гирлянды. От всего этого до наших дней сохранились «Альбомы — 1925», которые распространили этот стиль в Париже и во всей Франции.

Мы решили выстроить павильон «Эспри нуво», который бы связал воедино предметы домашнего оборудования (меблировка) с архитектурой (жилой дом, квартира) и с градостроительными задачами (социальные условия жизни).

Преодолев невероятные трудности (крайняя нехватка средств), мы построили в натуре павильон «Эспри нуво», квартиру-виллу. Из таких квартир-вилл мы предлагали создать многоквартирный жилой дом. Такая идея возникла в 1907 и 1910 годах после двух посещений чертозы Эми в Тоскане. У нас было представлено серийное оборудование жилища, каждый предмет предназначался для серийного изготовления: архитектурные планы были увязаны с принципами градостроительства; архитектура и градостроительство выступали как неразрывное и целое; экспонировалась диорама площадью 100 кв. метров «Современный город с трехмиллионным населением» из Осеннего салона 1922 г. и другая диорама — «План Вуазен», Париж, тоже площадь 100 кв. метров. Габриэль Вуазен и Анри Фрюжес предоставили нам по 25 тысяч франков, на эти-то 50 тысяч франков и был выстроен на участке 300 кв. метров железобетонный двухэтажный павильон «Эспри нуво» (авторы Ле Корбюзье и Пьер Жанпierre) — здание, прекрасно сохранившееся всю следующую

зиму, тогда как гинсовые муляжи эспланады Дома инвалидов на мосту Александра и на берегах Сены уже осенью того же года начали осыпаться.

Большое международное жюри решило присудить нам почетный диплом выставки. Но председатель жюри (один великий француз) воспротивился этому. «Здесь нет архитектуры!» — заявил он.

Преодолев все козни недоброжелателей, мы собирались уже открыть наш павильон для публики. Как вдруг в один из вечеров вырос зеленый дощатый забор 7-метровой высоты, полностью закрывший собой павильон «Эспри пуво». Он появился там по решению дирекции выставки, которая вдобавок ко всему потребовала от нас оплаты работ по его возведению.

Забор был снят в результате вмешательства министра народного образования.

Внутри павильона большой плакат провозглашал наш главный тезис:

ИНДУСТРИЯ ПРИХОДИТ В ДОМА

В 1959 году, 35 лет спустя, домостроение стало отраслью промышленности.

ТЕЗИСЫ

Иконопоклонники

Иконоборцы

Иконы

Иконопоклонники:

Прошлое не есть нечто непогрешимое... В нем было как прекрасное, так и безобразное...

«...ВСЯКИЙ ПОЛЕЗНЫЙ ПРЕДМЕТ ДОЛЖЕН БЫТЬ УКРАШЕН; СПУТНИК ВСЕХ НАШИХ РАДОСТЕЙ И ГОРЕСТЕЙ, ОН ДОЛЖЕН ОБЛАДАТЬ ДУШОЙ, ДУШИ ТАКИХ ПРЕДМЕТОВ СОЗДАЮТ ОСОБУЮ ЛУЧЕЗАРНУЮ АТМОСФЕРУ, КОТОРАЯ СКРАШИВАЕТ НАШУ ПЕЧАЛЬНУЮ УЧАСТЬ. ПУСТОТУ НАШЕГО МАШИННОГО ВЕКА НАДО ЗАПОЛНИТЬ КРАСИВЫМ ДЕКОРОМ, УБАЮКИВАЮЩИМ И СЛЕГКА ПЬЯНЯЩИМ НАС».

Иконоборцы:

Мы протестуем.

Полезные предметы обихода уничтожили множество видов рабства. Они сами стали нашими рабами, слугами, лакеями. Но стоит ли брать их себе в наперенники? На них сидят, работают, ими пользуются, их изнашивают; когда они приходят в негодность, их заменяют новыми.

МУЗЕИ — ТОЖЕ ИКОНЫ

Музеи появились недавно, прежде их не было.

При характерной для музеев тенденциозной непоследовательности *образцов не существует*, могут существовать лишь отдельные элементы суждения.

Настоящий музей тот, в котором представлено все, в котором можно получить любую справку о минувших веках. Только такой музей может быть правдивым и беспристрастным, только он дает возможность выбрать, одобрить или отвергнуть; он позволит понять суть вещей и укажет путь к их усовершенствованию. Такого музея пока нет.

Наши наставники, авторы книг и преподаватели пренебрегают вопросом о происхождении и назначении предметов, выставленных в музеях. Они используют эти музейные экспонаты, вещи исключительные, неприменимые в повседневной жизни, в качестве фундамента своей системы, которая приучает наших детей неверно расценивать значение этих предметов. Отсюда берет свое начало привычка заводить в обиходе множество совершенно бесполезных, парадных вещей, которые загромождают и уродуют наш быт.

УЗУРПАЦИЯ ФОЛЬКЛОРА

Фольклор — это творчество, которое зачастую приходит к нам из отдаленных веков. Это творческий акт какого-то индивида, выделявшегося из толпы своей художественной одаренностью. Произведение взволновало окружающих и было ими принято. Потом над ним работали, исправляли его, совершенствовали, приводили в соответствие с определенными условиями жизни и характером общественных эмоций. Его отшлифовывали. Для того чтобы последующие поколения смогли принять его, замысел его дол-

жеи быть ясным. И над ним работали. Постепенно смысл его утверждался единодушно, и это обеспечило фольклору долговечность.

Нам предстоит убедиться в том, что ныне возникает *сегодняшний фольклор*, что он уже существует и является результатом сложения нового, единого характера человеческих эмоций.

Но произведения фольклора узурпированы людьми, в творческом отношении косными, бесплодными, людьми, которые заглушают своими фальшивыми голосами стройный хор истинных поэтов и певцов.

К чему искусственно воскрешать отживший ныне свой век фольклор, как это нам предлагают, воскрешать местные художественные промыслы, лангедокский язык, бретонский или тирольский костюм, японское кимоно или античный неплум Айседоры Дункан, люневильскую посуду?

ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА

Кризис, разделяющий домашнее общество и новую машинную цивилизацию, вызвал и будет вызывать впредь серьезные последствия.

Культура сделала шаг вперед, иерархический декор потерял всякий смысл.

Позолота стирается, а трупцы неминуемо исчезнут.

По всей видимости, уже идет и, кажется, идет хорошо выработка простых и экономных масштабов.

ШКВАЛ

В один прекрасный день локомотив привел мир в движение.

То была эпоха руды, стали, машин; вместе с машиной появился точный расчет, с помощью расчетов люди научились подтверждать свои гипотезы, осуществлять мечты. За какие-нибудь сто лет успели пробуждаться промышленная, социальная и нравственная революции.

Индустриядохнула на мир, и дыхание ее было подобно шквалу.

Промышленник рассуждал про себя: «Украшим деневку — под красивым узором не видно

нищен, тренци, изъязнов». Так узаконивался камуфляж. Коммерческая выгода восторжествовала над вдохновением.

ТИПОВЫЕ ПОТРЕБНОСТИ. ТИПОВАЯ МЕБЕЛЬ

Найти человеческие масштабы, человеческие функции — значит определить человеческие потребности.

Существует несколько типов таких потребностей. Каждый из нас нуждается в том, чтобы расширить свои природные возможности с помощью тех или иных предметов.

Такие «предметы-органы» суть предметы определенного типа, которые удовлетворяют соответствующие типовые потребности человека.

Декоративное искусство — это нечеткий, расплывчатый термин, который представляет собой всю совокупность «предметов-органов». Эти предметы более или менее соответствуют нашим чисто объективным потребностям. Коль скоро существуют типовые потребности, типовые функции, то, следовательно, должны существовать и типовые предметы, например типовая мебель.

«Предмет-орган» — это послушный слуга. Как всякий хороший слуга, он скромно держится в стороне, оставляя за хозяином полную свободу действий.

Декоративное искусство — это оборудование, и притом хорошее оборудование.

ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО СЕГОДНЯ

Современное декоративное искусство лишено декора.

Но утверждают, что декор необходим для человеческого существования. Поправляем: человеку необходимо искусство, то есть бескорыстная, облагораживающая душу страсть.

Следовательно, чтобы разобраться в сущности вопроса, достаточно выявить как эти бескорыстные душевные движения, так и утилитарные нужды. Последние требуют усовершенствования оборудования во всем, поскольку в промышленности уже обозначился известный уровень совершенства. Теперь великая задача вста-

ет перед декоративным искусством. Изюм дня в день индустрия производит чрезвычайно полезные, целиком отвечающие своему назначению изделия. Их истинное изящество, их утонченность, улаживающие наш разум, проистекают из элегантности их замысла, чистоты исполнения и эффективности их службы.

Рациональное совершенство и точность, характерные для каждого из таких изделий, создают между ними некое единство, что дает возможность отнести их к одному стилю.

УРОК МАШИНЫ

Явление нашей современности — машина — коренным образом изменяет мироощущение человека. И все же человеческая суть сохраняется в неприкосновенности, поскольку машину задумал человек для удовлетворения своих потребностей.

Машина создается не в результате случайной фантазии, а на основе определенной умозрительной системы, которую строит для себя человек; эта система создает ему новую, вполне конкретную и осязаемую среду; эта система, будучи отражением накопленного жизненного опыта, достаточно последовательна для того, чтобы обеспечить создание органов, выполняющих функции, подобные естественным.

Машина идет от геометрии. Геометрия — великое создание человека.

Машина сверкает перед нами полированными стальными дисками, сферами, цилиндрами. Все детали сделаны с безукоризненной, теоретически рассчитанной точностью, которую природа нам никогда не показывает. Это зрелище вызывает в нас душевное волнение, и одновременно в нашем сознании возникает множество ассоциаций: эти диски и сферы чем-то напоминают нам божества Древнего Египта или Конго. Геометрия и боги сосуществуют.

Машина завораживает человека, она удовлетворяет одновременно и примитивные и самые возвышенные его запросы.

Урок, заключенный в машине, состоит в абсолютно ясной логической связи между причиной и следствием, в чистоте, экономии и мудрости. Возникает новое желание: эстетика чистоты форм, точности, волнующих соответствий. Здесь вступают в действие математические спо-

собности нашего разума: наслаждаясь зрелищем, мы одновременно находим в нем выражение законов мироздания.

УВАЖЕНИЕ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТВОРЧЕСТВУ

В наше время декоративное искусство не может обходиться без стилей.

Эти «стили» по отношению к стилю данной эпохи носят случайный, поверхностный характер; вещи фабрикуются в «стиле», чтобы облегчить творческий процесс, чтобы скрыть недостатки произведения; размножаясь, они порождают нынче.

В то время как подобное декоративное искусство не имеет права на существование, предметы обихода, архитектура, подлинные произведения искусства, напротив, сохраняют свою жизнеспособность.

Предметы обихода, оборудование жилищ и общественных зданий — это вещи, которые нам служат, это наши слуги, помощники. Необходимо только одно условие: вещь должна служить хорошо.

Архитектура — это способность нашего сознания закреплять в материальных формах чувство эпохи.

Произведение искусства — это инновация человека-творца, либо нашего современника, либо человека другой эпохи, либо художника, вовсе нам не известного. Художественное творчество есть момент глубочайшего откровения, это страстная и искренняя исповедь, быть может, это *Нагорная проповедь*.

Декоративное искусство стоит в стороне от этих путей; определить место, которое оно занимает, — значит с полной недвусмысленностью вскрыть его цели. И цели эти совсем иного рода: украшательство, изготовление декора. Художественное творчество объединяет.

Человек проникается глубоким уважением к произведению искусства.

Ныне, когда искусству предстоит закрепить в материальных формах чувство эпохи, когда любая декоративность уже не может более считаться фактором, согласующимся с современным уровнем сознания, — ныне пробил час архитектуры.

ЧАС АРХИТЕКТУРЫ

Большое искусство создается простыми средствами.

Пустой блеск начинает тускнеть.

Настало время поисков пропорций.

Утверждается дух архитектуры.

Что произошло? Наступила эпоха машин.

Все наши эмоциональные проявления, наше восприятие природы, понимание ее красоты и мощи — все это слилось в единую систему архитектурной организации.

Наука, раскрывая тайны природы, предоставляет человеку огромные творческие возможности, использовать которые предстоит архитектуре.

СВИДЕТЕЛИ

Эйфелева башня вошла в архитектуру.

В 1889 году она казалась воинственным проявлением гогого математического расчета.

В 1900 году эстеты хотели ее разрушить.

В 1925 году она возвышается над павильонами Международной выставки декоративных искусств. Рядом с перегруженными лепниной дворцами она возникает как чистый кристалл.

ДУХ ПРАВДЫ

Прежде чем успеет сложиться суждение, возникает ощущение, которое толкает нас к действию, и уже вслед за тем рассудок подыскивает нашим действиям убедительное обоснование.

Деятельные натуры одарены чувством правды, это их критерий суждения, некий императив, в котором одновременно присутствуют и сила и ясность. Это дух правды — то, чем силен человек.

В нашем творчестве, в человеческом труде, в нашей общественной организации нет и не должно быть ничего необъяснимого. Когда мы принимаемся за работу, все должно быть ясным, поскольку мы существа разумные. Любое наше действие имеет какую-то цель... пусть даже эта цель будет и вздорной.

Но я замечаю, что множество предметов, исполненных некогда духа правды, ныне лиш-

лось всякого смысла, от них остался один скелет. Я выбрасываю эти вещи как негодные.

Я возьму из прошлого лишь то, что чему-то служит. Если вещи служат вечно, перед нами — искусство.

ПРОСТАЯ ПОБЕЛКА. ЗАКОН БЕЛИЛ

Каждый из нас уделяет внимание внешнему окружению ради своего удобства, уюта и душевного спокойствия, ради наслаждения. Кроме того, каждый из нас стремится найти удовлетворение своему чувству приличия, благопристойности, хочет быть уместным в своей среде.

Следует устроить всякую двусмысленность. Целиком сосредоточить внимание на самом объекте, на вещи. Всякий предмет должен быть задуман и сделан для какой-то вполне определенной цели, и в этом смысле он должен быть совершенным. Совершенный предмет — это живой организм, проникнутый духом правды.

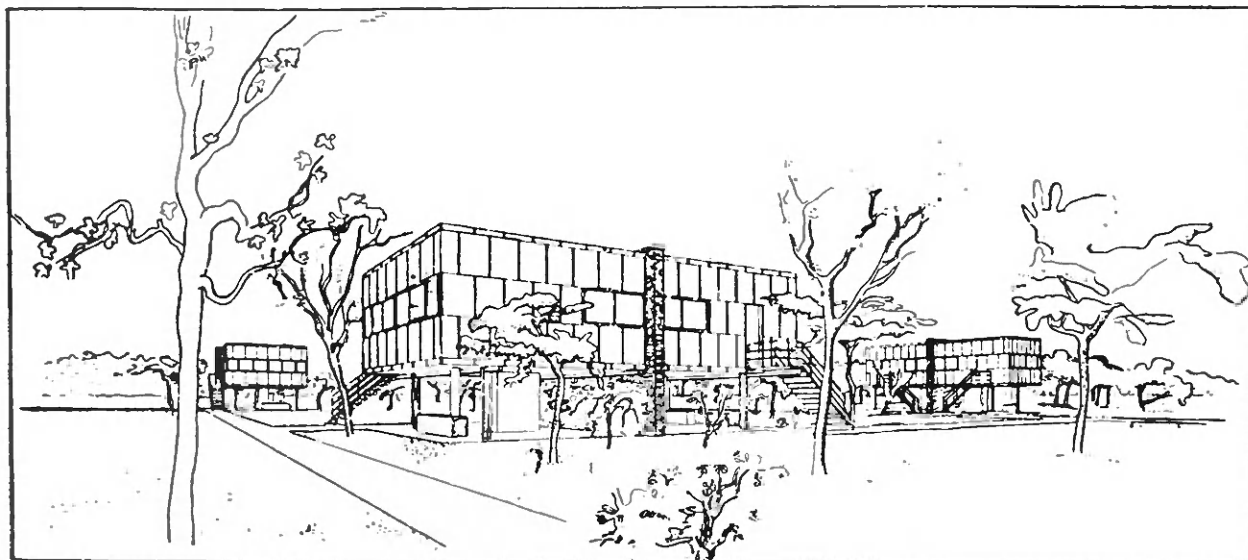
Допустим, мы согласны уступить декоративному искусству заботу о наших эмоциональных вопросах. Но мы стремимся стать существами, которые способны здраво судить о своих эмоциях. Если бы каждый индивид стал пропигательным судьей, это было бы огромным достижением. В период потрясений, когда смешались все понятия, многие свыклись с темным фоном наших интерьеров. Но творения нашей эпохи, столь дерзкой, опасной, столь воинственной и побуждающей, казалось бы, ждут от нас, чтобы мы научились жить и мыслить на светлом фоне белых стен.

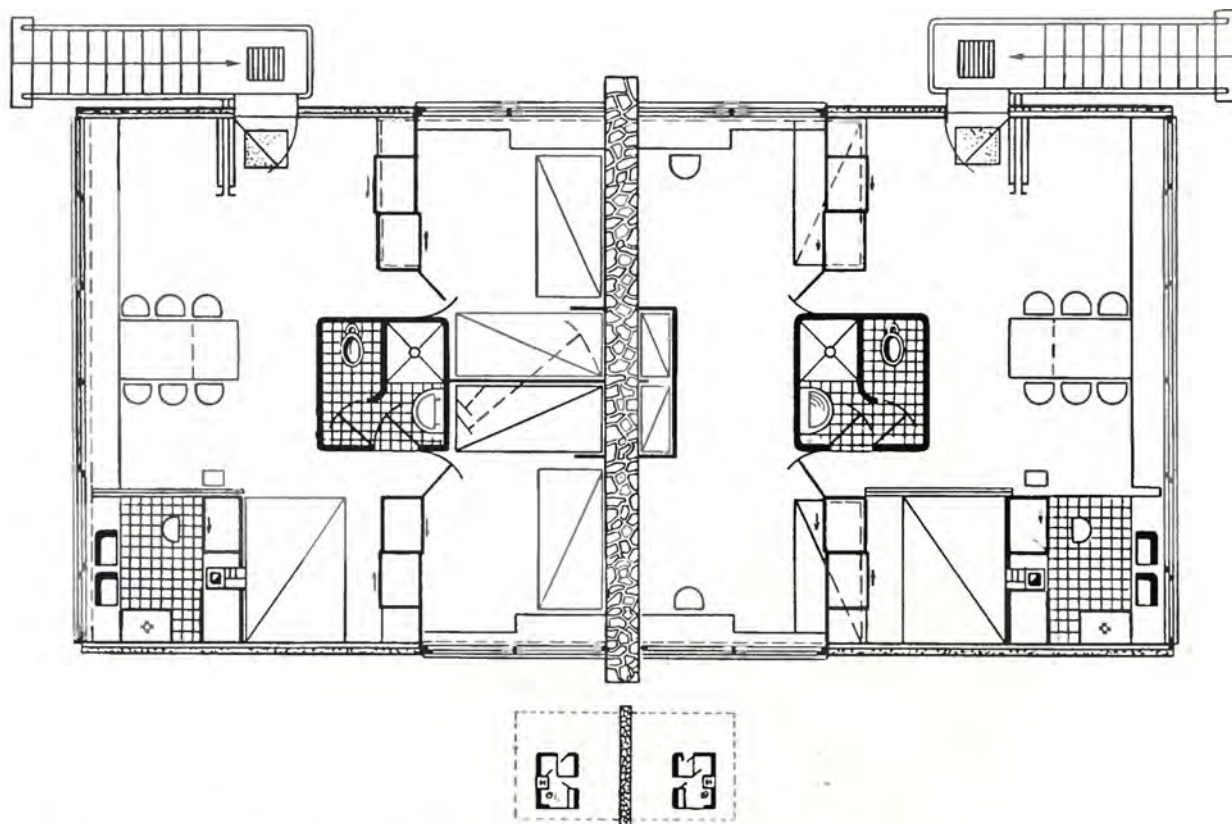
Le Corbusier. L'art décoratif d'aujourd'hui. Paris, 1925, p. VI—XI, XVII—XXI.

Меблировка интерьера. Мебель, которая стала выпускаться только через 30 лет, 1928.

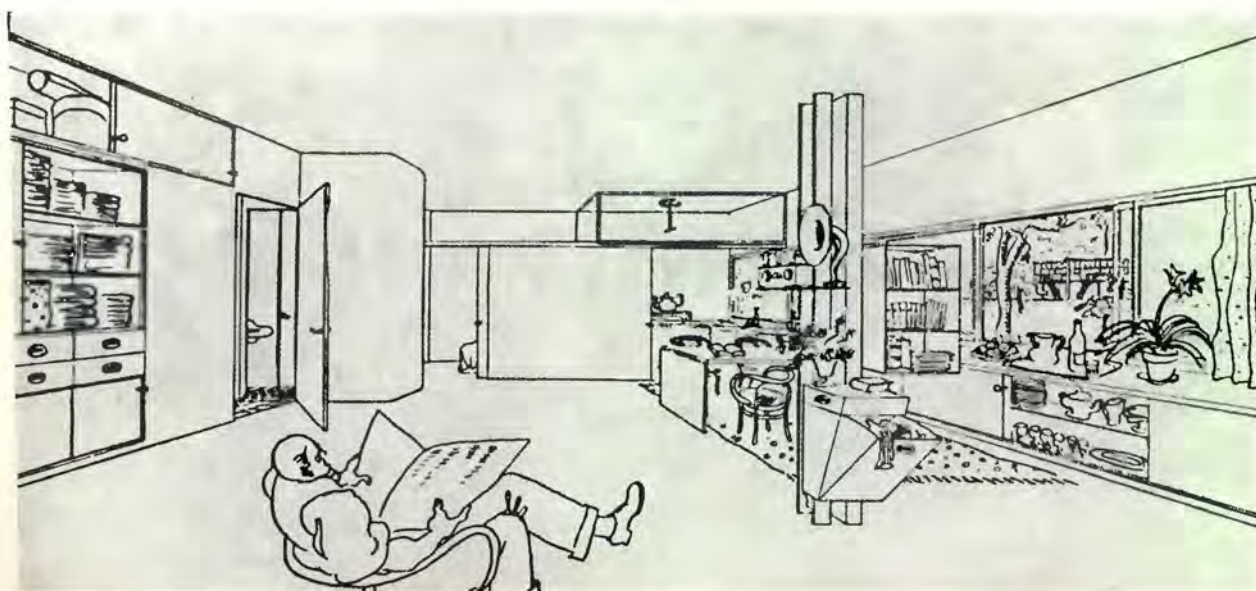
Проект спаренных экономичных домов
«Тунёр», 1929. Перспектива.

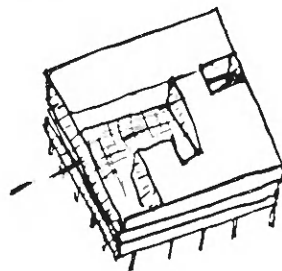
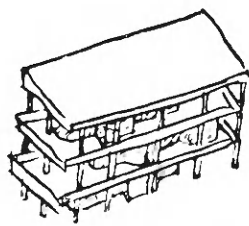
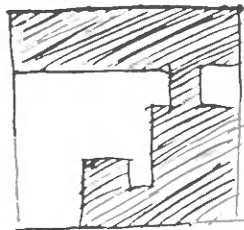
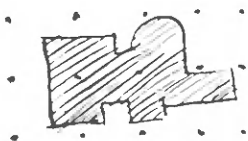

Проект спаренных экономичных домов «Лушёр».
План.

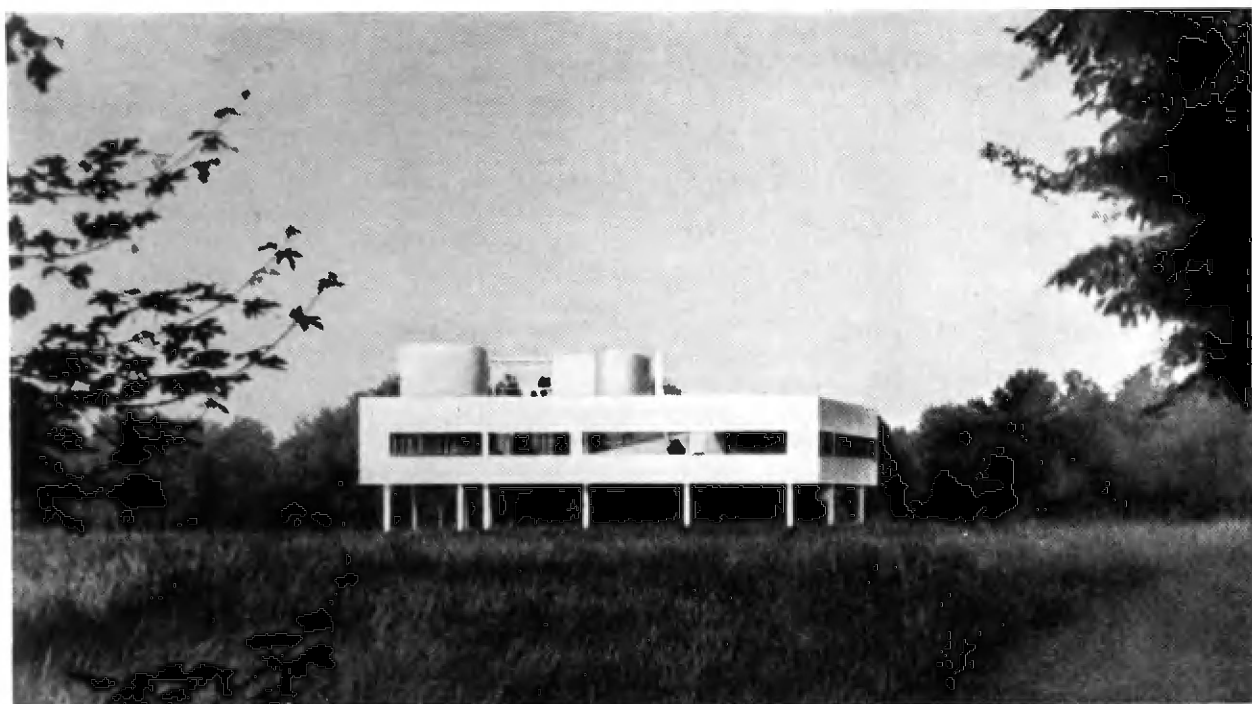
Проект спаренных экономичных домов «Лушёр».
Интерьер.

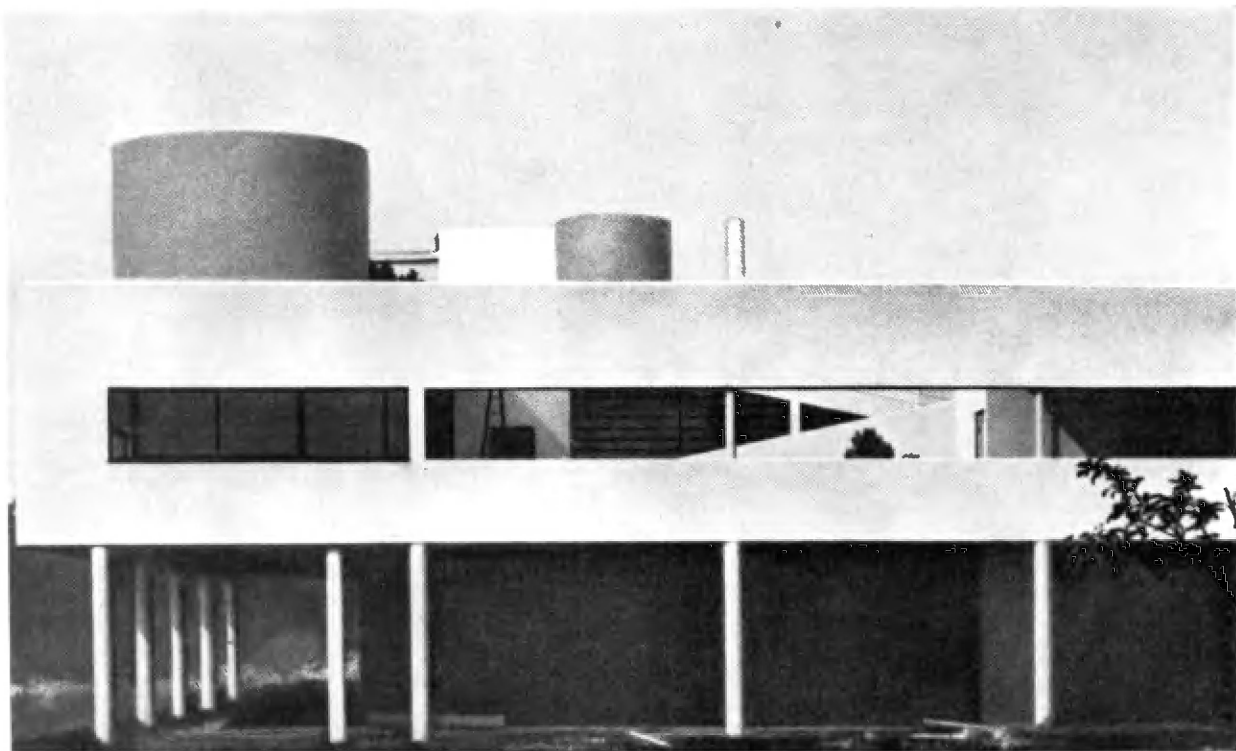

Композиционные схемы дома в Штутгарте
и видлы «Савой».

Вилла «Савой» в Пуасси под Парижем,
1929—1931. Общий вид.

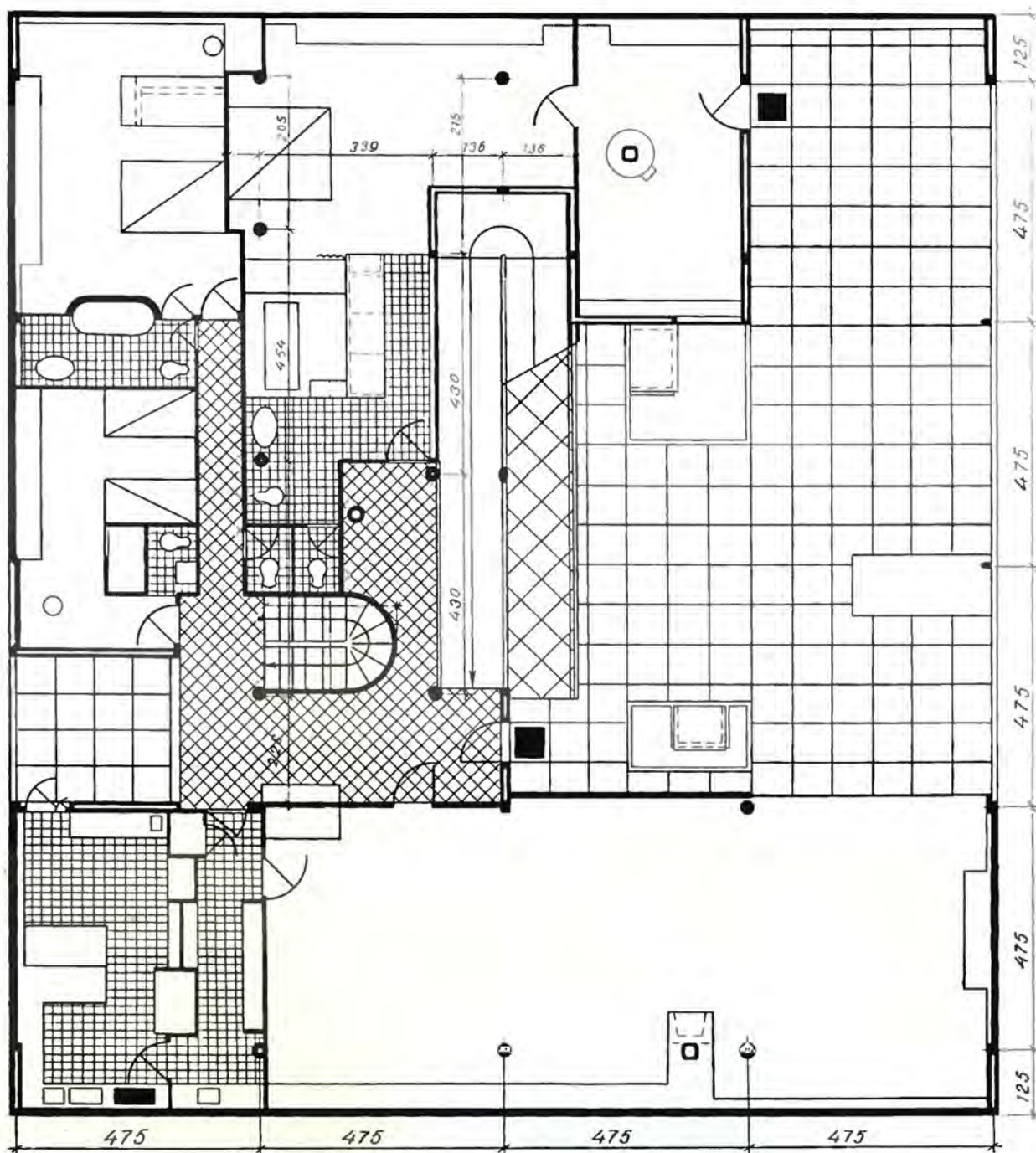

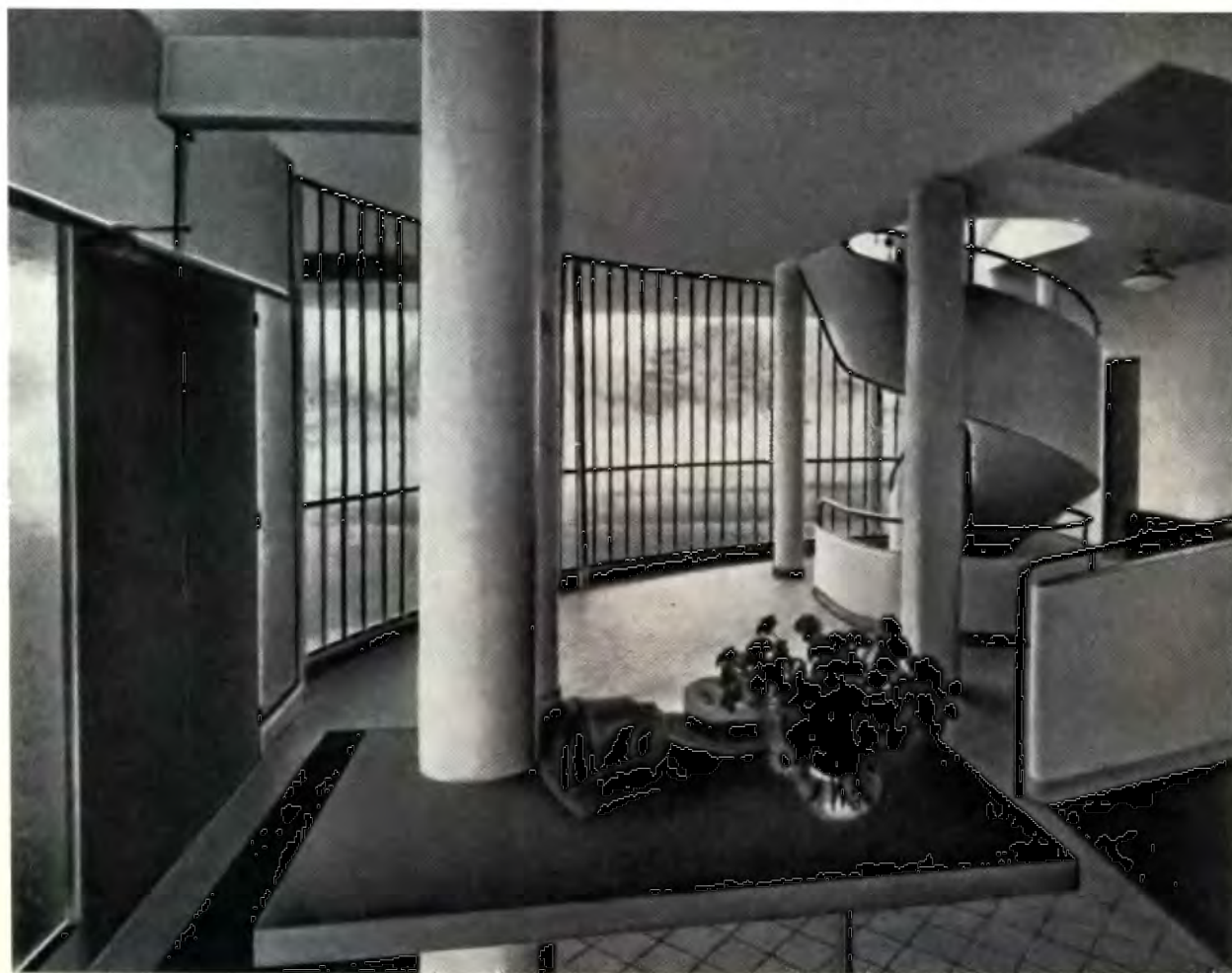

Вилла «Савой» в Пуасси под Парижем.
Фрагмент фасада.

Вилла «Савой» в Пуасси под Парижем.
Вид под столбами.

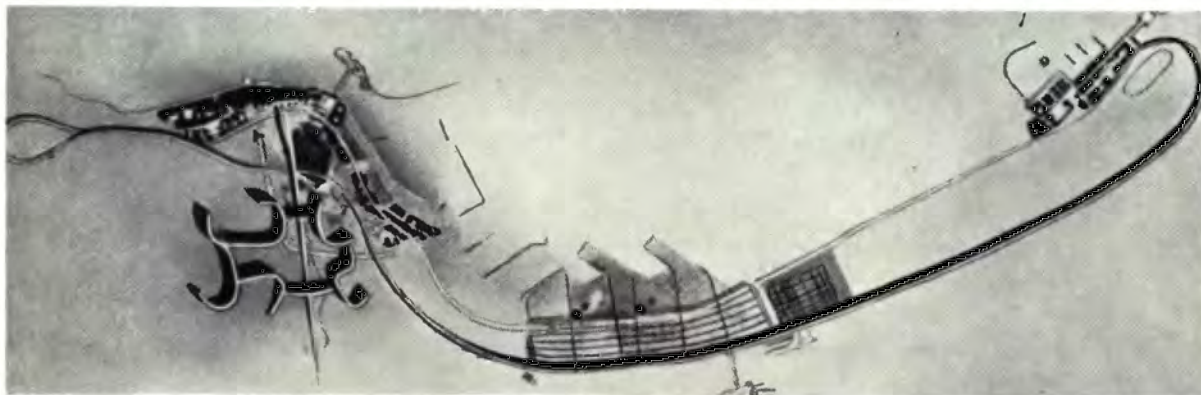

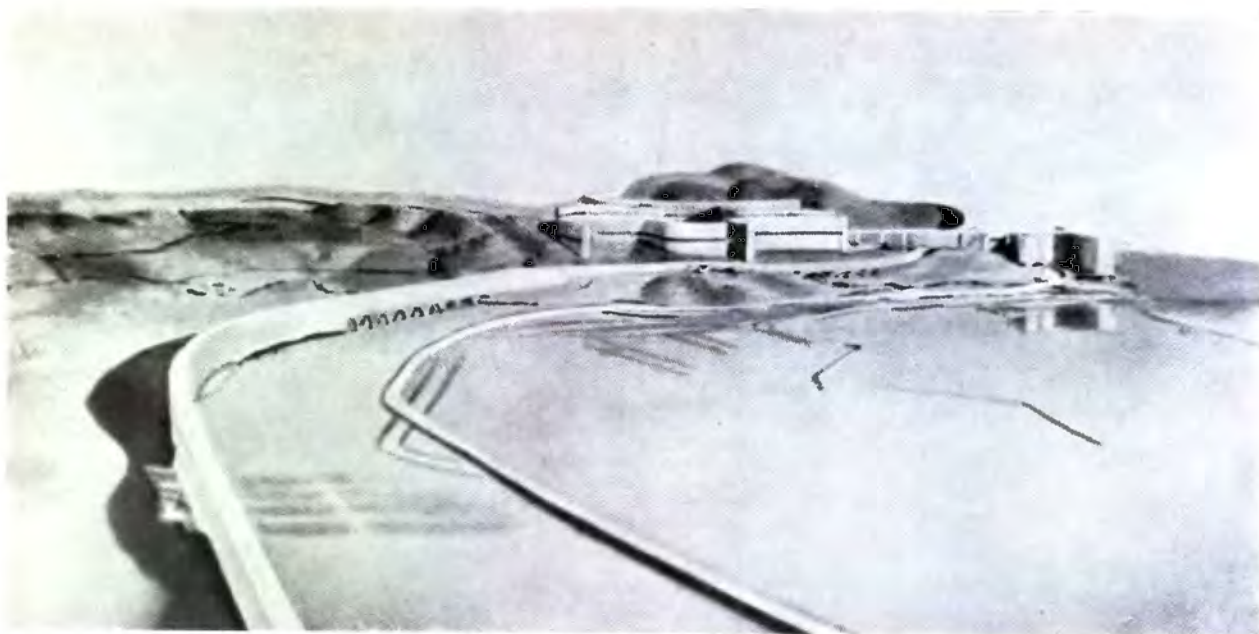

Вилла «Савой» в Пуасси под Парижем.
Сад на крыше.

Вариант планировки г. Алжира, 1930—1931.

Вариант планировки г. Алжира. Перспектива.

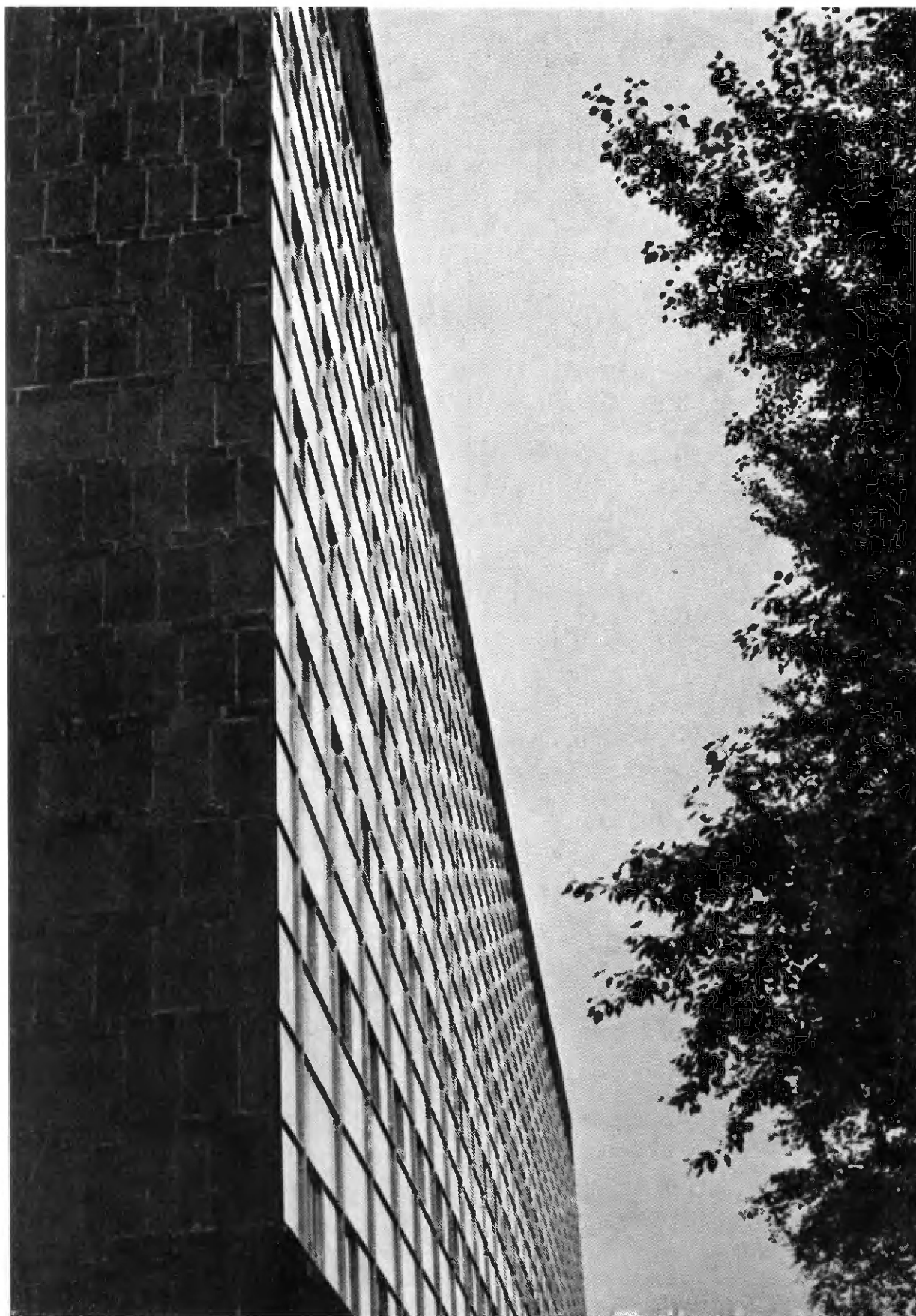
Вилла с садом-террасой, построенная для Шарля Бастеги на крыше старого дома на Елисейских полях в Париже, 1930—1931.

Вариант планировки г. Алжира. Перспектива.

Дом Центросоюза в Москве (теперь ЦСУ СССР).
1929—1930 гг. Фрагмент бокового фасада.

НОВЫЙ ДУХ В АРХИТЕКТУРЕ

Лекция, прочитанная в Сорбонне 12 июня 1924 года в группе философских и научных исследований и повторенная 10 ноября 1924 года в обществе «Звезда Востока»¹

Я хочу показать вам сегодня, что современная архитектура вышла уже из стадии блужданий, что она обладает мощной, здоровой техникой и готова создать свою эстетику. Положения современной архитектуры и глубоки и точно выражены, техника абсолютно нова, и эстетика, являющаяся продуктом полностью обновленной эпохи, после многих блужданий и превращений в настоящее время успешно сочетается в глубине нас самих с основами наших чувств, с основами чисто человеческих эмоций.

Теперь, вероятно, ни у кого не возникает сомнений, что эта новая архитектура при данных условиях способна воспринять все великое и добавить новое звено в цепь традиций, уходящих в прошлое.

Я хочу продемонстрировать вам серию кадров, подтверждающих это положение.

(На экране проходит ряд снимков, один за другим, в аргументированной последовательности.)

Всем управляет точность.

Руководит экономия.

Нас неодолимо влечет к себе новое направление.

Начинается другая эпоха.

В атмосфере точного расчета мы вновь обнаруживаем ясность, свойственную бессмертному прошлому. Однако наша пассивность замедляет нашу деятельность, а разного рода сетования, воспоминания, недоверие, нерешительность, опасения, косность замедляют наше мышление. Могущественные и неизвестные нам ранее средства были освоены в век развития науки.

Дело в наших руках.

Наш железный век перед лицом тысячелетий молод.

На всех континентах начинается огромный труд.

Новый дух передается от народа к народу; его развитие ускоряет прогресс.

¹ Эта лекция была импровизированной и зафиксирована стенографически. «Звезда Востока» представляет собой международное объединение, предвещающее наступление нового периода и коренное преобразование форм мышления и социальных отношений. «Звезда Востока» приводит нас к этому новому времени путем изучения всего того, что несет с собой новый дух. Поэтому я попросил повторить мою сорбонскую лекцию.

Повсеместно возникают вопросы.

Появляются симптомы беспокойства;

признаки стремления к знанию;

предвестники согласованных и ясных действий.

Человек живет в трепете.

Его сердце — всегда человеческое сердце — ищет эмоций за пределами утилитарной работы, мечтает об удовлетворении духовных запросов.

Новые явления: вырастает бурная, радостная поэзия,

сердце ищет примирения суровой действительности с глубокими и близкими ему эмоциями.

Вы приходите посмотреть, как по экрану движется вереница каких-то страшных изображений. Эта вереница, во многом шокирующая, но, во всяком случае, яркая, представляет собой зрелище нашей почти повседневной действительности. Здесь перед нами в какое-то мгновение, а иногда и ежедневно возникают такие волнующие новшества, такие поразительные контрасты, которые выбивают нас из колеи и, во всяком случае, всегда сильно потрясают.

Вы только что смотрели, например, пакетбот «Париж», который предстал перед вами как замечательное, великодушное сооружение. Но затем вам показали салон этого пакетбота, и этот салон, естественно, бросил вас в дрожь. Казалось поистине удивительным встретить в сердце столь совершенного и стройного сооружения такую несогласованность, такие противоположности, такое отсутствие единства, — одним словом, грубое противоречие и полное различие между великолепными очертаниями судна и оформлением его интерьера. Первые — научная работа инженера, второе — работа тех, кого называют специалистами-декораторами.

То же вы видели, следуя по залам замков Фонтенбло, Компьена и галерей Коломбы в Риме; там хранятся знаменитые творения большой ценности, которые принадлежат другим эпохам. Сравните их с тем, что относится к нашему времени и составляет обрамление нашей жизни. Они покажутся вам неуместными и, естественно, наводят на мысль искать в другом месте то, что может чему-нибудь научить.

Тем более что в наших школах ученикам дают знания только о творчестве прошлого. Да и понимает ли кто хорошо то смещение, которое царит в наших умах, то состояние полного кризиса, в тисках которого мы бьемся?

Наряду с этим вы смотрели интерьеры американских банков. Они спланированы настолько продуманно, с такой четкостью и с таким тактом, что кажутся почти прекрасными. Они созданы, несомненно, весьма талантливым архитектором, безусловно влюбленным в логику и обладающим большим, светлым умом. В иллюстрированном журнале «Бэнкп мэгэзин» этот человек поместил приглашение читателям посетить его и, чтобы привлечь их, сделал за лучшее показать интерьер своего рабочего кабинета. На этом изображении видна комната, меблированная ларями эпохи Возрождения, там же боевые доспехи в углу, алебарда ручной работы, огромный стол в стиле Людовика XIII с громадными точеными и резными ножками, гобелены. Человек, меблировавший таким образом свой кабинет, тот же самый, который проектировал интерьеры банков — произведения безупречной логики. Вот где дисгармония!

Еще пример. В прошлом году я посетил в Альпах строительство огромной плотины. Эта плотина будет, несомненно, одним из самых прекрасных творений современной техники, одной из вещей, покоряющих тех, кто еще способен восторгаться. Безусловно, ландшафт этот великолепен, но особое впечатление производит сочетание напряженного труда и разума, выдержки, изобретательности, смелости. Меня сопровождал мой друг, поэт. Мы имели несчастье выразить наше восхищение инженерам, которые сопровождали нас на стройку, однако в итоге удостоились только улыбок и насмешек с их стороны, пробудив в них, я бы сказал, лишь какое-то беспокойство. Эти люди не приняли нас всерьез: они сочли нас, наверно, немного сумасшедшими. Мы попытались объяснить им, почему мы находим их плотину замечательной: размах подобных работ, перенесенный, например, в практику городского строительства, мог бы вызвать коренные преобразования. И вдруг эти люди, которые как-никак руководили стройкой на основе опыта, логики и практики, возмутились: «Как? Вы хотите изуродовать боль-

шие города! Вы настоящие варвары! Вы забываете о правилах эстетики!» По строю своего ума они были полностью нам противоположны: привыкшие планировать и выполнять работы на основе строгого расчета, они обнаружили перед нами свою неспособность представить себе сферу, отличную от их собственной, предусмотреть итоги своей деятельности. Это были люди, жившие прошлым.

В действительности мы живем в атмосфере, где нарушен порядок вещей. Мы должны сделать полную переоценку ценностей, если только захотим внимательно взглянуть в окружающую обстановку. Мы должны констатировать, что наша концепция в корне отличается от той, какой обладали наши отцы и наши деды, если захотим посмотреть на жизнь, которую мы ведем: она резко противоположна, во всяком случае, совсем не похожа на жизнь предшествовавших нам поколений.

Мы стоим в преддверии нового события, перед лицом нового духа, более могучего, чем все другое, который пробивается сквозь привычки и традиции и распространяется по всему миру. И хотя ясные и единые черты этого нового духа так же всеобщы и, насколько возможно, человечны, тем не менее пропасть, разделяющая прежнее общество и общество, в котором мы живем и где царит машина, никогда не была так велика.

Наш век, как и век прошедший, противопоставлен четыремстам предшествующим векам. Машина, основывающаяся на расчете — продукте универсальных законов, — вызвала к жизни, несмотря на возможные заблуждения нашего ума, связанную систему физических законов. Предписывая свои условия нашему образу жизни, заставляя наш ум принять определенную систему правил, машина раздвинула рамки нашей жизни, вырыв пропасть между двумя поколениями.

Перед этой пропастью мы и должны остановиться поразмыслить, постараться увидеть то, что позволит нам решительно приступить к созданию действительно современного механизма нашей жизни.

Если не измерять очень точно достигнутое, то нас можно назвать теперь революционизированными индивидами. Нелегко, конечно, прими-

рится с этим. Все мы являемся участниками жизни — стремительной, бурной, суровой, трудной, нередко непосильной. Нам кажется, что эта жизнь останется всегда неизменной, хотя с каждым днем она становится труднее. Однако, повторяю, у нас нет чувства, что мы полностью революционизированы по сравнению с прошлым.

Только обратившись к истории, можно заметить здесь какие-то скачки. И действительно, в жизни народов есть определенные моменты, когда кривая духа находит свою точку отклонения, точно фиксирующую переход одного образа мышления в другой, одной культуры в другую, совершенно отличную.

Позвольте мне в подтверждение сказанного обратиться, например, к средним векам, следовавшим за романским периодом, который в свою очередь следовал за античной культурой. Этот перелом произошел — трудно указать его точную дату — между 1000 и 1200 годами. Люди, пришедшие со всех сторон, новые народы полностью смешиваются со старыми народами; в результате — сущий хаос. Затем по прошествии некоторого времени, в эру непниваемого обратного процесса, обнаруживаются в один прекрасный день уже иные формы мышления и деятельности, радикально изменившие все то, что существовало ранее.

Если и есть область, где ранее сделанное очевидно, то это архитектура, предъявляющая ясные свидетельства форм, исчезнувших под воздействием разрушительного времени.

Романская архитектура может характеризоваться — вы это знаете — порталом в самом центре здания, с использованием простейших геометрических форм по традиции античной культуры. Тремя веками позднее эта система совершенно незаметно переходит в другую, с сильно усложненными формами, обнаруживающими уже совсем другую эстетику. Это была полная революция, и тем не менее в тот момент, когда она совершалась, никто не рассчитывал на перелом.

И эта революция вызвала гораздо больший отголосок, чем обычно думают.

В романскую эпоху город сложился в виде прямых призм. В формах, в которые облекались дома, доминировала горизонталь. Геометрия

в самом чистом виде утверждалась повсюду, и даже ландшафтам прививали это свойство. Примерно в течение одного века город и ландшафт постепенно преобразились, приняв вид, полностью противоположный прежнему.

Перенесемся теперь в осенний период года. Разводят сады; в последние дни я тоже засадил два. Вы можете убедиться, что человеческий разум проявляется не только в работах чисто гуманистических, как архитектура, но и тогда, когда мы обращаемся к природе, создавая ландшафты или отбирая породы деревьев, пластические свойства которых возвращают нас к системе, определяемой разумом.

Природа, культивируемая человеком, хорошо сочетается со зданиями, которые он строит. Путешествуя по разным странам, вы увидите, что формы культуры предопределяют и характер ландшафта. Деревянные дома объединяются по тому же принципу. Участвует в этом и климат, диктующий ландшафту его форму.)

Я хочу показать, что между различными состояниями ума, как и между его различными категориями, существует своя иерархия и что одни из них могут быть выше других. Во всяком случае, я позволю себе утверждать — и я докажу вам это, — что человеческий ум отчетливо проявляется в геометрии. Именно с тех пор, как геометрия стала столь могущественной, ум человека достиг большего развития по сравнению со временем варварства.

Я не хочу сказать этим, что средневековая культура была варварской, но она восходила своими корнями к временам, еще варварским. К мутному прошлому и только еще начала развиваться, в то время как античная культура, наоборот, дала изумительные решения, опирающиеся на геометрию.

Я хочу показать, что обращение к геометрии нашло свое выражение в том аспекте человеческой деятельности, который охватывает все, начиная с дома до ландшафта. Вы знаете дом, каким он родился, — примитивным: крыша поверх простой стены. Но постепенно он эволюционировал в результате поисков более резко выраженной горизонтали. В период умственного расцвета, как в эпоху Возрождения, горизонталь становится уже главенствующей, заканчивая вершину композиции четкой линией,

заменявшей косые скаты крыши, стрельчатых фронтонов, слуховых окон и пр. Крыши маскируются аттиковым этажом, имеющим целью скрыть от глаз неприятную косину, нарушающую ортогональный принцип композиции. Но и такая архитектура в стиле Возрождения противоречит справедливым требованиям рассудка, стремлению ума к определенности и чистоте.

Разительным показателем деятельности ума являются его постепенное культивирование и самоусовершенствование, способствующие выбору средств, позволяющих применить принципы чистой геометрии или по меньшей мере те ее положения, которые могут быть использованы, — иными словами, пропорции, или язык архитектуры, приложимые в особенности в прямоугольной системе.

Теперь мы располагаем средствами для наилучшего осуществления нашего стремления к геометрии. Это средство — железобетон, применение которого нам предлагает безупречная прямоугольная техника. Мы обладаем прямоугольным методом, которым никогда не владела ни одна эпоха и который позволит нам использовать геометрию в качестве основного элемента архитектуры. Поэтому я хотел бы сегодня особо остановиться на значении и исключительной важности геометрии.

Последовательно проходя по этапам архитектуры, ум человека культивируется и уточняется. Вместе с тем развиваются и становятся более точными и могучими и наши средства. Мы обладаем способом, который нам дали прямой угол и чистая геометрия и роль которого мы должны особенно отметить, поскольку он позволяет нам глубже познать творения высокой архитектуры. Этот геометрический дух, безусловно, самое ценное, что может нас особенно интересовать. Даже в настоящее время — время прогресса — восприятие этого принципа представляется событием, и притом довольно новым.

Когда в 1920 году мы — я со своими двумя друзьями, Озанфаном и Дэрме, — заложили фундамент «Нового духа», мы оказались лицом к лицу с явлением кубизма, находившегося тогда в расцвете: это была революция, выраженная простейшими геометрическими элементами. Вместе с кубизмом на этот путь вступил и фу-

туризм. И наконец, с большим шумом представил этот период жизни между 20—30-ми годами дадаизм, течение молодых, когда все отрицалось, никто ни о чем не думал, кроме того, чтобы выразить себя.

«Новый дух» в этот момент определился как программа конструктивной системы. Поэтому мы не могли не заняться вплотную «машинизмом», который, как мы признаем, представлял собой новое, исключительное явление, событие эпохи. Нас атакуют теперь, и эти атаки ведутся очень резко. Машинизм, упрекают нас, вы всегда о нем говорите, мы его знаем, вы прожужжали им все уши, вы нам надоели.

Если кто-либо чувствует себя утомленным от разговоров о машинизме, то это еще раз подтверждает ту баснословную быстроту, с какой укореняются идеи. Когда мы предприняли искания среди водоворота идей и мнений для нахождения разумной системы, соответствующей современному преобразованию общества и социальных отношений, мы были новы. Мы имели дело только с людьми, которые бесповоротно от радости или негодования, вызванных шумом машин, или при виде пулемета, копра, машины для окуривания, машины для истребления людей и т. д. Наоборот, мы стремились изучить машину, чтобы потом предоставить ей выполнять ее роль — служить человеку. Мы хотели не любоваться ею, а оценить ее, мы хотели классифицировать события, чтобы закрепить в наших сердцах после победы разума те элементы, которые могут нас всколыхнуть.

Эта классификация, которую мы предприняли, была полезна, я думаю, для всей серии поисков, предпринятых с тех пор.

Наряду с этим мы определили как те условия, в которых развивался машинизм, так и тот экономический закон, с помощью которого регулируется в наше время вся работа. Мы установили, что машинизм базируется на геометрии и что человек, в сущности, живет исключительно геометрией, которая и есть его язык. Иными словами, порядок является качеством геометрии и человек характеризуется его отношением к порядку.

Первое, что должен бы здесь сделать человек, — это обосновать и ясно представить себе прямой угол и на основе его создать порядок.

Человек нашел способ измерять пространство путем координирования трех перпендикулярных линий. Этот метод настолько укрепился в его сознании, что кажется странным, когда об этом говорят. Однако не будем забывать, что мы стоим сейчас на грани периода — того, что начался в конце XIX века, — очень сильной реакции против порядка, периода страха перед страстным призывом к порядку, которого так требовала машина. Не все еще хотят порядка, и понадобится немало лет, чтобы организовать новую жизнь на базе исключительного порядка.

Человек — я еще раз подчеркиваю это — определяется его отношением к порядку. Когда вы подходите к железнодорожному пути на Париж, что представляется вашим глазам? Разве не безграничное стремление к порядку, не борьба с природой из желания овладеть ею, классифицировать ее, добиться от нее удобств — словом, включиться в человеческий мир, который не являлся бы сферой враждебной нам природы, а был бы нашим миром, миром геометрического порядка? Человек трудится лишь на базе геометрии. Рельсы абсолютно параллельны, откосы разработаны по геометрическим чертежам, мосты, виадуки, шлюзы, каналы — все это городское строительство, равно как и пригородное, развертывающееся вдали, в сельских местностях, показывает, что, когда человек действует или хочет действовать по доброй воле, он так или иначе становится геометром и творит на основе геометрии. Ее влияние выражается в том, что в ландшафте, который является созданием природы и представляется с точки зрения геометрии случайным, работа человека мыслится только в виде прямых, вертикалей, горизонталей и др. Так, господство прямого угла предопределяет проектирование городов и строительство домов.

То огромное и решающее значение, какое придается прямому углу, уже само по себе служит подтверждением роли всеобщего порядка, весьма важным и определяющим как эстетику, так, следовательно, и архитектуру.

Однако этот вопрос продолжает вызывать разногласия. В книге, озаглавленной «Эвполи или Архитектор», Полю Валери, поэту, удалось выразить понятие об архитектуре так, как это не смог бы сформулировать никакой зодчий.

Валери прекрасно чувствует и говорит о многих вещах, очень глубоких и очень редких, которые волнуют архитектора, когда он творит. И тем не менее в диалоге между Сократом и Федром он пускается в довольно озадачивающие нас рассуждения.

«Если я скажу тебе, — говорит Сократ, — возьми кусок мела или угля и нарисуй на стене, то что ты нарисуешь? Какой будет твой первый жест?»

И Федр, взяв уголь и рисуя на стене, отвечает:

«Мне кажется, это струя дыма. Она устремляется вверх, возвращается, завивается, завязывается узлами, создавая причудливое изображение, без цели, без начала и без конца, без какого бы то ни было намека на то, что мой жест свободен и подчиняется моей руке».

Нельзя без удивления вообразить, что такое именно первый жест человека. Мне — я не философ, а просто активное существо — представляется, что первый жест не может быть вовсе бессознательным, что уже при рождении человека, в момент, когда глаза впервые раскрываются навстречу свету, пробуждается его воля. Если бы мне дали нарисовать что-либо на стене, я, думаю, изобразил бы крест, образующий четыре прямых угла, который даст и совершенное выражение чего-то возвышенного и вместе с тем ощущение власти над нашим миром: здесь два угла из четырех прямых служат опорой для координат, с помощью которых я могу выразить место в пространстве и измерить его.

Полю Валери, кажется, тоже приходит к аналогичному заключению. И действительно, немного дальше в его книге Сократ так говорит о геометрии: «Я не знаю ничего более божественного, более жизненного, более простого, более могущественного...»

Эли Фор как-то спросил меня, почему нас так волнует мост? Мы знаем, что среди сооружений, построенных человеком во все века, мост был единственным, выполненным полностью в соответствии с геометрией и, на наш взгляд, так же точно и безупречно. Переброшенный через капризные извилины рек, через оползни или беспорядочные нагромождения скал, проложенный меж задумчивых роц, мост, прочный и крепкий, как горный кристалл, висит среди

окружающего беспорядка. Здесь в труде человека нашла свое выражение его воля.

Я показал вам в рисунках, выполненных на черном фоне, изображения того, как человек, используя постепенно приобретенное мощное оборудование, открывает сначала бессознательно, а затем и сознательно, посредством расчетов, основной принцип своих действий, находит свои «стандарты» — геометрический закон.

И тогда человек испытывает огромное удовлетворение от того, что сумел избавиться от работы свои патруженные руки, передав ее машине, которая на базе геометрии может выполнить со всей эффективностью замыслы его ума. Человеку, сведущему в геометрии и работающему с нею, становятся доступны, таким образом, все те высшие наслаждения, которые называются наслаждениями математического порядка. Итак, мы приходим к выводу, что в человеческом обществе, где геометрия занимает исключительное положение, как это наблюдается теперь, искусства и мысль не могут быть отделены от этого геометрического и математического феномена.

Я думаю, что никогда до настоящего времени мы не жили в такой геометрический период. Стоит поразмыслить о прошлом, вспомнить то, что было ранее, и мы будем ошеломлены, видя, что окружающий нас мир — это мир геометрии, чистой, истинной, безупречной в наших глазах. Все вокруг — геометрия. Никогда мы не видели так ясно таких форм, как круг, прямоугольник, угол, цилиндр, шар, выполненных так отчетливо, с такой тщательностью и так уверенно. Машинизм тем и ценен особенно, что он показал нам наш мир в совершенно новом виде, в который другие века не могли облачиться. Даже такие крупные математики, как Пифагор, Коперник и многие другие, только мысленно открывали этот мир — мир, который мы можем лицезреть хоть каждый день. . .

Так мы подходим к вопросу о роли геометрии в архитектуре, требования к которой, как я полагаю, могут быть теперь сформулированы благодаря наличию необходимых средств. Это не могло быть сделано 15—20 лет назад, потому что мы не были еще надлежащим образом подготовлены к применению таких средств, как железобетон.

Железобетон появляется начиная с шестидесятих годов XIX века, но широко применяется и доущеп всюду лишь недавно. Этот способ, ставший общим и всем доступный, базируется и логически восходит к элементарному построению прямого угла. Он привлекает нас тем, что вполне отвечает принципу нашей эстетики — давать радость.

(Я приношу свои извинения в том, что, не желая говорить о вещах, мне недостаточно известных, я буду приводить в своем дальнейшем изложении примеры лишь из моих собственных работ и работ моего коллеги Пьера Жанниере, что поможет мне избежать возможных ошибок.)

Обычно лучшие архитектурные образцы ищут, изучая дворцы, и это приприсит, вероятно, известные результаты. (Но я буду говорить просто о доме, который дает вполне достаточное основание для формулирования законов и правил архитектуры. Настоящая архитектура занимается домом, но домом обыкновенным, простым, для людей также обыкновенных, простых, не касаясь дворцов. Создать дом для обыкновенного, «нормального» человека — это значит определить характер его потребностей, исходить из масштаба соотношения человека и здания, найти типичные для всех людей потребности, функции и эмоции.

Дом имеет двойное назначение. Прежде всего это *машина для жилья*, иными словами, машина, предназначенная оказывать нам эффективную помощь в скорейшем и правильном выполнении работы, машина, быстрая, способная удовлетворять наши потребности в комфорте. Кроме того, это место, пригодное для размышлений, и, наконец, красивое место, где нашему уму создается столь необходимый ему покой.) Я не утверждаю, что искусство насытит весь мир, я говорю только, что в некоторых умах дом должен вызывать чувство красоты. Все то, что так или иначе затрагивает практическую сторону дома, — работа инженера; размышления, дух красоты, порядок (опора этой красоты) — сфера *архитектуры*. Работа инженера, с одной стороны, архитектора — с другой.

Дом есть прямое порождение антропоцентризма; иными словами, здесь все ведет обратно к человеку. С этой очень простой точки зрения дом неизбежно должен интересоваться нас боль-

ше всего другого, потому что он связан с нашей жизнью: дом — раковина улитки. Поэтому нужно, чтобы он был сделан по нашей мерке.

Привести все, таким образом, к человеческому масштабу совершенно необходимо. Это — единственно правильное решение, единственное средство, позволяющее ясно представить себе проблему современной архитектуры, провести полную переоценку ценностей и необходимую ревизию всего после того периода, который в целом являлся последним отзвуком Ренессанса, завершением почти шестивековой культуры. Этот блестящий период, разрушенный еще до наступления нашего индустриального века, посвятил себя в противоположность нашему веку внешней пышности, дворцам сеньоров, папским церквям.

Сейчас, как я уже говорил, мы стоим перед лицом нового явления — индустриализации. Способы построения дома в соответствии с человеческим масштабом теперь коренным образом изменились и сильно обогатились, являясь самым полным противоположностью тому, что мы получили в последние от прошлого, ставшего для нас ныне совсем бесполезным. Новая эстетика идет пока еще ощупью. Мы присутствуем сейчас при рождении новой формы, которую и попытаемся определить.

Антропоцентризм — это возобновление контакта с человеческим масштабом или, грубо говоря, изучение дверей и окон. Дом — это ящик с открывающимися дверями и окнами; двери и окна — элементы архитектуры. Дошли до того, что строили здания с дверями высотой и 1,2 и 3 метра, — и те и другие одинаково неудобны. В связи с таким нарушением определенных законов был разработан постепенно свод правил, предусматривавших допустимые колебания в размерах этих конструкций, причем в основу их был положен средний рост человека — 1,8 метра. Сейчас предстоит произвести пересмотр как этих размеров, так и других элементов архитектуры.

Я хочу сказать, что двери и окна являются определяющим в архитектуре; это не парадокс, и в этом можно убедиться, изучая историю окна.

В римские времена в домах Помпеи, как известно, не было или почти не было окон; были только проемы, выходящие в сад или во внут-

ренний двор. Через большой проем пролился свет, и в нем же была дверь для прохода.

В нашей стране, где климат и условия домашней жизни совсем иные, требовалось другое. Делать в стене проемы было очень трудно: потребовалось бы укреплять стену над этим проемом, нарушая установившийся порядок. Арка не могла быть очень большой, окна были маленькие.

С появлением стрельчатых арок и различного вида аркутанов мало-помалу получило распространение готическое окно, которое позволяло, как это можно видеть в соборах, его расширить. Однако превысить определенную ширину окна в доме было невозможно, потому что это сделало бы арку очень высокой и высота этажей оказалась бы чрезмерной. Поэтому окна в домах строились небольшие, но более часто. Затем, в эпоху Возрождения, появились окна с каменными импостами, которые кое-где сохранились до наших дней. Отметим, однако, что в конструкциях начиная с Людовика XIV каменные импосты, как правило, уже не встречаются. Позднее эти окна с каждым днем все больше приближаются к человеческому масштабу, при Людовике XVI появляются дома, построенные по одному типу, с учетом человеческого масштаба. Наконец, Осман при реконструкции Парижа установил форму и габариты окна, которые могут быть использованы повсюду и представляются нам совершенными настолько, что они кажутся уже неизменными. В заключение я хочу упомянуть еще о конструкции окна после 1900 года, не подкрепленной, однако, серьезными доводами и являющейся следствием применения гипса и папье-маше в архитектуре павильонов Всемирной выставки.

Таким образом, вся архитектурная эстетика обуславливается практическим назначением, как, например, высота этажа, и может полностью изменяться при использовании новых технических средств, каким является железобетон.

До применения железобетона окна не могли быть с пользой расширены, поскольку для этого потребовалось бы делать над ними очень длинные плоские перекрытия, трудно выполнимые, или арки, которые намного подняли бы потолок.

Теперь же дом можно конструировать с опорами из железобетона (который вы знаете), располагаемыми секциями, диаметром 15—20 сантиметров на расстоянии в среднем 5 метров одна от другой и с пустотами между ними. Таким образом, дома, которые раньше строились со сплошными стенами, конструируются теперь лишь с такими колоннами. В дальнейшем новые многоэтажные дома предстанут перед нами с фасадом в виде огромной решетки из железобетонных колонн с пустотами между ними.)

В связи с этим передо мной неожиданно возникла проблема, разрешению которой я посвятил свои поиски. Я не претендую на ее бесспорность, я предлагаю ее рассмотреть, чтобы таким путем подойти постепенно к логически оправданной системе.

Зачем, спрашиваю я, заполнять это пространство, раз мне дали его пустым? Для чего нужно окно, как не освещать стены? И это не избитая истина, а подлинно архитектурная реальность. Если обыкновенное окно освещает противоположную стену, то боковые стены оно освещает уже слабее и совсем не освещает ту, в которой оно пробито; две теневые зоны поглощают половину комнаты. Зато, если я сохраняю пустоту и все пространство между колоннами незаполненным, я обретаю всеобъемлющее чувство архитектуры, физиологическое и ясное ощущение света; в этом свете чувствую себя прекрасно. Таким образом, я прихожу к мысли, что широкое окно, равное по площади высокому, предпочтительнее, так как оно позволяет лучше освещать и соседние стены. (Оно имеет и другие преимущества при устройстве комнат, но на этом я не останавливаюсь.)

Отсюда можно сделать разные выводы и заключения, но главное, что я хочу подчеркнуть, — это сила явления антропоцентризма. Человек в моем представлении выше всего, что его окружает, и я спрашиваю себя, что нужно для того, чтобы у него было хорошее настроение. Я полагаю, что с физиологической стороны это прежде всего окно. Здесь, таким образом, я вторгаюсь в область архитектуры, своеобразно претворенной.

До 1900 года, говоря о домах, подразумевали стену и крышу, это были две определяющие части дома. Без всякой претензии на остроумие

я бы сказал, что стены и крыша больше не существуют, не имеют оснований существовать. Попытаюсь разъяснить то, что вы могли бы счесть за причуду.

В прежние времена стена несла различные функции. Она служила защитой от злоумышленников; стены городов, крепостей и домов — все это преследовало одну цель: защиту. С исчезновением этой потребности стены стали приноситься под жилье, приобретая уже другую функцию — служить опорой для перекрытий. Их стали делать толще, потому что они строились из камней, вообще трудно соединяемых; к тому же их укладывали, не скрепляя, то есть без применения хорошо схватывающегося раствора; портландский цемент появился только в конце XIX века. До этого для связывания камней или щебня применяли, и то как попало, грязь, глину или слабую известь. Нужно было утолщать стены, чтобы сделать их достаточно прочными.

После появления искусственных цемента, более прочных, чем камень, сразу же стали думать о менее толстых стенах. Позднее внедрение железобетона позволило поставить вопрос о полном упразднении несущих стен. Колонны, употребляемые сегодня, дают мне право говорить о ликвидации таких стен. Для этого нужно только заделать проемы между колоннами, чтобы защититься от холода, жары или непрошенных гостей. Заметим, что тонкая двойная стена более эффективна, чем простая и толстая.

Благодаря современным материалам стена строится теперь только в виде тонкой переборки из кирпича или какого-либо заменяющего его материала. Изнутри комнаты ставится вторая такая же переборка. Таким образом, то, что являлось ранее несущей конструкцией, стало просто заполнением. Доводя эту практику до абсурда, я, пожалуй, мог бы без труда и без особых опасений строить стены из бумаги.

Итак, перед нами новое явление в архитектуре. Я не буду более задерживаться на больших толщинах и поверхностях стен, которые уже в самих себе несут законченную эстетическую систему.

Современная техника приводит нас к другим возможностям. Покатая крыша была ранее единственным средством удалять дождевую во-

ду. Начиная с конца XIX века портландский цемент позволил делать плоские крыши-террасы, совершенно водонепроницаемые.)

Я понимаю, что, утверждая это, я могу вызывать сомнения, но я решительно отвергаю их. Если многие конструкторы и избегают крыш-террас, то они поступают совсем плохо, когда смешивают старые принципы с новыми способами.

Ранее крыши укладывались по деревянным стропилам и дождевая вода стекала наружу по водосточным трубам — другого способа не было. Теперь железобетонные покрытия позволяют выводить дождевую воду не только наружу, но и внутрь дома, для чего нужно делать террасы со стоками.

Это очень важное усовершенствование. Приглашенный строить дом высотой 100 метров в местности с очень суровым климатом и обильными снегопадами, я должен был изучить связь явлений и определить, сколько технических новшеств вводится в эту игру, последствия которой могли оказаться огромными и неожиданными.

Дома на верхних склонах Юры имеют фаянсовые печи, которые распространяют тепло по всем этажам. Если, к несчастью, включают центральное отопление, то жара разливается по всему дому до самой крыши. Нижняя часть снежного покрова, соприкасающаяся с крышей, тает, и вода стекает на черепицу сквозь снежный слой.

У стены прямо под крышей действие жары не проявляется (представьте, что мороз достигает иногда 18 градусов), и вода, проникающая на черепицу или на шифер, замерзает, образуя глыбы льда, которые нависают над водосточными трубами и их срывают.

Однако включение центрального отопления приводит к еще более тяжелым последствиям, которые я изучил на собственном опыте, конструируя большой кинотеатр на 1200 мест. Я думаю, что этот эксперимент является типичным экспериментом, подлинным лабораторным опытом, поскольку редко бывает, чтобы условия так явно совпадали. Над кинозалом, на всю его ширину, простиралась крыша, на которой в течение одного дня образовалась целая снежная перина, более полуметра толщиной. Центральное

отопление выгнало изнутри на крышу массы нагретого воздуха, к которому прибавилось к полудню тепло от двенадцати сотен присутствовавших зрителей. А между тем снаружи было двадцать градусов мороза при двадцати — тридцати градусах тепла внутри. Моя крыша ночью дымилась, как громадный чайник: пар облаками поднимался к небу. Между снежным покровом и крышей скопилось тысячи литров воды. Но...

Но у наружной стены под крышей жара не ощущалась. Холод — 20 градусов ниже нуля. Скопившаяся под снежным слоем вода просочилась на крышу, пропитав также и снег. Водосточный желоб у стены наполнился льдом. Вверху над крышей и внутри у самой стены черепица, вода и снег образовали сплошной лед. Настоящая ледяная стена, ледяной борт, непреодолимый для воды, стекающей с этой огромной кровли. Тысячи литров воды, следуя закону сообщающихся сосудов, нашли себе проход за первым рядом черепицы внутрь и вылились в кинозал. Целый поток вдоль стен прямо в здание.

Логический вывод из этого типичного эксперимента: крыша должна быть плоской, а не горбатой; вода должна выливаться внутрь через трубы под воздействием нагретого внутри дома воздуха, который не позволит им замерзнуть. Снег может спокойно накапливаться на террасе, создавая великолепную изоляцию от холода.

Если это решение является единственным в условиях самых суровых, то можно быть уверенным, что оно будет единственным и во всех других случаях. Крыша, рассчитанная на непастную погоду, должна быть плоской и спускать свою воду внутрь, с тех пор как центральное отопление введено в домах.

Попробуйте теперь дать себе отчет в тех эстетических архитектурных последствиях, к которым могли бы привести во всей стране упразднение обычных крыш и их замена террасами.

Пятнадцать лет назад в Германии возникло общество по внедрению в строительство крыш-террасами, что с эстетической точки зрения считалось красивым. Однако никто не вник в сущность этой проблемы, не дал ей технического обоснования, которое бы удовлетворяло наш ум, помогло осознать ее, побудило идти впе-

ред. Между тем техника убеждает и укрепляет нас в нашей правоте. Сейчас можно говорить о красоте геометрии и прямого угла, тем более что они признаны и даже утверждены техническими условиями как обязательные.

Следовательно, когда я говорю: нет больше крыш, нет больше стен, когда я говорю, что они глубоко противоположны эстетике, я вынужден искать новую эстетику.

Чтобы сформулировать эту эстетику, необходимо подвести под нее надежные основания. Какие же это основания?

Нужную отправную точку нам дает физиология чувств.

Эта физиология есть, в сущности, реакция наших чувств на оптические явления. Мои глаза передают моим чувствам то, что они видят. Так, в соответствии с различными линиями, которые я наносю на график, у нас возникают различные ощущения. ломаная и непрерывная линии оказывают неодинаковое воздействие на нашу нервную систему: мы ощущаем резкость или мягкость линий, которые мы рассматриваем.

Посмотрим теперь, как отражаются на нашей чувствительности эти физиологические ощущения. Перед вами на выбор: ломаная линия производит тягостное впечатление; непрерывная — приятное впечатление; система несвязанных линий — ощущение неопределенности; система ритмических линий — чувство равновесия. Вы сами очень скоро убедитесь в том, что сделанный вами выбор линий должен быть достаточно обоснован. Здесь вы неизбежно возвращаетесь к тому, к чему всегда прибегают художники, выбирая те линии и формы, которые дают удовлетворение нашим чувствам. Таким образом, и в этой области линий и форм, которые отвечают нашим чувствам, еще раз обнаруживается огромная роль геометрии.

Большое значение приобретает здесь применение форм чистой геометрии. Эти формы привлекают нас особенно с двух сторон: прежде всего они явно влияют на всю систему нашего восприятия; затем, с духовной стороны, они несут в себе совершенство. Эти формы, созданные геометрией, формы, которые мы называем совершенными, каждый раз, когда мы встречаемся с ними, вызывают в нас большое удовлетворение. Не будем забывать, что мы живем в эпо-

ху, когда благодаря новым конструкциям мы в первый раз оказались в атмосфере полного согласия с чистыми геометрическими формами.

Я хотел бы с помощью измерений показать вам, с какой точностью определяется композиция архитектурного сооружения и как согласуются с ней геометрические функции архитектуры.

Я уже говорил о том, что технические средства предшествуют и являются условием всякой стройки, что они определяют архитектурные формы, а иногда и вызывают радикальную эстетическую перестройку. Здесь нужно решить проблему единства, являющуюся основой гармонии и пропорции. Решению проблемы единства служит графическое пропорционирование (чертеж-регулятор).

По когтям, говорят, узнают льва. Архитектурные сооружения во всех своих частях должны быть так гармоничны, чтобы по когтям действительно узнавали льва.

Что такое эмоциональные формы архитектуры? То, что видит глаз. Что видит наш глаз? Он видит поверхности, формы, линии. Задача в том, чтобы все части архитектурного сооружения слить в то основное, что определяет наши эмоции, то есть в формы, которые их вызывают, одушевляют, создают между ними осязательную связь, соотносятся с нашими чувствами.

Отношения, ритм, пропорции, эмоциональные условия, машина, порождающая эмоции, — все это чисто архитектурные тонкости. Важнее здесь дарование.

Вот как строится эмоциональное здание архитектуры. Прежде всего общий куб здания; он производит на вас определенное, глубокое впечатление — это первое сильное ощущение. Вы пробиваете окно, проделываете дверь; тотчас же между этими плоскостями устанавливаются известные соотношения; математика включается в труд. Это уже все, это архитектура. Остается отшлифовать работу, добиваясь полного единства, упорядочивая ее, регулируя ее различные элементы. Возникает необходимость пропорционирования. Метод графического пропорционирования — во всяком случае, по свидетельству крупнейших историков искусства — был очень распространен в некоторые

эпохи. Об этом я читал, в частности, в великоленной истории архитектуры Шуази, которая правильно и довольно исчерпывающе говорит о путях развития в нас стремления к единству.

В последнее время этот метод вышел из уюта. Наша задача — вернуться к этому полезному средству, найти путь к его возобновлению.

Я написал как-то об этом статью. Годом позже я получил письмо от одного коллеги из Амстердама, человека весьма известного, сделавшего в прошлом большую карьеру. В своем письме он сообщил мне, что в свое время он тоже пользовался методом графического пропорционирования. Одновременно он прислал мне свою книгу. В ней я нашел чертежи, вызвавшие, однако, возражения с моей стороны.

Например, он дает чертеж фасада с башнями. Этот чертеж выполнен в виде диагональной сетки, на которую нанесены — это нетрудно — все точки конструкции. Но это отнюдь не чертеж-регулятор, это просто канва для выпивания крестиком. Настоящий чертеж-регулятор — это такой чертеж, где все детали должны быть объединены, части сочетаются с целым, фрагменты согласуются между собой, а математика одушевляет все эти элементы, т. е. устанавливается пропорция.

Я хочу упомянуть еще, что данный метод, чтобы быть объективным, должен точно отражать действительность, никогда не следует скатываться к фразеологии и тем более предаваться иллюзиям заумных графиков.

Отсюда вы видите, какое значение я придаю согласованию основных элементов с элементами второстепенными, что достигается соотношением геометрии осязаемой с чистой геометрией.

Для архитектурного пропорционирования не существует единой формулы, легко применяемой во всех случаях. Можно сказать, что это дело вдохновения, подлинного творчества. Необходимо найти такой геометрический закон, который бы служил основой композиции, определял и упорядочивал ее, возникал в нужный момент в уме человека, объединял все. В связи с этим могут возникнуть некоторые изменения и переделки, пока наконец во всей композиции не восторжествует полная гармония.

В заключение еще несколько слов относительно определяющих черт подлинной архитектуры. Я говорю о карниз, с которым связана сейчас важная проблема, вызвавшая страстные споры.

Так же как нет больше крыши и нет стен, нет и карниза. Таков почти логически сформулированный принцип, приведший к важным последствиям. Ни стен, ни крыши, ни карниза! — смущающее нас достижение технического прогресса. Какое эстетическое преобразование!

Уничтожить карнизы — значит нанести тяжелейший удар по усвоенным нами привычкам, что, естественно, вызвало по отношению ко мне немало протестов, не имеющих серьезных обоснований. Однако единственное, что в конечном счете интересует меня с эстетической точки зрения, — это отказ от карнизов и включение этого коренного преобразования в редакцию нового архитектурного кодекса.

Первоначально карниз отвечал идее что-то поддерживать. Примитивный карниз — это часть крыши, выступающая за край стены, которую она укрепляла: элементарный принцип, встречавшийся во всех прежних конструкциях. Затем из желания сделать лучше для поддержания крыши стали настилать балки, которые выступали наружу сквозь каменные гнезда стены. Позднее эти выступы завершаются горизонтальным каменным поясом, на который опираются стропила крыши. Так появился карниз. Но нужно ли было ему так развиваться в стремлении стать важным органом архитектуры, своего рода головой? Карниз, как и ордера, становится постулатом, и его нельзя развенчать, не имея веских оснований.

Но тут неожиданно выдвигается новый принцип, устраняющий крышу. Поэтому отстаивать дальше карниз казалось уже парадоксом. Теперь здесь не нужна ни рука опытного архитектора, ни рука конструктора.

Но говорят, карниз украшает фасад. Однако строить карниз дорого, а мы, к несчастью или к счастью, живем в такое время, которое обязывает нас находить экономные решения. С философской точки зрения экономия — возвышенное стремление. Так не больше ли смысла, поскольку мы можем пользоваться цементом, делать карниз с острыми краями, сплошными, как края ваншты, который бы направлял дожде-

вую воду в центральный водослив крыши? Я отвергаю, до получения новых заключений, эффективность так называемой защиты, когда карниз далеко выходит за стены. Дождь падает в более или менее косом направлении. Зачем же тогда карниз, который на два-три метра выступает за фасад двухсотметрового небоскреба, зачем карниз для трехэтажного дома? ¹

Упразднить карниз в наши дни — значит вызвать эстетически важные и истинные революционные последствия. Отмена карниза, логически обоснованная, умение хорошо строить, не допуская конструкций неудобных, вызывающих аварии, является одним из наиболее характерных достижений современной архитектуры. Таким образом, мы приходим к следующему выводу эстетического порядка, выражающему общую точку зрения.

Простота — это результат экономии. Я придаю последнему слову очень большое значение, поскольку оно содержит в себе глубокий смысл. Большое искусство просто. Великие произведения просты.

Однако не будем никогда забывать — и я кончаю на этом, — что если простое велико и достойно, то оно, в сущности, есть не что иное, как синтез сложного, величественного, многообразного, не что иное, как их концентрация. Было бы прискорбно видеть себя сомневающимся в значении простого, если только оно не мода. И все же эта опасность нам угрожает.

Люди всегда ищут простое и восхищаются им, говоря: «Как это просто!» И если источником этой простоты являются большая сложность, подлинное величие, все идет хорошо. Но если простота вытекает из бедности мысли, тут уж не помогут разного рода украшения — ничто не достигнуто, нет никакого прогресса.

Строгое пропорционирование, упразднение карниза и крыши ведут к простоте. Однако эта простота требует со своей стороны большой точности конструирования, ясного замысла, абсолютно неоспоримых выводов, а также широкого применения пропорции и математических отношений, принося нам тем самым наслаждение математического порядка (о чем я уже упоминал в начале нашей беседы).

С этой точки зрения я считаю, что Выставка декоративного искусства, которая откроется в

будущем году, нанесет большой удар по тому, что еще называют «декоративным искусством». Мы живем не в то время, которое могло бы переварить это искусство. Декоративное искусство старо, как прошлогодний снег, и не имеет никаких оснований существовать после столь полного обновления нашего мыслительного аппарата. Нам скоро надоедят прелести этого искусства, утомительные и пустые в своем оформлении. И мы окажемся тогда лицом к лицу с единственной проблемой, которая может нас пленить: это ясность, прозрачность, чистота вещи, бесшумная и суровая, когда этого хотят от нее, но всегда такая, какой жаждет видеть ее человеческий дух; здесь нас будут вести новые конструкции с их неизбежными преобразованиями. Такое направление ума в данную эпоху потребует от нас собранности и усилий. Дух геометрического и математического порядка станет властителем архитектурных судеб. Так же как живопись после многих революционных находит свою судьбу, так и архитектура, управляющая по преимуществу соотношениями, найдет свое место в чистой геометрии.

Видную роль в этом смысле играет градостроительство, без которого архитектура данной эпохи утратила бы всякое значение, лишилась бы единственного разумного обоснования. Сотрясаемая сильными ударами все препятствия на своем пути, вызывая вокруг смятение, урбанизм своим могуществом быстро привлекает к себе внимание современников. Геометрическим путем ведет он нас к созданию совершенно новых городов как с внешней, так и с внут-

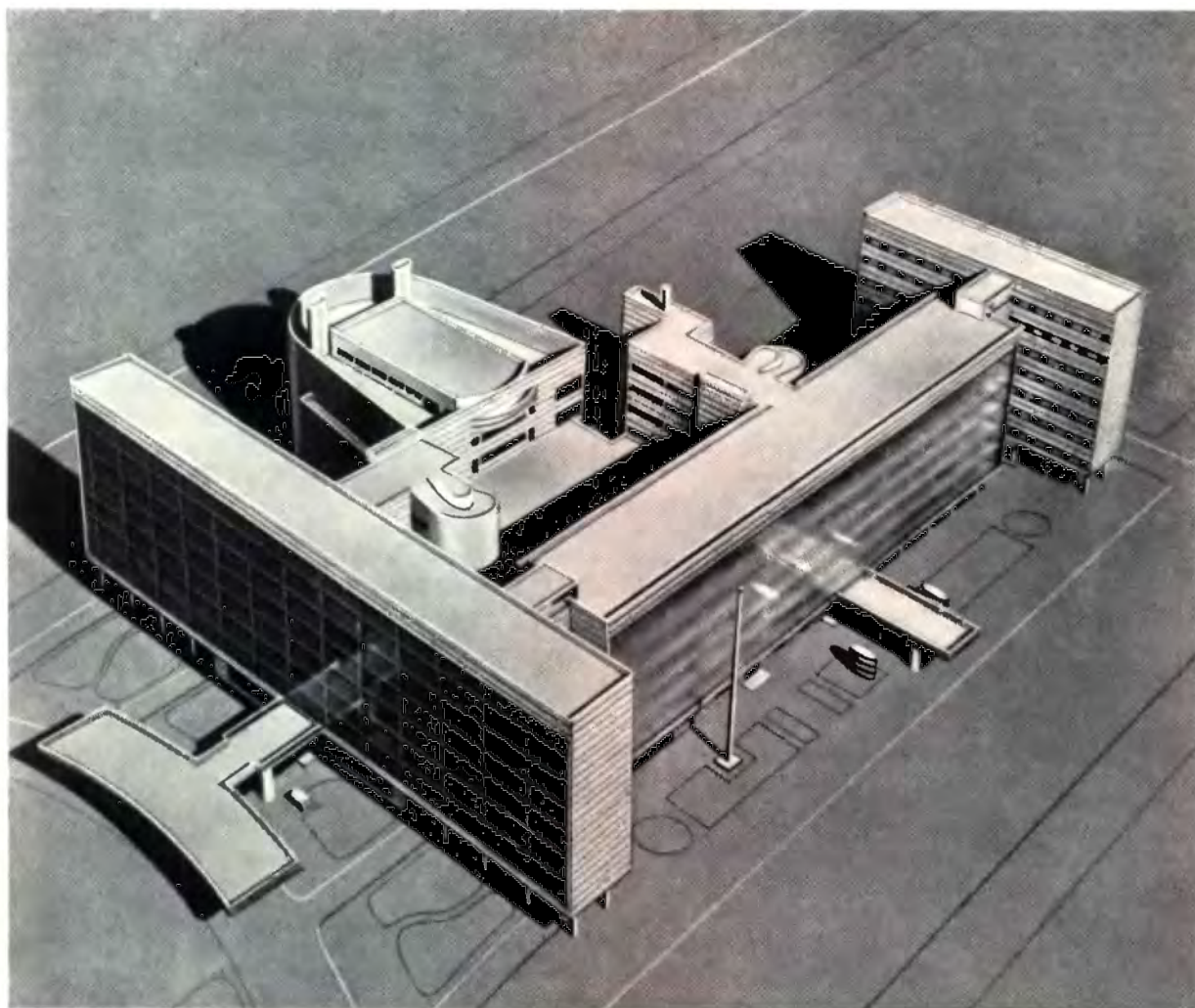
¹ И только два явления препятствуют нашей победе:

а) пористость обычно употребляемых строительных растворов. Дождевая вода, медленно просачивающаяся в течение нескольких часов сверху вниз, оставляет на какое-то время весьма неприятные следы, которые, правда, исчезают при первых лучах солнца. Но почему в этих случаях мы должны ограничиваться строительными растворами, имитирующими камень, и избегать глянцевитой штукатурки, у которой пористость отсутствует;

б) перепад дождевой воды через острый край звена, венчающего фасад. Однако сейчас мы изучаем устройство этого звена из чистопрокатного железа, позволяющее устранить явление перепада воды. Конечно, это потребует заново определить профиль дома на фоне неба.

ренней их стороны. Он резко восстает против больших городов вообще, против строительства в местностях новых и неисследованных: надо применяться к современному состоянию существующих городов.

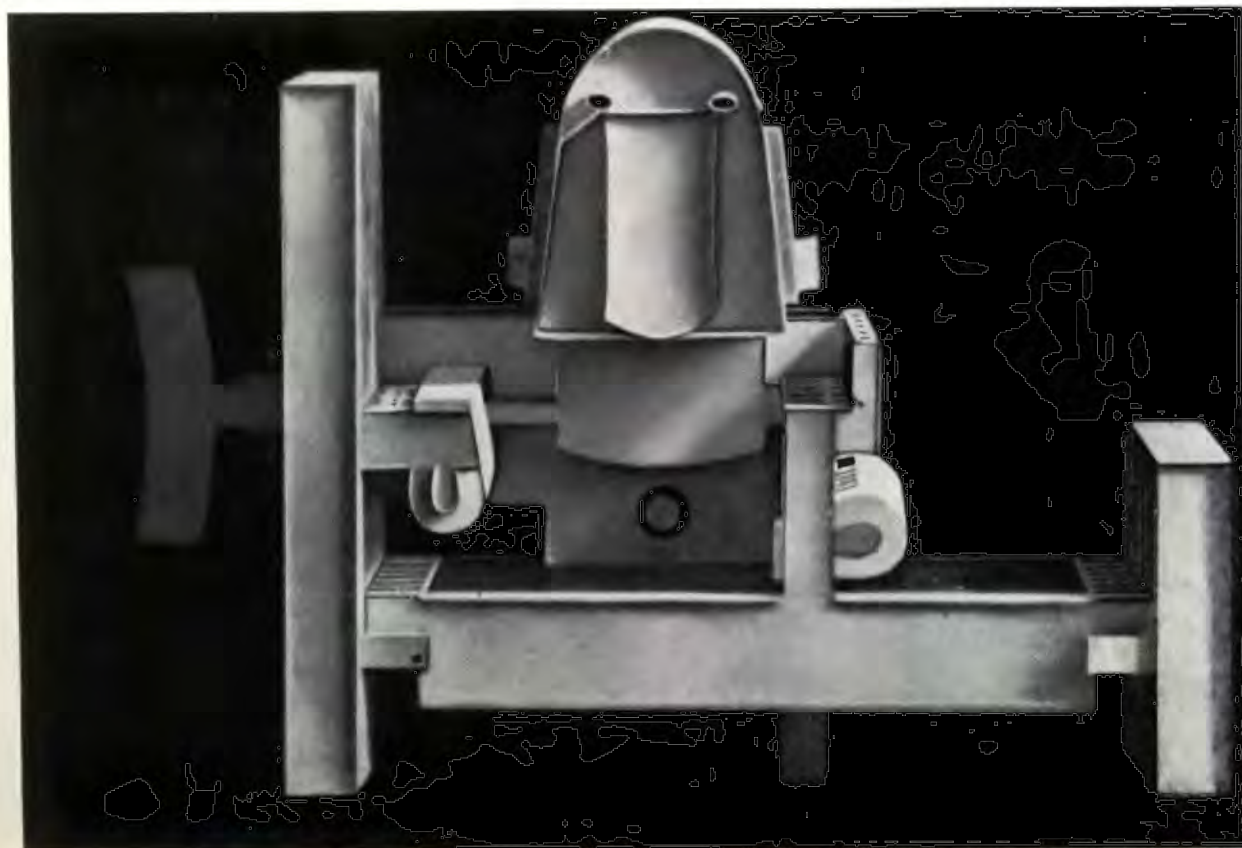
Мы за новые пути в создании городов. Что же касается Парижа, Лондона, Берлина, Москвы или Рима, то эти столицы должны быть полностью преобразованы собственными средствами, каких бы усилий это ни стоило и сколь велики ни были бы связанные с этим разрушения. Единственный возможный проводник здесь, повторяю, — это геометрический дух.

Дом Центросоюза в Москве. Перспектива
фасада с улицы Кирова.

Дом Центросоюза в Москве. Вид на макет сверху.

Дом Центросоюза в Москве. Вид с улицы Кирова.

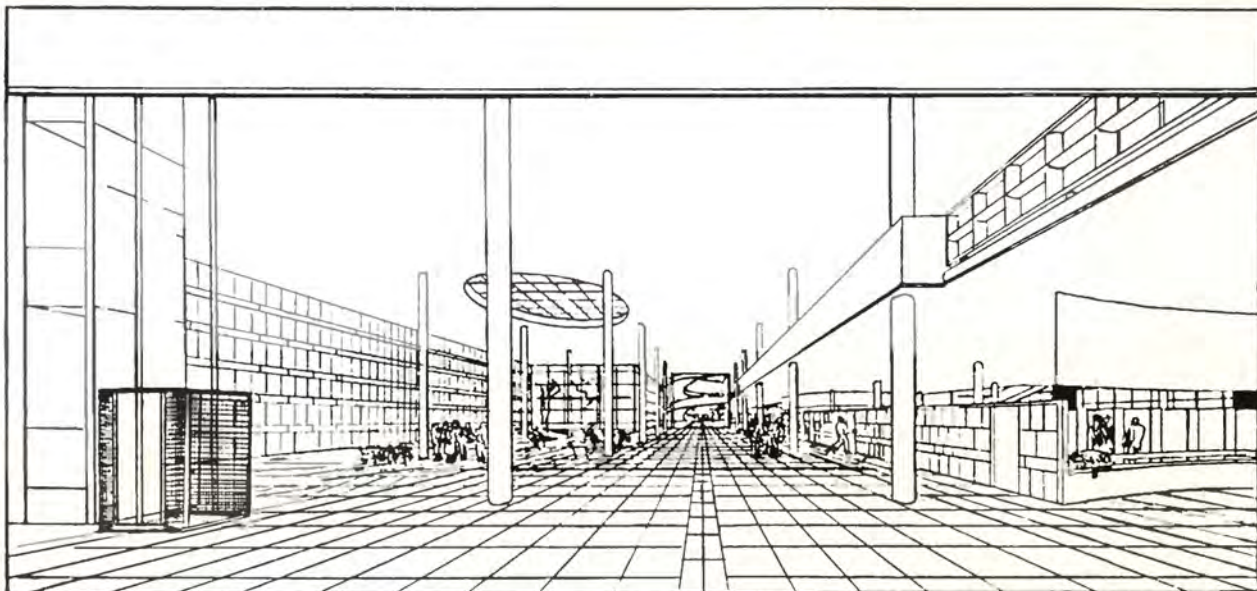

Дом Центросоюза в Москве. Фрагмент главного фасада.

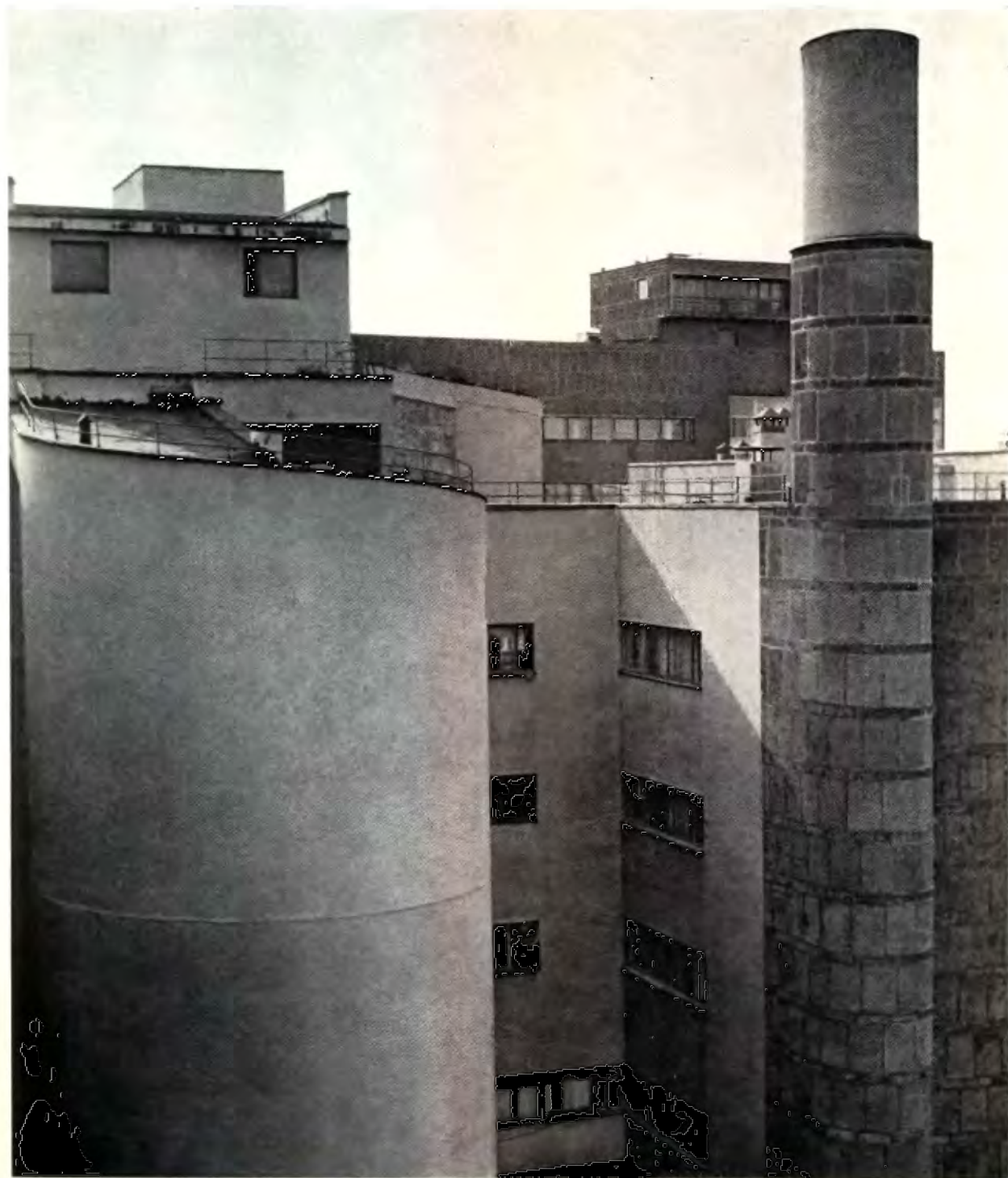
Дом Центросоюза в Москве. Западный фасад.

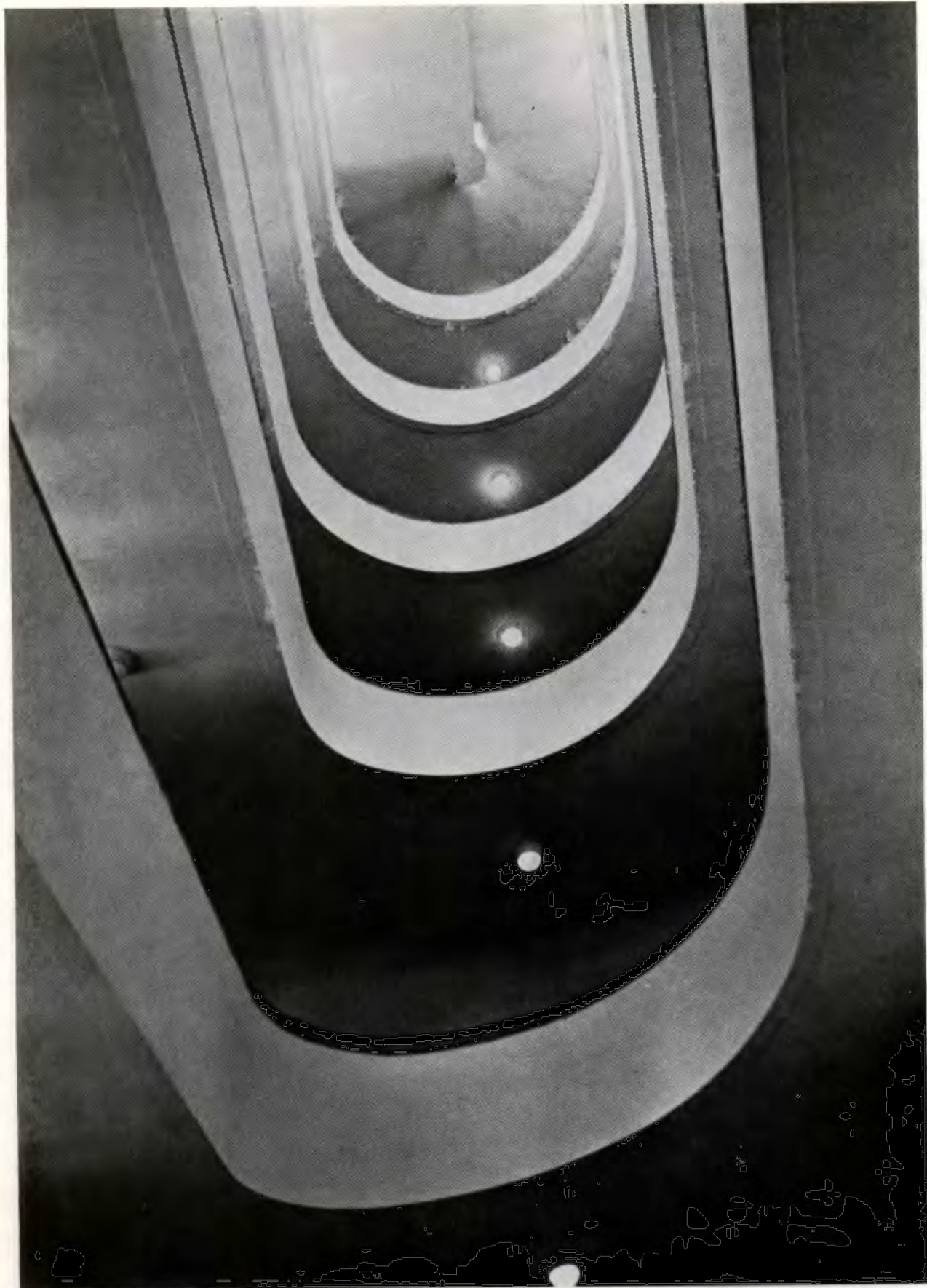
Дом Центросоюза в Москве. Перспектива главного холла.

Дом Центросоюза в Москве. Фрагмент западного фасада.

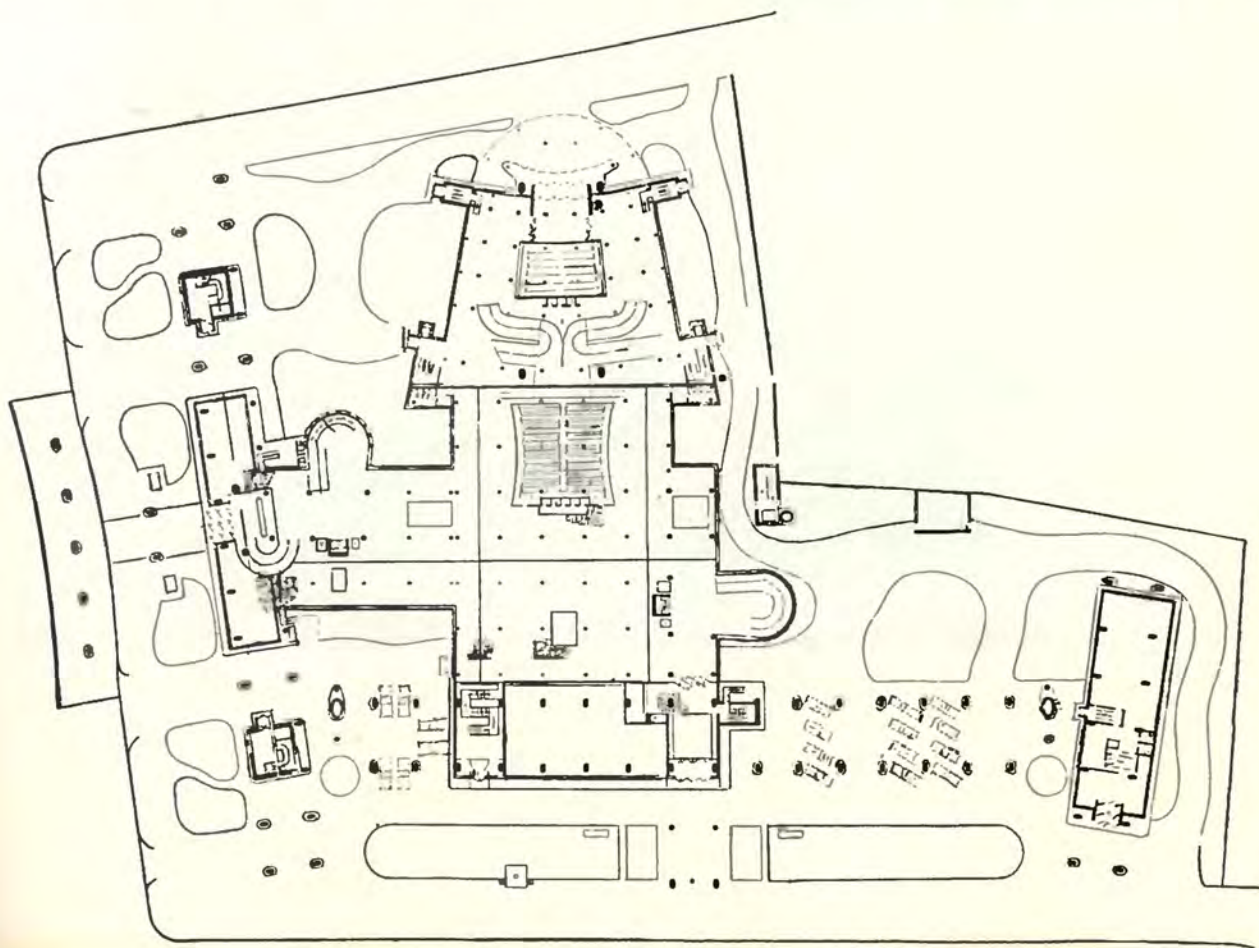

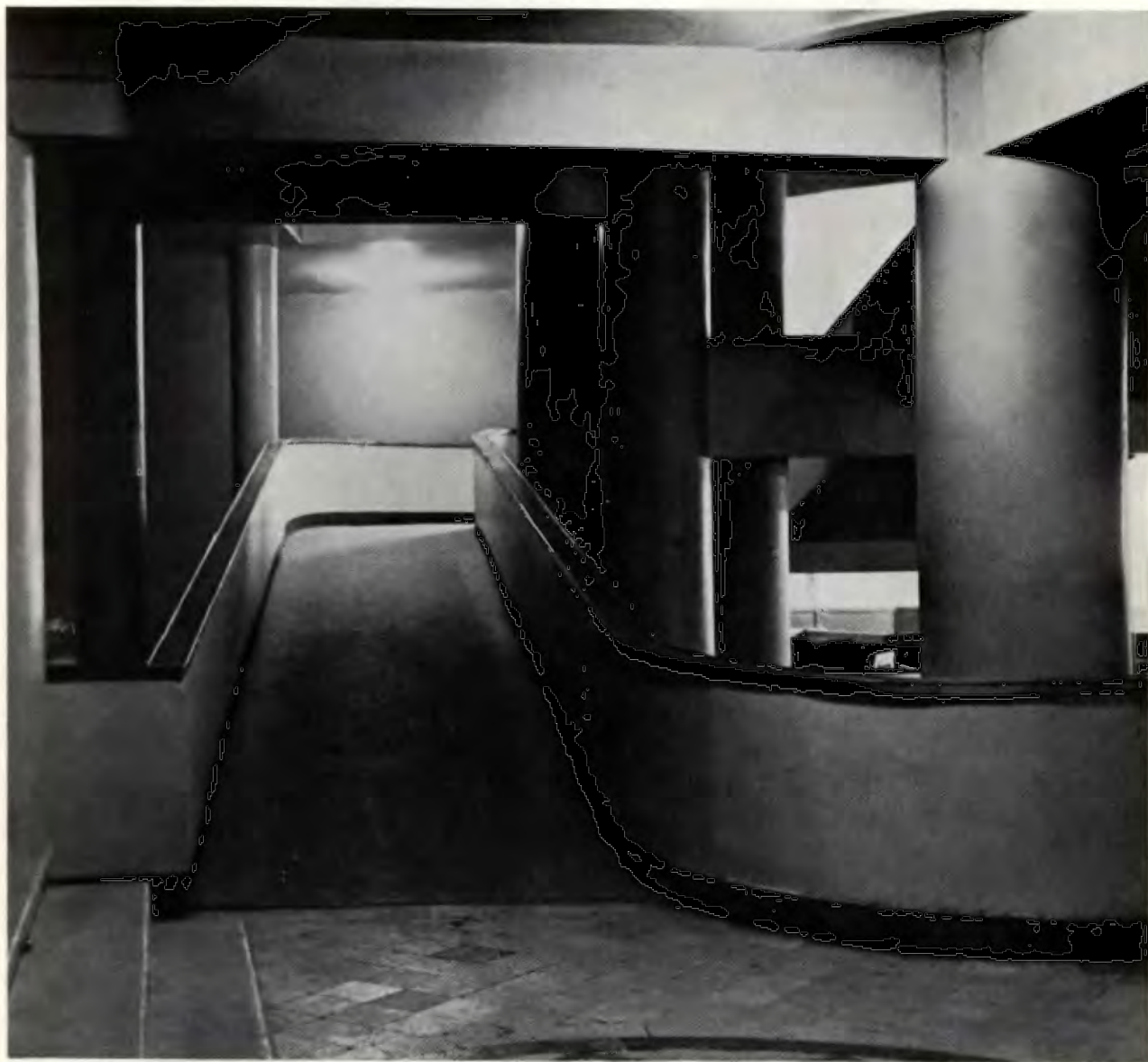

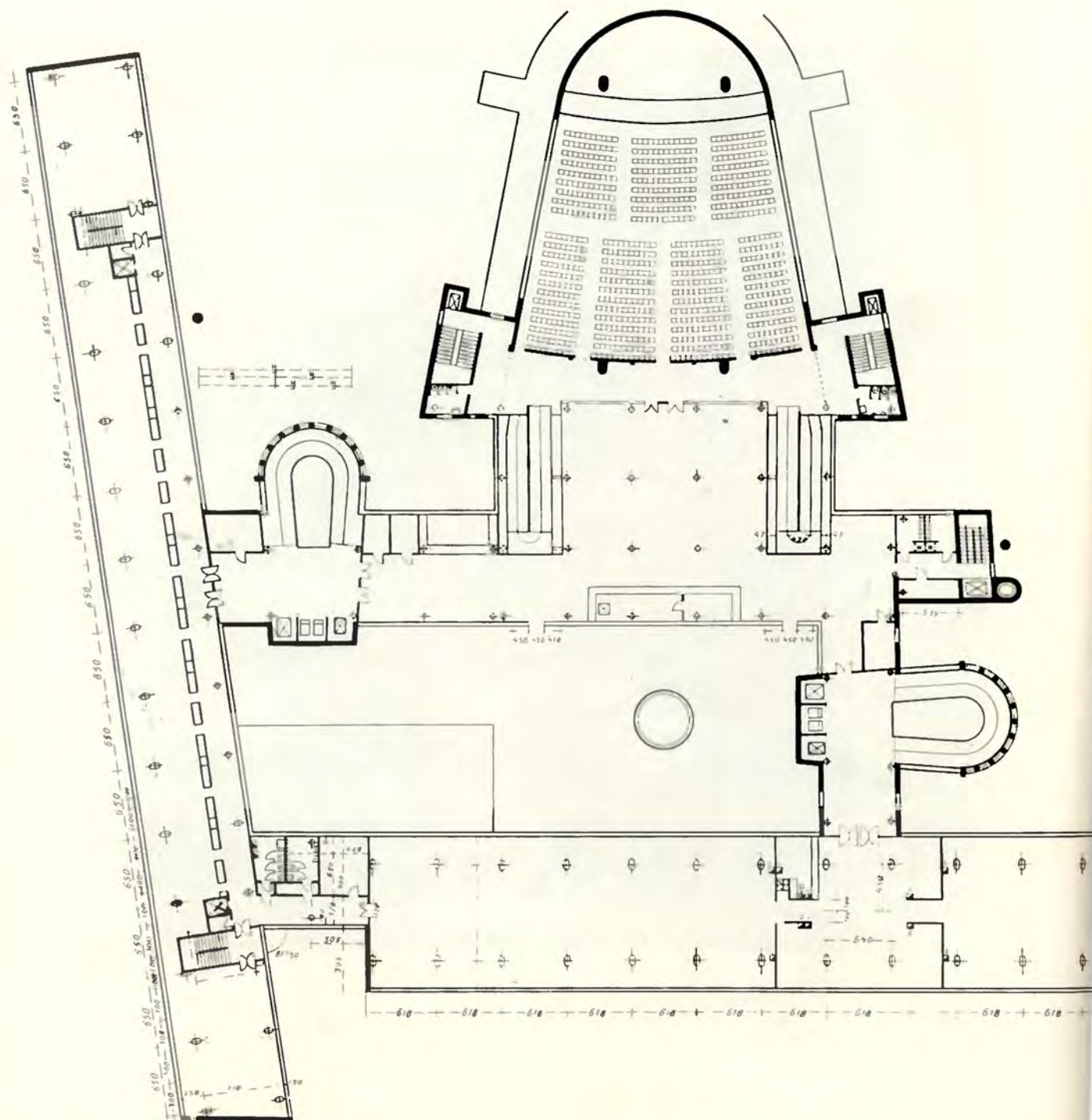

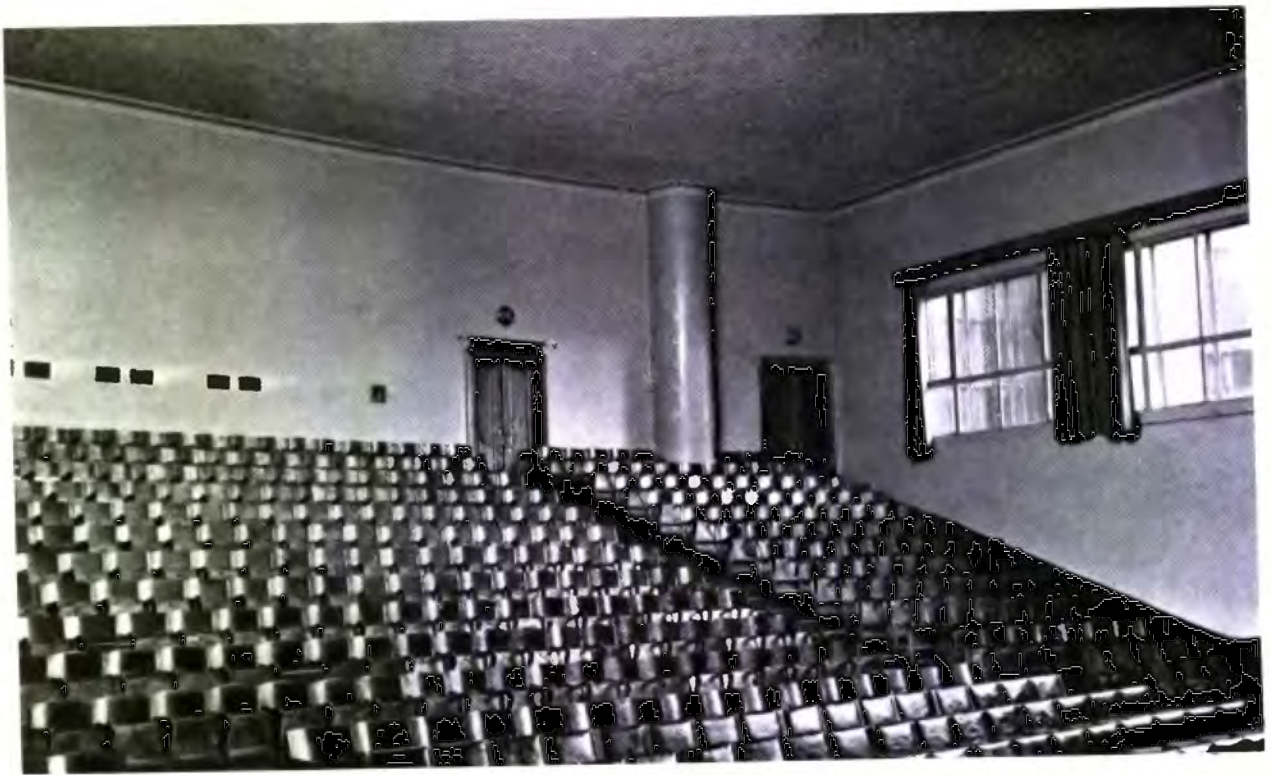
Дом Центросоюза в Москве. План первого этажа.

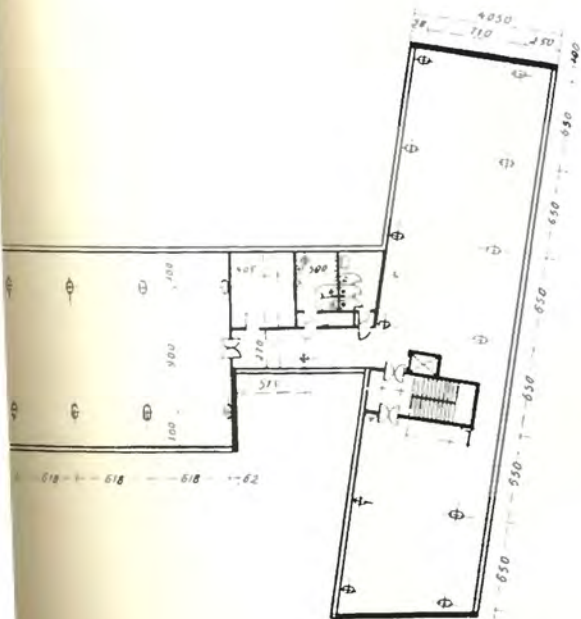

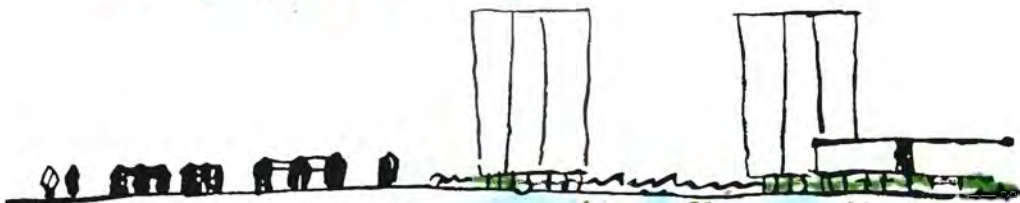
Дом Центросоюза в Москве. Зрительный зал.

expression du motif actuel

évolution pré-machiniste

rayon de l'agglomération
30-50-80 km!

époque
pré-machiniste

villes

schématiser
reserver les villes

étalement des
villes

expression du motif de l'époque moderne

УТОЧНЕНИЯ ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Мы не знаем, куда идти, потому, что не знаем, откуда мы идем. Нам нужен диагноз и определенный образ действий.

В 1922 году я предпринял серию лабораторных исследований. Изолировав микроб, я наблюдал за его развитием. Биологическая сущность микроба выявилась с истеричивающей ясностью. Результаты были установлены, диагноз поставлен. Затем путем обобщений я вывел основные принципы современного градостроительства. Они были представлены в нашем отделе градостроительства в Осеннем салоне в виде панорамы Современного города с трехмиллионным населением.

В 1924—1925 годах я опубликовал в коллекции «Эспри нуво» книгу «Урбанизм» («Градостроительство»). Как раз в это время пани павильон градостроения «Эспри нуво» на Международной выставке прикладных искусств представил детальный проект современной жи-

лой ячейки и городского квартала, составленного из таких ячеек. Там же вновь экспонировалась диорама 1922 года, а кроме того, «План Вуазен» для Парижа и в качестве иллюстрации к нему обширная диорама, изображавшая целый город с новым деловым центром. На основании лабораторных исследований и выявленного этими исследованиями диагноза мы предложили наконец вполне определенное решение проблемы в приложении к конкретному случаю — Парижу. Период витания в облаках завершился. В 1928 году журнал «Редресман франсэ» опубликовал под заголовком «К Парижу машинной эры» проект программы работ градостроительной комиссии.

Столь большое внимание, уделяемое вопросам градостроения, на мой взгляд, позволяет мне затронуть здесь животрепещущую проблему: проблему современного города.

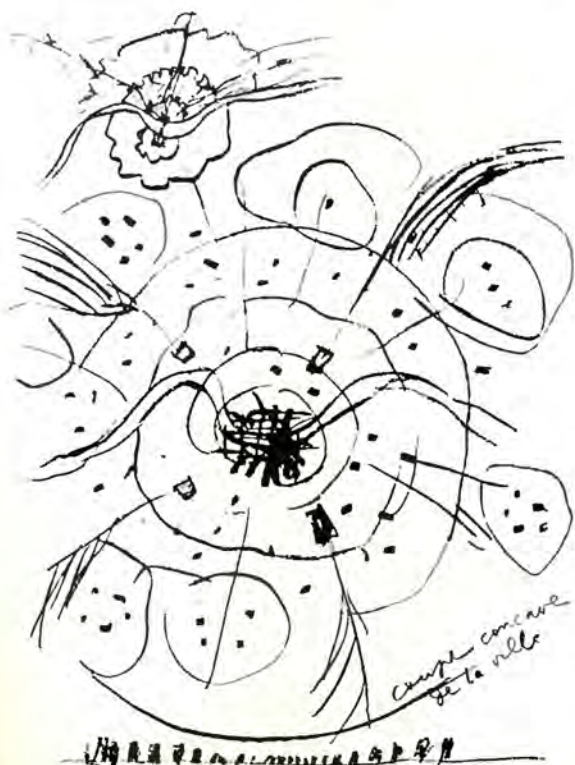
*

Начертив несколько концентрических окружностей, пересекающих русло реки (1), мы можем проследить, каким образом постепенно складывались сначала небольшое поселение, затем посад, город с его предместьями и несколькими последовательными поясами укреплений. Из эпохи римлян мы перенесемся в наши дни. При этом центр города будет оставаться на прежнем месте.

Справа и слева, с севера и с юга от города я отмечаю аббатства, размещенные в открытом поле. Дорога, соединяющая одно из этих аббатств с городом, существует уже в течение многих веков и остается поныне одной из главных городских транспортных артерий. Теперь она возведена в ранг большой городской магистрали!

На втором рисунке я ввожу в город железную дорогу, вокзалы, а также предместья и пригороды, порожденные этой железной дорогой. Городской диск приобретает гигантские размеры (2).

Встает вопрос: почему он достиг таких размеров? Я рассыпаю на рисунке желтый порошок, он изображает людей. Эти желтые крупицы растекаются по радиальным каналам, сходящимся в центре города, где в течение дня

скапливается весь порошок. К вечеру он возвращается обратно, в пригороды и предместья. Итак, я отмечаю, что город функционирует двухтактными циклами: концентрация в центре — рассеивание по периферии. Кроме того, я отмечаю, что город напоминает огромное колесо: радиальные лучи сходятся в центре, словно спицы в ступице. Вся гигантская территория города по всем направлениям включена в единую радиальную систему.

Внизу листа я делаю вертикальный разрез города и обнаруживаю, что из века в век наблюдается тенденция к расширению улиц и увеличению объема зданий. Если представить эту тенденцию схематически, то профиль города получится *вогнутым*, он приподнят и разрежен по краям, понижен и уплотнен в центре (3).

Попробуем представить себе положение вещей еще нагляднее. Возьмем другую схему: круг, составленный из концентрических колец, плотно примыкающих одно к другому и питаемых транспортными потоками, которые я изображаю синим цветом. Эти потоки расширяются на периферии и сужаются к центру. Такое явление уплотнения я изображаю с помощью новой схемы, в виде концентрических окружностей, которые в центре почти касаются одна другой. Вывод: *налицо характерные признаки гинеремии* (4). Обозначаю исторические рамки рассмотренного явления: *эпоха конного транспорта, вплоть до 1850 года*.

На следующей схеме представлена *эпоха железных дорог*. Отмечаю на рисунке вокзалы (5).

Какова функция вокзалов? Они выбрасывают людские толпы. Имело выбрасывают, поскольку режим скоростей резко изменился. Привожу кривую роста скоростей начиная с самых отдаленных времен, где она медленно поднимается от скорости человеческого шага до скорости хода лошади. Доисторические люди, римляне, гунны, крестоносцы, солдаты времен Тридцатилетней войны и солдаты Наполеона — все они передвигались пешком или на лошадях.

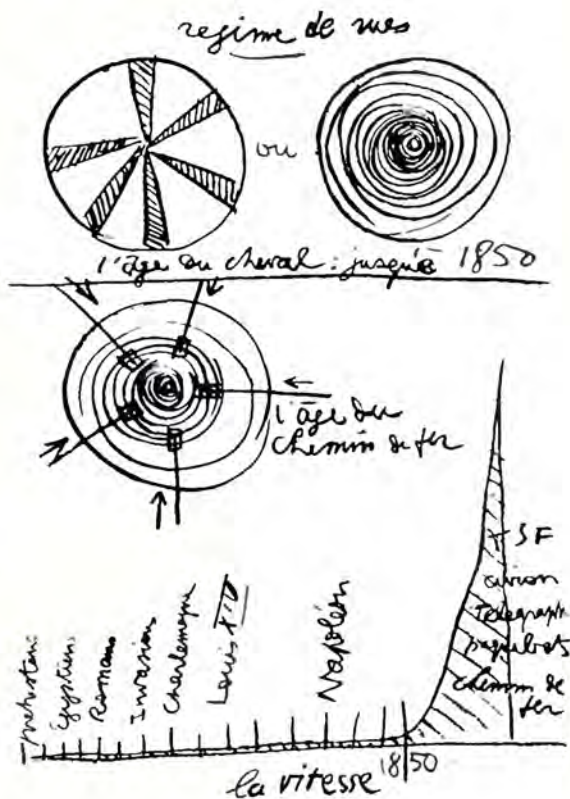
Провожу ординату и подписываю: 1850 год. Проходит 25 лет, и кривая стремительно идет вверх. Пишу: железные дороги, теплоходы, самолеты, дирижабли, автомобили, телеграф, радио, телефон (6).

Вновь рисую тот же самый диск, изображающий *режим города*. Размещаю на нем вокзалы. Сверх того, в пригородах я располагаю уже автомобильные заводы и направляю в город автомобили. Подписываю: *эпоха автомобилей* (7).

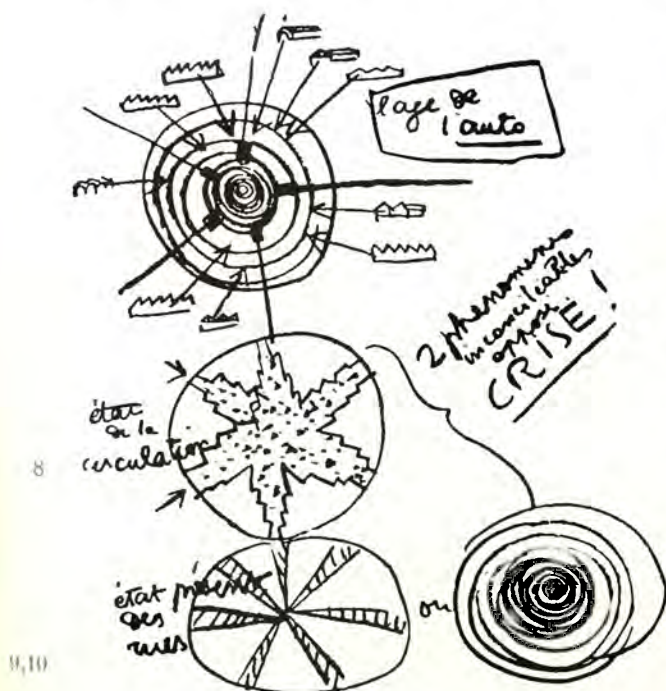
Попробуем представить себе ситуацию еще более наглядно.

Вот круг, красным цветом изображен транспорт, стремительно хлынувший в город (8). Он прибывает со всех сторон. Куда он движется? В центр. Схема весьма показательна. Ниже воспроизвожу синим цветом предыдущую схему *транспортных потоков* (9). Объединяю фигурной скобкой схему транспортного режима с вновь приводимой схемой гинеремии (10).

Теперь попытаемся наложить красное на синее. Фигурная скобка вводит новый транспортный режим в город, поныне сохранившийся в прежнем виде. Убежденный получившейся картиной, пишу: *безвыходное положение — кризис*.

На абсциссе я отмечаю все рассмотренные выше явления, после чего привожу единственно возможную схему сети транспортных потоков, напоминающую красную звезду, которая изображает движущийся транспорт (11). Теперь необходимо разгрузить уличное движение.

11,10

Я изображаю его в виде спирали, витки которой в центре чрезвычайно разрежены, а на периферии почти касаются один другого (12).

Итак, я изучил положение вещей, понял его и вношу свое предложение.

Синим цветом я рисую лицо современного города, города эпохи автомобилей, самолетов и железных дорог. В центре огромные, широкие улицы. Налажено великолепное сообщение с самыми отдаленными районами города. Потом зеленые насаждения. Насаждения? Да, то есть защитная зона, препятствующая расширению города. А дальше сеть транспортных линий второго порядка.

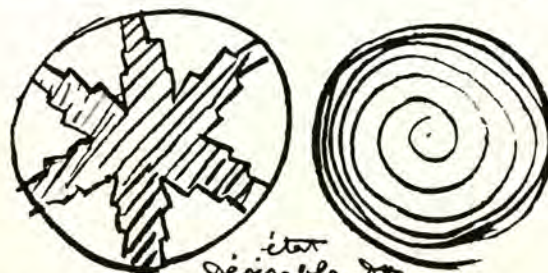
Не будем забывать о людях, которых мы представляли на одной из наших предыдущих схем в виде желтого порошка. Выше уже говорилось о том, что жизнь горожанина проходит двойными циклами: утром он едет с окраины города в деловой центр на работу — вечером возвращается домой отдыхать.

Но не запутались ли мы в наших схемах? Для всей этой внезапно нахлынувшей массы людей в центре, кажется, уже не остается места между гигантскими транспортными потоками. Напрасное беспокойство: современная техника позволяет строить здания двухсотметровой высоты. Центр города будет иметь высоту 200 метров. В результате плотность населения может быть там многократно увеличена (вчетверо или даже вдесятеро против теперешней), а все расстояния вчетверо сокращены.

Вы можете сказать, что это необузданная погоня за скоростью.

Именно так, поскольку в наши дни с делами успешно справляется тот, кто действует быстрее других. Следует поразмыслить вот о чем: каждое утро в час открытия биржи мировой рынок приходит в движение. Устанавливается цена рабочей силы. Утром она устанавливается, днем уточняется. Чтобы взять верх в этом соревновании — а соперников здесь тысячи, и каждый рвется к победе, — чтобы взять верх, надо избрать самый быстрый, самый верный, самый прямой и надежный путь. Вступать в игру можно, лишь будучи хорошо оснащенным.

Выигрывает тот, кто лучше других оснащен. Выигрывает хорошо оснащенный город, страна с хорошо оснащенной столицей.

11,12

état
désirable du
régime des rues
Solution à la crise!

Когда плохо оборудован город (13), повсюду в стране падает деловая активность, но провинциям слоняются безработные, множество семей впадает в нищету и отчаяние.

Мне могут адресовать и такое замечание: «Поставленный вами диагноз относится к радиально-кольцевой системе движения, тогда как ваши предложения предусматривают прямоугольную систему, основанную на двух перпендикулярных осях. Нет ли здесь противоречия?»

Все дело в том, что я оставил область экономики, которая оперирует общими понятиями, и вновь вернулся к архитектуре, где царит прямой угол. Архитектору опасно сходиться с этой надежной твердой почвой. Прижавшись за острые и тупые углы, он неизбежно потерпит неудачу, он не найдет в них ничего, кроме уродства, неуклюжести и расточительности.

*

Жилые дома двухсотметровой высоты, огромные проспекты. Мы меняем масштаб города.

Совершим небольшой экскурс в историю.

Перед нами узкие улочки готического города, зажатого внутри городовой стены и плотно забитого кварталами крохотных домиков; улицы прерываются через каждые 20, 40, 50 метров.

При Людовике XIV город несколько видоизменяется. Появились кареты. В первую очередь выпрямляются кривые улицы. Некоторые улицы расширяются, планируются более обширные кварталы.

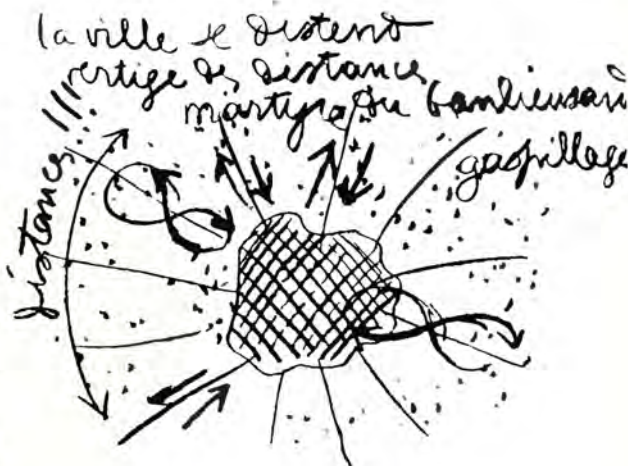
Осман еще более усиливает эту тенденцию. Дворы делаются более просторными. Повышается роль гигиены, укрепляется порядок, растет самосознание граждан.

Вспомним нашу кривую поразительного роста скоростей, о чем шла речь выше. Я рисую небольшие двухсотметровой высоты и длиной 150 или 200 метров, располагаю их на расстоянии 400 метров один от другого. С такими же интервалами чередуются перекрестки улиц со станциями метро, остановками автобусов и стоянками для автомобилей.

Основываясь на предварительном расчете, я записываю: застроенная площадь — 5 процентов; свободная территория — 95 процентов.

Теперь ссылаюсь на свою предыдущую лекцию («Технические средства и т. д.»). Под до-

мами, приподнятыми на столбах, свободно проходят люди. Улицы не имеют никакого отношения к домам. Последние тянутся к небу, их объемы возвышаются в пространстве, привлекают наши взоры. Принцип размещения этих объемов неизбежно диктуется прямым углом. Прямой угол — это гармония, спокойствие, красота. Улицы же могут быть какими угодно: прямыми либо кривыми. Они похожи на настоящие большие реки, которые разветвляются в соответствии с точным математическим расчетом. Их стыки напоминают слияния рек. Их русла ни в коем случае не должны запруживаться, иначе неизбежно меняется их ширина, что приводит к плачевным нарушениям режима течения. Каждая судоходная река должна иметь

13

La ville doit se resserrer par la valorisation de son sol

adaptation de services communs à la vie moderne

La ville peut devenir une VILLE VERTE

14

пристани, к которым могли бы причаливать плывущие по ней суда — в данном случае автомобили. Причалы и гавани (стоянки) расположены не на самой улице, а вне ее, по обеим ее сторонам. Для стоянок отводится специальное место.

Весь город покроется зеленью (14). Свет и воздух будут в изобилии. *Не останется никаких дворов, так как двор — явление пагубное.* Когда люди работают в светлых помещениях, они работают хорошо. Человек, который смотрит на мир с высоты 100, 150, 200 метров, чувствует себя гораздо лучше, чем тот, кто живет в сумрачной дыре и видит из окна стену дома, похожего на тюрьму.

В разрезе современный город уже не выглядит вогнутым; напротив, его профиль выгнутый.

Впрочем, все наши схемы содержат множество выводов, которые в совокупности составляют целую доктрину. *Градостроительную доктрину.* Вы скажете, что такой доктрины пока не существует. Тогда ее необходимо создать.

*

Я лишь едва затронул сложнейшую проблему. Но последующие лекции внесут большую ясность в вопрос. Для этого будет достаточно связать воедино все установленные истины.

Я посвятил этой теме одну из моих книг; я провел множество точных исследований. Главное состоит в следующем.

Градостроение — это в первую очередь проблема реконструкции и благоустройства.

Градостроительное искусство не только эстетическая проблема, это одновременно вопрос биологической, общественной и финансовой организации.

Градостроительство, основанное только на принципах эстетики, ведет к гигантским затратам средств, возлагая тяжкое бремя на налогоплательщиков. Такое градостроительство тем более неуместно, неразумно, что оно не вносит никакого облегчения в жизнь горожан. Подлинное градостроительство находит средства для разрешения кризиса в современной технике. Исходя из экономических потребностей, лежащих в его основе, оно в состоянии изыскать средства для *самофинансирования*. Я докажу

это впоследствии. Подобное самофинансирование даст огромную финансовую прибыль, позволяющую вкладывать дополнительные средства в мероприятия, от которых зависит социальная устойчивость. Для финансирования такого рода, чтобы оно вошло в практику, необходимо вмешательство верховной власти.

Впоследствии я покажу, каким образом власти могут участвовать в финансировании того или иного мероприятия. Мы установим, где именно необходимо вмешательство властей, посмотрим, какая власть должна вмешаться, и определим характер этого вмешательства.

Весь материал, на основании которого я строил свои доказательства и выводы, поможет преодолению кризиса городов. Правильная общая постановка проблемы (жилая ячейка — совокупность жилых ячеек) и обращение к новейшим техническим средствам машинной эры позволяют распутать этот гордиев узел, вернее, разрубить его на части, и жизнь снова войдет в нормальную колею. Здесь нет никакого чуда. Это будет вполне закономерный исход, дело созреет и принесет плоды.

И какой прок может быть здесь от косной академической мысли, от псевдохудожественной сентиментальности?

Градостроительная наука есть явление *синтетическое*, ее психодная база объемная: *земля и пространство над ней*. Если до сих пор было предложено много незрелых решений, то лишь потому, что их авторы мыслили *плоско*, одномерно, их замыслы не распространялись одновременно *вширь и ввысь*. Синтетическое решение проблемы предполагает: на земле — использование всех наличных средств скоростного сообщения; в пространстве — возведение *жилых построек*, максимально благоприятных для здоровья человека, для его тела и духа.

Шум должен быть побежден. Здоровая градостроительная доктрина — это концепция: *дом — машины для жилья*, огражденные от внешних шумов.

Отбросим всякие надежды на то, что наши уши когда-либо привыкнут к городскому шуму, к этой сумятице звуков, которая, кстати, возникает лишь там, где принимаются половинчатые меры (технические или градостроительные). Хорошие механизмы работают, как правило, бес-

La VILLE VERTE

les gratte ciel de verre

15

les résidents

les rues superposées

l'interstade

les bases nouvelles de la
composition urbaine

un nouveau lyrisme de l'épo =
= que machiniste

16

шумно. Шум вреден для человека, шум есть отклонение от нормы, воздействие его пагубно. Но-видимому, миллионеры скоро станут приглашать своих друзей на *часы тишины*, если только не восторжествуют современные принципы градостроительства, несущие человеку покой. Тогда-то наконец найдется на земле столица, которая будет достойна похвалы, потому что это будет тихая столица.

Из всего сказанного выше следует, что современный город будет полон зелени. Деревья необходимы для наших легких, они принесут нам душевное успокоение и, наконец, они оживят строгую геометрическую пластику современных строений из стали и железобетона.

Я предлагаю вниманию министров просвещения такое предложение. Пусть будет издан закон, по которому каждый ученик начальной школы обязан посадить одно дерево где-нибудь в городе или за его пределами. Такое дерево будет носить имя ребенка, который его посадил. Затраты будут ничтожными. Правда, для этого потребуются *планы посадок*. Через 50—60 лет все эти мужчины и женщины, состарившись, движимые прекрасным чувством, придут под кроны своих уже больших ветвистых деревьев. Это всего лишь небольшая идея, возникшая по ходу дела. Но она показывает, до какой степени нашему духу и телу необходимо общение с природой, которого впредь мы не можем уже себя лишать. Природа должна войти в сердце наших бесчеловечных городов.

*

Я кончаю свою лекцию перечислением основных *пластических и поэтических элементов новой градостроительной науки*.

Прежде всего план: использование пространства *вширь и ввысь* (15), на рисунке это выглядит следующим образом: сначала местность, покрытая зеленью и пересекаемая транспортными потоками; места стоянок окружены деревьями. А вот уходит вдаль широкая эстакада.

Возвышаясь над деревьями, теряясь в их листве, протянулись в окружении газонов «*вишние*» улицы, двух-трехступенчатые строения, в которых расположены магазины, кафе, места прогулок.

Просторные жилые дома с коммунальным обслуживанием выходят в парки. Дворов нет.

Сверкающий небоскреб похож на кристалл.

Но мы остаемся людьми и, как всегда, смотрим на мир с высоты своих 170 сантиметров от земли. Такой представляется картина напряженной, кипучей современной жизни. Это симфония зелени, листвы, газонов. Сверканье алмазов в кропах деревьев. Настоящая симфония! Смотрите, сколько поэзии несет в себе прогресс, какие чудеса можно совершить с помощью современной техники. Мир не видел доселе ничего подобного! И это уже не плод нашей фантазии, уже началась новая эпоха, пропикнутая новым духом (16).

„План Вуазен“ для Парижа. Может ли Буэнос-Айрес стать одним из самых достойных городов мира?

Сначала расчистим территорию.

Необходимо уничтожить «улицу-коридор».

Современное градостроительство начинается с этого предварительного решения. Улица-коридор возникла в эпоху гужевого транспорта, но времена повозок и телег с конной или бычьей упряжкой. Эта улица состояла из одно- двух-этажных домов; главными своими окнами дома выходили на покрытый садами четырехугольник, образованный четырьмя улицами.

Позднее с ростом плотности населения в центре города над первыми этажами были возведены еще семь этажей; затем на месте садов также появились высокие строения; остались свободными только узкие дворы, необходимость которых диктовалась требованиями общественной гигиены. После этого уже в обход всех правил было застроено почти все свободное пространство; появилось электричество, автомобили. Они затопили улицы. Поднялся адский шум, который был бы ужасен и в открытом поле, но который совершенно непереносим в улицах-коридорах, так как стены домов служат великолепными акустическими усилителями. Дальше идти было некуда (17).

Из улиц-коридоров образуются города-коридоры. Весь город превращается в коридор. Какое непристойное зрелище! Но мы понаживаем и терпим. Как быстро мы смирились! Что вы скажете об архитектуре, который предложит вам план дома, состоящего из одних коридоров? Время от времени короли-эстеты возводили роскошные апартаменты, строили великолепные парадные залы. Эти сооружения (площадь Вогезов, Вандомская площадь и т. п.) давали выход чувствительности горожан (18).

Мы в состоянии уничтожить все коридоры!

Для этого достаточно подойти к проблеме с другой стороны, принять радикальные меры: необходимо устранить все, что загромождает улицы и сводит на нет всякое движение; увеличить объем строений за счет их высоты; расположить здания крестообразно, звездообразно, в виде лотарингского креста или любым другим способом, позволяющим обойтись без дворов. Тогда мы сможем вырваться из сумрака улиц, уничтожить дворы, собрать воедино освободившиеся участки территории и окружить ряды домов свободными пространствами (19). На

этих вновь обретенных пространствах и будут устроены транспортные стоянки. Шумный поток автомобилей будет размеренно двигаться к самой удаленной от домов точке. Чем выше современная техника позволит нам поднять здания, тем сильнее мы сможем ограничить площадь под застройку, тем просторнее станет улица. Дома уже не будут сжимать ее в тисках. Это будут и змы, далеко отстоящие одна от другой. Мы вновь обретем утраченную нами городскую землю. Таково требование жизни!

*

Кроме того, следует расчитать территорию и сделать выбор между двумя возможными путями, которые в применении к градостроительству можно назвать «терапией» и «хирургией».

Практикой доказано, что улицы с большим количеством перекрестков (я показываю такую улицу на рисунке) не удовлетворяют современ-

17

18

19

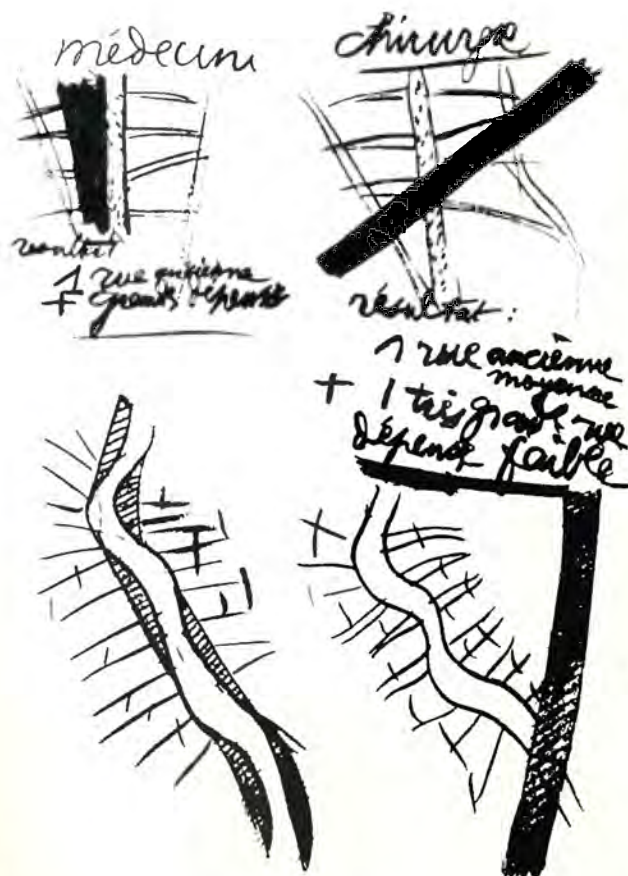
ным требованиям. Следуя укоренившейся традиции, муниципальные власти высказываются за их расширение. Делается это обычно так: строения улицы с обеих ее сторон или только с одной стороны отчуждаются у их владельцев. Остановимся на втором варианте как более экономичном (20). Владелец, подвергшийся экспроприации, поднимает шум — ведь он вел свое дело на одной из самых оживленных улиц. Он потребует большую компенсацию.

Результат:

старая улица расширена,
город имеет большие издержки.

Это «терапия».

А вот «хирургия».

Перегруженную улицу оставляют в прежнем виде (21). В соответствии с основными новейшими принципами градостроения планируется новая сеть очень широких улиц. Эти последние пересекают старую улицу в тех местах, где обремененные на свое дома не имеют большой ценности. Их выкуп не обременителен для городского бюджета.

Результат:

сохранена старая улица,
появилась новая большая улица, которая обо-
гатит прилегающие кварталы.

Итог:

две улицы вместо одной,
незначительные издержки,
увеличивается ценность соседних кварталов.
Рассмотрим теперь такой классический при-
мер:

Предместье. Старая дорога, протоптанная ослон, превратилась в оживленную улицу, обслужи-
вающую целый жилой район.

Появились автомобили; на старой дороге ослон, возведенной в ранг крупной магистрали, растет число несчастных случаев. Ее крутые по-
вороты становятся опасными для жизни. При-
нято решение расширить ее и выпрямить. Все
строения экспроприруются (22). Но там были
лавки булочника, мясника, бакалейщика и т. п.
Выкуп стоит дорого, очень дорого!

Результат:

автомобильное движение продолжает угро-
жать безопасности пешеходов, дорога, застроен-
ная, как в доброе старое время, с двух сторон
жилыми домами, не может служить автомагис-
тралью.

Посмотрим, к чему может привести «хирургическое» вмешательство.

За крайними домами предместья среди ка-
пустных и свекольных полей и настибц проло-
жена новая широкая дорога (23).

Результат:

экспроприация ничтожна,
появились две дороги вместо одной.

Вывод простой: в градостроении «терапевти-
ческое» вмешательство есть не более чем само-
обман; оно не дает никакого результата и при

этом дорого обходится, «Хирургическое» вмешательство решает проблему.)

Было бы полезно твердо усвоить это.

*

Здесь речь пойдет о «Плане Вуазен» для Парижа, о проекте нового делового центра города. «Вы хотите посягнуть на Париж, вы хотите разрушить его и перестроить, уничтожить сокровище прошлого, навязать величественному городу новый силуэт?»

Оставим без внимания этот занудный выпад академического толка. Займемся гордой красотой Парижа. Я обращаюсь к академикам с вопросом: «Что такое Париж? В чем красота Парижа? Что такое дух Парижа?»

На моем первом рисунке средневековый город: остров Сите, Нотр-Дам, мосты, на которых расположены дома; большие дороги, которые выходят из городских застав и ведут в провинции; аббатства, ознаменовавшие собой первый этап заселения местности: Сен-Жермен де Пре, Сент-Антуан и др. (24).

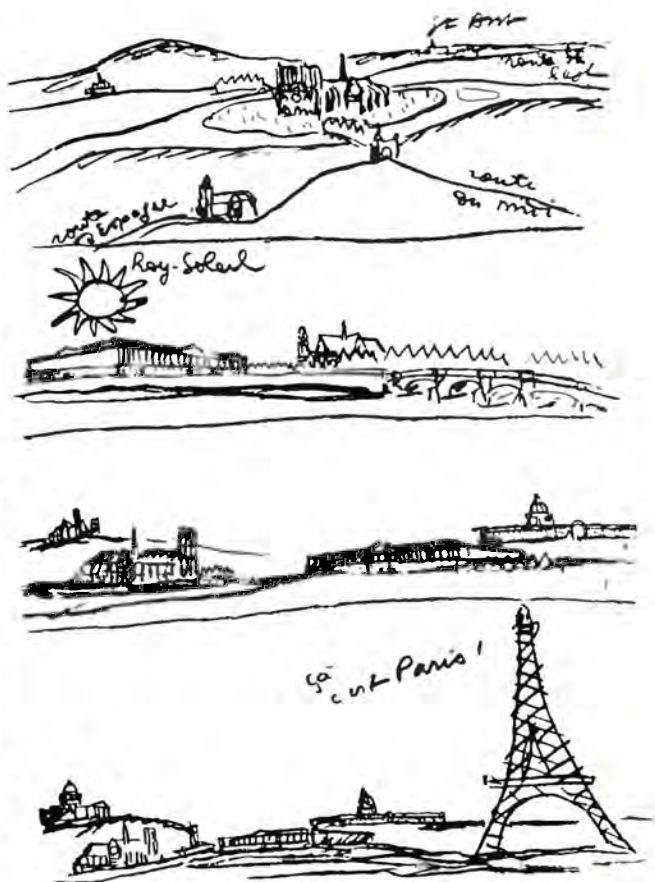
Но вот произошло важное событие: по повелению Короля-Солнца сооружена луврская Колоннада. Какое великолепие, какая дерзость, какое нарушение гармонии, какое невиданное святотатство! Рядом с похожими на зубья пилы островерхими крышами домов, рядом с непроходимыми дебрями улочек, в самом центре этого горемычного средневекового города, подавляющего самого себя, рядом со всем этим — блистательное достижение интеллекта Великого века!

Король продолжает! Появился купол Дома инвалидов. Купол в стране готических стрел! Преплебрежение национальными традициями, надругательство над силуэтом города, государственный переворот!

Лицо Парижа обозначилось четкими линиями. То была настоящая песня из камня. Появился еще один купол: на вершине холма святой Женеьевы Суффлю воздвиг Пантеон. Поэты превозносят лучезарную и строгую гармонию французского камня. И вдруг — бах! Эйфель. Трах-тарарах! Башня! Это Париж! Это тоже Париж. Башня дорога парижанам; преодолев все границы, она дошла до сердца каждого, кто грезит Парижем.

Потом еще один холм был увенчан куполом — Сакре-Кёр. На рисунке видны арка на площади Звезды, Нотр-Дам, Эйфелева башня повсеместно признача символом Парижа. Я пишу: это тоже Париж.

А теперь я показываю явление наших дней — деловой центр Парижа. Громадный и величественный, сверкающий и соразмерный. Сохранив исторические традиции города, его жизненную силу, его неповторимую гармонию, его бодрый и вечный деятельный революционный дух, сохранив связь времен, глубоко уверовав в нашу эпоху, с надеждой смотря в прекрасное будущее, мы со спокойной и твердой убежденностью сможем заявить: «Да, это Париж!» (25).

Я чувствую, как весь мир обращает свой взор к Парижу, ждет от него нового, некоего слова в архитектуре, первого шага, который станет примером для других городов. Я верю в Париж, я на него полагаюсь. Я заклинаю его вновь сделать сегодня то, что он неоднократно сделал на протяжении веков: *пойти вперед!*

Академизм кричит: нет!

*

Мудрый калиф из «Тысячи и одной ночи» призвал бы к себе всех академиков, всех фапатичных защитников старого Парижа, содрагающихся при виде того, как сносятся ветхие дома, и, наконец, всех консерваторов старого заката и сказал бы им:

«Вы бывали в городе, в тех кварталах, которые хотят снести и заново перестроить, — в центре Парижа? Нет? Так ступайте же туда, и вы избавитесь от ваших застарелых убеждений. Если нет, я прикажу отрубить вам головы, я

буду считать вас врагами всякой жизни, врагами города и страны. Если вы будете стоять на своем, я осужу вас как лжесвидетелей, как трупных червей, как людей, которые в статьях, печатаемых чересчур доверчивой и беззаботной прессой, гасят всякую живую искру, способную возжечь над городом свет нашей эпохи».

Все крупные города мира переживают ныне тяжелый кризис. Время течет быстро. Если мы упустим его, для Парижа это может кончиться трагедией.

Московская атмосфера

Я не собираюсь держать пари, что сумею выучить русский язык. Но я слышу слова «красный» и «красиво». Я спрашиваю, что они означают. Красный по-французски — rouge, красиво — beau. Говорят, что когда-то значения этих двух слов совпадали. Красное было красивым.

Вспоминая свои личные впечатления, я могу заявить: красный значит живой, деятельный, интенсивный; я в этом твердо убежден.

Поэтому я считаю себя вправе допустить, что жизнь — это красиво, или все, что красиво, есть жизнь.

Эта лингвистическая математика вовсе не кажется смешной, когда занимаешься архитектурой и градостроением.

*

СССР принял программу всеобщего переоборудования страны — пятилетний план. Эта программа выполняется. Ради ее осуществления было даже решено пожертвовать многим. Поэтому в Советском Союзе сейчас не до излишеств. Переоборудование страны, строительство заводов, плотин, каналов, фабрик и т. п. — это в том, что касается работы. А для людей будет построено 360 новых городов. Строительство уже начато.

У подножия Уральского хребта сооружается крупнейший в мире тракторный завод. Он будет выпускать 40 тысяч тракторов в год, то есть по трактору каждые 6 минут.

Для рабочих завода строится город с пятидесяти тысячным населением, стоимостью 120 миллионов рублей, которые пойдут на строительство зданий и дорог, на устройство насаждений; уже выполнены работы на 60 миллионов рублей.

В январе архитекторам было дано задание. Планы были подготовлены за полтора месяца. Начало работ намечено на конец апреля.

Проект основан на следующих данных:
на заводе будет занято 20 тысяч рабочих обоего пола;

сверх того, 30 процентов приходится на технический и административный персонал;

25 процентов — на лиц, еще не занятых в сфере производства;

37 процентов — на детей;

и, наконец, 7 процентов — на нетрудоспособных (стариков).

В жизни новых промышленных городов СССР огромное значение имеют коммунальные услуги...

*

Москва — это фабрика планов, обетованная земля для специалистов, но совсем не в духе Клондайка. Страна переоснащается!

В Москве поразительное обилие всяких проектов; здесь планы заводов, плотин, фабрик, жилых домов, проекты целых городов. И все делается под одним лозунгом: использовать все достижения прогресса. Архитектура расцветает, растет, зреет и одаряет своими плодами тех, кто в ней что-либо смыслит и поклоняется ей, как божеству.

Каждое здание поручают одному, а иногда нескольким архитекторам, которые участвуют в платном конкурсе. Более того, на строительство крупного автомобильного завода был приглашен американский архитектор, специалист по проектированию рабочих поселков. Дома, которые он спроектировал, похожи на тюрьмы. А между тем это образцовый американский рабочий поселок. Единственное, чего в нем недостает, — это духа времени; он кажется анахронизмом. В Москве над этим проектом посмеиваются; он не выжился с той новой средой, которая возникла в СССР. Этот небольшой инцидент весьма показателен.

В Москве составляется множество планов, вынашиваются новые идеи, существуют особые комиссии, которые занимаются их изучением. Пятилетний план — это горнило, в котором проходит закалку вся современная техника.

*

По истечении срока конкурса проекты выставляются на всеобщее обозрение в различных местах. Люди внимательно склоняются над чертежами. Это молодежь, мужчины, женщины (в Москве много женщин-архитекторов). Они с живым интересом изучают проекты, спокойно и непринужденно делятся своими мнениями.

Здесь создается архитектура, перед которой стоят новые задачи.

*

Все эти планы проникнуты юнионским духом. В нас, парижан, задавленных всеисильным академизмом, это вселяет некоторую надежду. Но не стоит чрезмерно обольщаться. Люди с застывшим академическим мышлением квартируют не только рядом с римским дворцом Квиринала или около набережной д'Орсэ, они есть и неподалеку от Кремля, хотя там они и замаскированы.

Молодежь чересчур увлечена всякого рода новинствами. Стоит ли ее за это брать? Нет, это было бы большим заблуждением! Подчас можно увидеть, как парижская Школа изящных искусств, приравливаясь к моде, щеголяет, словно Мефистофель, в чужом костюме. Поэтому в Москве (увы, как и повсюду) следует остерегаться появления прежнего академизма в новых одеждах.

ЗЕЛЕННЫЙ ГОРОД

... Врачи признали, что современный человек излишне переутомляется на работе, подвергается нервному истощению. Достаточно ли ему ежегодного отпуска, чтобы восстановить свои силы? К сожалению, этой передышки ему не хватает, она наступает слишком поздно, когда организм человека уже изнурен. Поэтому необходимо о нем заботиться, восстанавливать его силы. Не случайно современная медицина поставила перед собой новую задачу:

*предупреждать болезни,
а не лечить больных.*

Итак, ежегодный отпуск (двухнедельный или месячный) наступает слишком поздно, когда всякого рода недуги подточили организм. Так изнашивается современный человек, и износ этот непоправим.

Поэтому было решено создать *зеленые города*, где люди могли бы проводить свой выходной день.

Чтобы определить основные характеристики таких городов, были учреждены особые комиссии врачей, женские и спортивные комитеты.

Решение о создании зеленых городов было повсюду встречено с большим энтузиазмом.

В тридцати километрах от Москвы сразу же началось строительство одного из таких городов: была выбрана территория под застройку и у-

твержден проект. Первый архитектурно-градостроительный конкурс послужил основой для дискуссии о застройке зеленых городов.

План подмосковного зеленого города в общих чертах таков: он занимает участок территории длиной 15 и шириной 12 километров. Высота над уровнем моря колеблется между 160 и 240 метрами. Местность покрыта большим сосновым лесом, который перемежается полянами и лугами; в местах, предназначенных для занятий спортом, маленькие речки будут перекрыты плотинами, в результате чего возникнут водохранилища.

Зеленый город планируется как огромная гостиница, в которой москвичи, согласно определенному расписанию, будут проводить свои выходные дни. Следовательно, задача архитекторов состоит в том, чтобы спроектировать ячейки для отдыха (на одного человека или на целую семью), сгруппировать их внутри зданий и наилучшим образом расположить последние на местности. Все здесь должно напоминать *берег, природу* — ничего от большого города. Но поскольку коммунальное обслуживание должно быть бесперебойным, предстоит построить совершенно новый архитектурный комплекс городского типа.)

В первый год строительства будут возведены здания, общая площадь которых рассчитана на 20—25 тысяч «отдыхающих», то есть за пятидневку там смогут отдохнуть $25\,000 \times 5 = 125\,000$ человек, если допустить, что рабочий будет проводить там каждый свой выходной, или $25\,000 \times 5 \times 2 = 250\,000$ человек, если он будет отдыхать там раз в десять дней, и, наконец, 375 000 человек, если отдыхающие будут возвращаться через каждые пятнадцать дней.

Через три с половиной года, к истечению срока пятилетнего плана (эта гигантская программа уже привела в движение всю страну), зеленый город сможет принять одновременно 100 тысяч человек, то есть 500 тысяч за пятидневку, 1 миллион за десять дней и полтора миллиона за пятнадцать дней. Москвичам в выходной день будет гарантирована первая разрядка.

Кроме выходных дней, рабочие и служащие смогут проводить в зеленом городе свой отпуск.

И наконец, там будут санатории, но не для тех больших, которым требуется клинический уход, а для всех, кто нуждается в отдыхе.

Необходимо наладить транспортное сообщение. Существующая ныне железнодорожная станция станет центральным вокзалом. Линия уже электрифицирована. Кроме того, предстоит построить автостраду, несколько радиальных дорог и одну окружную, а также сеть путей сообщения между гостиницами и ближайшими хозяйствами, которые будут снабжать продуктами рестораны и столовые зеленого города.

Этой весной будут построены две большие гостиницы, рассчитанные на 500 номеров каждая, и четыре малые, по 100 номеров. Кроме того, по всей территории будет разбросано десять туристских баз гостиничного типа.

В настоящее время на территории будущего зеленого города живет в деревенских избах около трех тысяч крестьян. Избы снесут, деревню уничтожат, а крестьян переселят в агрогород. (Термин этот сейчас в большом ходу, он свидетельствует о большом размахе индустриализации сельских районов по всему Советскому Союзу.)

В одном из районов зеленого города будет расположена коллективная ферма. В ее хозяйствах, оснащенных современным оборудованием промышленного производства, будут работать местные крестьяне. Эта образцовая ферма станет снабжать зеленый город продуктами.

На оставшейся территории разместятся пансионаты, тип которых еще предстоит определить. Центр продовольственного снабжения, включающий в себя большую фабрику-кухню, будет связан автомобильным сообщением с ресторанами пансионатов.

Планируется спортивный городок с плавательным бассейном и стадионами, главный из которых предназначен для крупных матчей. Наряду с этим предстоит решить вопрос об устройстве спортивных площадок на всей территории зеленого города, в том числе и около самих пансионатов. Физическая культура должна стать одним из основных элементов здорового отдыха.

Туристские базы и кемпинги должны быть спроектированы таким образом, чтобы каждый отдыхающий мог наслаждаться полным уединением и в то же время пользоваться всеми

удобствами, которые предоставляет хорошо организованная гостиничная служба.

Организация отдыха учитывает особенности всех возрастных групп отдыхающих: детей, молодежи и взрослых.

Малыши в выходной будут оставаться дома, а дети постарше, до 14—15 лет, смогут провести его вместе с родителями в зеленом городе. Предпочтительнее, однако, чтобы они приезжали туда целыми группами, всем классом и под руководством квалифицированного воспитателя как можно лучше использовали свое пребывание в лесу и в поле.

Молодежь будет располагаться в кемпингах или в отдельных комнатах. Здесь считают, что в определенном возрасте молодых людей полезно предоставлять самим себе.

И наконец, взрослые, мужчины и женщины, будут жить по одному или по несколько человек в ячейках, форму и размер которых предстоит определить. Это ставит перед архитекторами весьма актуальную задачу.

Такова в общих чертах структура зеленого города. В Москве уже начались предварительные работы по его строительству.

*

Сейчас всю страну всколыхнула волна градостроительства. Последнее до сих пор ограничивалось небольшими стройками местного значения, если можно так выразиться, *азиатского* характера, которые явно недостаточны и ни в коей мере не отвечают новым социально-экономическим условиям, сложившимся в СССР. Ныне делаются попытки найти наиболее современное решение проблемы.

По-видимому, в обстановке всеобщей неразберихи, толкнувшей эту крестьянскую страну на гигантскую промышленную перестройку, пока еще нет полной ясности в отношении сущности градостроения, полного понимания того, чем именно характеризуется город машинной эры. Непривлекательность и хаотичность современных городов здесь рассматривают как следствие и выражение капиталистической цивилизации. Я предлагаю разобраться в этом вопросе. Все дело в том, что города, унаследованные нами от предков, — это города домашней эры. И я

полностью согласен, что мы до сих пор еще и не думали о том, чтобы разработать план города машинной эры. Перестройка городов — это гигантская программа социального характера. В СССР на эту проблему смотрят прямо и предлагают различные способы ее решения. Я считаю, что вопросы градостроения суть прежде всего *человеческие* проблемы и они должны оставаться таковыми. Речь идет о людях, о потребностях людей, которые объединяются в коллектив для того, чтобы работать, производить и потреблять. Такое объединение, *материальное и духовное* общение всегда были необходимыми условиями жизни людей. Я считаю, что духовные плоды этого инстинктивного стремления человека к общежитию составляют неотъемлемую часть того, что мы называем счастьем. Следовательно, если будем ставить человека превыше всех доктрин, то градостроение от этого только выиграет.

Однако волна градостроительства, захлестнувшая весь Советский Союз, с самого начала вызвала к жизни концепцию (разумеется, последняя бытует среди ограниченного круга людей, но людей интеллигентных и жаждущих новшеств), выраженную странным и весьма характерным термином: *дезурбанизация* (именно так он звучит по-русски). Этот термин весьма благозвучен, он прямо-таки ласкает слух, но... Есть слова, которые сами себя опровергают, к их числу относятся и названный выше термин. Он слишком противоречив, слишком парадоксален, попросту лишен смысла. Мне довелось рассмотреть несколько проектов дезурбанизации, и я твердо заявил: давайте не будем жонглировать словами, играть на ложной сентиментальности. Не будем искажать фактов ради новых пасторальных фантазий в духе Трианона. Я высказал свое мнение: распорядок жизни человека в течение суток регулируется солнцем. Вся наша деятельность протекает в пределах этого двадцатичетырехчасового цикла. Это астрономическое явление не зависит от нашей воли, и здесь мы не в силах что-либо изменить. Кроме того, существует еще один незыблемый закон природы и закон материального и духовного труда человека — это *закон экономии*. А поэтому, подчиняясь закону экономии и будучи не в силах *вырваться за пределы* суточного цикла,

мы должны заниматься *урбанизацией*, а не *дезурбанизацией*.

Ниже приводится письмо, которое я направил одному очень талантливому московскому архитектору, разработавшему вместе с тремя другими сотрудниками предварительный проект зеленого города.

Москва, 17 марта 1930 г.

Мой дорогой Гинзбург,

сегодня вечером я уезжаю из Москвы. Меня просили составить отчет о недавнем конкурсе проектов подмосковного зеленого города. Я не сделал этого, не желая выносить суждения о работе моих коллег. Однако я дал косвенный ответ на сделанное мне предложение, оставив Комитету зеленого города *комментарии об урбанизации Москвы и зеленого города*. Мои выводы идут вразрез с тем энтузиазмом, который, как мне кажется, вызвало здесь одно слово: «дезурбанизация».

Уже в самом этом термине заключено противоречие; само это слово есть *вопиющая бессмыслица*, которая увлекла многих западных идеологов, ради которой была потеряна уйма времени на заседаниях административных советов наших промышленных компаний, — бессмыслица, с которой надлежит бороться и раз и навсегда ее отвергнуть. Всякий, кто попытается выдвинуть на основе этой концепции какое-либо поспешное и одностороннее решение, неминуемо получит отпор, идея обернется против него самого и поставит его в безвыходное положение; и, сколько бы эту идею ни проталкивали, она не *сдвинется с места*; в результате силы растрачиваются попусту, жизнь проходит мимо.

Вчера вечером в Кремле, в рабочем кабинете Лежavy, народный комиссар Милютин процитировал мне одно из высказываний Ленина, которое не только не подтверждает тезиса дезурбанизации, но, напротив, подчеркивает необходимость урбанизации. Суть этого высказывания такова: если хочешь спасти крестьянина, вводи в деревню индустрию. Ленин не говорит: если хочешь спасти горожанина. Это главное, и здесь нельзя допускать путаницы. Вводить индустрию в деревню — значит индустриализовать ее, значит создать на селе пункты, населенные

людьми, использующими машины. Машина заставит мужика мыслить, то есть сделать то, чего не в состоянии сделать природа. Последняя оказывает благотворное воздействие на горожанина, мыслительный механизм которого настроен и запущен в ход в городе. То же самое необходимо сделать с мыслительным механизмом жителя села. Сознание человека зреет и приносит плоды лишь в условиях общности, в соревновании и сотрудничестве, в борьбе и взаимопомощи. К чему создавать путаницу, когда действительность прямо перед глазами; разве крестьянин заглядывается на цветение деревьев, разве наслаждается он цвением жаворонка? Нет — это все делает горожанин. Вы поймете мою мысль, если мы откажемся тешить себя пустыми словами.

Человек ощущает потребность в объединении с себе подобными — и это всегда, во всех странах и в любом климате. Такое объединение гарантирует ему защиту от всяких бедствий и делает его жизнь более полнокровной. Когда же климатические условия ухудшаются, это объединение ведет к промышленной деятельности, к производству, которое дает людям средства к существованию (одевает их, создает им всякого рода удобства). Интеллектуальная деятельность людей есть также прямое следствие их объединения в коллектив. Лишь в условиях коллектива мысль человека развивается, оттачивается, становится все более активной, гибкой и многогранной. И напротив, разобщенность делает людей робкими и беспомощными, ослабляет узы материальной и духовной дисциплины, без которой человек неизбежно возвращается к первобытному состоянию.

Международная статистика свидетельствует о том, что самая низкая смертность наблюдается там, где наибольшая плотность населения; по мере концентрации населения смертность понижается. На этот счет имеются неопровержимые данные, и их остается только принять к сведению.

Из истории известно, что все крупные очаги мысли всегда находились в математической точке наивысшей концентрации людского материала. При Перикле Атика была заселена столь же густо, как какой-нибудь из наших современ-

ных городов, и именно поэтому Сократ и Платон могли спорить там о чистых идеях.

Следует отдать себе ясный отчет в том, что города, сложившиеся за десять веков домашней цивилизации, были чудовищно обезображены в период машинного развития. И вы согласитесь, что все зло в этом наследии, что спасение только в одном: привести города, которые и впредь будут все больше и больше уплотняться (это подтверждается статистикой и некоторыми явлениями современного прогресса: развитием транспорта, новой организацией производства, усилением тяги к духовным ценностям и т. п.), привести города в соответствие с потребностями нашего времени, то есть перестроить их (как, впрочем, они перестраивались и сами по себе со времени своего возникновения).

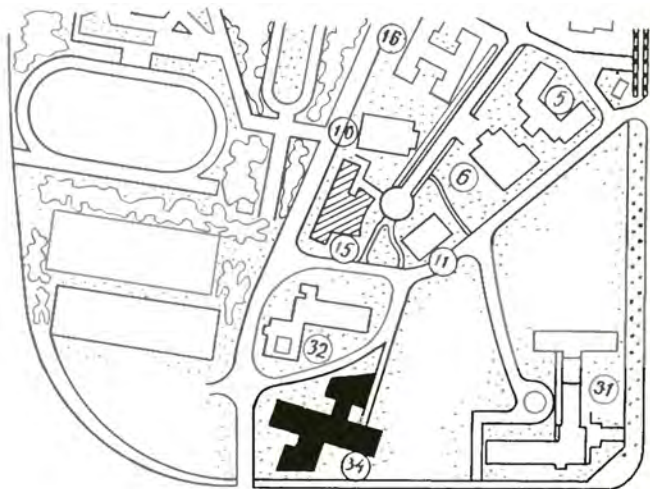
Дорогой мой Гинзбург, благородная миссия современной архитектуры и состоит в том, чтобы организовать жизнь людских коллективов. Я первый провозгласил, что современный город должен стать огромным парком, зеленым городом. Но чтобы позволить себе такую роскошь, я вчетверо увеличил плотность городского населения и сократил расстояния, вместо того чтобы их увеличить.

Помимо этого, я отлично представляю себе характер города — спутника городских промышленных агломераций (мест работы и одновременно мест жительства), зеленого города, предназначенного для отдыха. А отдых, возможно, будет организован, как у Вас, то есть один выходной каждые пять дней. Я даже указал в своих комментариях на необходимость контроля за отдыхом (хотя бы в один выходной из трех: каждые пятнадцать дней). Он должен напоминать обычный производственный контроль; он может, например, выражаться в проверке выполнения предписаний врачей зеленого города, рекомендовавших своим пациентам индивидуальные занятия тем или иным видом спорта. Зеленый город становится похожим на ремонтные депо, в которых проверяют и чинят машины (производят смазку, осмотр и подгонку частей, общий ремонт). А кроме того — непосредственное общение с природой (солнечная весна, зимние метели), которое располагает к раздумьям, к самоанализу.

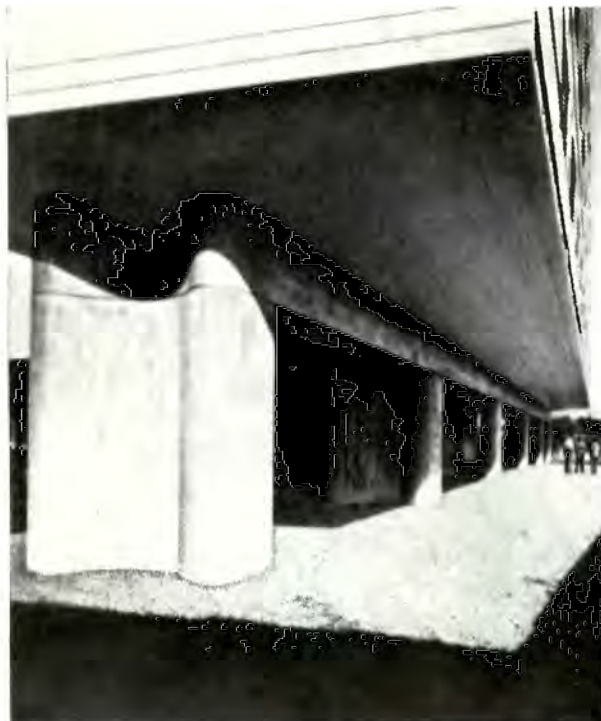
Поэтому прошу Вас не считать признаком какой-либо недоброжелательности мое спокойное и решительное утверждение: *человек стремится к урбанизации*.

Оцените сами такую характерную деталь: в одном из проектов дезурбанизации Москвы предлагалось, в частности, построить в лесу зеленого города избы, крытые соломой. Bravo, прекрасно... но только в том случае, если все это лишь на уик-энд. Но не говорите тогда, что, понастроив соломенных изб, можно будет снести Москву.

С сердечным приветом
Л. К.

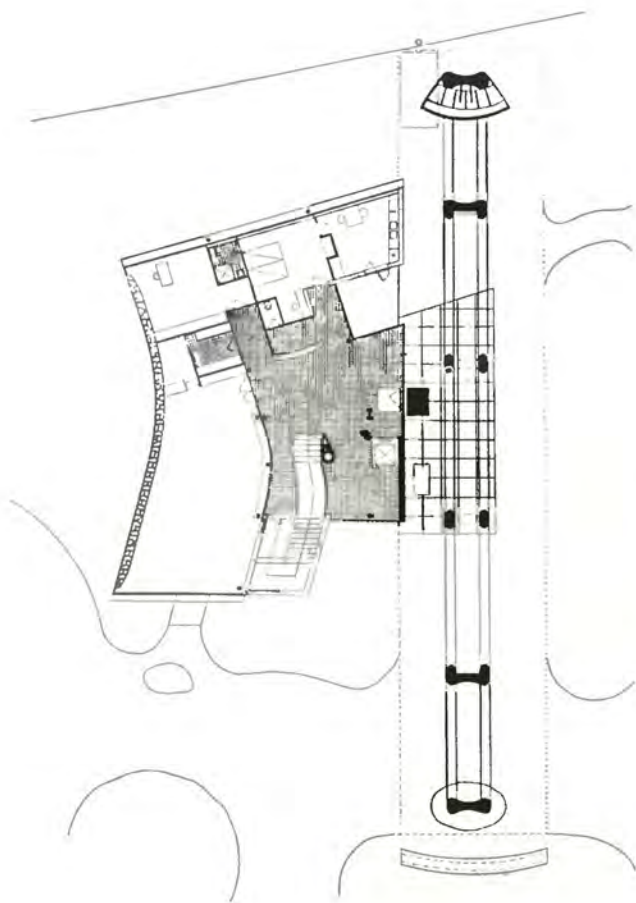

Швейцарский корпус в студенческом городке в Париже. 1930—1932.

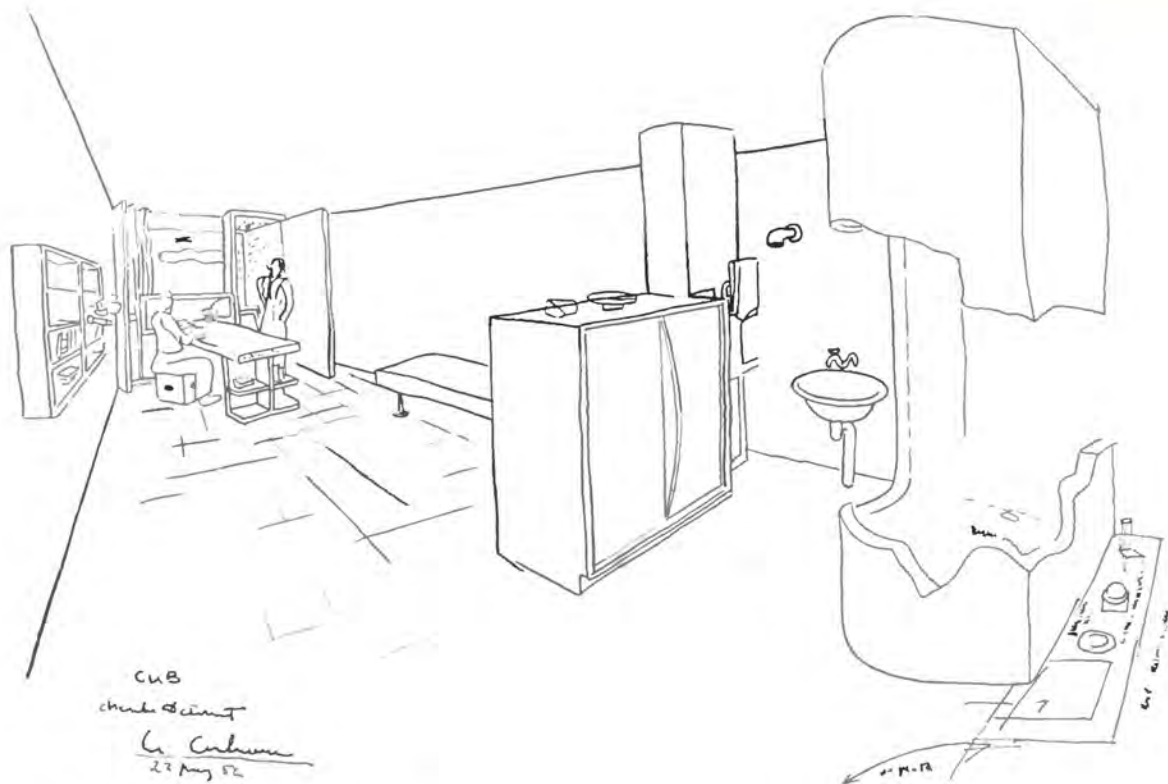
Швейцарский корпус в студенческом городке в Париже. Вид сизау.

Швейцарский корпус в студенческом городке в Париже. План первого этажа.

Швейцарский корпус в студенческом городке в Париже. Вид под столбами.

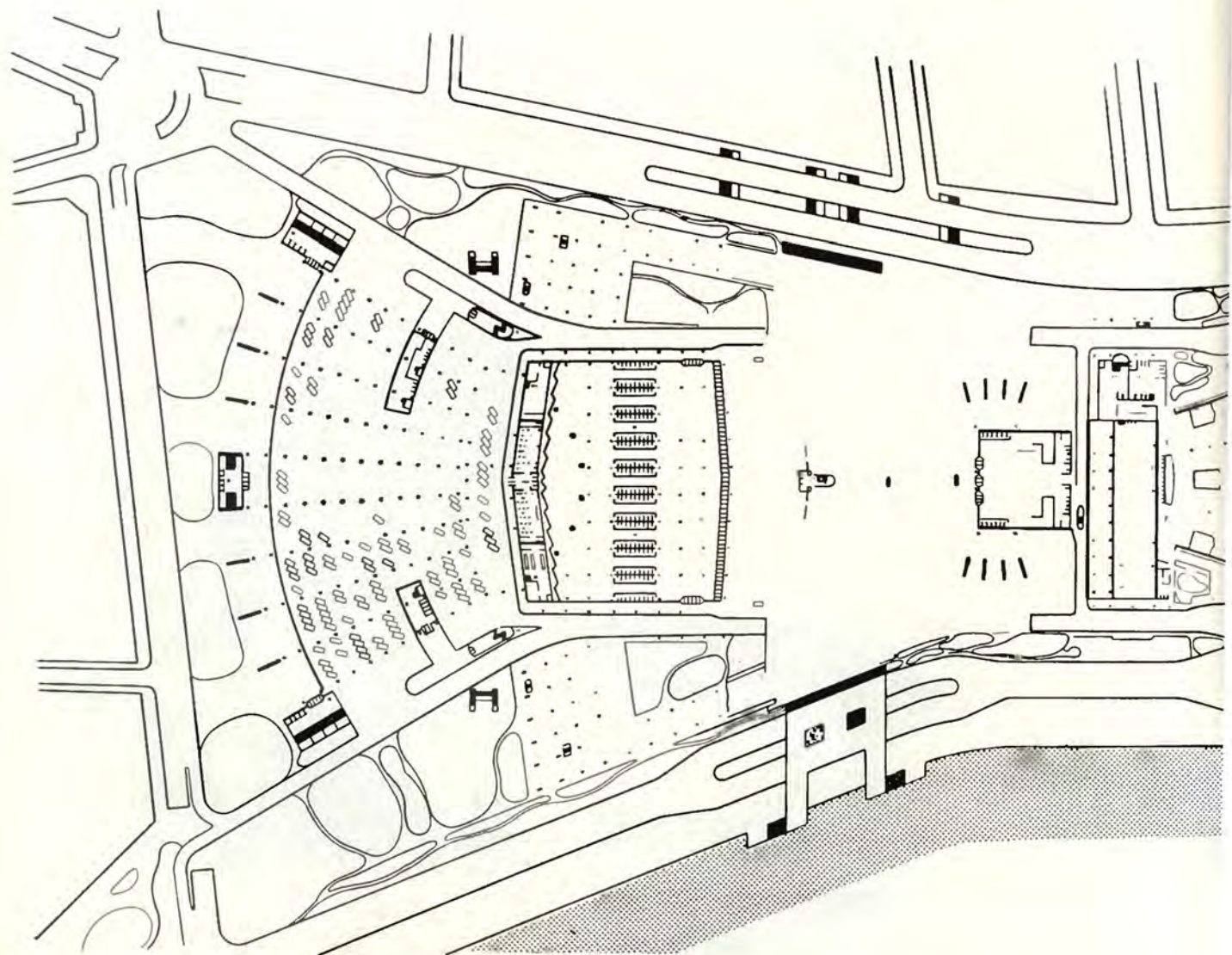
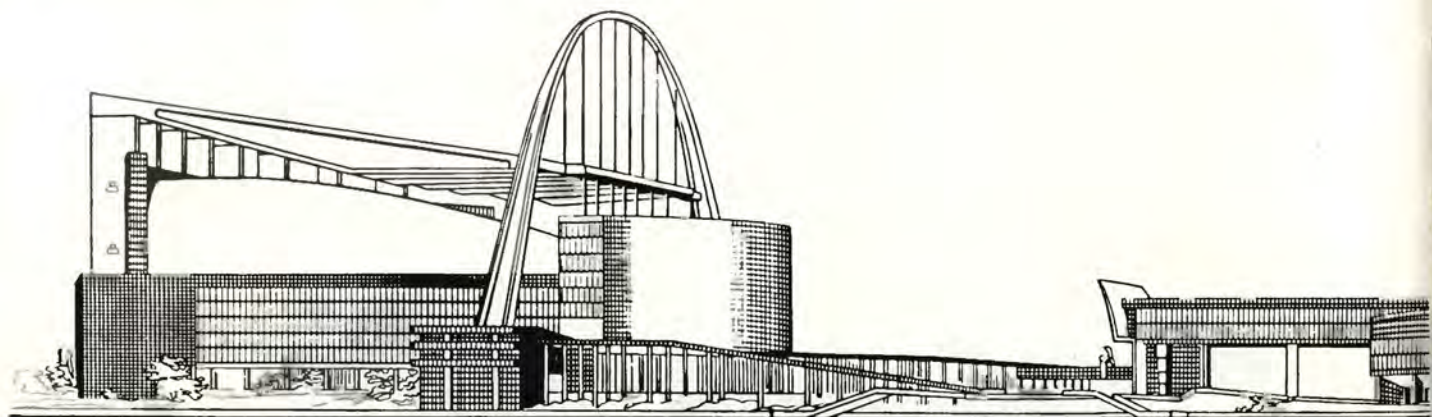

Швейцарский корпус в студенческом городке в Париже. Перспектива интерьера.

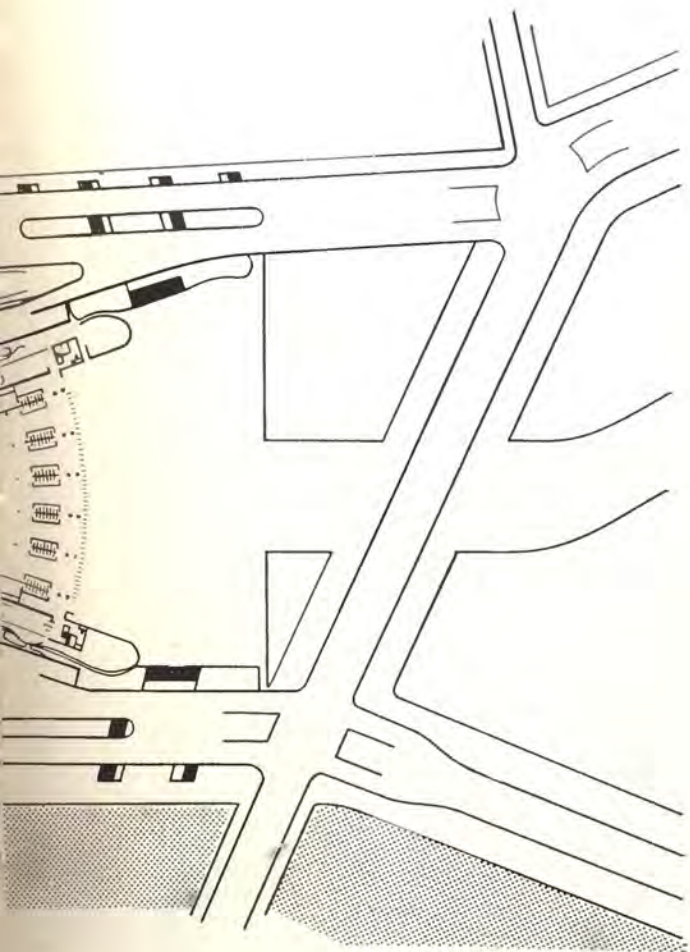
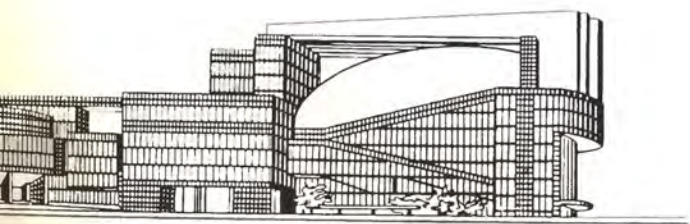

Швейцарский корпус в студенческом городке в Париже. Настенная живопись в библиотеке (выполнена Ле Корбюзье в 1948 г.).

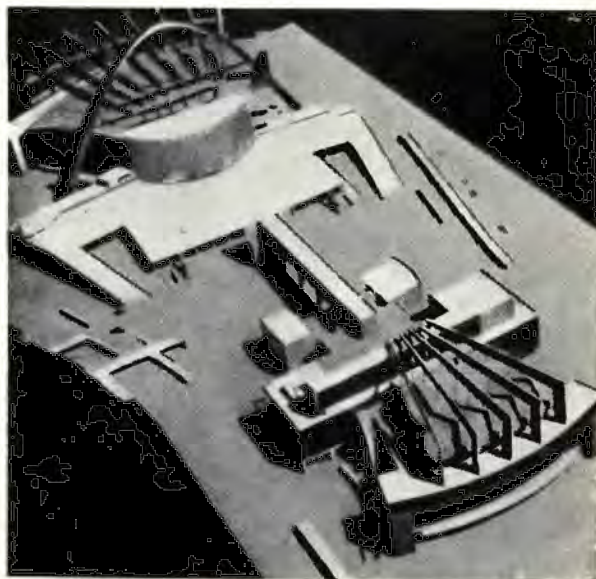

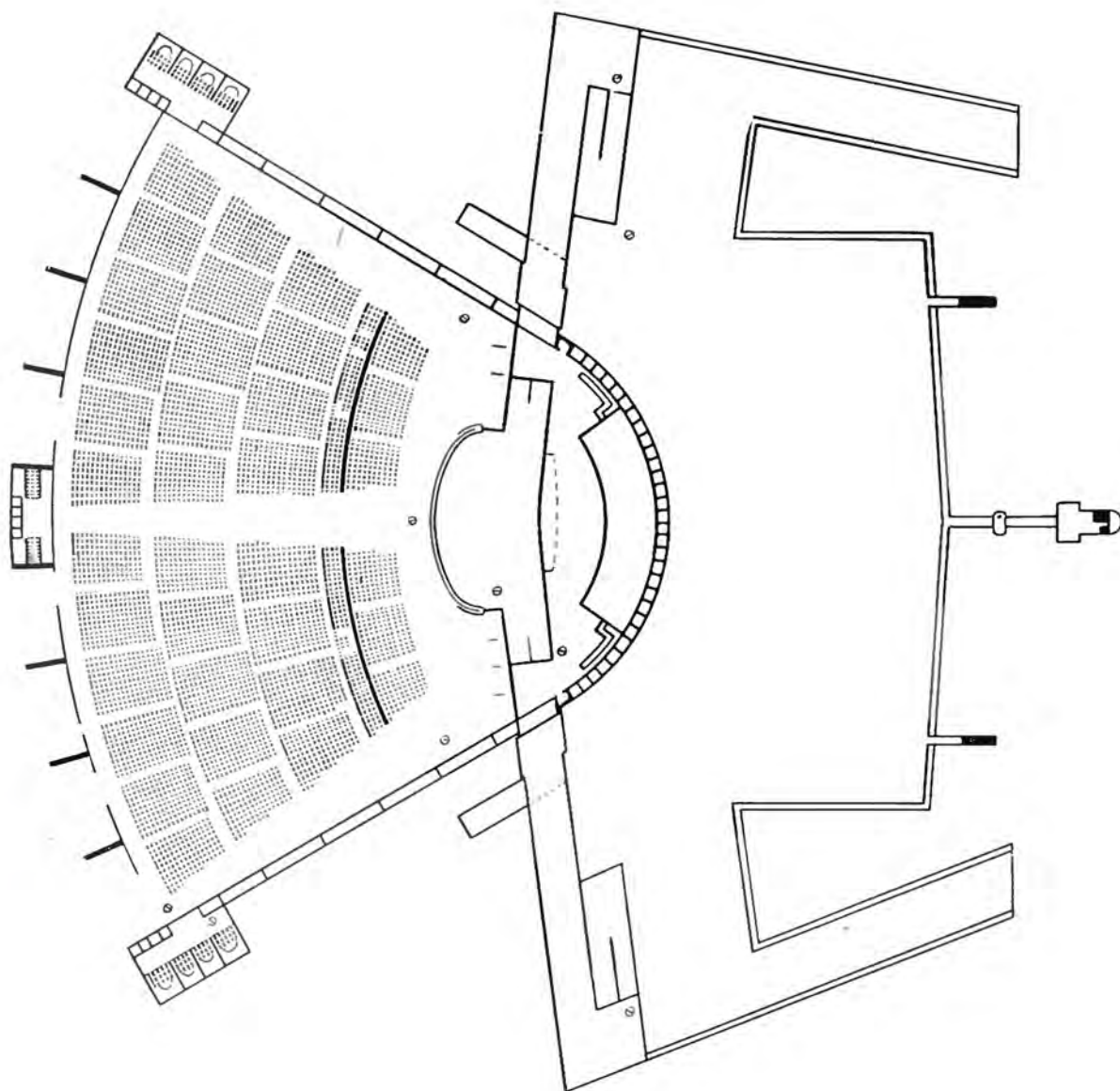

Конкурсный проект Дворца Советов в Москве.
Панорама с Кремлем.

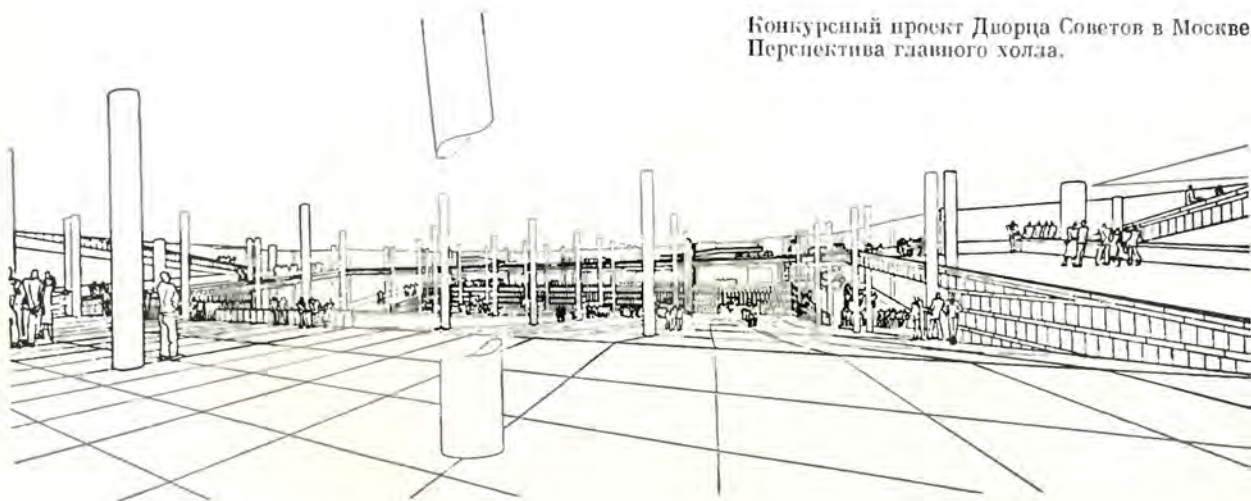

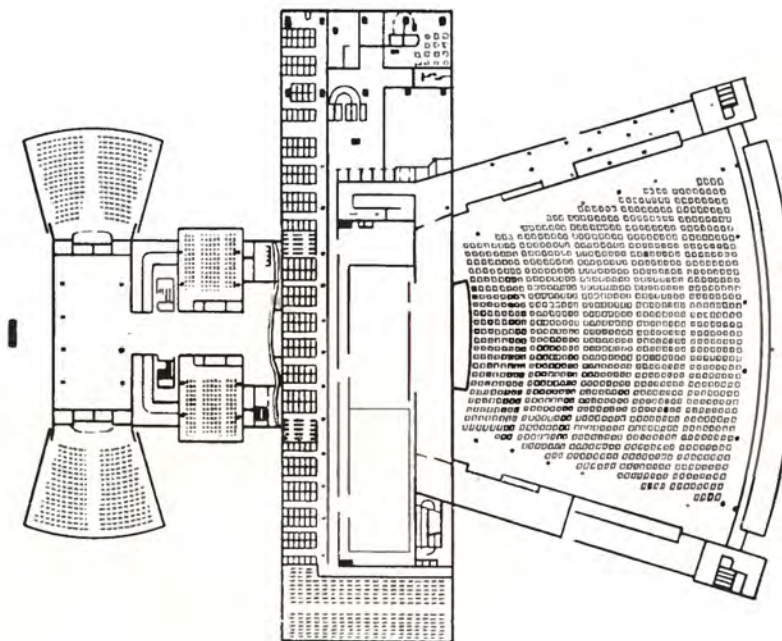
Конкурсный проект Дворца Советов в Москве.
Вид на макет сверху.

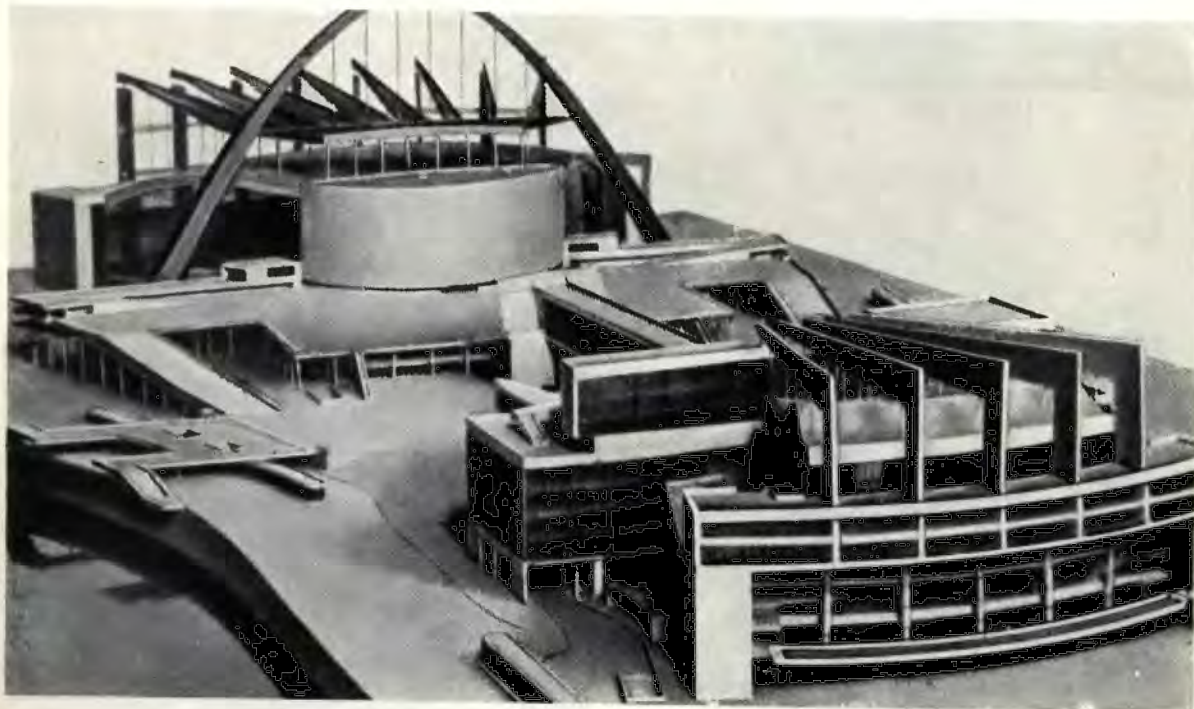

Конкурсный проект Дворца Советов в Москве.
Перспектива главного холла.

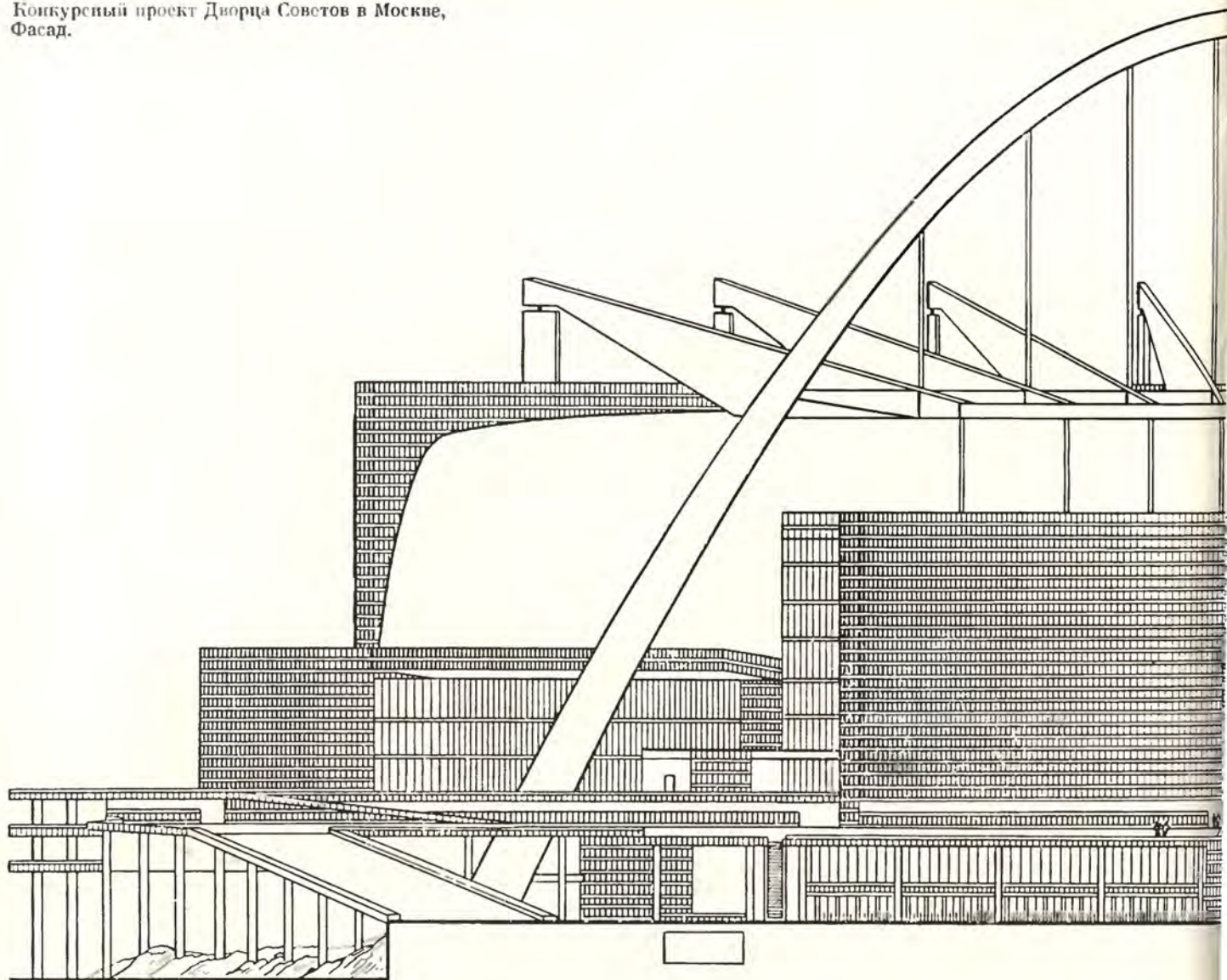

Конкурсный проект Дворца Советов в Москве.
Макет.

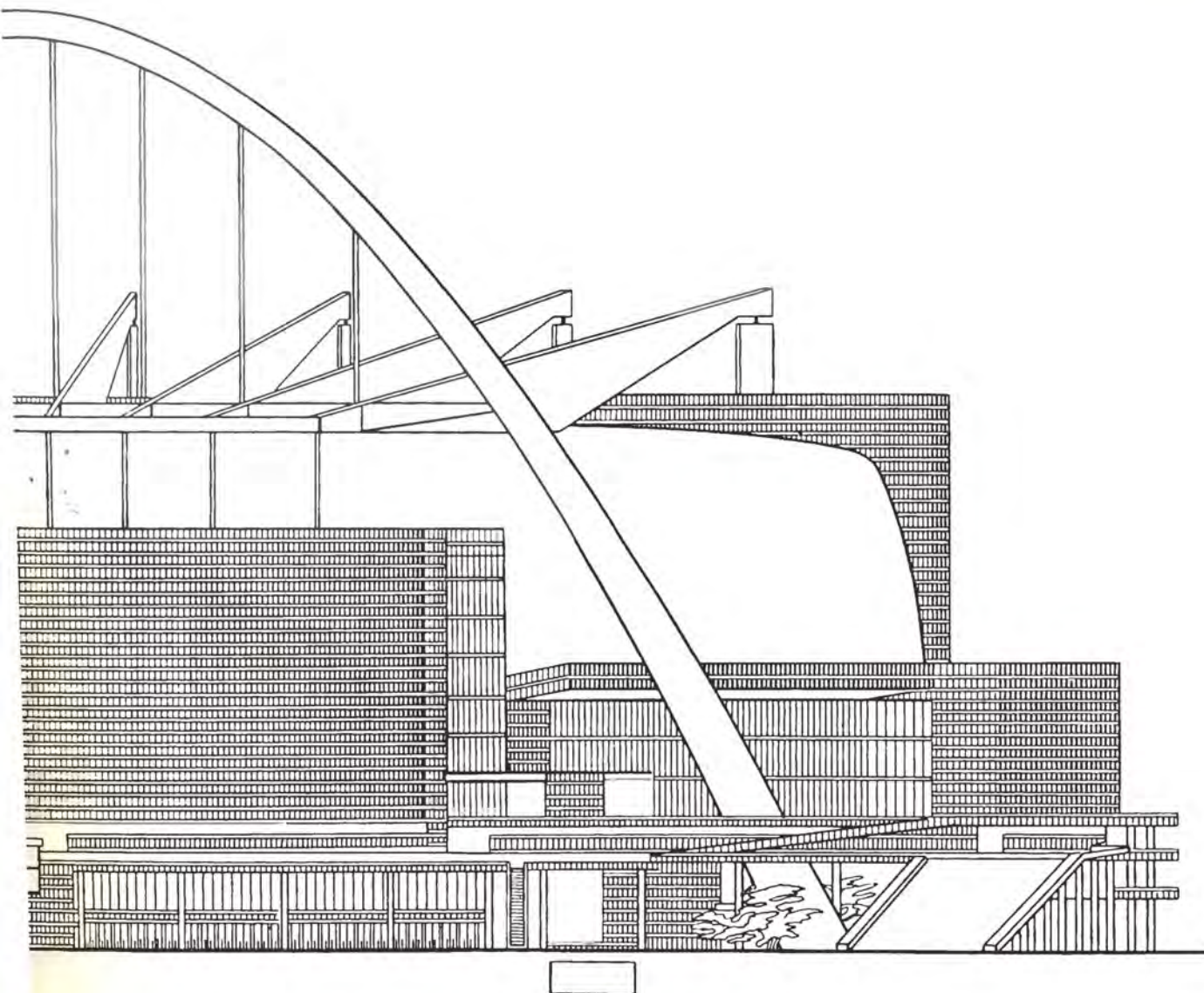

Конкурсный проект Дворца Советов в Москве,
Фасад.

Дом Армии спасения в Париже, 1932—1933.
Фрагмент фасада.

Дом Армии спасения в Париже.
Главный вход.

Ле Корбюзье. Композиция, масло, 1956 г.

ЛУЧЕЗАРНЫЙ ГОРОД

... Человек безмятежно проводил свой отпуск на лоне природы, вдали от города и его обитателей, среди вольных стихий, подвластных лишь вечным естественным законам... И вдруг сразу же, минуя вокзалы, поезда, вагоны, не успев восстановить прежних контактов с миром людей, он переносится на автомобиле в *город*, в Париж. Потрясение жестокое, больше того — удручающее.

В то время как природа из года в год совершает свой жизненный цикл — рождение, зрелость, увядание, смерть (весна, лето, осень, зима), — в то время как в ней идет непрерывная смена процессов разрушения, очищения и созидания, человек, мнящий себя *Разумом Вселенной*, соглашается жить в городах и домах, подверженных гниению (по меньшей мере на 60%), подчиняться омертвившему распорядку, устаповлепням, давно уже оторванным от древа жизни, прозябать в окружении мертвых вещей. Все его движения, жесты, мысли — все это в угоду какому-то хламу, пемыслимо безобразному домашнему скарбу (единственное исключение составляют заводы).

Природа — вот что мы должны взять за образец.

Наше отступничество — вот в чем преступление.

Вести *здоровую* жизнь — значит создать вокруг себя разумную, чистую среду, благоустроенный мир.

Только портные, саножники, ирачки помогают человеку сохранить за собой право считаться *Разумом Вселенной*.

Август, 1932 г.

*

Свобода!

1919 год. В Париже занялась заря новой великой религии: бизнес! Добывать деньги, побольше денег — все к этому сводится: рост числа предприятий, оживление деловой активности, интенсификация труда. The right man at the right place¹ и т. п.

Разговор с моей секретаршей:

— Итак, мадемуазель, вы не можете являться на работу вовремя, к половине девятого?

Она в отчаянии:

— Я живу в пригороде: вокзалы, давка, пропустишь один поезд...

— Ах вот в чем дело, я не знал, что вы живете за городом...

Набравшись смелости, она продолжает:

— Послушайте, вы даже не можете себе представить, что это такое: в поездах адская давка и утром, и днем, и вечером. Пристают всякие типы; народу ведь, как в метро, вот и приходится терпеть их шуточки!

Чтобы попасть на поезд 7.45, приходится идти нешком больше двадцати пяти минут, на некоторых дорогах завязнуть можно. Когда идет дождь и особенно когда ветер, какой-то ужас. Вдобавок, зимой эти темные ночи.

Я встаю в пять часов, стираю себе на завтра чулки и сорочку, глажу платье, завтракаю.

— А вы не могли бы заняться этим вечером, после половины седьмого?

— Половина седьмого, вы говорите? К половине шестого я только кончаю разбирать почту, заглядываю к вам, вы заняты с каким-нибудь посетителем. И только в шесть часов или даже в шесть двадцать пять вы вызываете меня в кабинет; десять-пятнадцать минут у вас уходит на подписывание бумаг. После этого вы думаете: «Теперь она свободна, может отправляться домой». Но ведь надо еще отправить корреспонденцию. Бегу на почту. На семичасовой можно и не рассчитывать. Прибегаю на вокзал. На перроне толкотня, вагоны набиты битком. Жду следующего поезда: 7.30 или 7.45.

Домой попадаю в половине девятого — в девять. Надо ужинать.

Сделать что-нибудь по дому? Я уже вся вымоталась и изнервничалась, с пяти утра на погах, уже нет никаких сил за что-нибудь взяться...

Меня чрезвычайно заинтересовал этот ежедневный распорядок, который раскрыл мне столько людских забот.

— Но хотя бы по воскресеньям вы, наверно, неплохо проводите время у себя за городом?

— По воскресеньям — сплошной ужас! Страшная скука! Поймите, я не вижу никого, никого, никого; у меня нет никаких знакомых.

¹ Нужный человек на нужном месте (англ.).

— Ну, это вы преувеличиваете, нельзя же быть до такой степени одинокой, особенно если учесть, что вы красивая девушка.

— Вот уже десять лет, как я ежедневно езжу в Париж. Моя мать — пожилая женщина, у нее часто бывает плохое настроение, это от отчаяния: нам ведь приходится на всем экономить. У матери есть кое-какие знакомые, из тех, кого она встречает, когда ходит за покупками. У нас есть и родственники в других пригородах. Поехать к ним — значит снова садиться в битком набитый поезд. На это уже не хватает сил. А по соседству ничего интересного: у всех вокруг такая же убогая жизнь. Конечно, можно пойти на прогулку, но в пригороде от этого не получаешь большого удовольствия. Пригород — это не деревня.

Я хотела бы познакомиться со своими сверстниками. Молодые люди? Но где и когда я могу их встретить? Поймите же, у меня нет никакой возможности познакомиться с кем-нибудь из молодых людей. В поезде? Если бы вы знали, к чему это обычно приводит. . . Вся моя молодость прошла в поездах. Целых десять лет. Это началось, когда мне было семнадцать. Часто нападает страшная тоска, пускаешься в какое-нибудь приключение, но из этого ничего хорошего не выходит, остается только горечь и разочарование.

Я все время заставляю себя верить, что в один прекрасный день все изменится, произойдет какая-то неожиданная встреча, чудо. Что делать, надо же сохранять хоть какую-то надежду!

В общем, жизнь не из веселых. *Если бы вы знали, как мне все это опостыдело!*

Я был потрясен. Раньше такие парижские пташки казались мне живыми, изящными, веселыми созданиями, которые всегда держатся с кокетливой уверенностью и шиком, который они умеют создавать каким-то чудом из грошových вещей.

Вот что приходится терпеть жителям пригородов. Но самое страшное — это полное одиночество в многолюдной сутолоке агломерации огромного города!

О свобода!

Равенство!

В 1922 году меня захватила мечта, с которой я потом уже никогда не разлучался: жить в городе, достойном нашего времени.

Я разработал детальный проект современного города с трехмиллионным населением. Я создал систему новых параметров, новых масштабов в архитектуре. Я предвидел возможность приобщения к насущным радостям бытия: небо, деревья — эти вечные спутники каждого человека. Солнце в доме, небесная лазурь за стеклами окон, море зелени, которое видишь перед собой, пробудившись ото сна, тут же, *в городе*.

И я сделал эскиз «Плана Вуазен» для Парижа, законченный проект которого я должен был представить на суд общественности в нашем на- вильоне «Эспри нуво» на Выставке декоративного искусства в 1925 году.

Я постигал новые жизненные ценности и критерии, мысленно представлял себе образ новой будничной жизни, заполненной работой, спортом, раздумьями и насущными радостями бытия. Я часто задумывался над судьбой горожан, проходя по кварталам, протянувшимся от площади Вогезов до Биржи, — по трагически нелепым и скученным, по самым отвратительным кварталам Парижа. На этих улицах люди гуськом передвигаются по узеньким, как штка, полоскам тротуаров. Я обнаружил, что город обладает чудесным свойством: принуждая людей к обществу, он делает их более стойкими. *Несмотря ни на что*, они умеют смеяться, бороться за жизнь, *несмотря ни на что*, они сохраняют бодрость, способность шутить; *несмотря ни на что*, они продолжают как-то существовать!

Я создал *модель бесклассового города*, города, где люди заняты своим трудом и досугом, который отныне стал для них доступным.

Главный архитектор города сурово выговаривал мне: «Вы хотите разрушить красоту Парижа, историю Парижа, священные реликвии, оставленные нам предками. Вы слишком мрачно настроены, видите все в черном цвете. Вы вбили себе в голову, что так больше продолжаться не может. Вы утверждаете, что уже положено начало какой-то новой жизни, иной, чем прежняя. А по-моему, все идет нормально. Нужно только кое-где расширить улицы».

Служебные заботы главного архитектора в огромной степени облегчались роскошным долж-

ночным автомобилем с шофером в придачу. Потому-то он был совершенно убежден в том, что с уличным движением все обстоит благополучно. Он даже говорил: «Если движение застоит, что ж, тем лучше, упраздним автомобили».

Леандр Вайя, который в то время вел в газете «Тан» раздел градостроения, тоже обвинял меня в стремлении разрушить красоту Парижа (имелся в виду те самые кварталы, где дома лепятся один на другой и куда сам г-н Вайя никогда не ходил). «Там находятся, — писал он, — самые красивые особняки XVII и XVIII веков, настоящие шедевры... кованые решетки...»

Сам г-н Леандр Вайя проживает на широкой авеню в одном из западных кварталов.

Уже другой главный архитектор города выступал в прошлом году в печати и в речах против моих разрушительных идей. «Постойте, постойте, — говорил он мне, — вы забываете, что Париж был римским городом, с этим нельзя не считаться».

Миллион человек живет в мрачных трущобах старого Парижа. Еще 1 миллион прозябает в не менее мрачных пригородах. В парке Клюни неткая кирпичная стена, обвитая плющом, свидетельствует о том, что Париж был римским городом.

Все идет прекрасно, эдильи не дремлют.

Равенство!

Братство!

Крупный банкир, собирающийся финансировать новые и радикальные градостроительные мероприятия в городе Алжире, можно сказать, держащий в своих руках судьбу всего города, сказал одному из моих друзей следующее:

«Вы хотите, чтобы я встретился с г-ном Ле Корбюзье и чтобы он изложил мне свои идеи и планы относительно будущего города? Я отлично знаю, кто такой Ле Корбюзье, больше того, я ценю его усилия. И все же я не хочу с ним встречаться. Если я его приму, он сможет заставить меня принять его точку зрения, он меня переубедит. Я не имею права позволить себя переубедить...»

Речь шла о полной перестройке одного из самых значительных кварталов Алжира. Готовится глубоко ошибочное, роковое, трагическое решение. В Алжире я выступал перед местным

населением. Мне удалось посеять сомнения в правомерности готовящихся мероприятий, я умолял отказаться от неудачной идеи. От этого зависит судьба города. У Алжира большое будущее.

Я со своей стороны предложил комплексную идею. Она одним ударом рассекает тупик, в который заходит слишком быстро растущий город. Я задумал «лучезарный город», расположенный в центре великолепного ландшафта: небо, море, Атласский хребет, горы Кабилии. Для каждого из 500 тысяч жителей, которые в недалеком будущем составят население этой столицы, достойной нашей эпохи, для каждого из них я предусмотрел небо, море и горы, которые будут видны из окон домов и создадут для их обитателей благодатную и жизнеутраченную картину. Для каждого. Таким может быть результат осуществления одного проекта.

Я предложил людям насущные радости бытия.

Но игра уже сделана: фонды распределены. Чтобы принять мой проект, пришлось бы все начинать сначала. Однако вместо излишних финансовых затрат план обещает поразительный рост доходов, часть которых могла бы пополнить банковские сейфы.

Как дорого обходятся поспешность и легкомыслие!

Игру ведут деньги: цифры против цифр, сделки против сделок. *Суть дела? Перестройка Алжира?* Этим можно заняться потом, в последнюю минуту — специалисты получают соответствующие указания и приказания... из банка.

Насущные радости для всех? Теперь уже некогда этим заниматься, нет времени. Не путайте игру!

Братство!

Воздух городов

Воздух городов не от господ бога. Он от самого дьявола. Врачи предлагают нашему вниманию результаты своих исследований на этот счет. Ниже приводятся данные о содержании бактерий в 10 куб. метрах воздуха, полученные примерно в одно и то же время:

1. Высота от 2000 до 4000 метров над уровнем моря, а также в открытом море в 100 километрах от берега 0
2. Озеро Тун, высота 550 метров над уровнем моря 8
3. Около отеля Белью (Тун), высота 560 метров 25
4. В помере того же отеля 600
5. Парк Монсури, Париж 7 600
6. Улица Риволи, Париж 55 000

(Исследования проведены Микелем, данные приводятся в книге доктора Мартини.)

*

Деревья поглощают углекислоту и выделяют кислород. Дерево — спутник человека. В городах скоро не останется деревьев.

В Рио-де-Жанейро, в Буэнос-Айресе, в Алжире воздух перенасыщен влагой. В иные месяцы его гидрометрический уровень превышает все допустимые нормы. Местные жители часто говорят: «В работе мы не можем сравниться с вами, мы изнемогаем от сырости».

На земле есть районы, изобилующие природными богатствами, но с нездоровым, вредным для человеческих легких климатом. Несмотря на все богатства, человек там беспомощен.

Наиболее благоприятная для дыхания температура воздуха $+18^{\circ}\text{C}$.

В Москве зимой термометр иногда показывает -40°C . Разница в 58°C ! В Париже часто бывает -5°C .

В Порт-Саиде $+40^{\circ}\text{C}$.

Человек переносит холод легче, чем жару.

Так где же та земля обетованная, в которой температура воздуха составляет $+18^{\circ}\text{C}$? Мы построили в Чили домик на берегу океана, в райских кущах: там круглый год постоянная температура $+18^{\circ}\text{C}$. Это, пожалуй, единственное место на земле.

Но почему же, черт возьми, люди упорно продолжают жить в тяжелых климатических усло-

виях? Я не берусь это объяснить! Но я постараюсь сделать все возможное, чтобы предотвратить грозящую нам опасность.

Климат обусловил разнообразие рас, культур, обычаев, одежды. Под его воздействием выработаны те или иные методы труда, соответствующие определенным природным условиям.

Увы, машинная эра спутала все карты — старые карты мира. Коль скоро машинная эра, следствие человеческого прогресса, вызвала такие потрясения, быть может, она же укажет нам и путь к спасению?

Многообразие климатических условий, смена времен года, ломка вековых обычаев и традиций приводят к расстройству и беспорядку, и жертвой всего этого оказывается человек.

Я ищу средство исцеления, ищу постоянную величину. Такая постоянная величина — человеческие легкие. Для их нормальной работы необходима другая постоянная — кондиционированный воздух. Мы должны взять на себя инициативу обеспечить им легкие.

Будем же изготовлять такой кондиционированный воздух с помощью фильтров, осушителей, увлажнителей, дезинфекторов, не столь уж сложных агрегатов!

Надо подавать кондиционированный воздух в человеческие легкие, в жилища, на заводы, в конторы, в клубы, в залы заседаний. К сожалению, даже столь широко распространенные вентиляторы зачастую плохо используются.

Пусть солнечные лучи свободно проникают в жилище сквозь стеклянные фасады. Но тогда будет слишком жарко летом и слишком холодно зимой! Создадим «нейтрализующие стены»!

Будь то Осло, Москва, Берлин, Париж, Алжир, Порт-Саид, Рио или Буэнос-Айрес — всюду возможно лишь одно решение проблемы, поскольку и сама проблема всюду одинакова: напавшие человеческие легкие.

«Нейтрализующая стена» должна окутать здание и оградить его от внешнего холода.

Внутри здания должен циркулировать кондиционированный воздух.

Для этого необходима двухсекционная центральная установка. Одна ее секция в странах с холодным климатом зимой подает сухой и горячий воздух, не пригодный для дыхания, который пропускается между остекленными панелями

ми изолирующей стены. Вторая секция круглый год подает кондиционированный воздух, то есть обеспыленный, дезинфицированный, со строго определенным уровнем влажности и с постоянной температурой порядка $+18^{\circ}\text{C}$.

Разумеется, такая централизованная установка будет перерабатывать наружный, атмосферный воздух. Напомним, что муниципальные органы в целях предосторожности заботятся о том, чтобы питьевая вода, снабжающая город, проходила через водоочистительные станции. Если бы этого не делалось, над жителями постоянно висела бы угроза эпидемий.

Достаточно будет для каждого планируемого жилого комплекса определить мощность предлагаемой системы, и каждый городской житель будет ежеминутно получать свои 8 литров кондиционированного воздуха.

*

Какое расстояние мы должны преодолеть, чтобы перейти от принятых ныне норм к рациональному новому?

Это расстояние — зияющая пропасть между сегодня и завтра. Ее надо перепрыгнуть. Сегодня смертельный недуг подтачивает здоровье огромных масс людей на работе и дома. Так продолжаться не может! Завтра эти массы будут дышать полной грудью.

И все это может быть достигнуто с помощью архитектурных и градостроительных новшеств.

Легкие, слух, зрение;

чистый воздух, тишина и душевное спокойствие (насыщенные радости бытия);

устранение пыли, комаров, мух;

изоляция от внешних шумов;

солнце в жилищах, интенсивное или регулируемое по воле человека;

воссоздание естественной среды: воздух, зелень, небо, целебные солнечные лучи по желанию и живой воздух просторов в наши легкие.

Человек спасается наконец от удущия двух летних грозных месяцев, и его жилье будет ограждено от зимних холодов.

И это для всех, для каждого.

Города могут быть избавлены от угрозы воздушной войны.

Для этого нужно только *мобилизовать всю Землю*.

*

С организацией «правильного дыхания» станут почти излишними санитарные предписания муниципальных органов.

Жилище может стать другим. Оно сможет предоставить человеку все насущные радости бытия. Мы даже не можем себе представить, сколь благотворно воздействие живого воздуха, постоянно циркулирующего в жилище.

В этой новой среде человек станет крепким, здоровым, веселым. Болезни потерпят сокрушительное поражение.

Я рисую план жилого дома.

Все квартиры вписаны в вытянутые прямоугольники. Их малые стороны образуют фасадную линию здания, а с противоположной стороны граничат с общим коридором, как бы внутренней улицей. Двери каждой квартиры выходят на эту своеобразную внутреннюю улицу. Если жилой комплекс ориентирован по оси восток — запад, квартиры выходят на внутреннюю улицу с обеих сторон, если по оси север — юг — только с южной стороны.

Все квартиры обеспечиваются максимальным естественным освещением благодаря остекленным тоннелям, из которых состоит фасад.

Расположение квартир в глубину представляет собой новшество по сравнению с традиционным размещением их вдоль фасада.

По поперечному разрезу может быть несколько вариантов расположения квартир по сторонам внутренней улицы. Например, квартиры по обе стороны улиц. Приток воздуха таков, что ни в одном, даже самом укромном, углу не возникает застоя.

Теперь посмотрим иное решение. Здесь представлены сугубо традиционные способы планировки жилого дома. Здание, состоящее из 16 квартир, будет иметь длину m м. При новой планировке длина здания составит $m'n'$, или втрое короче предыдущего.

Новый город будет развернут на пространстве, на площади, втрое меньшей против прежней.

А вот некоторые архитектурные особенности.

Фасад (достижение современной техники) состоит целиком из стекла. Он обращен только на юг, на восток или на запад, *ни в коем случае не*

на север (для умеренного пояса северного полушария); в южном полушарии южный фасад соответственно заменяется северным; в жарких поясах северного полушария также возможен северный фасад, а южный и восточный оборудуются солнцезащитными козырьками (в южном полушарии направление фасадов соответственно меняется).

Стекланный фасад должен быть герметичным. Никаких открывающихся окон! Могут сказать, что это стекланный тюрем. Но если вдуматься — глаз видит пространство, ограниченное полом и потолком, левой и правой стенами; прямо перед взором открывается прекрасный вид на зеленые парки, дали, а не на улицу со сточными канавами. . . А еще лучше, ступайте и посмотрите сами уже построенные дома со стекланными фасадами.

Остекленные панели снабжены «диафрагмами», чтобы можно было при желании ограничить доступ света в помещение. (Диафрагмы — это жалюзи, ставни, экраны, которые в настоящее время уже изготавливаются, или же новые устройства, подлежащие разработке на основе правильно поставленной проблемы.)

Мы предусматриваем значительные изменения в габаритах (подробнее смотри ниже), например оптимальной высотой жилого помещения мы считаем 4 метра 50 сантиметров. Эта высота делится надвое: дважды по 2 метра 20 сантиметров.

Высота наружной стеклнной стены — 4 метра 50 сантиметров, перекрытие на высоте 2 метров 20 сантиметров. В комнату проникает солнечный свет. В жилище обилие солнечных лучей, тонизирующее воздействие которых неоспоримо, хотя большинству людей и не известно в точности, каково их влияние на наш организм и на окружающую нас среду.

И наконец, поскольку механическая подача кондиционированного воздуха позволяет обеспечить им здания неограниченного объема, мы можем, например, считать 50 метров разумной высотой жилого дома. Такой выбор высоты даст возможность сохранить вокруг здания свободное пространство и озеленить его.

Новая планировка улиц составляет разительный контраст с повсеместно распространенными улицами-коридорами, с дворами-колодцами, по-

родившими города отчаяния — все города начала машинной эры.

*

Чистый воздух — красугольный камень благоустройства современных городов! Эта ведущая идея стимулирует архитектурную и градостроительную мысль. Но наряду с ожесточенным сопротивлением всякого рода специалистов нам следует побороть и собственную нерешительность, сомнения, которые зачастую подстерегают нас в дни неудач и повергают в отчаяние. В 1931 году наше дело, наши принципы получили наконец признание: по инициативе Гюстава Липона (большого ученого и человека большой души) лаборатории сен-гобеновских мануфактур приняли серию экспериментов, результаты которых имели для нас решающее значение. «Правильное дыхание» («нейтрализующие стены» и внутренний круговорот воздуха) было подвергнуто научному исследованию! С тех пор в Сен-Гобене в распоряжении ученых и специалистов по отоплению имеются два доклада, 1931 и 1932 годов, в которых изложены все стадии экспериментов.

*

Урбанизация ПРИБЫЛНА!

Урбанизация не убыточна.

Урбанизировать значит повышать доходность участка.

Урбанизировать не значит обесценивать землю.

— Времена, лишенные новых технических средств, обречены на застой.

— Времена, располагавшие превосходными техническими средствами, знаменовались великими свершениями.

— Замена пришедшего в негодность объекта таким же, но новым, не может дать экономического эффекта.

— Замена пришедшего в негодность объекта новым, вчетверо или вдесятеро большей эффективности, приносит доход, в три или в девять раз превышающий стоимость замененного объекта.

— Создать новый деловой центр Парижа вне Парижа — значит уничтожить самое цепное, что есть в городе, подорвать его финансовую движущую силу. Это значит вызвать экономическую катастрофу.

— Перестроить обветшалый центр города, возвести на его месте новый, вчетверо, вдесятеро более эффективный, — значит в четыре, в десять раз увеличить *доходность* операций. Это значит сразу же, на основе одного решения, одной продуманной *концепции* открыть в центре города *алмазные копи*.

— Это значит многократно, вчетверо, вдесятеро увеличить свою платежеспособность. Доход, причитающийся государству — инициатору мероприятия, может покрыть издержки на реконструкцию и благоустройство парижских окраин, позволит уничтожить трущобы предместьев.

— Современная техника даст возможность возводить строения, в десять раз *более высокие*, чем прежние, она даст возможность:

сосредоточить городской центр на площади, застроенной на 5 процентов,

и предоставить высвободившиеся 95 процентов территории уличному движению и благоустройству;

увеличить в четыре раза самую высокую ныне плотность населения;

полностью компенсировать стоимость подлежащих сносу сооружений и земельных участков их владельцам;

реконструировать транспортную сеть.

— Деловой центр столицы неизбежно складывается в ее геометрическом центре, так как это максимально сокращает расстояние между ним и всеми другими районами города. Города созданы для того, чтобы в них жить, центр — для того, чтобы в нем работать. Это две отличные одна от другой последовательные, но не одновременные функции. Их отправление совершается в разных зонах. Центр столицы переместить нельзя. Это доказывают география, геометрия, биология и экономика.

— Я повторяю: центр есть основополагающая ценность, которую современная техника может еще увеличить.

— Мысль об уничтожении центра слепа¹.

¹ На заседании конгресса Нового Парижа Огюст Перре требовал снести парижский центр и разбить на его месте «сад для нянек с детьми, куда мы будем ходить на прогулки». — Л. К.

Как решить проблему Парижа?

Париж не только административный центр, он воплощение всей Франции; во всем мире Париж дорог каждому, какая-то частица души каждого из нас принадлежит Парижу... Чем это объяснить?

Дело в том, что в течение многих веков, вот уже тысячу лет, Париж является средоточием человеческой мысли, творчества, дерзаний, предприимчивости торговой и промышленной. Все разрастаясь, город становился трудноуправляемым. Поэтому Людовик XIV принял соответствующие меры и установил разумные границы города Парижа. Он хотел покончить с его хаотичностью, распылчатостью, сделать его удобоуправляемым.

Но вернемся к нашим дням. Какое удручающее зрелище! От порядка, контроля, разумной организации не осталось и следа. Париж превратился в какое-то чудовище, распластавшееся на огромной территории, в чудовище самой примитивной биологической организации, в протоплазму, бесформенную лужу.

И это город-светоч? Не может быть! Если он им еще не перестал считаться, то лишь благодаря поразительной стойкости своей былой славы. Если город не утратил своего блеска, то этим он обязан прежде всего могучей воле и ясному уму двух веков: веку Людовика XIV и времени Наполеонов. Светила погасли, но их лучи продолжают освещать небосклон. Так и Париж озабранный отблесками прошлого.

В истории прослеживается естественный рост размаха градостроительных работ, который тесно связан с ростом технической оснащенности общества и значения административного вмешательства.

Эта тенденция может быть выражена в виде непрерывно идущей вверх кривой...

Наступил век машин. В городе в десятки раз возросли скорости, население за одно столетие от 600 тысяч дошло до 4 миллионов. Люди полагают, что будут приняты спасительные меры, которые отвечали бы серьезности создавшегося положения. Увы, принимаемые меры явно недостаточны, их относительная эффективность почти сводится на нет из-за отсутствия новых концепций, новых идей. Дело ограничивается мелкими пасауциными заботами, подчисткой, убогим латанием. Но вдруг происходит ужа-

сающее событие — война. Послевоемный период создает особые условия. Может быть, теперь-то все наконец устроится, будут приняты меры в масштабах сегодняшнего дня? Ничего подобного. В городе свирепствует жилищная лихорадка, жилищный кризис в разгаре. Необходимо срочно увеличить жилые фонды.

Но что же происходит в действительности? Совершаются сделки, и уже через несколько лет пригородный пояс, располагающий прекрасными озелененными территориями, покрывается тридцатитрехкилометровой лентой строений, которые, за редчайшими исключениями, отнюдь не свидетельствуют о прогрессе жилищного строительства. Из всего, что легло в основу данной книги — ни психология индивидуума, ни психология коллектива, ни сознание гражданского долга, ни техника, ни промышленность, ни прогрессивные методы строительства, ни общая экономика, — ничто из всего этого не было принято во внимание, хотя этому и благоприятствовали все обстоятельства.

Окрестности Парижа покрываются заплесневелыми одно- двухэтажными домишками, разбросанными вдоль улочек, которые через каждые 20 или 50 метров выходят на главные транспортные магистрали. А по этим магистралям со скоростью 100 километров в час несутся тяжелые грузовики и быстроходные легковые автомобили.

Париж перестраивается исподволь, незаметно, но изо дня в день и сверху донизу.

Городские власти ежедневно выдают разрешения на снос и застройку, иногда оговаривая их требованием расширить тротуар на 1—3 метра. На каждый вновь построенный дом приходится несколько автомобилей. Они запруживают старые не подвергшиеся перестройке улицы, так как хозяева их тщетно пытаются пайти стоянку у обочины слишком коротких отрезков тротуара.

Париж, большой город нарождающейся цивилизации, втискивают в прокрустово ложе, изготовленное еще в эпоху гужевого транспорта.

Но хватит об этом, картина и так ясна!

Попробуем же оправдать наши дерзкие посягательства на блеск Парижа!

Сетованиям и вздохам нет конца, по год проходит за годом, а столица продолжает хиреть.

Жизнь доказала, что пора наконец без всяких церемоний взяться за дело, пора подрезать гнойник и заглянуть в рану. . . Потом перевести дух, поразмыслить и сделать следующую попытку и так, шаг за шагом, упорно идти к цели, изыскивая средства решения проблемы и не страшась общественного приговора.

„Лучезарная ферма“

Жилище на современной ферме неблагоустроенно, на нем совершенно не отразился новый жизненный уклад, это пережиток прошлых веков.

На «лучезарной ферме» жилище будет гигиеничным, светлым, радующим глаз, как современные машины, за которыми хозяин любовно ухаживает и которые он постоянно содержит в порядке, как автомобиль или трактор.

Крестьяне департамента Сарта выдвинули первое условие: *дом должен быть приподнят на опорах*. Они больше не хотят мириться с сыростью, пропитывающей дома.

Жилище на «лучезарной ферме» уже не похоже на жалкое логово, затерявшееся среди хозяйственных построек. Это отдельный жилой дом, обязательно доминирующий над дорогой и над фермой. Он расположен на жизненно важном перекрестке даппого хозяйства, на главной оси всего владения.

Из жилого помещения, поднятого на опорах, с одной стороны открывается вид на двор фермы, с другой — на фруктовый сад, с третьей — на цветники, огороды и задний двор и, наконец, с четвертой — на дорогу, ведущую в ближайшее селение.

В теплые месяцы весны, лета и осени семья проводит часть своего досуга под домом, между сваями. Там можно выпить стакан вина, почитать газету, отдохнуть, спокойно поджидая наступления темноты. Днем женщины могут заниматься там стиркой. Это оживленный, приятный уголок дома, непосредственно включенный в окружающую природную среду.

Зимой вся жизнь семьи проходит в основном в общей комнате, которая, согласно изначальной традиции, является одновременно и кухней. Мать и дочери находятся там в течение дня, мужчины — в часы, свободные от работы. Старое печное отопление заменено центральным. Это единственное в доме помещение, в котором собираются вместе все члены семьи. Сквозь широкие оконные проемы комнату заливают потоки солнечного света. По вечерам его сменяет электрическое освещение.

Радио, граммофон, газеты и журналы, книги доносят до крестьянина голос современного мира. Из столовой перед ним открывается вид на все четыре стороны света. Он, как капитан суд-

па, видит все впереди и вокруг себя. Это чрезвычайно важное в психологическом отношении обстоятельство.

Спальни — отдельные для родителей, для девочек и для мальчиков — сообщаются со столовой.

В доме две туалетные комнаты — одна для мужчин, другая для женщин, каждая оборудована душем. Надо сделать так, чтобы умывание стало естественной функцией организма, больше того — удовольствием, вседневным наслаждением, а не тягостной необходимостью. Старики крестьяне улыбнутся, покачают головой, пожмут плечами.

Но молодое поколение отнесется к этому серьезно.

Концепция подобного жилища основана на эстетических и этических нормах: ясность, чистота, безупречное домашнее оборудование. Крестьянин, располагающий столь современным, хорошо оборудованным домом, научится любить его и ухаживать за ним точно так же, как он ухаживает за своими свиньями или лошадьми. Содержа в порядке свой дом, он тем самым будет заботиться и о самом себе. Именно отсюда начинаются насущные радости бытия.

Резюме: следует отдать себе отчет в том, что жилище на старой ферме стало уже давно отжившим явлением, которое не способно вызвать ни малейшего восторга. Человеку уже недостаточно просто существовать, он хочет стать деятельным существом. И в этом ему поможет новое жилище.

*

А вот сама ферма.

Человек выходит из дому и оказывается у ворот фермы. Ее двор осушен, вымощен бетоном, полностью предохранен от сырости и от застойных вод. Здесь всегда чисто, ничто не прет, не гниет. По правую сторону навес для сельскохозяйственных орудий: легкий трактор, плуг, культиватор, сеялка для удобрений, сеялка для зерна, сенокосилка, жейка-сноповязалка, сеноворошылка, механические грабли, картофелесажалка и т. и. Дальше средства транспорта: автомобиль, легкий грузовик. В самом конце ремонтная мастерская.

Напротив навеса, по другую сторону двора, расположены помещения для скота. Загоны имеют по два выхода: один во двор — для фермера, другой с противоположной стороны — от туда выходят из стойла животные. Только лошади имеют доступ во двор фермы.

Рядом с конюшней находится овчарня, потом свиновод с небольшим бассейном (свиньи только чистокровных пород). Перед конюшней — коровник и телятник.

Рядом расположена рига и помещение для приготовления кормов. Последние приготавливаются по строго определенному рациону. Там же оборудовано небольшое помещение для ухода за больными животными.

Теперь перед нами встает проблема хранения продуктов, и прежде всего их своевременной отправки в хранилища. Ручные приспособления здесь недостаточны. Эту задачу может выполнить рациональная механическая система транспортировки продукции: одиорельсовый подвесной путь, по которому ходит тельфер. Эта система напоминает железнодорожную сеть в миниатюре: точно рассчитанные повороты, пересечения. Поскольку продукция транспортируется по подвесным путям, пол остается свободным. Ручной труд сводится до минимума.

Горожане редко задумываются над тем, какой это тяжелый труд — вести хозяйство фермы. Это труд постоянный, каждодневный, с рассвета и до заката. А сверх того, страдная пора, время уборки урожая. Здесь особенно важна правильная организация хранения продукции, то есть ее транспортировки и размещения в хранилищах.

Особо отметим, что все хозяйственные постройки фермы проектируются из стандартных элементов.

Конюшня, коровник и другие помещения для скота представляют собой однопролетные строения, расположенные перпендикулярно к стене двора. Их длина зависит от числа животных. Такого же пролета и из таких же стандартных элементов предусматривается сарай для хранения сельскохозяйственных машин и орудий. Рига состоит из четырех смежных пролетов той же самой конструкции, но установленных на очень высоких столбах. Предусматривается серийное заводское изготовление всех

„Лучезарная деревня“ или кооперативная деревня

элементов построек и их последующий монтаж на месте.

Рига — самое внушительное из всех хозяйственных сооружений фермы. Ее габариты зависят от объема собираемого урожая зерна. Срок его засыпки зависит от погоды. Когда урожай в сохранности, крестьянин спокоен.

Позднее (точный срок указать трудно) из кооперативной деревни придут машины, обмолят зерно, ссыплют его в мешки, свяжут соломой в кныи. Рига рассчитана на 115 тонн пшеничной и 100 тонн овсяной соломы. Кормовые отходы будут размещены в силосных башнях (вместимостью около 80 тонн) с оптимальным режимом силосования.

Рядом с этой силосной башней находится другая, для корнеплодов. Часть продукции остается на ферме для внутреннего потребления, а излишки в определенные сроки отправляются в большие кооперативные хранилища и элеваторы, откуда по мере надобности они поступают на рынок.

Из этого краткого очерка следует, что в сельскохозяйственном производстве главное — это проблема *транспортировки, размещения и хранения продукции*. Четкая организация труда должна свести затрату усилий до минимума.

Механизация укрепляет сельскохозяйственную экономику, но в то же время она может вызвать в ней нарушения. Современная ферма должна быть устроена на разумных основах, между всеми ее составными элементами необходимо установить полное соответствие и взаимосвязь. Ферма периодически вступает в контакт с сельской кооперацией. Она пользуется ее машинами и хранилищами.

*

Ориентация комплекса построек фермы имеет первостепенное значение. Как для людей, так и для животных главное — солнце. Как жилье, так и стойла для скота должны быть полны солнечного света! Следовательно, ферму необходимо ориентировать по меридиональной оси.

Будет ли кооперативная деревня утонать в садах на склоне холма, освещенного лучами утреннего солнца, откуда открывается вид на всю округу? Увы! Это не более как поэтическая мечта нашего друга Норбера Безара.

Нет, местоположение кооперативной деревни определяется ее главной функцией — размещением и хранением продукции.

Даже на мгновение нельзя допустить возможность грузового сообщения на склоне холма; ни на минуту невозможно предположить движение грузовиков с полным кузовом по дороге, которая не была бы горизонтальной. Первое условие хорошей транспортировки — ровная местность. Поэтому в Цясе под застройку кооперативной деревни был выбран плоский участок территории. Он находится недалеко от реки, в ложбине между холмами. От шоссе-магистрали сделано ответвление, которое ведет прямо к *кооперативному элеватору* — главному зданию всей деревни. Элеватор представляет собой механизм для загрузки, хранения и разгрузки зерна (зерносклад и система транспортировки).

Кооперативная деревня включает в себя новый элемент, связанный с системой путей сообщения: *кузница, гараж, авторемонтная мастерская, склад машин коллективного пользования, а кроме того, бензозаправочная станция*.

По поводу последней приведем следующее любопытное замечание: первым побуждением было бы установить ее не в самой деревне, вдали от шоссе-магистрали, а, напротив, в том самом месте, где на шоссе имеется ответвление в сторону деревни. Основываясь на соображениях выгоды — соображениях, которые двигают всю современную экономику, — владелец бензозаправочной станции скажет нам: я устраиваюсь на шоссе-магистрали и буду иметь клиентов как в деревне, так и среди проезжающих мимо. Результат: заторы на дороге, необходимость заводить дом в неудобном месте, вдали от селения. Все это приводит к ослаблению коллективного начала в жизни деревни. Человек, обслуживающий бензозаправочную станцию, кроме снабжения машин горючим, должен выполнять и другие функции: он одновременно и кузнец и механик ремонтной мастерской. Его задача состоит не в том, чтобы заниматься автомобилями, проходящими по шоссе, а в том,

чтобы обслуживать деревенских жителей, машины 50 ферм, расположенных вокруг селения. Обосновавшись на шоссе магистральной, он выполняет паразитическую функцию; вернувшись в деревню, он станет выполнять свои прямые обязанности. Это еще один из тех моментов, где надлежит сделать выбор между экономикой прошлого и экономикой будущего.

Итак, бензозаправочная станция будет находиться в деревне.

Далее по правую сторону расположены здания потребительских кооперативов. В них находятся рыбные и мясные лавки, холодильник, молочная, булочная, бакалейная, скобяная торговля, магазин галантереи, обувная лавка и т. п. Здесь продаются в розницу всевозможные товары, закупленные деревенским кооперативом и размещенные на складах, примыкающих непосредственно к прилавкам. Склады имеют свою погрузочную платформу на высоте кузова грузовика.

Потребительский кооператив, торгующий ежедневно, заменяет изживший себя и привлекающий мало покупателей сельский базар, который бывает раз в одну-две недели.

Далее находится небольшое здание почты. За ним — школа.

Еще дальше по правую сторону возвышается большое здание: жилой дом на 40 квартир с коммунальным обслуживанием. Жители нового села могут пользоваться всеми достижениями современной техники, их домашнее хозяйство полностью обновляется.

Зачем соединять под одной крышей 40 жилищ, прежде рассеянных по всей деревне? Нас об этом просили сами крестьяне. Маленький дом, в котором не хватает удобств, где нет возможности воспользоваться ни одним из современных достижений, нравится им лишь отчасти. И они слышали о том, что, объединившись, можно жить лучше. Они знают, что в городе люди живут лучше. А мы, горожане, упорно продолжаем считать, что жить в маленьком деревенском домике — это большое счастье. Но 365 дней года, долгие годы жизни полностью рассеивают эту иллюзию.

Итак, при новой организации все виды коммунальных услуг на селе могут быть представлены в каждом отдельном жилом доме.

Главная транспортная артерия селения ведет к мэрии — руководящему центру местного кооператива. Мэрия является символом новой деревни.

И наконец, последнее здание по правой стороне улицы — клуб. Это совершенно новый элемент сельской жизни. В здании клуба расположены библиотека, зал для собраний, спектаклей и торжественных актов. Спектакли могут ставить сами крестьяне, для этого им совсем не обязательно приглашать артистов из «Комеди франсез». Рядом с клубом устроены спортивные сооружения. Это нечто вроде сельского форума, центр общественной жизни деревни. Если торговые сделки, заключавшиеся раньше на сельской ярмарке, замеслены потребителем кооперативом, то традиционные ярмарочные словопроения становятся достоянием клуба. Все теперь иначе. Сельская жизнь стала более насыщенной, более активной. Коллектив пробудился от спячки. Крестьянство вновь становится одной из активных сил страны, без чего невозможно ее духовное пробуждение. Клуб — центр гражданской деятельности членов нового коллектива.

Такой представляется нам новая кооперативная деревня. Ее организация строго рациональна, но в то же время не лишена лиризма. Ее архитектурный облик гораздо более внушителен. Ее составные элементы таковы, что они позволяют полностью заменить прогнившую и обветшалую деревню гордым селением, расположенным на берегу реки, среди лесов и полей.

Здания точны, как математические функции. Они необходимы и достаточны: излишне что-либо добавлять, опасно что-либо упустить. Они разнообразны и характерны. Такова современность!

*

Поскольку речь здесь идет о кооперативной деревне, о деревне нового типа, о перегруппировке сил внутри сельскохозяйственного коллектива, любопытно рассмотреть результаты одного очень ценного эксперимента, который был проделан в последние годы недалеко от Рима, в Понтийских болотах. Мертвые земли, на которых еще недавно свирепствовала малярия, превращены в плодороднейшие участки.

Были проведены осушительные работы, проложены новые дороги, вся округа покрылась фермами. Кроме того, была осуществлена постройка двух новых деревень. И опыт показал, что уже есть желание что-то сделать, но что цель пока еще не достигнута.

Первая деревня — Литтория — самое убедительное свидетельство путаницы, беспорядка, бессилия специалистов перед лицом огромной задачи, свидетельство убожества сегодняшней архитектуры. Литтория — всего лишь жалкий, разностильный городишко, спланированный как город-сад. Это свалка самых разнообразных архитектурных школ.

Вторая деревня — Сабаудия. Здесь основное внимание было уделено выбору удобного местоположения; территория, намеченная под застройку, оказалась подходящей. Там отовсюду открывается превосходный вид на окрестность. Это уже большое достижение. Затем, вместо того чтобы пустить дело на самотек и разрешить бесконтрольную, хаотичную застройку местности, группе молодых архитекторов было поручено построить деревню целиком. Они создали настоящую поэму, немного романтическую и отмеченную хорошим вкусом и любовью к людям. Здесь уже совершенно иная атмосфера!

И все же, несмотря на все благие побуждения архитекторов, им так и не удалось создать настоящую современную деревню — получилась некая мечта, фантазия, пастораль в духе Малого Трианона Марии-Антуанетты.

В Понтийских болотах остается построить еще одно селение — Понтинию. Оно-то и станет воплощением духа нашего времени.

Чтобы представить себе, как должна выглядеть такая деревня, следует придерживаться основных принципов, изложенных выше. На «лучезарной ферме» и в «лучезарной деревне» все архитектурные элементы планируемых зданий основаны на стандартах, годных для промышленного производства. При изготовлении этих элементов надо отказаться от использования местной, неквалифицированной рабочей силы, отказаться от той сельской непосредственности, которая в такой чести в Париже. «Лучезарная ферма» и «лучезарная деревня» будут одним из видов продукции, изготавливаемой современной крупной индустрией. Село должно быть цели-

ком перестроено! Это гигантская промышленная программа. Чтобы ее осуществить, надо индустриализовать строительство, а для этого необходимо создать стандарты. Чтобы создать хорошие стандарты, следует действовать с большим архитектурным смыслом, с любовью к гармонии, с большим уважением к предмету, с глубоким пониманием человеческого масштаба. Тогда изготовленные на заводе предметы после их сборки примут поистине человеческий, одухотворенный облик. Красота и эффективность — понятия неразрывные. Проекты «лучезарной фермы» и «лучезарной деревни» предполагают широкие масштабы индустриализации строительства: отдельные элементы построек, изготовленные в промышленных центрах, отправляются на село, собираются там монтажниками и переходят в распоряжение крестьян. Земля и фабрика сотрудничают.

Теперь остается построить такую ферму, чтобы ее можно было увидеть воочию, увидеть, как она возвышается среди полей на рассвете, в полдень, в сумерках, весной, летом, осенью и зимой.

Кроме того (обращаясь к Норберу Безару), надо построить кооперативную деревню, строгий и в то же время жизнерадостный центр сельской жизни.

Деревня пробудится ото сна.

Мы, градостроители, можем потребовать от властей, чтобы они направили в деревню тех, кто ныне прозябает в городах.

Они найдут там не смерть, а радость жизни.

Le Corbusier. La ville radieuse. Paris, 1935, p. 5—8, 12—13, 41—44, 71, 202—204, 325—330.

Жилой дом у Порт-Молитор в Париже.
Выход на крышу-террасу.

Жилой дом у Порт-Молитор в Париже, 1933
(здесь жил Ле Корбюзье) (слева).

Жилой дом у Порт-Молитор в Париже.
Лестница в мастерскую Ле Корбюзье (справа).

Жилой дом у Порт-Молитор в Париже.
Интерьер мастерской Ле Корбюзье с гобеленом
Ф. Леже и скульптурой А. Лорана.

Ле Корбюзье. Натюрморт, 1920.

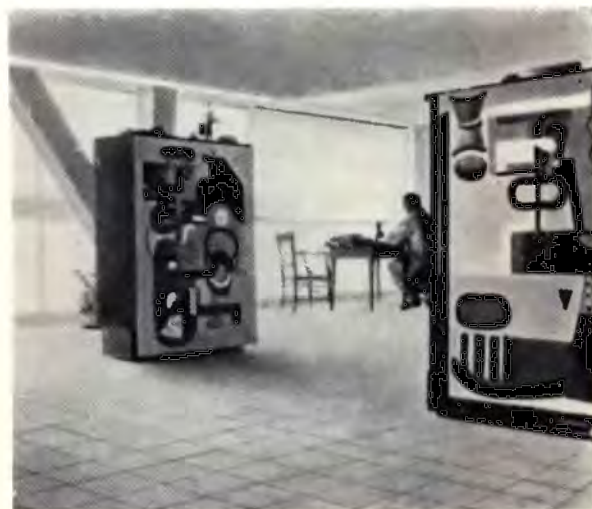

Ле Корбюзье. Натюрморт, 1919.

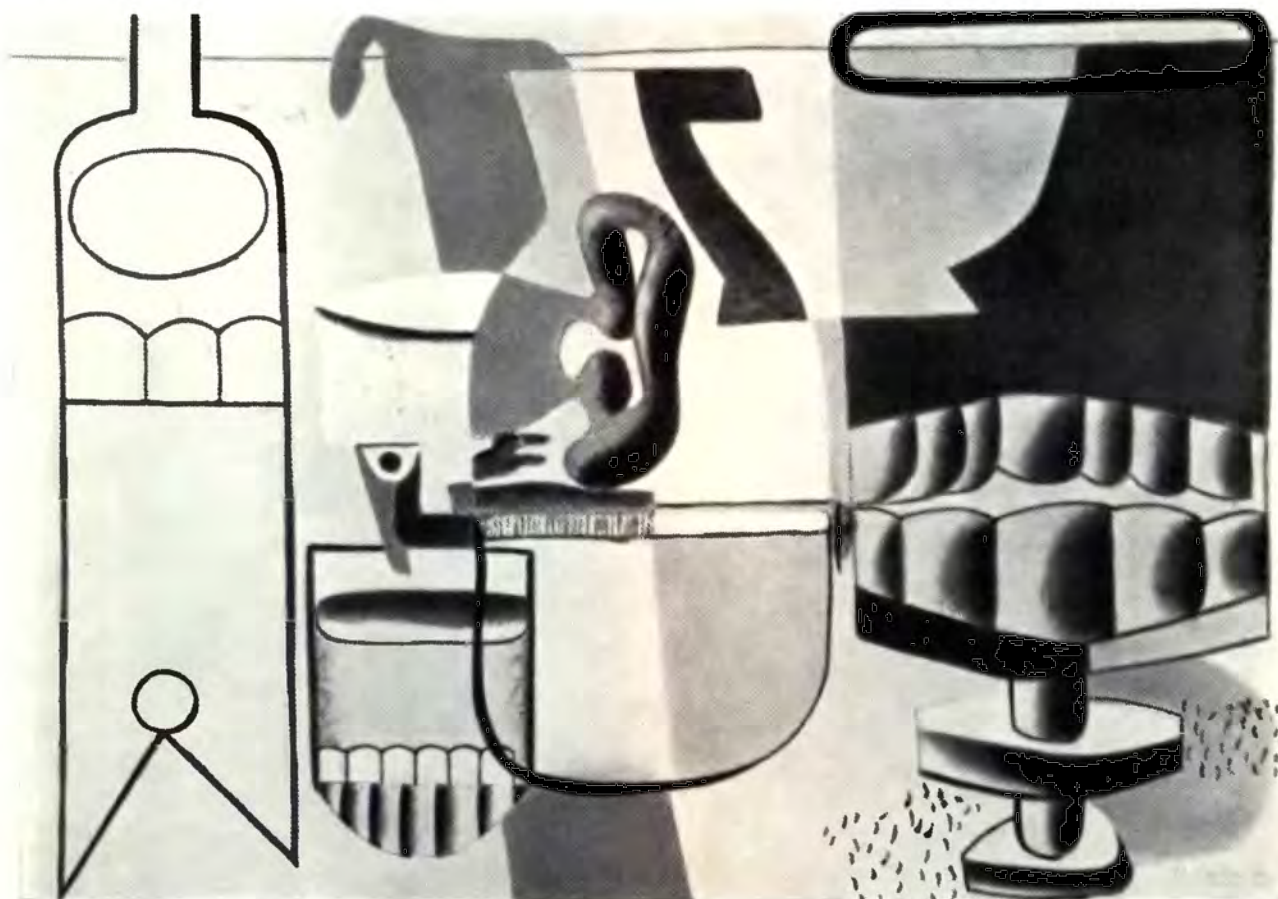
Жилой дом у Порт-Молитор в Париже.
Ле Корбюзье за мольбертом.

Жилой дом у Порт-Молитор в Париже.
Ле Корбюзье за рабочим столом в своей
мастерской.

Ле Корбюзье. Натюрморт, 1928.

Ле Корбюзье. Композиция, 1943.

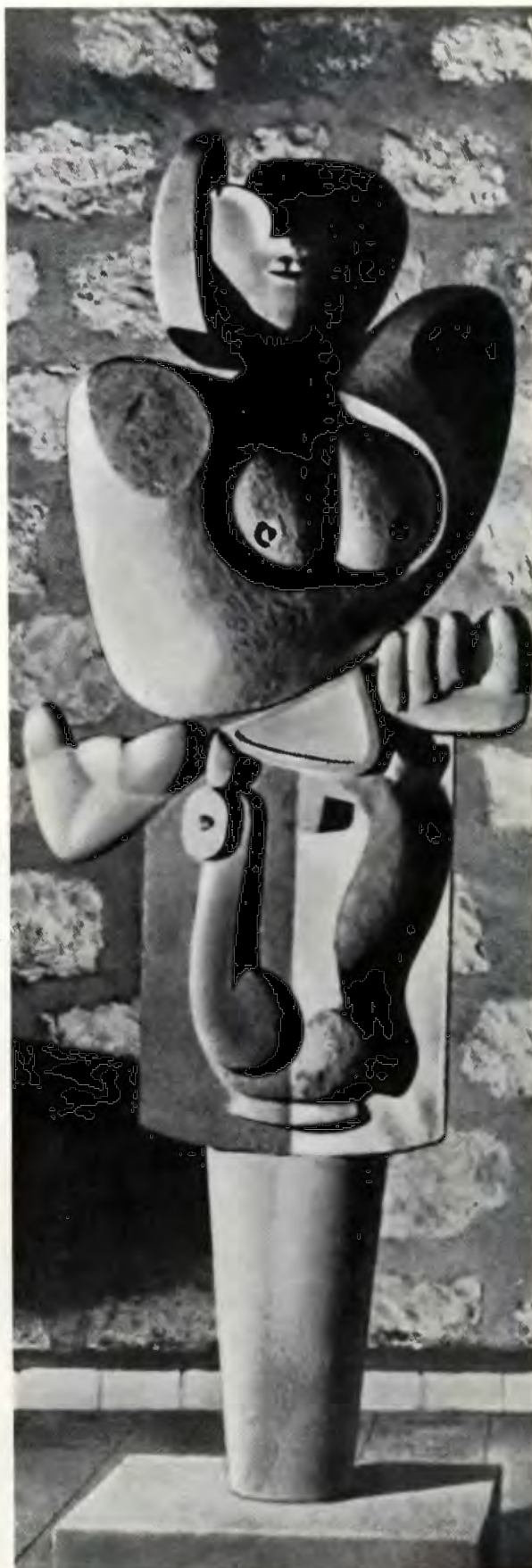

Рисунок для скульптурной композиции, 1944.

Скульптурная композиция, 1945.

Интерьер офиса завода в Сен-Дие
(с настенной живописью работы Ле Корбюзье).

Скульптурная композиция, 1953.

Скульптурная композиция. Дерево.

Ле Корбюзье над генеральным планом Единого
жилого комплекса в Понт-Резе.

ПУШКИ, СНАРЯДЫ? УВОЛЬТЕ! ЖИЛИЩА? ПОЖАЛУЙСТА! ПРЕДПОЧИТАЕШЬ ЛИ ТЫ ВОЕВАТЬ?

Жилище — прежде всего.

Жилище — главная забота градостроителей. В моих странствиях я пришел к печальному выводу: человек нашего времени потерял свое жилище, нарушив тем самым основное правило жизни. У человека нет больше жилища. Он изматывает себя в погоне за обманчивым призраком денег. Жилище — это возможность свободно двигаться, стоять, лежать; наслаждаться прохладой или теплом; отдыхать, погружаться в раздумье; возможность испытывать или вызывать присутствие среды: солнце — хозяин всего живого, движение воздушных струй, чарующее глаз и несущее душевное равновесие, зрелище трав, цветов, деревьев, неба, пространства. Жилище — это возможность иметь семью, составляющую звено вечной цепи жизни; это пространство, необходимое для семейных радостей.

*

Родиться, есть, одеваться, ощущать узы приязни и дружбы.

Проблема жилища — первая из всех проблем. Работа, перемещение в пространстве — все это стоит на втором плане.

Жилище — это ключ ко всему.

*

В упадке жилища таится гибель современного общества.

Рождение новой цивилизации отмечается одной основной задачей: созданием жилищ, соответствующих важнейшему явлению в жизни Вселенной — взаимосвязи человека с природой.

Градостроительство, используя новейшие технические средства, должно восстановить эту необходимую взаимосвязь.

Такова основная задача общества, претендующего на устойчивость.

Но, может быть, ты предпочитаешь воевать?

Этой горячке, в которой бьется современное общество, — пушки, снаряды! — надо противопоставить жизнь.

Пушки, снаряды? Увольте! Жилища? Пожалуйста!

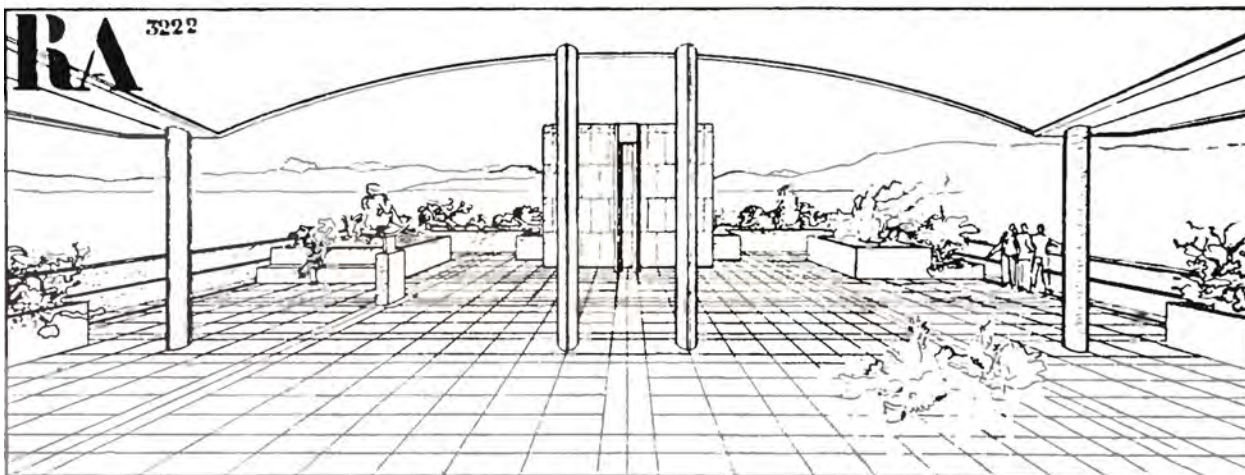
*

Всю необычайную мощь нашей эпохи надо мобилизовать на дело мира — на строительство жилищ.

Это отвлечет «других» от подготовки войны; они с таким же успехом могут готовить мир. В сущности, это тот же процесс мобилизации сил: энергию специалистов можно столь же интенсивно использовать в мирных целях.

Война — порождение нищеты и тщеславия — для нас бессмысленна, и она не смогла бы найти сторонников, если бы современное общество направило свои силы на осуществление основной жизненной задачи — создание жилищ.

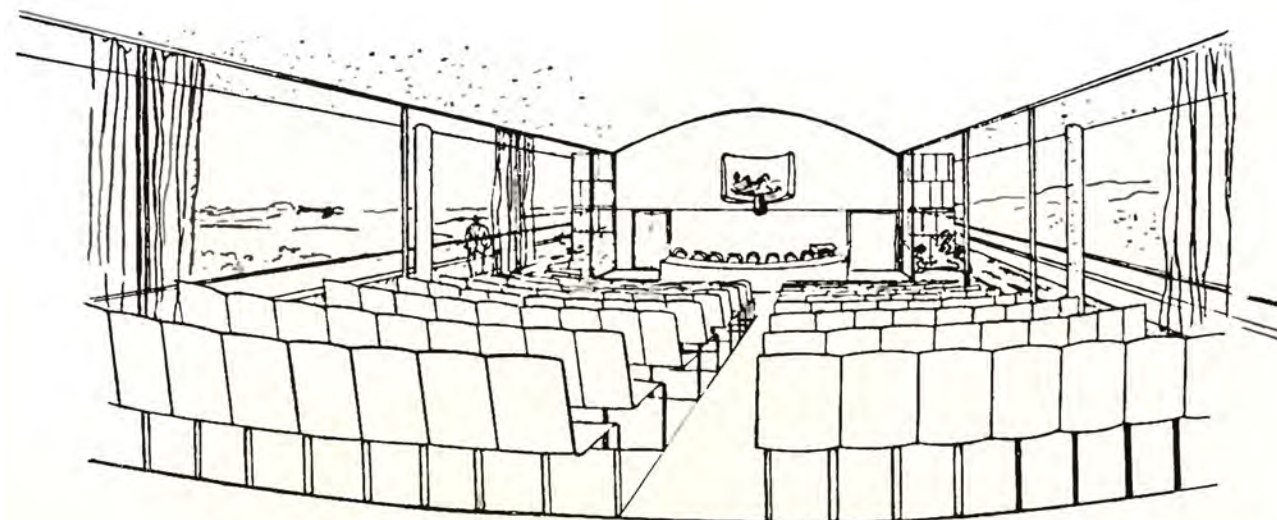
Наш первейший долг состоит в том, чтобы призвать на помощь инициативу, дерзость, мужество человека, пробудить его душу и разум, вступить в борьбу, в соревнование, одержать победу.

Конкурсный проект административного здания
в Цюрихе, 1933. Перспектива террасы.

Конкурсный проект административного здания
в Цюрихе. Макет.

Конкурсный проект административного здания
в Цюрихе. Перспектива зрительного зала.

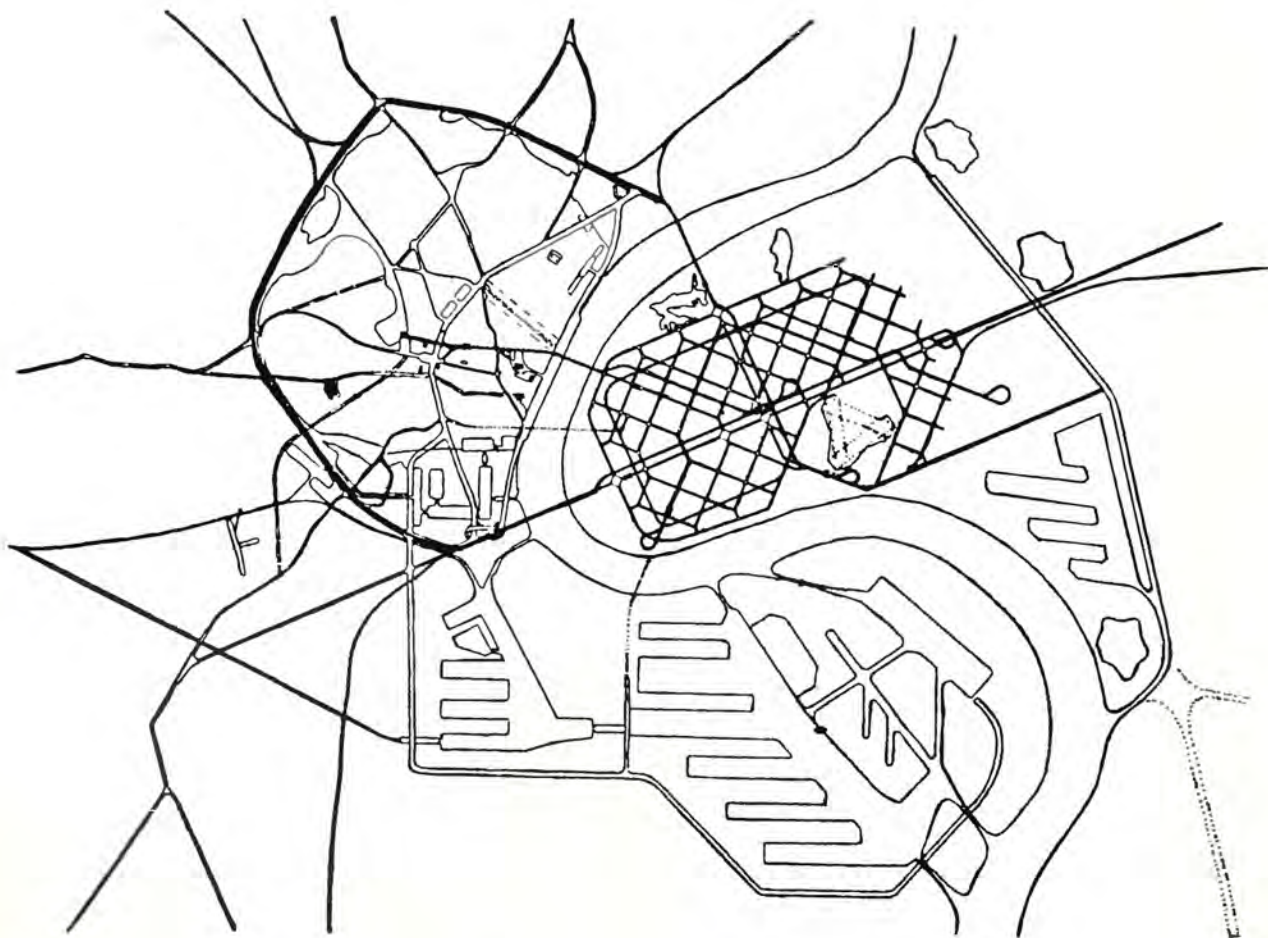
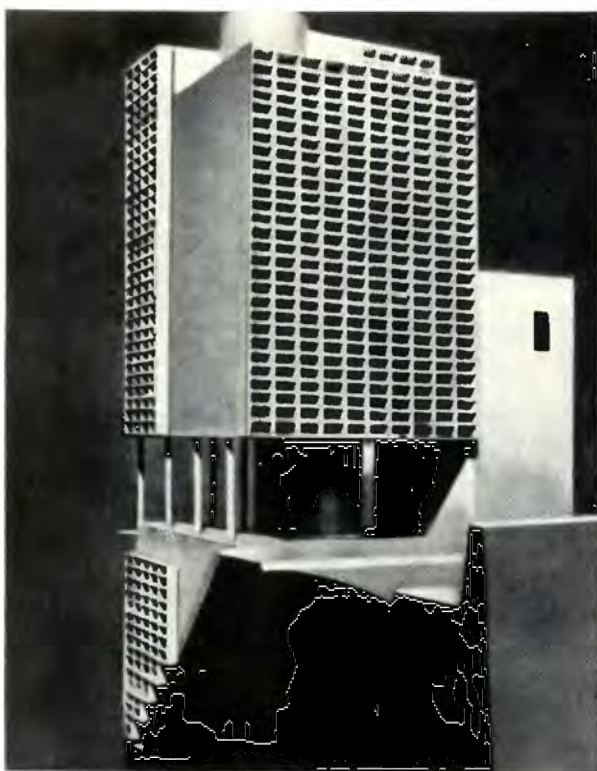

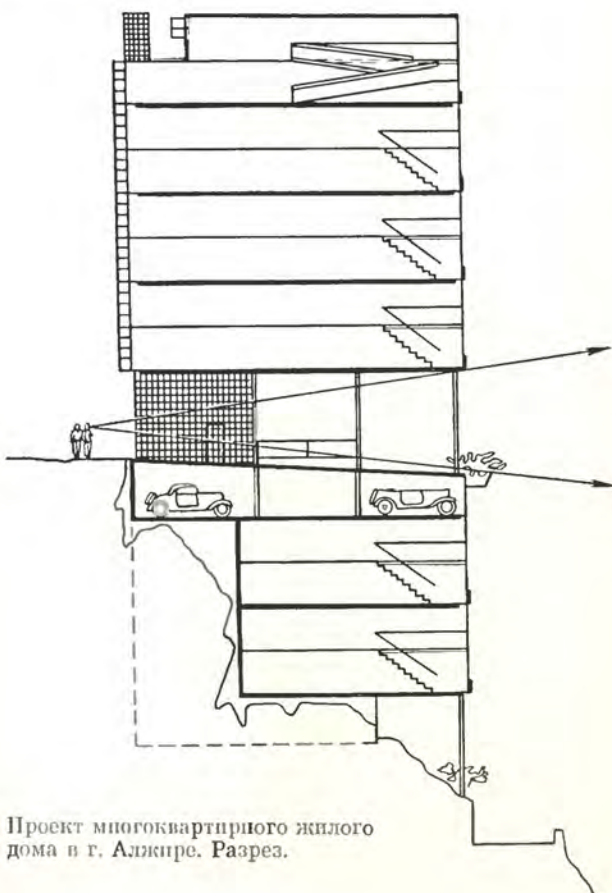
Схема планировки левого берега р. Шельды
в Антверпене, 1931.

К конкурсному проекту планировки левого
берега р. Шельды в Антверпене. Перспектива.

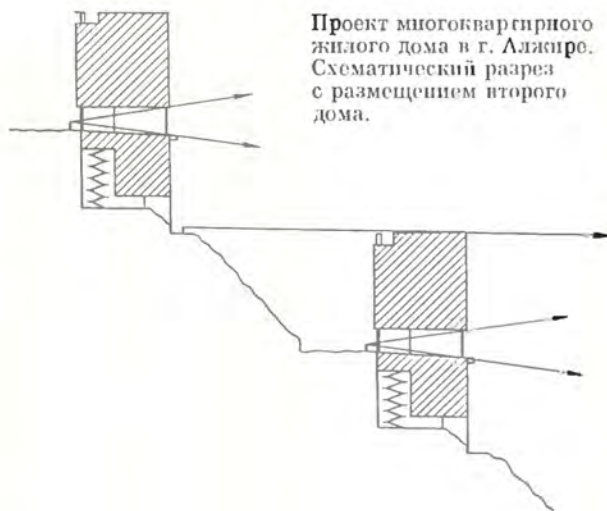

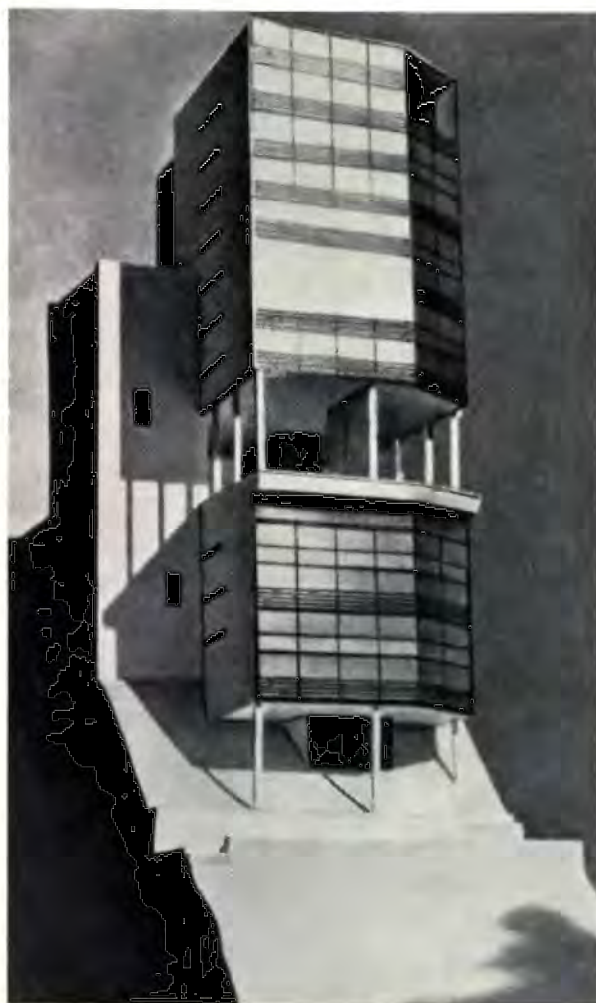
Проект многоквартирного жилого дома в г. Алжире.
Макет южного фасада.

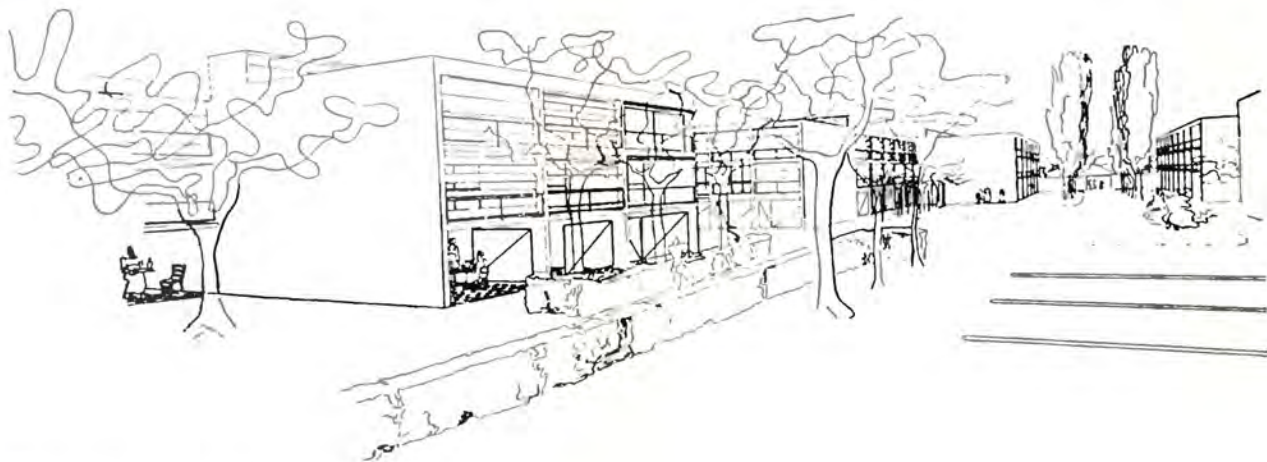
Проект многоквартирного жилого дома в г. Алжире. Разрез.

Проект многоквартирного жилого дома в г. Алжире.
Схематический разрез с размещением второго дома.

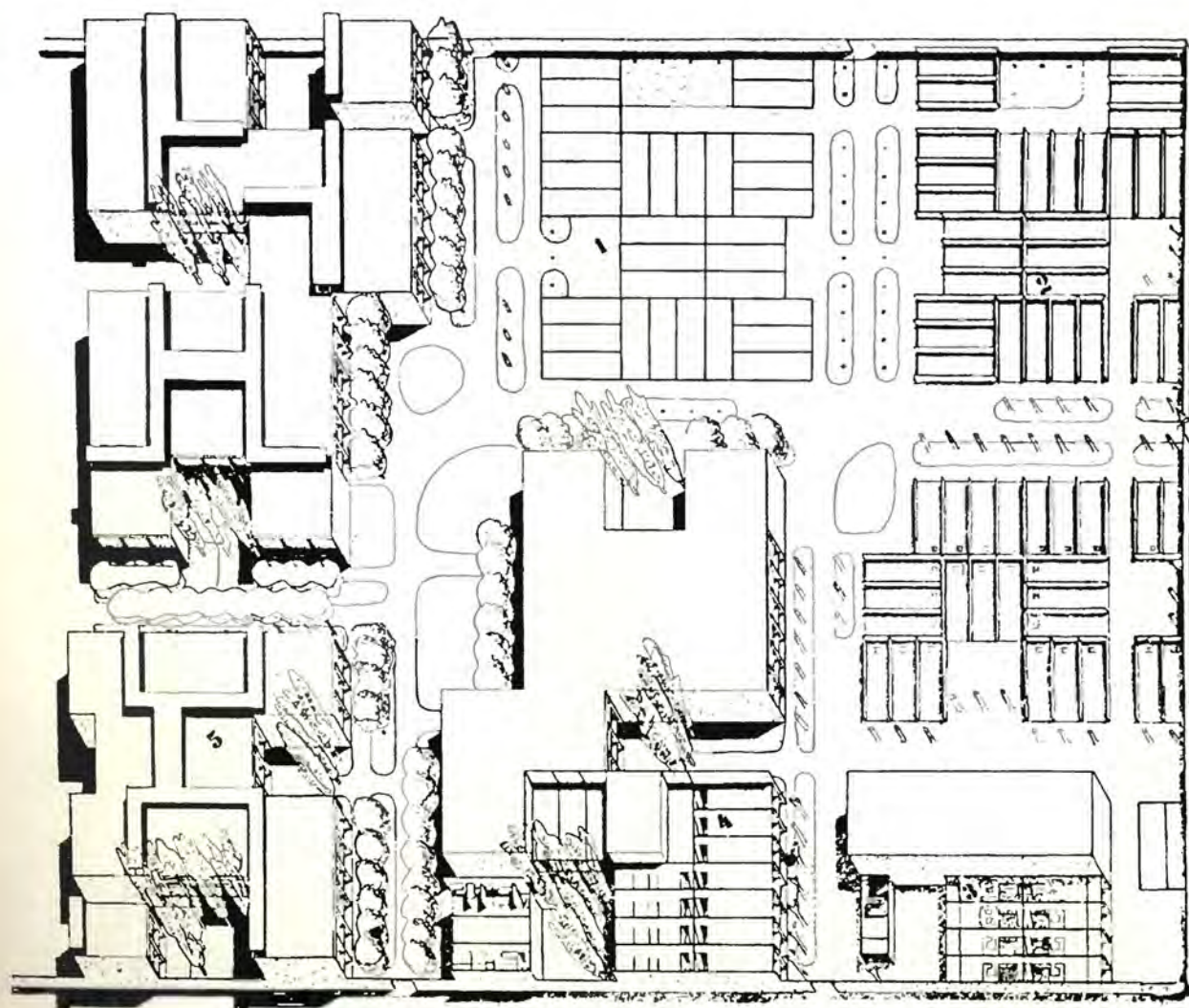

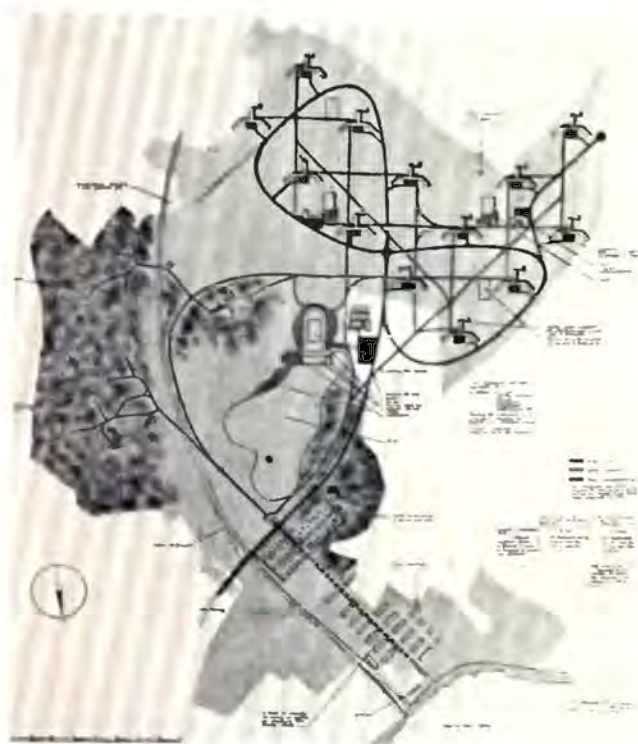
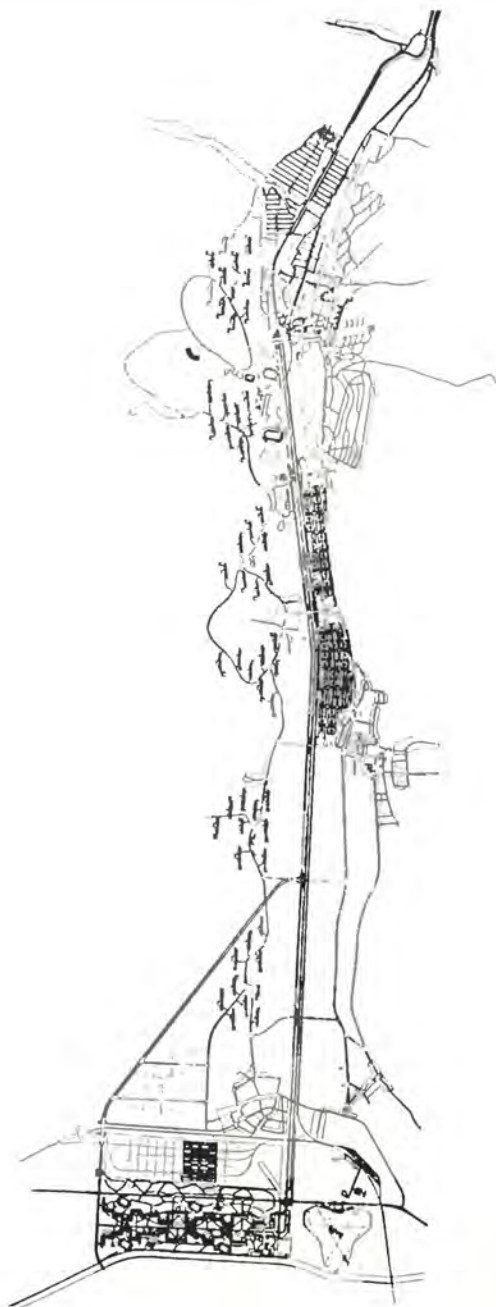
Проект многоквартирного жилого дома в г. Алжире.
Макет северного фасада.

Проект жилого квартала в Барселоне, 1933.
Перспектива.

Проект жилого квартала в Барселоне.
Генеральный план.

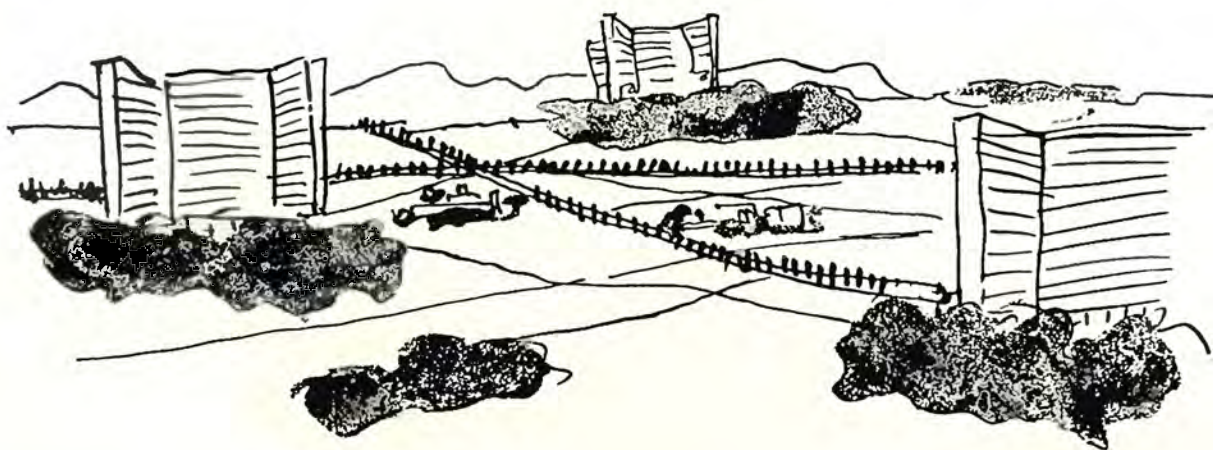

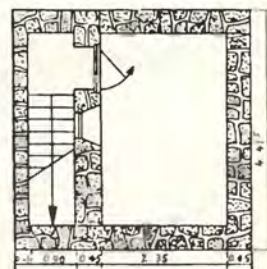
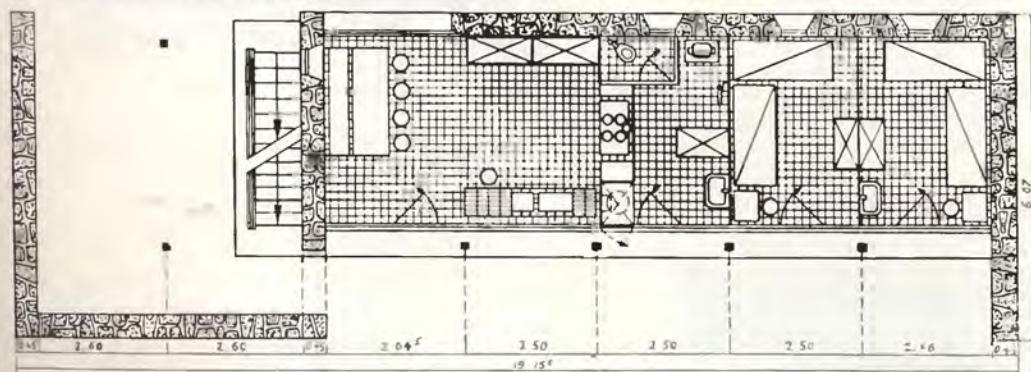
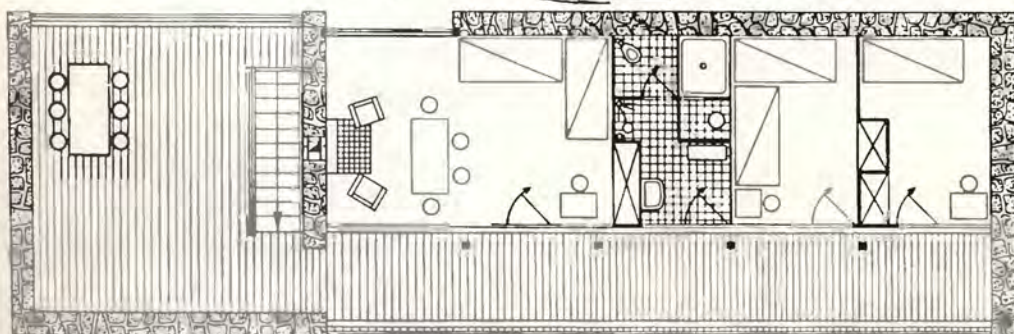
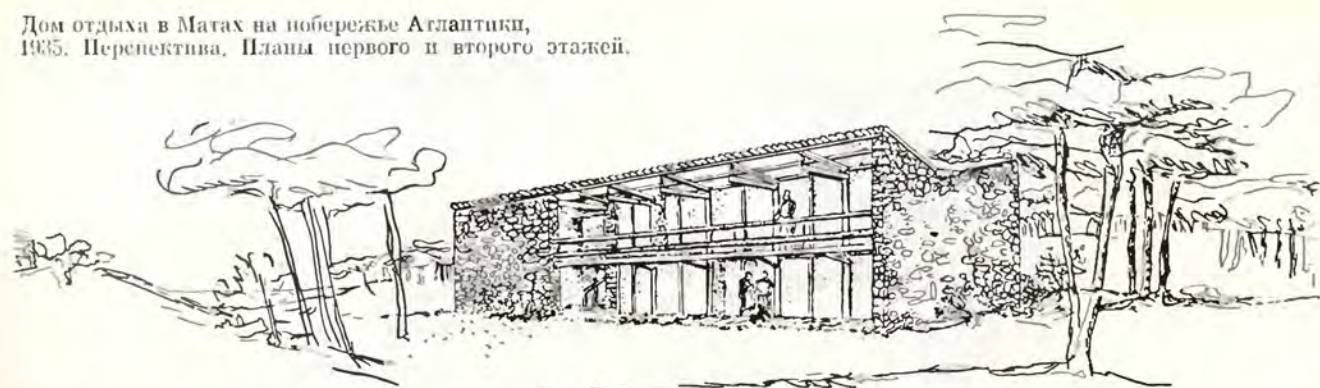

Проект планировки Эзлюкура в Лотарингии, 1935.

Планировка линейного города, 1935 (слева).

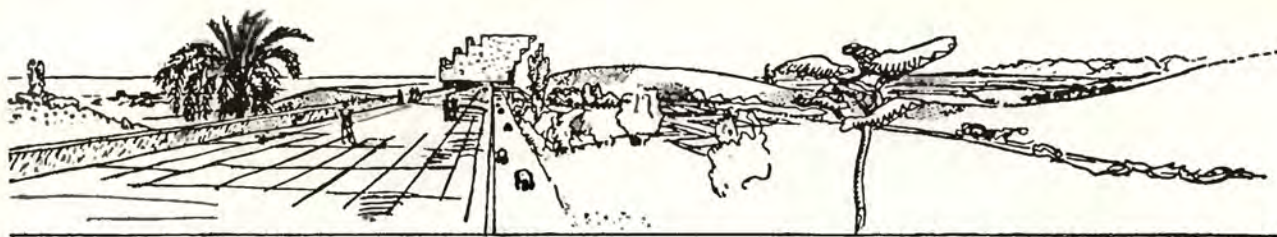
Проект планировки Эзлюкура в Лотарингии.
Перспектива.

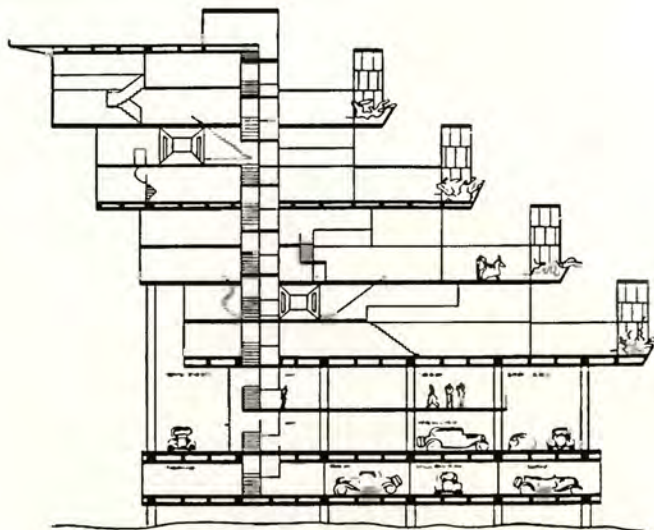

Дом отдыха в Матах на побережье Атлантики. Фрагмент фасада.

Проект трехсотквартирного дома в Алжире, 1936.
Перспектива.

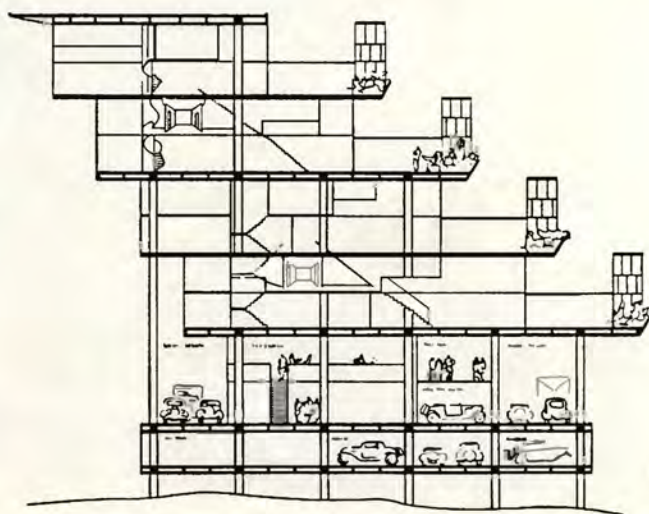

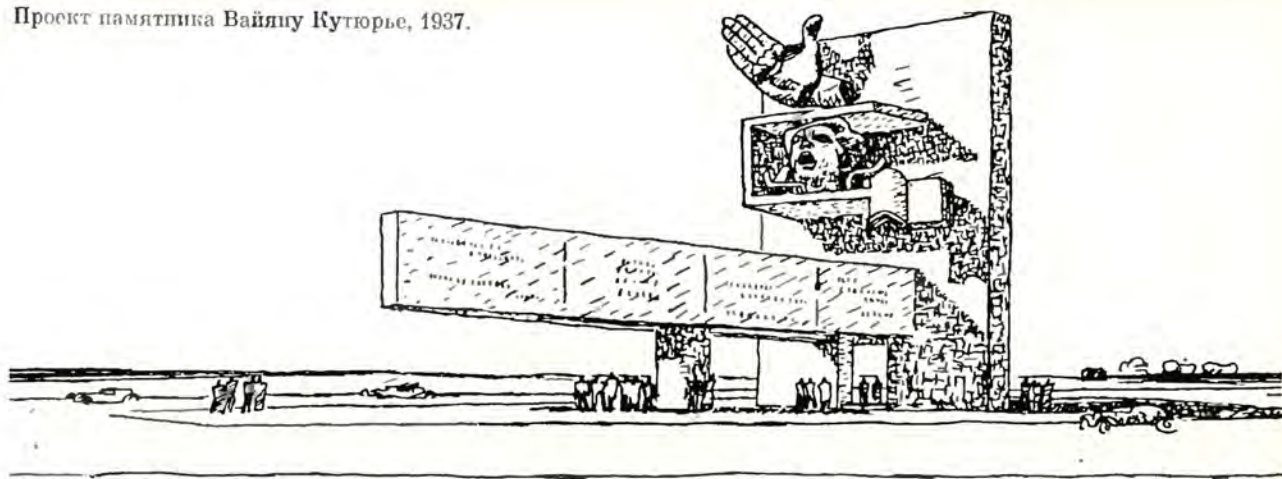
Проект трехсотквартирного дома в Алжире.
Поперечный разрез.

Проект трехсотквартирного дома в Алжире.
Макет.

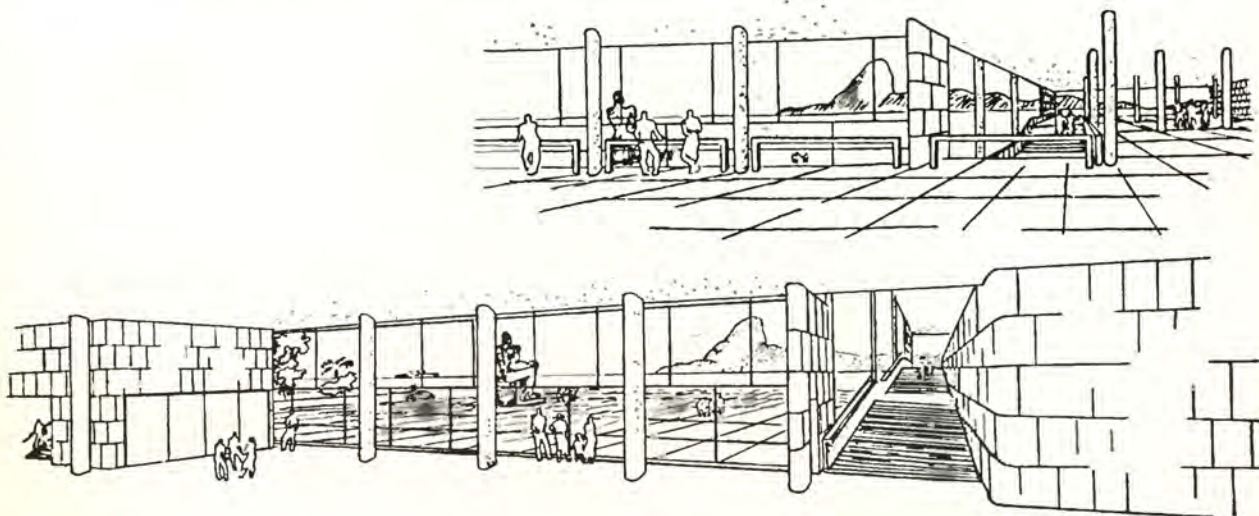

Проект трехсотквартирного дома в Алжире.
Поперечный разрез по лестнице.

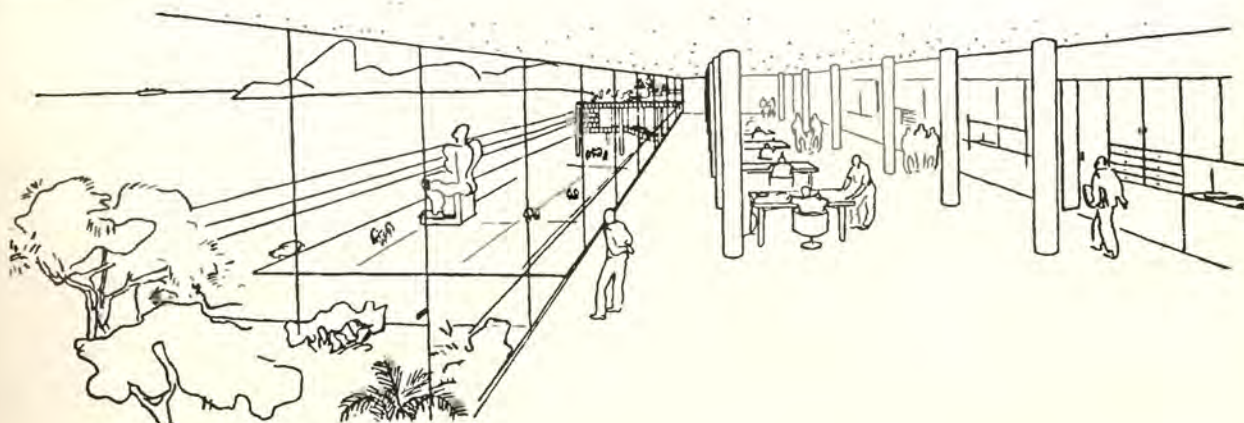

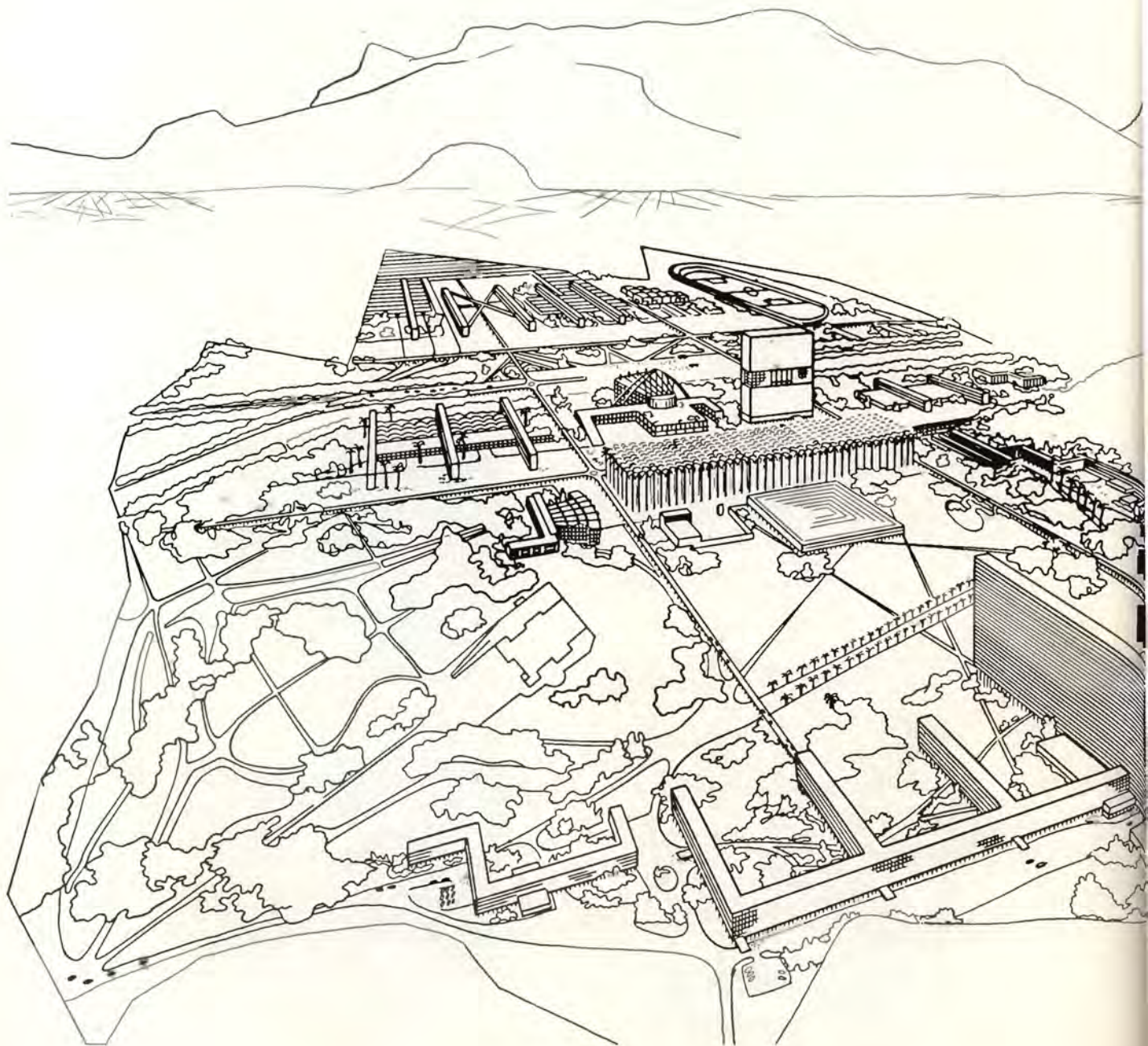

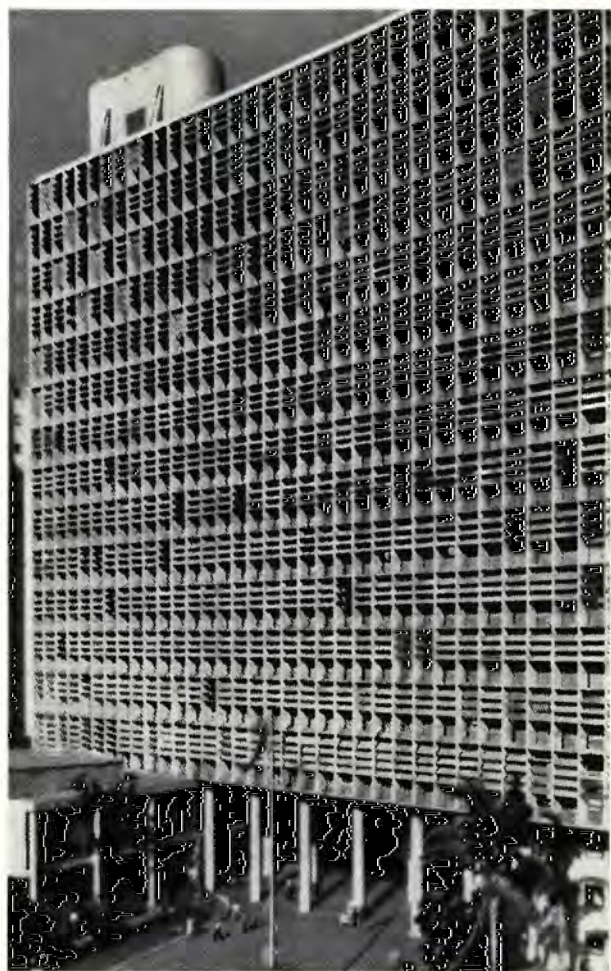
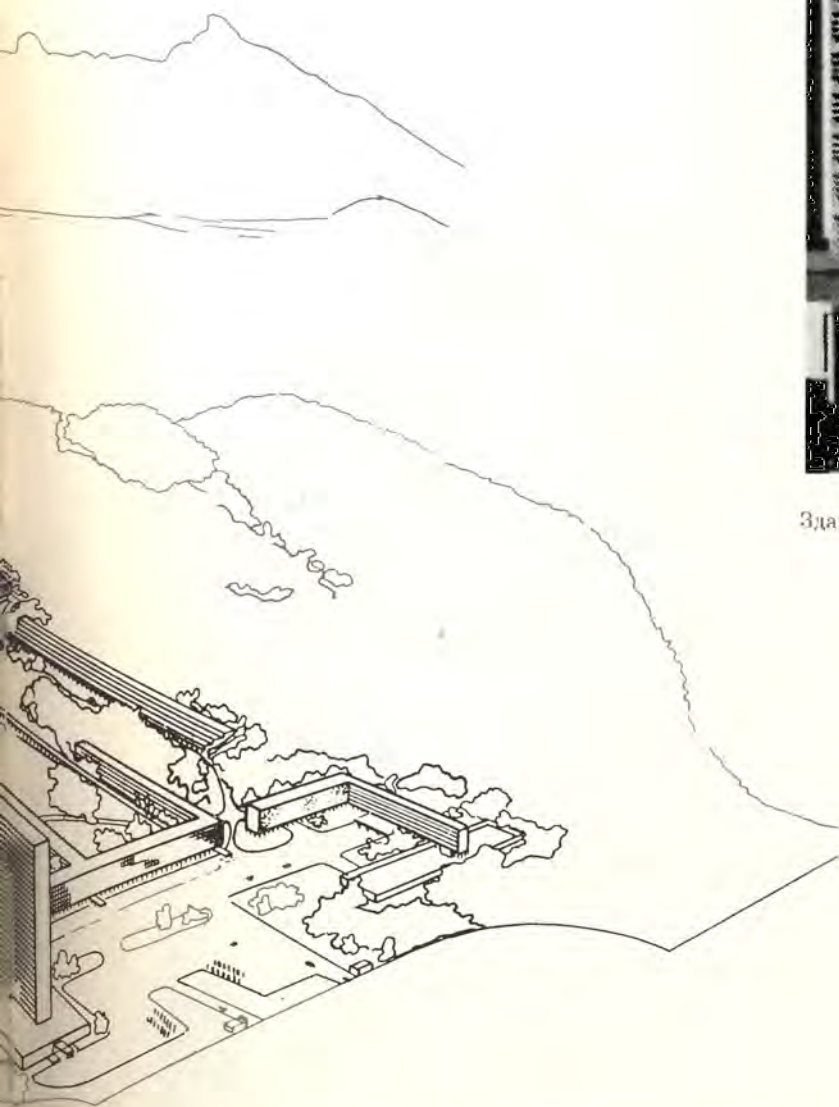
Здание Министерства просвещения
в Рио-де-Жанейро. 1936. (Проект разработан
совместно с Лусио Коста, Оскаром Нимейером
и др.). Перспектива интерьеров.

Здание Министерства просвещения
в Рио-де-Жанейро. Перспектива интерьера.

Здание Министерства просвещения в Рио-де-Жанейро.

Рис. 1. Вид
с воздуха
L. L. L.

Всемирная выставка в Брюсселе. Павильон
фирмы Филипс «Электронная поэма», 1958.

АФИНСКАЯ ХАРТИЯ

Нужно постоянно говорить о том, что видишь, в особенности — и это самое трудное — уметь видеть то, на что смотришь.

Сегодня...

Спустя шестнадцать лет после первого издания «Афинской хартии» в самый разгар оккупации, в 1942 году, она вновь издается.

Трудно представить себе, да и не хочется вспоминать дебаты перед возрождением разгромленной Франции. Это были бешеные наскоки, всевозможные оскорбления, упреки, возражения. Оскорбительные выпады против современного искусства, упреки по отношению к тем, кто его поддерживал, возражения против предлагаемых и настоятельно необходимых технических решений, отрицание неразрывной связи архитектуры и градостроительства.

В своем стремлении преодолеть все эти нападки, лица, ответственные за издание, руководствуясь чувством дружбы и общей любви к строительному делу, позволили себе осветить сущность хартии именем Жана Жироду. В сочинении «Неограниченные возможности», вышедшем еще до войны, Жироду писал о современном строительстве, патетически призывая страну к радости и дерзаниям больших и смелых начинаний.

Начиная с 1928 года Международные конгрессы современной архитектуры (СИАМ)¹ концентрировали энергию, до тех пор рассеянную, собираясь в различных городах Европы. В 1933 году это были Афины... Во время угнетения и подавления профессионального чувства (архитектура и градостроительство) в 1941—1942 годах слово «Афины» предстало перед нами как сверкающий цит, а слово «хартия» — как призыв к человеческому разуму. Работы Афинского конгресса и явились основой хартии. Нужно было лишь сформулировать их, скоординировать, передать аудитории как единый комплекс, найти в эту смутную эпоху форму столь же анонимную, как и возможную, чтобы не скомпрометировать таким отверженным именем, как мое, находки, зафиксированные в этом труде.

А сильно ли изменилось положение шестнадцать лет спустя?

Бесконечные, огромные перемены происходят теперь во всем мире. Цивилизация века машин устлавливается в условиях хаоса, случайно-

стей, разрушений. Так продолжается целое столетие. Но это также и век, который пробуждает новые силы, — век, несущий прозорливые идеи, понятия, предложения... И может быть, новый день придет...

Париж, 6 сентября 1957 года

¹ Congrès Internationaux d'Architecture Moderne.

Общие положения Город и его район

ГОРОД ЕСТЬ НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК ЧАСТЬ ЦЕЛОГО, В ЭКОНОМИЧЕСКОМ, СОЦИАЛЬНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИЯХ СОСТАВЛЯЮЩЕГО РАЙОН.

Административная единица редко совпадает с географической, то есть с районом. Административное деление городской территории может происходить или сразу же, произвольно, или позднее, когда в результате роста основная агломерация соединяется, а затем и поглощает другие населенные пункты. Искусственное деление городских территорий затрудняет создание новых ансамблей. И действительно, некоторые пригороды могут непредвиденно вдруг приобрести значение в том или ином отношении: или средоточия роскошных резиденций, или интенсивного индустриального центра, или стать местом поселения рабочего люда. В таких случаях административные границы, разделяющие городской комплекс, парализуют его нормальное развитие. В наше время населенный пункт представляет собой жизненную основу географического пространства, пределы которого димитируются зоной влияния другого населенного пункта. Условия его жизни определяются путями сообщения, обеспечивающими товарооборот и внутренние связи в его собственной зоне. Нельзя, однако, рассматривать проблему градостроительства применительно лишь к основным элементам района, в особенности к его географическим условиям, хотя и играющим здесь первостепенную роль: водоразделам и прилегающим горным хребтам, определяющим естественный контур и направление наземных дорог. Никакое предприятие не может быть разумным, если оно не связано гармонично со всей жизнью района. План города — это только один из элементов целого, который и определяет весь региональный план.

ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ, В СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТЯХ ВЫЗЫВАЕТ СПОРЫ О ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ИЛИ КОЛЛЕКТИВНОГО НАЧАЛА, ПО ЖИЗНЬ

РАЗВИВАЕТСЯ ЛИШЬ ПРИ УСЛОВИИ СОЧЕТАНИЯ ЭТИХ ДВУХ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ПРИНЦИПОВ, УПРАВЛЯЮЩИХ ЧЕЛОВЕКОМ: ИНДИВИДУАЛИЗМА И КОЛЛЕКТИВИЗМА.

Будучи изолирован, человек чувствует себя безоружным, и вот почему люди охотно объединяются в коллективы. Предоставленный своим собственным силам, он в состоянии создать себе лишь жалкий приют и ведет необеспеченную жизнь, полную опасностей и утомительного труда, усугубляемых еще тоской одиночества. Включившись же в коллектив, он хотя и испытывает неизбежное воздействие дисциплины, но зато застрахован в известной степени от напастей, болезней, голода; он может постепенно улучшить свое жилище, а также удовлетворить постоянное стремление к общественной жизни. Став составной частью общества, которое его поддерживает, он непосредственно участвует во многих начинаниях, удовлетворяя свои физические потребности и развиваясь духовно. Его инициатива делается более плодотворной, его свобода лучше обеспечивается и ограничивается только там, где она угрожает другим. Если коллективные предприятия разумны, интересы индивида расширяются, облагораживаются. Если, наоборот, в коллективе возобладают лень, глупость, эгоизм, то коллектив становится каким-то анемичным, в нем воцаряется беспорядок, и он вызывает в своих членах лишь соперничество, злобу и разочарование. План мудр, когда допускает плодотворное сотрудничество, умело обеспечивает максимальную индивидуальную свободу, а главное — укрепляет в человеке сознание гражданственности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И БИОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА ЗАВИСЯТ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДЫ: ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ. ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОТ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ, ТОПОГРАФИИ МЕСТНОСТИ И ХАРАКТЕРА ЕЕ ЭЛЕМЕНТОВ — ВОДЫ И СУШИ, ПРИРОДЫ, ПОЧВЫ, КЛИМАТА...

География и топография играют в жизни людей весьма значительную роль. Не следует также никогда забывать и командную роль солнца, предписывающего свои законы всякому предприятию, объектом которого является защита человеческого существования. Равнины, холмы, горы одинаково участвуют в формировании наших чувств, в направлении наших мыслей. Если житель гор охотно спускается в долину, то человек долины лишь в редких случаях покидает ее, с трудом преодолевает перевалы. Именно хребты гор разграничивают зоны скопления людей, постепенно объединяющихся в силу свойственных им привычек и обычаев и составляющих племена. Пропорции элементов воды и суши, образующих поверхность земли и противопоставляющих озерные и речные районы безграничным степям, лесным чащам, тучным горным настигам, пустошам и пустыням, также способствуют формированию нашего мышления, его тактики, в свою очередь определяющих наше поведение и падающих свое выражение в строительстве домов, сел и городов. В зависимости от угла падения солнечных лучей на меридианную дугу сезоны погоды или резко меняются, или незаметно сменяют друг друга, тем более что из-за своей округлости Земля не знает разрывов; возникающие при этом бесчисленные комбинации приобретают каждая свой особый характер. Равным образом и расы с их различным религиозным или философским мировоззрением разнообразят структуры, каждая из которых предлагает свою манеру видения и свое разумение личной жизни.

... И ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ, РЕСУРСОВ, РАЙОНА, ЕСТЕСТВЕННОЙ ИЛИ ИСКУССТВЕННОЙ СВЯЗИ С ВНЕШНИМ МИРОМ...

Экономическое положение — богатство или бедность района — один из важнейших факторов жизни, поскольку вызывает волнение чувств при успехе, как и при неудаче. Оно выполняет роль мотора, который в зависимости от силы пульсации то проявляет расточительность, то выказывает благоразумие или вызывает к умеренности. Оно определяет также различные вариации в истории села, города или страны — города, окруженного районом, культурным,

обеспеченным и хорошо снабжаемым. Район, обладающий полезными ископаемыми, обогащается, совершает обмен, особенно если имеется достаточно развитая сеть путей сообщения, обеспечивающая контакты с ближайшими и с более далекими соседями. Напряжение экономической пружины, если оно вызывается одними и теми же обстоятельствами, может быть изменено в любой момент неожиданным вмешательством сил, которые случайно или по инициативе людей либо становятся активными, либо остаются бездейственными. Ни неизведанные богатства, подлежащие эксплуатации, ни индивидуальная энергия не являются бесспорными показателями. Все движется, и экономические факторы в конечном счете имеют лишь преходящее значение.

... ТАКЖЕ ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА.

Это явление, более мобильное, чем все другие, свидетельствует о жизнеспособности страны и присущей ей мудрости, которая либо достигает своего апогея, либо постепенно идет к упадку. Но если политика по своей природе в основном мобильна, то ее плод — административное устройство — в основном стабильно, что допускает более длительную его жизнь и не требует слишком частых изменений.

Проявления мобильности политики во времени обуславливаются ее собственной природой и самой силой вещей. Это система, которая в довольно жестких пределах одинаково управляет и территорией и обществом, диктуя им свои законы, и, безупречно действуя рычагами управления, определяет для страны в целом единые формы деятельности. Такая система, экономическая и политическая, даже если ее ценность подтверждена временем, может, однако, в любой момент распасться как в одной из своих частей, так и в целом. Иногда бывает достаточно научного открытия, чтобы вызвать нарушение равновесия, внезапную дисгармонию между административным устройством вчерашнего дня и реальными требованиями сегодняшнего. Случается, что отдельные городские образования, даже обновившие свой собственный план, задыхаются под действием суще-

ствующей системы страхи в целом. Со своей стороны последняя также может подвергнуться непосредственной атаке больших мировых течений.

Мы не знаем ни одной административной системы, которая могла бы претендовать на неизменность.

ОСОБЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКИ ОПРЕДЕЛИЛИ ХАРАКТЕР ГОРОДА: ВОЕННАЯ ОБОРОНА, НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ, ВОЗМОЖНОЕ РАЗВИТИЕ КОММУНИКАЦИЙ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ (СУХОПУТНЫЕ ДОРОГИ, ВОДНЫЕ ПУТИ, ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ, ВОЗДУШНЫЙ ТРАНСПОРТ).

История страны записана на трассах и в архитектуре города. Их сохранившаяся до нас форма — это путеводная нить, которая, соединяя в одно текст и графические документы, позволяет нам представить себе в последовательности образы прошлого.

Движущие силы, породившие города, были по своей природе различны. Иногда они служили целям обороны. И вершина скалы и излучина реки вызвали появление на свет укрепленного городка. Иногда этому же служили скрещение двух дорог, предместное укрепление или расщелина в холме, которые предопределяли место первого поселения.

Город не имел определенной формы — чаще это был полукруг или круг. Колональный город устраивался по принципу лагеря — на двух осях под прямым углом — и окружался прямоугольным частоколом. Все строилось с сохранением пропорций, с соблюдением иерархии и соответствий. Дороги шли от ворот ограды и убегали в разных направлениях.

И сейчас еще, рассматривая рисунки городов, можно обнаружить ядро первоначального поселения, последовательность в создании укреплений и план различных дорог. Можно увидеть также, как с развитием цивилизации изменялось и возрастало благосостояние людей. В одном случае правильное архитектурное решение диктовали глубоко человеческие принципы; в другом — припущение и произвол порожи-

дали явную несправедливость. Но вот наступила эра машинизма. И тогда многие измерения, которые тысячелетиями считались неизменными, как, например, скорость человеческого шага, изменились в процессе эволюции другими — скоростью механических средств передвижения.

ДОВОДЫ В ПОЛЬЗУ РАСШИРЕНИЯ ГОРОДОВ ПОСЛУЖИЛИ ОСНОВОЙ ПОСЛЕДУЮЩИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ.

Рост, как и убыль населения, процветание и упадок городов, снятие удручающих оград, новые средства связи, увеличивающие зону измерений, польза или вред, приносимые той или иной политикой, появление машинизма — все это не что иное, как движение. Постепенно все ценное включается как неоспоримое в достояние коллектива, будь то город, страна или все человечество. Но вот однажды все это стройное целое — и строения и дороги — приходит в ветошь. Смерть так же точно поражает произведения труда, как и живые существа.

Кто различит то, что должно жить, и то, что должно исчезнуть? Дух города формируется годами, простые постройки приобретают значение вечных тогда, когда они символизируют душу коллектива; это остов традиции, которая, не желая ограничивать размах будущего поколения, обуславливает формирование индивида так же, как климат, местность, раса, обычай. Потому что город — это «маленькая родина»; он представляет моральную ценность, которую нужно учитывать и которая пересторжимо с ним связана.

НАСТУПЛЕНИЕ ЭРЫ МАШИНИЗМА ВЫЗВАЛО ОГРОМНОЕ РАССТРОЙСТВО В ПОВЕДЕНИИ ЛЮДЕЙ, В ИХ РАЗМЕЩЕНИИ НА ЗЕМЛЕ И В ИХ ДЕЙСТВИЯХ: НЕОБУЗДАННОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ МАСС В ГОРОДАХ ВСЛЕДСТВИЕ МЕХАНИЧЕСКИХ СКОРОСТЕЙ — РЕЗКАЯ ВСЕОБЩАЯ НЕБЫВАЛАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИИ, БЕСПОРЯДОК ПРОНИК В ГОРОДА.

Применение машин перевернуло все условия работы. Оно нарушило тысячелетнее равнове-

Современное состояние городов.

Критика и лечебные средства

сие, нанеся смертельный удар ремесленникам, опустошив деревни, засорив города, поступившись вековой гармонией, подорвав естественные отношения домашнего очага с рабочим местом. Неистовый ритм в соединении с обезкураживающей неуверенностью нарушил условия жизни, противопоставляя гармонии удовлетворение основных потребностей. Жилища не дают надежного приюта семьям, нарушают их интимную жизнь, а незнание основных жизненных правил как в области физиологической, так и моральной несет с собой отравленные плоды: болезни, вырождение, возмущение. Зло всеобъемлюще, оно проявляется в городах в скоплении людей, вызывающем беспорядки, а в деревнях — в заброшенности многочисленных земель.

ЖИЛИЩА

Наблюдения

НАИБОЛЕЕ ГУСТО СОСРЕДОТОЧЕНО НАСЕЛЕНИЕ В ДРЕВНЕЙШЕЙ ЧАСТИ ГОРОДОВ (ДО ТЫСЯЧИ И ДАЖЕ ПОЛУТОРА ТЫСЯЧ ЖИТЕЛЕЙ НА ГЕКТАР).

Плотность населения, то есть отношение числа жителей к площади, которую они занимают, в основном определяется высотой строений. Строительная техника ограничивала высоту домов в основном шестью этажами. Допустимая плотность при сооружениях этого рода — 250—300 жителей на гектар. Если же плотность населения достигает, как наблюдается довольно часто, 600, 800 и даже 1000 человек, это уже теснота. Для них характерны следующие признаки: 1) недостаточность жилой площади, приходящейся на человека; 2) узкие оконные проемы; 3) недостаточность изоляции (при ориентировании на север или устройстве окон с выходом на темные улицы или во двор); 4) ветхость постройки, наличие болезнетворных микробов (туберкулез); 5) отсутствие или недостаточность санитарного оборудования; 6) скученность из-за неудачного расположения дома, плохой внутренней планировки, а также расположение жилых домов в зоне вредных производств, на шумных магистралях и т. п. Ядро старых городов, зажатое военными укреплениями, было густо застроено и не имело свободного пространства. Однако сразу же за воротами такого города начинались зеленые просторы, доступные каждому горожанину. С веками разросшиеся города окружались новыми кольцами укреплений, уничтожались зеленые пространства — *легкие* города. В таких условиях большая скученность населения вызывала тревогу и постоянно порождала болезни.

В ГОРОДСКИХ СИЛЬНО УПЛОТНЕННЫХ РАЙОНАХ ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ПРОСТО УБИЙСТВЕННЫ: ОГРАНИЧЕННОСТЬ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ, НЕДОСТАТОК СВОБОДНЫХ ЗЕЛЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ, НАКОНЕЦ, НЕИСПРАВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДОМОВ (ЭКСПЛУАТАЦИЯ, ОСНОВАННАЯ НА СПЕ-

куляции), и это положение вещей усугубляется еще низким жизненным уровнем населения, не способного самостоятельно предпринять защитные действия.

Плохое внутреннее состояние жилища, являющегося, по существу, тупиковой, отягчается еще теснотой прилегающих затемненных улиц и полным отсутствием зеленых пространств, дающих кислород. И вот, несмотря на отсутствие амортизации, такой дом продолжает приносить хозяину значительный доход. Мясник, продающий тухлую говядину, конечно, был бы судом осужден за это; однако закон допускает сдавать гнилые квартиры бедным людям. Для обогащения нескольких эгоистов часто пренебрегают и ужасающей смертностью и всякого рода болезнями, которые тяжелым грузом ложатся на плечи нашего общества.

РАЗРАСТАЯСЬ, ГОРОД ПОЖИРАЕТ МАЛО-ПОМАЛУ СМЕЖНЫЕ ЗЕЛЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА, ЗАТЕМ СЛЕДУЮЩИЕ ЗА НИМИ, ТЕРРИТОРИЯ УНИЧТОЖАЕМЫХ ЗЕЛЕННЫХ НАСАЖДЕНИЙ ВСЕГДА ТЕМ БОЛЬШЕ, ЧЕМ СИЛЬНЕЕ НАРУШЕН РЕЖИМ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ.

Чем больше разрастается город, тем меньше считаются с природными условиями. Под природными условиями подразумевается наличие в соответствующей пропорции элементов, необходимых для всякого живого существа: солнце, пространство, зелень. Бесконтрольное расширение городов лишает их этой основной ниши, вызывает нарушения психологического и физиологического порядка. Индивид, утративший связь с природой, дорого платит за это всякими болезнями, вырождением, безумствами, которые ослабляют его тело, лишают всякой восприимчивости, и без того подорванной близорукими прелестями города. За последние сто лет чувство меры здесь вовсе утратилось, что явилось немаловажной причиной беспокойства, которое теперь угнетает мир.

ЗДАНИЯ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ ПОД ЖИЛЬЕ, РАСПОЛАГАЮТСЯ НА ТЕРРИТО-

РИИ ГОРОДА В ПРОТИВОРЕЧИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ГИГИЕНЫ.

Первая обязанность градостроительства — это удовлетворение основных потребностей человека. Здоровье каждого в основном зависит от его подчинения природным условиям. Надо, чтобы солнце, источник жизни, могло проникать своими лучами во все жилища, без чего жизнь хиреет. Воздух, качество которого обуславливается наличием зелени, должен быть чистым, свободным от инертной пыли, как и от вредоносного газа. Наконец, пространство должно быть очень обширным. Не будем забывать, что ощущение пространства есть явление психофизиологическое и что узкие улицы и тесные дворы создают густую атмосферу, столь же вредную для тела, как и для душевного состояния человека. Четвертый конгресс СИАМ, проходивший в Афинах, выдвинул следующий постулат: солнце, зелень, пространство — вот три основных элемента градостроительства. Присоединение к этому постулату позволяет вывести суждение о положении вещей и определить ценность новых предложений с точки зрения подлинно гуманной.

КВАРТАЛЫ, НАИБОЛЕЕ ЗАСЕЛЕННЫЕ, НАХОДЯТСЯ В ЗОНАХ, НАИМЕНЕЕ БЛАГОПРИЯТНЫХ (СКЛЮНЫ, ПЛОХО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ; СЕКТОРЫ, НАСЫЩЕННЫЕ ДЫМОМ, ПРОМЫШЛЕННЫМ ГАЗОМ, ДОСТУПНЫЕ НАВОДНЕНИЯМ И Т. Д.).

Никакое законодательство не прибегло до сих пор к регламентации условий современного жилища, которые должны не только обеспечивать защиту личности, но и давать средства для ее совершенствования. В результате и городская земля, и жилые кварталы, и самые жилища зависят от людей, преследующих самые низменные цели наживы. Муниципальный топограф не задумается отмерить улицу, которая оставит без солнца тысячи жилых домов. Некоторые члены муниципалитета — увы! — считают в порядке вещей, когда для строительства рабочих кварталов отводятся районы в низинах, где часто бывают туманы, где царит страшная сырость, где кишит мошкарка... Они считают, что кособор, обращенный на север, который из-за

своего неудобного расположения никогда никого не привлекал и земля которого пропитана сажей, дымом, газами, выделяемыми промышленными предприятиями, порой места, весьма шумные, достаточно хорошие для размещения пришлого населения, то есть для тех, кого называют подсобными рабочими.

ДОМА ДЛЯ ЗАЖИТОЧНЫХ ЛЮДЕЙ (ПОСТРОЙКИ, ХОРОШО ОМЫВАЕМЫЕ ВОЗДУХОМ, ОБЕСПЕЧЕННЫЕ ОБИЛЬНОЙ ИНСОЛЯЦИЕЙ) РАСПОЛАГАЮТСЯ В НАИБОЛЕЕ ВЛАГОПРИЯТНЫХ РАЙОНАХ, ЗАЩИЩЕННЫХ ОТ ВРАЖДЕБНЫХ ВЕТРОВ, С КРАСИВЫМ ВИДОМ НА ПРИРОДУ.

Благоприятные для жизни районы занимают обычно под роскошные жилые дома. Это подтверждает ту мысль, что человеческие чаяния бессознательно, во всех случаях, когда человек располагает необходимыми средствами, направляются на отыскание лучших условий жизни и существования, корни чего лежат в самой природе людей.

ПРИСТРАСТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЖИЛЫХ ДОМОВ САНКЦИОНИРОВАНО ПРАКТИКОЙ И РАСПОРЯЖЕНИЕМ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ, ПРИЗНАЮЩЕГО ДЕЛЕНИЕ ПО ТАКИМ ЗОНАМ ОБОСНОВАННЫМ.

Зональное распределение — это операция, имеющая целью определить в соответствии с планом города каждому роду деятельности и каждому индивиду соответствующее им место. Устанавливаются жилые зоны, центры промышленной и коммерческой деятельности, общественные и культурные центры. Но когда в силу существующих порядков стремятся создать разные условия для жилищ богатых и бедных, мы категорически возражаем. Необходимо гарантировать важнейшие условия жизни здоровой и упорядоченной не только баловням судьбы. Необходимо срочно изменить и некоторые обычаи. Нужно обеспечить в твердом законодательном порядке условия уверенного существования для каждого человека независимо от финансового положения. Нужно навсегда установить путем строжайшей городской регламентации, что ни одна семья никогда не может быть

лишена света, воздуха и жизненного пространства.

СООРУЖЕНИЯ, ВОЗДВИГАЕМЫЕ ВДАЛИ ОТ КОММУНИКАЦИОННЫХ ЛИНИЙ И НА ПЕРЕКРЕСТКАХ, ПРОТИВОПОКАЗАНЫ ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ: ШУМ, ПЫЛЬ, ВРЕДОНОСНЫЙ ГАЗ.

Если кто-либо захочет считаться с этим заповещением, то ему потребуются отныне две самостоятельные зоны — одна для стросний и другая для движения. Тогда дом не будет более смыкаться с улицей своим тротуаром. Он будет стоять в чистой среде, наслаждаясь солнцем, воздухом и тишиной. Движение пойдет по двум дорогам: один маршрут — медленный, для пешеходов, другой — быстрый, для автомобилей. Эти дороги будут выполнять свои функции, приближаясь к домам только случайно.

ТРАДИЦИОННАЯ ДВУСТОРОННЯЯ ЗАСТРОЙКА УЛИЦ-КОРИДОРОВ ОБЕСПЕЧИВАЕТ СОЛНЕЧНЫМ СВЕТОМ ТОЛЬКО ОЧЕНЬ НЕМНОГИЕ ПОМЕЩЕНИЯ.

Традиционное расположение зданий вдоль улиц имеет следствием строительство домов, образующих «блок». Параллельные или кривые улицы рисуются при их перекраивании в виде поверхностей квадратных или прямоугольных, трапециевидных или треугольных, различной емкости, которые, будучи застроены, образуют «блоки».

Необходимость осветить центр этих блоков требует устройства внутренних дворов разных размеров. К сожалению, регламентации городских управлений предоставляют искателям выгоду свободу уменьшать эти дворы до совершенно скандальных размеров. И это приводит к печальным последствиям: один фасад из четырех — безразлично, выходит ли он на улицу или во двор — ориентируется на север и совсем не видит солнца; три других из-за узости улиц, дворов и тени, создаваемой в результате этого, также наполовину лишены солнца. Анализ показывает, что в городах соотношение не освещенных солнцем фасадов варьируется от половины до трех четвертей всех зданий. В некоторых случаях эта пропорция еще более катастрофична.

РАЗМЕЩЕНИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ СТРОЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕЛАЕТСЯ ПРОИЗВОЛЬНО.

Квартира — это приют для семьи, служащий исключительно ее целям. Эта проблема разрешалась когда-то подчас удачно, но сегодня по большей части не решается, вверяется случаю. Однако для семьи, кроме жилища, пужны и другие объекты общественного характера, которые, располагаясь поблизости от жилья, являются его подлинным продолжением. Это магазины, пункты врачебной помощи, детские ясли и сады, школы. К ним следует добавить еще помещения для интеллектуальных и спортивных организаций, призванных привлекать подростков к работе, к играм, развивать в них стремления, свойственные этому возрасту, к физкультуре и ежедневным спортивным занятиям. Заслуги этих общественных организаций известны, однако их необходимость еще плохо осознается массой. Их достижения вырисовываются только в общих чертах, очень фрагментарно и без всякой связи с главными потребностями населения.

В ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЫ ЧАСТО РАСПОЛАГАЮТСЯ НА УЛИЦАХ С БОЛЬШИМ ДВИЖЕНИЕМ И ОЧЕНЬ ДАЛЕКО ОТ ЖИЛИЩ.

Школы, вполне резонно сохранившие свою программу и свое архитектурное строение, в общем, плохо расположены внутри городского комплекса. Далеко отстоящие от жилищ, они тем самым подвергают ребенка всем опасностям уличного движения. Кроме того, не исключено — и это бывает очень часто, — что как руководство школы, так и сами дети в возрасте до шести лет и после тринадцати упорно отказываются от участия в до- и послешкольных организациях, хотя и отвечающих актуальным потребностям детей этих возрастов. Современные хозяйства также плохо способствуют нововведениям, которые между тем не только дают детям и юношам убежища от многочисленных опасностей, но и помещают их в условия, допускающие серьезное воспитание и способные хорошо укреплять их физическое и моральное состояние.

ПРИГОРОДЫ ЗАСТРАИВАЮТСЯ БЕЗ ПЛАНА И НОРМАЛЬНОЙ СВЯЗИ С ГОРОДОМ.

Пригород — это выродившийся потомок предместья. Некогда пригород представлял собой независимую единицу, созданную внутри военного укрепления. Предместье, примыкавшее к укреплению снаружи, строилось вдоль дороги, на подступах к нему, без всякой защиты и служило пристанищем для не уменчившихся внутри крепости жителей, которые волей-неволей должны были селиться возле нее. Когда с возникновением новых военных укреплений предместья вместе с частью дороги, ведущей внутрь крепости, исчезли, произошли первые нарушения принципов, регулирующих их путь. Характерной чертой эры машинизма явились пригороды, лишенные точных границ, где часто селились самые неорганизованные ремесленники со своим производством, вначале кустарным, но затем в ряде случаев выросшим в крупные предприятия. Средоточие неустroенных жителей, обреченных на бесконечные страдания, питательная среда для мятежей — пригород нередко в десять, сто раз был больше по объему, чем город. И вот из этого пригорода, деятельность которого, обуславливаемая расстоянием — временем, ставит перед нами трудный вопрос, еще не получивший ответа, некоторые люди хотят сделать город-сад. Пляжорный рай, неразумное решение! Пригород — это градостроительная ошибка, получившая, однако, широкое распространение во всем мире и доведенная до крайности в Америке. Пригород — одно из наибольших зол века.

ДЕЛАЛИСЬ ПОПЫТКИ АДМИНИСТРАТИВНО ПОДЧИНИТЬ ПРИГОРОДЫ ГОРОДУ.

Слишком поздно! По закону частной собственности у владельца невозможно изъять его земельный участок. Поэтому, чтобы обеспечить гармоническое развитие города, администрация еще до создания пригорода должна взять в свои руки все управление землей вокруг города.

НУЖНО ТРЕБОВАТЬ

ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ ДОЛЖНЫ РАСПОЛАГАТЬСЯ В ЛУЧШИХ МЕСТАХ ГОРОДА

Исходя из его топографии, с учетом климата и наиболее благоприятного солнечного освещения, на удобных зеленых площадях.

Города в том виде, в каком они существуют сегодня, создавались в противоречии с общественными и личными интересами. История свидетельствует, что образование городов и их развитие имели под собой глубокие обоснования, непрерывно наслаивавшиеся одно на другое, и что города не только расширялись, но с веками часто даже обновлялись — и все на той же земле. Машинный век, резко изменивший многие созданные веками условия, привел их к хаосу. Актуальная задача заключается в том, чтобы вырвать города из этого хаоса, реконструируя их по единому плану поэтапно. Проблема жилища, квартиры — первоочередная задача. Для этого должны быть зарезервированы лучшие места города. Нужно сразу же обеспечить для них места с самыми лучшими видами, с самым здоровым воздухом, без ветров и туманов, с хорошим освещением. Кроме того, нужно использовать для них все существующие зеленые территории, создать новые, если их не было, или восстановить, если они были погублены.

УСТАНОВЛЕНИЕ СЕЛИТЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДОЛЖНО ДИКТОВАТЬСЯ СООБРАЖЕНИЯМИ ГИГИЕНЫ.

Законы гигиены, повсеместно известные, выдвигают тяжелые обвинения против санитарного состояния городов. Однако они не в состоянии ни сформулировать диагноз, ни даже принять решение; кроме того, нужно, чтобы оно было одобрено ответственными и авторитетными людьми. Во имя общего здоровья должны быть осуждены целые кварталы. Одни, плоды спекуляции, не заслуживают ничего, кроме уничтожения; другие — ради связанных с ними исторических воспоминаний или сохранения художественную ценность, должны быть сохранены. Недостаточно лишь оздоровить жилье. Необходимо создать благоустроенные территории вокруг жилья.

РАЗУМНАЯ ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ УСТАНАВЛИВАЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С

ФОРМАМИ ЖИЛИЩ, ОБУСЛОВЛИВАЕМЫМИ ХАРАКТЕРОМ МЕСТНОСТИ.

Плотность населения городов должна определяться законом. В связи с этим площадь города или увеличивается, или уменьшается. С наступлением эры машинизма расширение городов происходит без всякого контроля и ограничений, что стало одной из причин их бедственного положения. А между тем создание, как и развитие, городов должно опираться в каждом случае на разумные основания, тщательно изученные, с учетом предполагаемой продолжительности этих операций: пятьдесят лет, например. Цифра населения может быть предусмотрена. Теперь, зная, какая площадь потребуется для его размещения, можно установить размер площади и емкость города, необходимые для реализации программы в течение пятидесяти лет. Когда цифра населения и размер земельного участка будут зафиксированы, будет определена и плотность населения.

МИНИМАЛЬНАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ СОЛНЕЧНОГО ОСВЕЩЕНИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРЕДУСМОТРЕНА ДЛЯ КАЖДОЙ КВАРТИРЫ.

Наука, изучающая солнечную радиацию, рассказывает нам то, что нужно для человеческого здоровья, и то, что в некоторых случаях может оказаться вредным. Солнце — это владыка жизни. Медицина говорит нам, что туберкулез развивается там, куда не проникает солнце; она требует, чтобы человек был помещен в «природные условия». Солнце должно освещать квартиру ежедневно в течение нескольких часов, даже в сезон, наименее благоприятный. Общество не должно допускать, чтобы целые семьи не видели солнца. План дома, в котором хотя бы одна квартира обращена целиком на север или лишенная солнца из-за отбрасываемой на нее тени, должен быть решительно отвергнут. Необходимо требовать от проектировщиков чертеж, наглядно показывающий, что даже в зимнее солнечное стояние солнце будет проникать в каждую квартиру ежедневно минимум в течение двух часов. Невыполнение этого требования — промах, из-за которого в разрешении строить будет отказано. Помнить о солнце — новая и важнейшая обязанность архитектора.

РАЗМЕЩЕНИЕ ЗДАНИЙ ВДОЛЬ ТРАНСПОРТНЫХ МАГИСТРАЛЕЙ ДОЛЖНО БЫТЬ ЗАПРЕЩЕНО.

Транспортные магистрали, иначе говоря улицы городов, несут самые противоречивые функции. Они должны удовлетворять требованиям пешеходного движения и одновременно соответствовать условиям движения ускоренного общественного транспорта с его частыми остановками (автобусы, трамваи), а также идущих на еще больших скоростях грузовых машин и легковых частных автомобилей. Тротуары, построенные для безопасности пешеходов еще во времена конной тяги, в значительной мере потеряли смысл с появлением автомобиля, и улицы стали подлинной угрозой жизни. Создавшееся положение требует коренных изменений. Скорость пешехода 4 километра в час и механическая скорость 50—100 километров в час должны быть обособлены. Дома должны быть удалены от дорог для механического транспорта, а пешеходу следует предоставить свои дороги или бульвары.

ПРИ ВОЗВЕДЕНИИ ВЫСОКИХ СТРОЕНИЙ НЕОБХОДИМО УЧИТЫВАТЬ СРЕДСТВА СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНИКИ.

Каждая эпоха использует для своих сооружений технику, определяемую имеющимися ресурсами. До XIX века искусство строить дома знало только несущие стены из камня, кирпича или дерева и перекрытия по деревянным балкам. В XIX веке, в переходный период, применяли чугун и фасонное железо и, наконец, в XX веке — однородные конструкции, целиком из стали или железобетона. До этого нововведения, совершившего коренной переворот в истории жилищного строительства, строители возводили обычно дома не выше 6 этажей. Настоящее время не знает больше ограничений. Строительные сооружения достигают 65 этажей и более. Остается определить путем решения ряда градостроительных проблем оптимальную высоту домов, которая лучше всего подходила бы в каждом отдельном случае. В отношении жилых домов решающими должны быть следующие соображения: наиболее приятный вид, самый чистый воздух, наилучшая изоляция и, наконец, возможность строительства в непосредственной близости зданий общественного, коммунального

обслуживания, школ, необходимых административных зданий, площадок для игр и спорта. Только жилые дома значительной высоты могут достаточно хорошо удовлетворить эти законные требования.

ВЫСОТНЫЕ ЖИЛЫЕ ДОМА, ПОСТРОЕННЫЕ НА БОЛЬШИХ РАССТОЯНИЯХ ОДИН ОТ ДРУГОГО, ПОЗВОЛЯЮТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ОСВОБОЖДЕННУЮ ЗЕМЛЮ ПОД ШИРОКИЕ ЗЕЛЕННЫЕ УЧАСТКИ.

Такие дома следует располагать на большом расстоянии, иначе высокие дома только ухудшат положение. Подобная грубая ошибка была допущена в городах обеих Америк. Строительство города не может проводиться без программы, по частной инициативе. Плотность населения должна быть достаточно большой, чтобы экономически оправдать благоустройство окружающей территории и устройство учреждений общественного назначения, являющихся как бы продолжением жилища. Определив плотность и рассчитав количество предполагаемого населения, можно будет установить размеры территории города. Таким образом, можно будет занять нужную землю, наладить взаимозависимость застраиваемой территории и той, которая остается свободной или будет отведена под зеленые насаждения. Зафиксировать общие размеры территории города, не подлежащей расширению в течение определенного периода, — это сложная операция, которая должна проводиться муниципальными властями и завершаться облорождением «статута городской территории». При соблюдении этих требований город будет строиться в условиях, полностью гарантированных от случайностей, в соответствии с правилами, определенными его статутом. После чего может быть привлечена частная инициатива и свободное творчество художника.

ДОСУГ

Наблюдения.

СВОБОДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ОСНОВНОМ НЕДОСТАТОЧНЫ.

В некоторых городах еще сохранились свободные участки. Это дошедшие до нашего вре-

мени парки, окружавшие дворцы монархов, сады, прилегающие к домам богачей, тенистые бульвары, занявшие места срытых колец военных укреплений. В течение двух последних столетий эти чудом сохранившиеся зеленые участки, являвшиеся подлинными легкими города, стали жестоко уничтожаться, и на их местах вырастают каменные строения, заменившие газоны и деревья. В прежние времена сады и парки служили местом отдыха только для небольшой кучки особо привилегированных лиц. Социальная точка зрения, придающая теперь новый смысл и назначение парковым территориям, тогда еще не существовала. Теперь сады и парки должны служить как прямыми, так и косвенными продолжениями жилищ: прямыми, когда они непосредственно располагаются вокруг дома, косвенными, если концентрируются на нескольких больших площадях в некотором отдалении. В обоих этих случаях их назначение одно и то же: служить коллективной активности молодежи, создавать хорошие условия для развлечений, прогулок и игр в часы досуга.

СВОБОДНЫЕ ОЗЕЛЕНЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ ДОСТАТОЧНОЙ ПРОТЯЖЕННОСТИ ЧАСТО МАЛО ПРИСПОСОБЛЕННЫ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАССОЙ ЖИТЕЛЕЙ.

Когда современные города получают в свое распоряжение несколько свободных территорий достаточной протяженности, то обычно или где-либо на периферии, или в самом центре города, в зоне роскошных резиденций. В первом случае, удаленные от местобитания большинства населения, они служат горожанам только по воскресеньям и не играют никакой роли в повседневной жизни. Во втором случае парковая территория, по существу, является запретной для широких масс, играет главным образом декоративную роль и не может выполнять своего основного назначения — быть полезным продолжением жилища. В обоих случаях не решается важная проблема улучшения санитарно-гигиенических условий городского населения.

ОТДАЛЕННЫЕ СВОБОДНЫЕ ОЗЕЛЕНЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ МОГУТ СПОСОБСТВОВАТЬ УЛУЧШЕНИЮ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ В ГУСТОНАСЕЛЕННЫХ ЧАСТЯХ ГОРОДА.

Градостроительство призвано не только создавать необходимые правила, но и предоставлять горожанам должные условия жизни в целях обеспечения как их физического и морального здоровья, так и тех радостей жизни, которые отсюда истекают. Часы работы, подчас изнурительной, требующей большого напряжения мышц и нервов, должны чередоваться в течение дня со свободным, достаточным для отдыха временем. Эти свободные часы, которые с развитием промышленности неуклонно будут возрастать, должны быть посвящены оздоровляющим поездкам на лоно природы. Поэтому поддержание и создание новых свободных пространств — всеобщая необходимость, вопрос общественного блага. Эта тема является неотделимой частью основной идеи градостроительства, выполнению которой муниципалитеты должны отдать все свое внимание. Правильное соотношение построенных объемов и свободных пространств — вот формула, которая одна решит проблему жизни.

НЕКОТОРЫЕ СПОРТИВНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В ЦЕЛЯХ ПРИБЛИЖЕНИЯ ИХ К ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМ ОЧЕНЬ ЧАСТО УСТРАИВАЛИСЬ ВРЕМЕННО НА ЗЕМЛЯХ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ В ДАЛЬНЕЙШЕМ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЖИЛЫХ И ПРОМЫШЛЕННЫХ КВАРТАЛОВ. БЕССМЫСЛЕННЫЕ БЕСПРЕСТАННЫЕ ПЕРЕСТРОЙКИ.

Некоторые спортивные общества, желая с пользой проводить воскресные досуги, нашли себе в окрестностях города временный приют. Однако это положение, не получившее официального признания, оказалось, в общем, весьма патетичным. Свободные часы, то есть часы досуга, можно разбить на три категории: каждодневные часы, раз в неделю и каждый год. Свободные каждодневные часы должны проводиться недалеко от дома. Ежедельные часы досуга допускают выезды за город или поездки в разные места. Свободные часы в году, иначе говоря каникулы, предусматривают возможности длительных путешествий за пределы города или района. Проблема использования досуга предусматривает создание зеленых резервных зон вокруг города, в районе и по всей стране.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ, ВЫДЕЛЕННЫЕ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ ОТПУСКОВ, ЧАСТО ПЛОХО СВЯЗАНЫ С ГОРОДОМ.

После выбора местности, пригодной по своей близости к городу служить удобной базой для еженедельного отдыха, возникает проблема массовой перевозки туда отдыхающих. Эта проблема должна рассматриваться одновременно с предварительно подготовленным планом района, где предусматривались бы различные средства сообщения: посейные дороги, железные дороги, водный транспорт.

НУЖНО ТРЕБОВАТЬ

КАЖДЫЙ ЖИЛОЙ КВАРТАЛ ДОЛЖЕН ОТНЫНЕ ВКЛЮЧАТЬ ЗЕЛЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРОВЕДЕНИЯ ИГР И СПОРТИВНЫХ ЗАНЯТИЙ ДЕТЕЙ, МОЛОДЕЖИ И ВЗРОСЛЫХ.

Это решение не будет эффективным, если его не поддержит законодательство — «земельный статут», задача которого — предусмотреть все возможное для удовлетворения потребностей населения. Таким образом, плотность населения или соотношение свободной и застроенной поверхностей могут быть изменены применительно к их функциям, месту и климату. Выстроенные здания должны непосредственно смыкаться с окружающими их зелеными пространствами. Застроенные и зеленые зоны должны располагаться с учетом экономии времени на переходы из одной зоны в другую. Точно так же и построение городов должно изменить свою структуру. Населенные пункты стремятся стать зелеными городами. Однако в противовес тому, что наблюдается в городах-садах, зеленые пространства не должны разгораживаться на отдельные небольшие участки, а, наоборот, объединять различные виды деятельности, которые, в сущности, являются продолжением жилищ. Огородная культура, польза которой несомненна, — главный аргумент в защиту городов-садов и может хорошо сочетаться с ними. Наличие свободной территории позволяет здесь разбить ее

на многочисленные индивидуальные участки; при этом такие коллективные мероприятия, как, например, вспашка почвы, орошение или поливка, могут облегчить труд человека и повысить производительность.

ВРЕДНЫЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ КВАРТАЛЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СНЕСЕНЫ И ЗАМЕНЕНЫ ЗЕЛЕНЫМИ ПРОСТРАНСТВАМИ. СМЕЖНЫЕ КВАРТАЛЫ — ОЗДОРОВЛЕНЫ.

Элементарное знание основных положений гигиены достаточно для того, чтобы суметь различить трущобы и определить явно нездоровые кварталы. Они должны быть снесены. Это принесет несомненную пользу, поскольку устройство на их местах парков явится, по меньшей мере для смежных кварталов, первым шагом на пути к оздоровлению. А между тем может случиться, что некоторые кварталы занимают места, подходящие для общественных зданий, необходимых для жизни города. Подобные случаи должны учитываться при составлении генерального плана района и плана города.

НОВЫЕ ОЗЕЛЕНЕННЫЕ ТЕРРИТОРИИ ДОЛЖНЫ СЛУЖИТЬ ВПОЛНЕ ОПРЕДЕЛЕННЫМ ЦЕЛЯМ: ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТСКИХ САДОВ, ШКОЛ, МОЛОДЕЖНЫХ ЦЕНТРОВ И ВСЕХ СООРУЖЕНИЙ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ, ТЕСНО СВЯЗАННЫХ С ЖИЛИЩЕМ.

Зеленые пространства, тесно связанные с сооружаемыми объектами, предназначаются не только для украшения города. Прежде всего они должны служить полезным целям — на зеленых лужайках должны возникнуть: ясли, дошкольные учреждения и учреждения для внешкольных занятий, молодежных кружков, места для культурного отдыха и физкультуры, читальные залы и залы для игр, беговые дорожки и бассейны на свежем воздухе. Все они являются продолжением жилищ и должны, как и последние, подчиняться «зеленому статуту».

СВОБОДНЫЕ ЧАСЫ НЕДЕЛИ ДОЛЖНЫ ПРОВОДИТЬСЯ В ТЩАТЕЛЬНО ПОДГОТОВЛЕННЫХ МЕСТАХ: В ПАРКАХ, В ЛЕСАХ,

НА СПОРТИВНЫХ УЧАСТКАХ, СТАДИОНАХ, ПЛЯЖАХ И ПР.

Ничто или почти ничто не предусмотрено для еженедельного досуга. В районах, окружающих город, обширные пространства должны быть благоустроены и обеспечены удобным сообщением с городом. Здесь речь идет не о небольших лужайках, более или менее засаженных деревьями вокруг дома, но о больших лугах, лесах, естественных или искусственных пляжах, образующих неиссякаемый резерв, тщательно оберегаемых и предоставляющих жителям города тысячи возможностей для здоровой деятельности и полезного отдыха. У каждого города в его окрестностях есть места, отвечающие этой программе, которые при надлежащей организации средств передвижения могут стать легкодоступными.

ПАРКИ, СПОРТИВНЫЕ ПЛОЩАДКИ, СТАДИОНЫ, ПЛЯЖИ И ПР.

Программа отдыха должна быть определена в соответствии с различными видами деятельности: прогулки в уединении или общие и красивые места; спорт всякого рода — теннис, баскетбол, футбол, плавание, атлетика; зрелищные дивертименты, концерты, театр на открытой сцене, игры на стадионе и различные состязания. Теперь надо предусмотреть все нужное для этого оборудование: средства передвижения, требующие разумной организации; помещения, где можно приютиться, — отели, гостиницы, лагеря и, наконец, что не менее важно, снабжение годной для питья водой и питанием, которое должно быть всюду хорошо обеспечено.

НАДО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВСЕ ВОЗМОЖНОСТИ, КОТОРЫЕ НАМ ДАЕТ ПРИРОДА: РЕКИ, ЛЕСА, ХОЛМЫ, ГОРЫ, ДОЛИНЫ, ОЗЕРА, МОРЕ И ПР.

Расстояние благодаря усовершенствованию транспортных средств не играет больше решающей роли. Наша задача не только в том, чтобы сохранить неприкосновенными естественные красоты природы, но и в том, чтобы устранять возможные повреждения, привлекать творческие силы человека к созданию живописных мест и ландшафтов в соответствии с программой от-

дыха. Вторая задача в социальном отношении столь же важна, как и первая, и ответственность за ее выполнение должны нести муниципалитеты. Нужно найти противодействие изнурительному труду человека, дав ему какой-нибудь один день отдыха в неделю, — отдыха, поистине ценительного для его морального и физического состояния. Такой отдых оплодотворяет свободные часы, укрепит здоровье и сердца обитателей городов.

РАБОТА

Наблюдения

МЕСТА РАБОТЫ НЕРАЦИОНАЛЬНО РАСПОЛАГАЮТСЯ В ГОРОДСКОМ КОМПЛЕКСЕ С ЕГО ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ, КУСТАРНЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ, УПРАВЛЕНИЕМ, ТОРГОВЛЕЙ.

Когда-то жилище и мастерская, связанные прочными тесными узами, располагались поблизости одно от другого. Развитие промышленности нарушило эту гармонию. Менее чем за столет разросшаяся промышленность изменила лицо города, сломав вековые традиции кустарного производства, породив новую рабочую силу, безымянную и вечно перемещающуюся. Особенно развилась промышленность вдоль железнодорожных путей, возникших в XIX веке, и по берегам водных путей после появления пароходов. Промышленники устраивали свои предприятия как внутри существующих городов, так и на их окраинах, не считаясь с приносимым этими действиями злом. Размещенные в сердце жилых кварталов, заводы наполняли их пылью и шумом. Расположенные же в окрестностях, далеко от жилых кварталов, они вынуждали рабочих покрывать ежедневно большие расстояния в утомительных условиях спешки и давки, бесполезно тратить на это часть своего досуга. Разрыв с прежней организацией труда вызвал невероятный беспорядок и выдвинул проблему, но которой, однако, до сих пор не вынесено никакого решения. Большое зло нашего времени — это вечная кочевка населения с одного места на другое.

СВЯЗЬ МЕЖДУ МЕСТОМ ПРОЖИВАНИЯ И МЕСТОМ ПРИЛОЖЕНИЯ ТРУДА НАРУШЕНА, ЧТО ВЕДЕТ К ПЕСОРАЗМЕРНЫМ ЕЖЕДНЕВНЫМ ПЕРЕЕЗДАМ ТРУДЯЩИХСЯ.

С развитием промышленности нормальные отношения между двумя существеннейшими жизненными функциями — жить и работать — были разорваны. Предместья заполнились мастерскими и заводами, а беспрерывно развивавшаяся тяжелая промышленность была вытеснена из города в пригороды. Город, перенасыщенный людьми, не имеющий возможности принимать новых жителей, был вынужден создавать города-спутники, представляющие собой обширные площади земли, плотно застроенные домами-коробками, сдаваемыми внаем, или же раздробленные на мелкие части земельные участки. Все это приводит к тому, что смены рабочих, не связанные тесно с местом работы и вынужденные утром, в полдень и вечером, летом и зимой беспрерывно ездить взад и вперед в унизительной толкотне общих вагонов, теряют целые часы на эти беспорядочные разъезды.

ЧАСЫ ПИК ПОДТВЕРЖДАЮТ КРИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ТРАНСПОРТА.

Общественный транспорт, пригородные поезда, автобусы и метро, в сущности, работают нормально всего четыре часа в день. В часы пик начинается настоящее столпотворение. Пассажиры вынуждены дорого платить за плохую организацию транспорта, что ежедневно добавляет и без того уставшим от работы людям лишние суматошные часы. Эксплуатация транспорта одновременно и кропотлива и дорога; плата пассажиров недостаточна для покрытия издержек, и они тяжелым бременем ложатся на плечи общества. Чтобы выправить положение, выдвигались самые противоречивые тезисы: «Дать ли жить транспорту или его пассажирам?» — «Нужно выбрать что-то одно!» В связи с этим одни люди высказывались за уменьшение диаметра городов, другие — за его расширение.

ОТСУТСТВИЕ ВСЯКОЙ ПРОГРАММЫ ПРИВОДИТ К БЕСКОНТРОЛЬНОМУ РАСШИРЕНИЮ ГОРODOB, СПЕКУЛЯЦИИ ЗЕМЕЛЬНЫМИ УЧАСТКАМИ И Т. П. ПРО-

МЫШЛЕННОСТЬ РАЗМЕЩАЕТСЯ НАУДАЧУ, НЕ ПОДЧИНЯЯСЬ НИКАКИМ ПРАВИЛАМ.

Городская земля и земля районов, граничащих с городом, принадлежит почти полностью частным владельцам. Промышленность также находится в руках частных обществ, подверженных всякого рода кризисам и неустойчивых. Ничего не делается для того, чтобы подчинить ее деятельности логическим правилам; наоборот, все здесь подчинено случаю, который если подчас и покровительствует индивиду, то, как правило, всегда угнетает коллектив.

ДЕЛОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КОНЦЕНТРИРУЮТСЯ В ЦЕНТРЕ ГОРОДОВ, РАСПОЛАГАЕМЫЕ В ПРИВЛЕГИРОВАННЫХ МЕСТАХ С ХОРОШО ОБЕСПЕЧЕННОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СЕТЬЮ, ОНИ СТАНОВЯТСЯ ДОБЫЧЕЙ СПЕКУЛЯНТОВ, НО, ПОСКОЛЬКУ ЭТИ ДЕЛОВЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ЯВЛЯЮТСЯ ЧАСТНЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОНИ ЛИШЕНЫ ОБЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ, КОТОРАЯ СПОСОБСТВОВАЛА БЫ ИХ НОРМАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ.

Развитие промышленности в целях дальнейшего совершенствования побудило ее создать собственную коммерческую администрацию. Необходимо наладить контакт между заводом и мастерской, между поставщиком и клиентом. Такого рода операции потребовали организации служебных помещений, бюро. Бюро же нуждаются в определенном оборудовании, располагающем к занятиям делами. Такое оборудование стоит дорого. Нужно сочетание удобств, обеспечивающих каждому лучшие условия работы: удобную связь, внутреннюю и с внешним миром, свет, тишину, хороший воздух, тепло, прохладу, почту, телефон, радио и др.

НУЖНО ТРЕБОВАТЬ

РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ МЕСТОМ РАБОТЫ И МЕСТОЖИТЕЛЬСТВОМ ДОЛЖНО БЫТЬ СВЕДЕНО К МИНИМУМУ.

Это предполагает новое размещение всех мест работы в соответствии с тщательно разработанным

ным планом. Расположение промышленности кольцом вокруг больших городов может быть для некоторых предприятий и выгодно, но такая система совершенно недопустима, так как она вызывает резкое ухудшение жизненных условий множества людей и порождает огромное количество переездов. Промышленные предприятия должны располагаться в местах средоточия перевозок сырья, вдоль больших водных и железнодорожных путей, в результате чего города вместо своей прежней концентрической формы неминуемо приобретут форму линейную.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ СЕКТОРЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НЕЗАВИСИМЫМИ ОТ ЖИЛЫХ СЕКТОРОВ И ОТДЕЛЯТЬСЯ ОТ НИХ ЗЕЛеной зоной.

Промышленные города должны размещаться вдоль каналов, дорог или железнодорожных путей или, еще лучше, в местах сочетания этих трех видов связи. Заменив концентрическую форму линейной, город мог бы в ходе своего развития построить параллельно себе свой собственный жилой сектор, отделенный от индустриальных строек зеленой зоной. Благодаря этому жилые дома, включенные отныне в условия сельской местности, полностью освободятся от шума и пыли, сохраняя вместе с тем свою близость к промышленным сооружениям; все это в значительной мере вернет человеку нормальные условия жизни. Вновь найденные «природные условия» избавят рабочее население от вечных скитаний. На выбор ему будут предложены три вида жилищ: индивидуальный дом города-сада, индивидуальный дом сельского типа с небольшим хозяйством и, наконец, многоквартирный жилой дом со всеми удобствами, необходимыми для комфорта его обитателей.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЗОНЫ ДОЛЖНЫ ПРИЛЕГАТЬ К ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМУ ПУТИ, КАНАЛУ ИЛИ ДОРОГЕ.

Совершенно новые скорости современного транспорта при всех условиях — будь то дорога, железнодорожное полотно, река или канал — требуют создания новых путей или преобразования уже существующих. Это необходимо учитывать при размещении промышленных сооружений и сопутствующих им рабочих жилищ.

РЕМЕСЛЕННИКАМ, НЕПОСРЕДСТВЕННО СВЯЗАННЫМ С ЖИЗНЬЮ ГОРОДА ПО РОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ДОЛЖНЫ ОТВОДИТЬСЯ СПЕЦИАЛЬНО ВЫДЕЛЯЕМЫЕ ТЕРРИТОРИИ ВНУТРИ ГОРОДА.

Ремесленник по своей природе отличается от рабочего, занятого в промышленности. Его работа непосредственно связана с обслуживанием населения. И перенлетчик, и ювелир, и портной, и модельер получают в художественной жизни города необходимый им творческий импульс. И поскольку это вытекает из деятельности самого города, места их работы должны располагаться в пунктах наиболее интенсивной жизни города.

ДЕЛОВОЙ ЦЕНТР ГОРОДА, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧАСТНЫМИ ИЛИ ОБЩЕСТВЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ДОЛЖЕН БЫТЬ ОБЕСПЕЧЕН ХОРОШЕЙ СВЯЗЬЮ С ЖИЛЫМИ КВАРТАЛАМИ, С ПРОМЫШЛЕННЫМИ РАЙОНАМИ, А ТАКЖЕ С РЕМЕСЛЕННИКАМИ, ЖИВУЩИМИ В ГОРОДЕ ИЛИ ПОБЛИЗОСТИ ОТ НЕГО.

Деловые операции приобрели теперь столь важное значение, что выбор мест, закрепляемых за ними, требует особого изучения. Деловой центр должен размещаться вблизи слияния наиболее оживленных улиц, включающих секторы жилищный, промышленный и ремесленный, а также общественные учреждения, гостиницы и вокзалы (железнодорожный, вокзал шоссейных дорог, морской, аэровокзал).

ДВИЖЕНИЕ

Наблюдения

СУЩЕСТВУЮЩАЯ СЕЙЧАС СЕТЬ ГОРОДСКИХ ДОРОГ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ, В СУЩНОСТИ, РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИХСЯ ПУТЕЙ МЕЖДУ ГОРОДАМИ И СТРАНАМИ, ПОСЛЕДНИЕ — В ЕВРОПЕ — ВОСХОДЯТ ЕЩЕ К СРЕДНИМ ВЕКАМ, А ИНОГДА ДАЖЕ К АНТИЧНОСТИ.

Некоторые военные города и колонии уже при самом возникновении строились по заранее задуманному плану. В первую очередь определялся абрис укреплений строго геометрической формы. От крепостных стен расходились дороги. Внутреннее расположение города также имело регулярную планировку. Другие города, более многочисленные, создавались обычно или на скрещении больших дорог, пересекавших местность, или в точке слияния дорог, радиально ведущих к этому пункту. Все эти пути сообщения тесно связывались с характером местности, которая нередко требует извилистых дорог. Первые дома строились по краям дорог, образуя главные улицы, от которых по мере развития города ответвлялись второстепенные артерии, все более и более многочисленные. Главные улицы всегда были детищем географии города; многие из них выпрямлялись, выравнивались, однако всегда обоснованно и закономерно.

БОЛЬШИЕ УЛИЦЫ СОЗДАВАЛИСЬ ДЛЯ ПЕШЕХОДОВ И ГУЗЕВОГО ТРАНСПОРТА. СЕГОДНЯ ОНИ НЕ ОТВЕЧАЮТ УЖЕ УСЛОВИЯМ СОВРЕМЕННОГО МЕХАНИЧЕСКОГО ТРАНСПОРТА.

Древние города из соображений безопасности окружались стенами, что не позволяло им расширяться по мере роста населения. Нужно было действовать весьма экономно, чтобы максимально использовать пригодную для жилья площадь. Этим же объясняется и соответствующее расположение улиц и частых переулков, позволяющих обслужить возможно большее число наружных дверей. Кроме того, такая организация города допускала систему кварталов, построенных перпендикулярно к улице, куда они выходили окнами, и с просемами во внутренние дворы. Позднее пояса оборонных укреплений становятся ненужными и сползают. На их месте возникают проспекты и бульвары, не нарушая, однако, структуру первоначального городского ядра. Со временем эта система планировки утратила свой смысл, хотя и сегодня еще сохраняет силу закона: это всегда квартал, прямое следствие системы дорог. Его фасады выходят на улицу или во внутренние дворы, более или менее тесные. Его кровеносная сеть, различная

по величине, имеет очень много пересечений. Предвидя будущее, можно утверждать, что эта система никогда не согласуется с новыми скоростями механических перевозочных средств.

УЛИЦЫ, ПО СВОИМ РАЗМЕРАМ НЕ ОТВЕЧАЮЩИЕ СОВРЕМЕННЫМ ТРАНСПОРТНЫМ УСЛОВИЯМ, ПРЕПЯТСТВУЮТ ПРАВИЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ ГОРОДА.

Выдвигаемая здесь проблема вызывается невозможностью сочетания скорости пешехода или лошади с механическими скоростями автомобилей, трамваев, грузовых машин, автобусов. Игнорирование этого обстоятельства, как показывает жизнь, приводит к печальным, а иногда и трагическим результатам. Пешеход вечно находится в опасности. С другой стороны, машины, вынужденные непрерывно тормозить, парализуют движение, что не мешает им, однако, быть причиной смертельных случаев.

РАССТОЯНИЯ МЕЖДУ МЕСТАМИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ УЛИЦ ОЧЕНЬ НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫ.

Чтобы достичь нормального режима работы автомобиля, необходимо добиться быстрого запуска мотора и постепенного нарастания скорости. Рывок тормоза не сразу останавливает машину, приводя лишь к быстрому износу ее основных частей. Поэтому нужно предусмотреть длину пути от места запуска мотора до места, вызванного необходимостью торможения. Существующие пересечения улиц на расстоянии 100, 50, 20 и даже 10 метров одно от другого препятствуют нормальному движению автотранспорта. Их должны разделять промежутки примерно в 200—400 метров.

ШИРИНА УЛИЦ НЕДОСТАТОЧНА. ОДНАКО РАСШИРЕНИЕ ИХ ЗАЧАСТУЮ ВЫЗЫВАЕТ ОБРЕМЕНИТЕЛЬНЫЕ РАСХОДЫ И К ТОМУ ЖЕ НЕ ДОСТИГАЕТ ЦЕЛИ.

Для улиц нет единообразной, установленной ширины, и все движение по ним зависит от их пропускной способности, от числа и рода автомашин. Прежние главные улицы, характер которых определялся еще при образовании города в связи с географией и топографией местности, улицы, являвшиеся своего рода стволем с бес-

численными ответвлениями, но большей части и теперь еще сохраняют интенсивную пропускную способность. И хотя обычно эти улицы очень узки, расширение их не так-то легко разрешимо и часто не эффективно. Важно, что эта проблема должна вновь обсуждаться, и обсуждаться в верхах.

ЕСЛИ УЧИТЫВАТЬ ТРЕБОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ТРАНСПОРТА В ГОРОДАХ, ТО СУЩЕСТВУЮЩАЯ УЛИЧНАЯ СЕТЬ ОКАЖЕТСЯ НЕРАЦИОНАЛЬНОЙ И НЕ ОТВЕЧАЮЩЕЙ НАЗНАЧЕНИЮ.

Движение в наше время представляет собой одну из самых сложных операций. Дороги, предназначенные для широкого использования, должны одновременно позволять: автомобилям — свободно передвигаться повсюду, пешеходам — беспрепятственно ходить из дома в дом, автобусам и трамваям — курсировать по установленным маршрутам, грузоникам — перевозить грузы от центров снабжения к местам распределения, до бесконечности различным, и некоторым другим видам связи — пересекать город транзитом. Каждый вид деятельности требует особых путей, удовлетворяющих особые потребности. Нам предстоит теперь заняться тщательным изучением вопроса уличного движения, внимательно рассмотреть его современное состояние и найти решение, действительно отвечающее предъявляемым к нему требованиям.

ПОМПЕЗНЫЕ ТРАССЫ, ПРЕСЛЕДУЮЩИЕ ЧИСТО ПОКАЗНЫЕ ЦЕЛИ, МОГЛИ ИЛИ МОГУТ ВЫЗЫВАТЬ СЕРЬЕЗНЫЕ ПОМЕХИ В ДВИЖЕНИИ.

То, что было допустимо и даже восхищало людей во времена карет и пешеходов, может стать теперь источником настоящих тревог. Некоторые магистрали, задуманные с тем, чтобы показать величественные перспективы, увенчанные каким-либо монументом или зданием, в настоящее время служат причиной заторов движения, задержек, а иногда опасностей. Архитектурные композиции не должны допускать скопления автомашин, для которых они не предназначены и к скорости которых они никогда не приспособятся. Движение сегодня стало пер-

востепенной функцией городской жизни. Оно требует тщательно изученной программы, которая должна предусмотреть все нужное для регулирования пропускной способности улиц, найти, таким образом, необходимый выход для ликвидации уличных заторов — постоянного зла, которое они несут.

В НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ СЕТЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПУТЕЙ СТАЛА С РАЗВИТИЕМ ГОРОДА БОЛЬШОЙ ПОМЕХОЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВУ. ОНА ОПУТАЛА ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ, ЛИШИВ ИХ ПОЛЕЗНЫХ СВЯЗЕЙ С ЖИЗНЕННЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ ГОРОДА.

Время стало идти слишком быстро. Железные дороги были построены еще до того, как промышленность достигла вызванного ими же бурного роста. Проникая в города, железные дороги произвольно разрезали целые районы. Железная дорога — это путь, который ничто не пересекает; она изолирует одну часть города от других, постепенно заполняемых домами, лишая их необходимой связи. В результате состояние экономики в некоторых городах стало настолько тяжелым, что градостроители были вынуждены поставить вопрос о реорганизации и перемещении некоторых железнодорожных путей, чтобы привести их в соответствие с общим городским планом.

НУЖНО ТРЕБОВАТЬ

НЕОБХОДИМО СДЕЛАТЬ ТЩАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ О СИСТЕМЕ ДВИЖЕНИЯ В ГОРОДЕ И В РАЙОНЕ — РАБОТА, КОТОРАЯ ПОЗВОЛИТ ОПРЕДЕЛИТЬ НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ И СТЕПЕНЬ ПРОПУСКНОЙ СПОСОБНОСТИ ДОРОГ.

Ясное представление о состоянии уличного движения даст возможность точно установить, на какой контингент рассчитан тот или иной путь: для пешеходов или для автомобилей, для перевозки тяжелых грузов или для транзитных маршрутов, и, во-вторых, определить для этих

путей в соответствии с той ролью, какую они будут играть, их габариты и внешний облик: род покрытия, ширину шоссе, места и характер пересечений или их сочетаний.

ПУТИ ДВИЖЕНИЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ КЛАССИФИЦИРОВАНЫ В СООТВЕТСТВИИ С ИХ НАЗНАЧЕНИЕМ И СКОНСТРУИРОВАНЫ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ВИДУ ТРАНСПОРТА И ЕГО СКОРОСТЯМ.

Единственная дорога, доставляемая нам в наследство от прошлых времен, предназначалась некогда для пешеходов вперемежку со всадниками, и только в конце XVIII века широкое распространение карет предопределило устройство тротуаров. В XX веке все эти экипажи были сметены появившимися во множестве механическими средствами передвижения — велосипедами, мотоциклами, автомобилями, грузовиками, трамваями — с их невероятными скоростями. Ошеломляющий рост городов, как, например, Нью-Йорка, вызвал невообразимый прилив транспортных средств во многих местах. Поподобится немало времени, чтобы с помощью соответствующих мер выправить положение. Первой действительной мерой может быть полное переустройство магистралей со сплошным движением посредством разделения их на путь для пешеходов и путь для механического транспорта, второй мерой — создание особых дорог для движения грузовых машин и третьей — устройство специальных трасс для транзита, предусматривающих большое движение, и коротких путей только для небольшого движения.

СКРЕЩЕНИЯ ДОРОГ В ЦЕЛЯХ УВЕЛИЧЕНИЯ ИХ ПРОПУСКНОЙ СПОСОБНОСТИ ВЫЗЫВАЮТ НЕОБХОДИМОСТЬ — ДЛЯ НЕПРЕРЫВНОСТИ ДВИЖЕНИЯ — УСТРОЙСТВА ПЕРЕСЕЧЕНИЙ В РАЗНЫХ УРОВНЯХ.

Транзитные автомашины не должны подчиняться правилу обязательных остановок у каждого скрещения дорог, что замедляло бы их ход. Устройство пересечений в разных уровнях — лучшее средство обеспечить непрерывное движение. Большие дороги для транзита на определенную дистанцию в целях большей их

эффективности могут смыкаться с дорогами, предназначенными для местного движения.

ПЕШЕХОД ДОЛЖЕН ИМЕТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ СЛЕДОВАТЬ ИНЫМИ ПУТЯМИ, ЧЕМ АВТОМОБИЛЬ.

Это требование предусматривает коренное преобразование движения в городах. И пожалуй, мы не найдем ничего более разумного, что бы так ярко раскрывало всю сущность самой новой и самой плодотворной эры градостроительства. Требование регламентации движения должно выполняться так же строго, как и требование в области жилищного строительства о недопустимости ориентации домов на север.

УЛИЦЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАНЫ В СООТВЕТСТВИИ С ИХ НАЗНАЧЕНИЕМ: УЛИЦЫ ЖИЛЫХ ДОМОВ, УЛИЦЫ ДЛЯ ПРОГУЛОК, УЛИЦЫ ДЛЯ ТРАНСПОРТА, ГЛАВНЫЕ МАГИСТРАЛИ.

В соответствии со своим назначением улицы должны выполнять различные функции. Улицы жилых домов и участки, предназначенные для общего пользования, требуют создания особой атмосферы. Чтобы обитатели домов и их «продолжений» могли наслаждаться тишиной и покоем, столь им необходимыми, транспорт должен направляться по особому круговому пути. Транзитные дороги не должны иметь никакой связи с улицами, рассчитанными на местное движение, за исключением пунктов их соединения. Главные улицы, связанные со всем ансамблем района, должны утверждать свой приоритет. Также должны быть предусмотрены и аллеи для прогулок, на которых экипажи всех сортов обязаны строго придерживаться уменьшенной скорости; отделенные от пешеходов, они не будут представлять для них опасности.

ЗЕЛЕННЫЕ ЗОНЫ ДОЛЖНЫ В ПРИНЦИПЕ ИЗОЛИРОВАТЬ ДОРОГИ С БОЛЬШИМ ДВИЖЕНИЕМ.

Транзитные дороги или дороги с большим движением, будучи хорошо отделены от дорог местного характера, не должны приближаться к общественным и частным строениям. Было бы хорошо окружить их зеленым занавесом.

Историческое наследие городов

АРХИТЕКТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СОХРАНЕНЫ (ОТДЕЛЬНЫЕ ЗДАНИЯ ИЛИ ГОРОДСКИЕ АНСАМБЛИ).

Жизнь города — это всегда живое явление. Сквозь века несет она нам продукты своего труда — сооружения и трассы, — дары своей индивидуальности, раскрывающие постепенно ее душу. Это драгоценные свидетельства прошлого, почитаемые как исторические памятники и проявление человеческих чувств, как выражение пластического искусства, представляющего высочайшую степень интенсивности человеческого гения. Это часть достояний человека, и те, кому вверены их охрана и защита, отвечают за них и обязаны делать все дозволенное законом, чтобы в целостности передать последующим векам это благородное наследие.

ОНИ БУДУТ СОХРАНЕНЫ ПРИ УСЛОВИИ, ЕСЛИ СЛУЖАТ ВЫРАЖЕНИЕМ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ КУЛЬТУРЫ И ПРЕДСТАВЛЯЮТ ВСЕОБЩИЙ ИНТЕРЕС.

Смерть, не щадящая ни одно живое существо, поражает также и произведения человека. Среди многих свидетельств прошлого мы распознаем и отличаем те, которые еще продолжают жить. Те же, которые уже поблекли, по существу, не имеют права на сохранение, нужно с умом отбирать то, что заслуживает уважения. Но если настоятельные требования сохранить памятники минувшей эры, даже выдающиеся и величественные, противостоят интересам города, то необходимо найти решение, способное примирить эти две противоположные точки зрения. В тех случаях, когда перед нами возникают сооружения, повторяющиеся во множестве экземпляров, некоторые из них могут быть сохранены как документальные свидетельства; также должны быть сохранены в какой-то их части и сооружения, дороги нам как память о чем-то очень важном или представляющие реальную ценность; все прочее должно быть с пользой перестроено. И наконец, в исключительных случаях можно предусмотреть полный перенос тех элементов, которые хотя и неудобны по своему расположению, но в силу их высокого эстетического и исторического значения должны быть сохранены.

ЕСЛИ ИХ СОХРАНЕНИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕМ СО СТОРОНЫ НАСЕЛЕНИЯ, ЖИВУЩЕГО В НЕЗДОРОВЫХ УСЛОВИЯХ, ТО...

Культе прошлого не должен мешать социальной справедливости. Умы, проникнутые болезненным чувством прекрасного, чем мыслью о солидарности, ратуют за сохранение многих старых живописных кварталов, совсем не думая о нищете, скученности и болезнях тех, кому эти кварталы дают приют. Это налагает на нас большую ответственность. Проблема сохранения памятников старины должна быть хорошо изучена и может быть подчас умело разрешена. Но культ прекрасного прошлого никогда не должен главенствовать над созданием благоприятных жилищных условий, от которых зависят благосостояние и душевный мир индивидуума.

ПАМЯТНИКАМ СТАРИНЫ НУЖНО ПО ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНИТЬ ИХ РАСПОЛОЖЕНИЕ, ПРИМЕНЯЯ ДЛЯ ЭТОГО РАДИКАЛЬНЫЕ МЕРЫ, НАПРИМЕР ПЕРЕНОС НАПРАВЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ПУТЕЙ ИЛИ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ДЕЛОВЫХ ЦЕНТРОВ, ЧТО СЧИТАЛОСЬ ДО СИХ ПОР НЕЗЫБЛЕНЫМ.

Исключительный рост города может породить опасное его состояние, завести в тупик, из которого можно выбраться только за счет жертв. Препятствия городскому движению могут быть устранены лишь путем разрушений, сноса. Однако, если эта мера приводит к уничтожению подлинных ценностей, архитектурных, исторических или духовных, лучше поискать другое решение. Вместо того чтобы ликвидировать эти помехи движению, нужно или отвести его в сторону, или, если позволяют условия, направить его через тоннель. Наконец, можно перенести центр интенсивной деятельности в другое место, целиком изменив режим движения в зоне заторов. В этих случаях наше воображение, изобретательность и технические средства помогут распутать даже те узлы, которые представляются особенно запутанными.

Заключение

Основные положения доктрины

РАЗРУШЕНИЕ ТРУЩОБ ВОКРУГ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОЗВОЛИТ СОЗДАТЬ ОЗЕЛЕНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА.

Может случиться, что снос вредных для здоровья домов и дач вокруг некоторых памятников исторического значения нарушит их исконное окружение. Это очень печально, но неизбежно. Надо воспользоваться случаем, чтобы создать здесь покрытые зеленью пространства. И тогда следы прошлого растворятся в новом, может быть, неожиданным, но вполне приемлемом окружении, которое, во всяком случае, принесет большую пользу окружающим кварталам.

ПРИМЕНЕНИЕ СТИЛЕЙ ПРОШЛОГО В ЭСТЕТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ В НОВЫХ СООРУЖЕНИЯХ, ВОЗВОДИМЫХ В ИСТОРИЧЕСКИХ ЗОНАХ, ПРИВОДИТ К ПАГУБНЫМ ПОСЛЕДСТВИЯМ. ВНЕДРЕНИЕ СТИЛЕЙ ТАКОГО РОДА НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ДОПУСТИМО НИ В КАКОЙ ФОРМЕ.

Методы такого рода явно противостоят урокам истории. Никогда никто еще не говорил о возврате к прошлому, никогда человек не возвращался назад. Шедевры прошлого свидетельствуют о том, что каждое поколение имело свой образ мыслей, свою концепцию, свою эстетику, являющиеся как бы традицией к представлениям того времени, призывом использовать на практике технические ресурсы эпохи. Но рабски копировать прошлое — значит обречь себя на ложь, возвести ложь в принцип, поскольку прежние условия работы не могут быть воспроизведены, а применение современной техники к отжившему идеалу приведет лишь к бессмысленному подражанию жизни прошлых лет. Подменивая ложное к истинному, мы вместо цельного впечатления и выражения чистого стиля придём к искусственной перестройке, способной лишь бросить тень на подлинные свидетельства, хранимые в глубине наших сердец.

БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ ИЗУЧЕННЫХ ГОРОДОВ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СЕГОДНЯ ХАОТИЧЕСКУЮ КАРТИНУ; ЭТИ ГОРОДА НИКАК НЕ ОТВЕЧАЮТ ИХ НАЗНАЧЕНИЮ УДОВЛЕТВОРЯТЬ ОСНОВНЫЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОТРЕБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ.

В связи с Афинским конгрессом, организованным национальными группами Международных конгрессов современной архитектуры, были проанализированы условия жизни тридцати трех городов: Амстердама, Афин, Брюсселя, Балтимора, Баудунга, Будапешта, Барселоны, Шаль-руа, Кёльна, Комо, Далада, Детройта, Дессау, Франкфурта, Женева, Генуи, Гааги, Лос-Анджелеса, Литтории¹, Лондона, Мадрида, Осло, Парижа, Праги, Рима, Роттердама, Стокгольма, Утрехта, Вероны, Варшавы, Загребя, Цюриха. Эти города иллюстрируют историю белой расы, проживающей в самых различных климатических условиях и на разных широтах. Все анализы показывают одно и то же: беспорядок, принесенный индустриальным веком туда, где прежде была относительная гармония, а также отсутствие каких-либо серьезных стремлений приспособиться к жизни. Во всех этих городах человек замучен. Все, что его окружает, душит, подавляет его. Ничто из того, что необходимо для его физического и морального здоровья, не обеспечено и не благоустроено. Во всех больших городах свирепствует страшный кризис, охвативший человечество и нанедавший отзвук на их территории. Город не отвечает больше своей функции — защищать человека, и защищать хорошо.

ЭТО ПОЛОЖЕНИЕ ИЗОБЛИЧАЕТ ИНТЕНСИВНЫЙ РОСТ ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ С НАЧАЛА ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭРЫ.

Утверждение о преимуществе частной инициативы, вдохновляемой личными интересами и надеждой на барыши, основывается именно на этом вызывающем сожаление положении вещей. Никакие власти, которым хорошо известны природа и значение нашего индустриального века, до сих пор ничего не сделали, чтобы избавить

¹ Теперь Латина. — *Прим. перев.*

города от наносимого им ущерба, и никто не несет ответственности за это. В течение ста лет предприятия были предоставлены случаю, строительство жилых домов, заводов, благоустройство дорог, путей сообщения — все это осуществлялось второних, в результате чего весь задуманный план и все предварительные расчеты искажались. Но это уже совершено. Города стали бесчеловечными, а безудержное стремление к пажиаве сделало несчастными массу людей.

РАЗГУЛ ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ И НАТИСК ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИЛ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, СЛАБОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ И СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ — С ДРУГОЙ, ПРИВЕЛИ К НАРУШЕНИЮ РАВНОВЕСИЯ В ЭКОНОМИКЕ ГОРОДА.

Чувства административной ответственности и социальной солидарности подвергались ежедневным атакам со стороны живых сил и бесконечно разнравившихся личных интересов. Эти два различных источника энергии всегда противостоят друг другу, и, когда один переходит в атаку, второй защищается. К несчастью, в этой неравной борьбе обычно побеждает личный интерес, обрекая, таким образом, слабых на неудачу, а более сильных приводя к успеху. Однако даже чрезмерное зло иногда порождает добро, и может случиться, что огромный материальный беспорядок, царящий в современном городе, также приведет в конце концов к созданию своего статута, который на базе полной административной ответственности определит правила, обеспечивающие охрану здоровья и человеческого достоинства.

ПОСКОЛЬКУ ГОРОДА ПОДВЕРГАЮТСЯ БЕСПРЕРЫВНЫМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМ, ИХ РАЗВИТИЕ ПРОИСХОДИТ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО ПЛАНА, БЕСКОНТРОЛЬНО И БЕЗ УЧЕТА ПРИНЦИПОВ СОВРЕМЕННОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА, ПРИНЯТЫХ В КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ТЕХНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ.

Принципы современного градостроительства были выявлены в тяжелом труде многочислен-

ных специалистов: архитекторов, инженеров, медицинских работников, социологов. Предметом изучения градостроительства служили статьи, книги, материалы конгрессов, дебаты. Кроме того, сюда следует отнести еще административные органы, призванные заботиться о нуждах города, хотя они часто враждебно относятся к большим преобразованиям, предлагаемым с возникновением новых условий. Нужно, чтобы, прежде чем городская власть начнет действовать, ей все было ясно. Ясное видение и энергия могут привести к созданию согласованных решений.

ГОРОД ДОЛЖЕН ОБЕСПЕЧИВАТЬ В ПЛАНЕ ДУХОВНОМ И МАТЕРИАЛЬНОМ ИНДИВИДУАЛЬНУЮ СВОБОДУ И ПРЕИМУЩЕСТВО КОЛЛЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Индивидуальная свобода и коллективная деятельность — это два полюса, между которыми разворачивается жизненная игра. Каждое предприятие, целью которого является улучшение судьбы человека, должно считаться с этими двумя факторами. Если оно не может удовлетворить их требования, часто противоположные, то обречается на неизбежное банкротство. Во всяком случае, невозможно гармонично согласовать эти факторы между собой, если заранее не была изучена и разработана программа, которая бы ничего не оставляла случайности.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВСЯКОГО РОДА РАЗМЕРОВ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ВОЗМОЖНО ЛИШЬ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ МАСШТАБОМ.

Размеры человека нормального роста должны служить базой для всех масштабов, связанных с жизнью и ее различными функциями: для шкалы измерений, применяемой для поверхностей и расстояний; шкалы расстояний, которые рассматриваются в соотношении с нормальным шагом человека; шкалы времени, часы которого должны определяться, исходя из ежедневного пути Солнца.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА СВОДЯТСЯ К СЛЕДУЮЩИМ ЧЕТЫРЕМ ВИДАМ: ЖИТЬ, РАБОТАТЬ, ОТДЫ-

ХАТЬ (В СВОБОДНЫЕ ЧАСЫ), ПЕРЕДВИГАТЬСЯ.

Градостроительство — это выражение образа жизни эпохи. До сих пор его волновала одна единственная проблема — проблема движения. Строитель довольствовался тем, что прокладывал проспекты, устанавливал направления улиц, создавал кварталы домов, определял назначение которых предоставлялось уже случаю, частной инициативе. Таким образом, задача, которая возлагалась на градостроительство, была сравнительно узкой и однородной. Теперь же градостроительство выполняет следующие четыре функции. Во-первых, полностью обеспечивает человека здоровым жилищем, иными словами, местом, пространством, чистым воздухом и солнцем, то есть самыми важными для жизни условиями. Во-вторых, организует места работы так, чтобы она не казалась тягостной кабалой, а отвечала требованиям нормальной человеческой деятельности. В-третьих, предусматривает необходимую обстановку для плодотворного использования свободных часов. В-четвертых, устанавливает взаимную связь между первыми тремя функциями человеческой деятельности путем устройства сети дорог с учетом значимости каждой из них. Эти четыре функции градостроительства, представляющие его основу и являющиеся выражением нового образа мысли, получили огромное распространение благодаря внедрению новой, современной техники и включились теперь в общественную жизнь.

СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ ОСНОВНЫХ ФУНКЦИЙ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПЛАНом, КОТОРЫЙ ЗАКРЕПЛЯЕТ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ КАЖДОЙ ИЗ НИХ МЕСТО В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ.

Начиная с конгресса СИАМ в Афинах все эти четыре направления — функции — градостроительства, стремясь проявить себя во всей полноте и добиться установления порядка и классификации их деятельности в обычных условиях жизни, работы и культурного отдыха, требуют определенных решений, которые создали бы им обстановку, наиболее благоприятствующую их активности. Учитывая справедливость этих требований, градостроительство изменяет внешний вид

городов, безжалостно истребит те из них, которые утратили право на жизнь, и откроет истинным творцам широчайшее поле деятельности. При этом основные функции градостроительства получают каждая свою автономию применительно к их климатическим условиям, топографическим данным и обычаям городов. Все они должны быть тщательно изучены, поскольку им будут присвоены территории и пространства, для оборудования и оснащения которых предоставляются огромные ресурсы современной техники. Естественно, что при этом распределении необходимо учитывать насущные потребности индивида, а отнюдь не интересы и выгоды какой-то отдельной группы. Градостроительство должно обеспечивать индивидуальную свободу, извлекая из этого пользу, но вместе с тем помнить и о пользе общественной деятельности.

ЦИКЛ ЕЖЕДНЕВНЫХ ФУНКЦИЙ — ЖИТЬ, РАБОТАТЬ, ОТДЫХАТЬ (ВОССТАНОВЛЕНИЕ) — ДОЛЖЕН ОПРЕДЕЛЯТЬСЯ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ С УЧЕТОМ СТРОЖАЙШЕЙ ЭКОНОМИИ ВО ВРЕМЕНИ И ТЕХ ЗАБОТ, КАКИЕ УДЕЛЯЮТСЯ ЖИЛИЩУ КАК ГЛАВНОЙ ФУНКЦИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И СРЕДОТОЧНЮ ВСЕХ ИЗМЕНЕНИЙ.

Стремление установить зависимость развития жизни от природных условий представляется на первый взгляд тенденцией к безудержному расширению города на плоскости. Однако необходимость регулировать различные виды деятельности в соответствии с долготой дня противоречит этой концепции, поскольку мы не можем предписывать тот или иной порядок вне связи с имеющимся в нашем распоряжении временем.

Деятельность жилищ, являющихся центром забот градостроительства, должна регулироваться в зависимости от их положения в плане города и степени освещенности в течение дня — условий, которые определяют деятельность людей и позволяют правильно распределить ее во времени.

НОВЫЕ МЕХАНИЧЕСКИЕ СКОРОСТИ И, КАК СЛЕДСТВИЕ ИХ РАЗВИТИЯ, НОВЫЕ

ОПАСНОСТИ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ, ЗАТОРЫ, ПАРАЛИЗУЮЩИЕ ДВИЖЕНИЕ, НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ГИГИЕНЫ ВЫЗВАЛИ КОРЕННУЮ ЛОМКУ ЖИЗНИ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ.

Внедрение механических средств передвижения, обладающих большими скоростями, явилось поистине снастительным фактором значительной экономии времени. Однако увеличение числа автомашин и их концентрация в определенных точках города, помимо выгод, приносимых движению, стали источником постоянных опасностей. Более того, они явились в жизни горожан причиной развития многих факторов, нарушающих здоровье человека: газ, выделяемый при сгорании, очень вреден для легких; шум мотора вызывает у человека состояние постоянной нервозности. Вместе с тем механические скорости, широко применяемые в наше время, вызывают соблазн к ежедневным далеким поездкам куда-нибудь на лопе природы, пробуждают апатит к сумасшедшей быстроте передвижений, а у дам — страстное влечение к туалетам. Все это расшатывает семью, сильно нарушает равновесие в обществе. Люди проводят утомительные часы в машинах всяких систем и постепенно теряют вкус к здоровой, нормальной жизни, в частности к ходьбе.

ПРИНЦИП ГОРОДСКОГО И ПРИГОРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПЕРЕСМОТРЕН. ТАКЖЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ПЕРЕСТРОЕНА И ГРАДАЦИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ СКОРОСТЕЙ. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЗОН В СООТВЕТСТВИИ С ОСНОВНЫМИ ФУНКЦИЯМИ ГОРОДА БУДЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ СОЗДАНИЮ МЕЖДУ НИМИ НОРМАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ, УКРЕПЛЕНИЮ КОТОРЫХ И ДОЛЖНА СПОСОБСТВОВАТЬ РАЗУМНАЯ СЕТЬ БОЛЬШИХ ДОРОГ.

Преобразование зон в соответствии с тремя функциями градостроительства — жить, работать и отдыхать — поможет установлению порядка на территории города. Роль четвертой функции, движения — привести к согласию первые три функции. — потребует, естественно,

весьма больших преобразований. Город и его район должны быть опутаны сетью дорог, соответствующих целям и средствам передвижения.

Нужно будет классифицировать и дифференцировать эти средства и создать для каждого из них свой путь применительно к характеру используемого транспорта. Отрегулированное таким образом движение будет нормально служить городу, не создавая никаких помех ни организации жилища, ни организации рабочего места.

Градостроительство — это наука о трех (а не о двух) измерениях. Вводя элемент высоты, можно получить решение вопросов современного движения, а также организации жилищ, эксплуатации свободных и создания новых пространств.

Основные функции градостроительства получают свое развитие в оформлении интерьеров построенных объемов, которые подчиняются трем обязательным условиям: достаточное пространство, солнце, чистый воздух. Эти объемы определяются не только размерами занимаемой ими территории с их двумя измерениями, но особенно третьим измерением — высотой. Именно увеличение высоты строений позволяет градостроительству вернуть обратно освобожденную землю, необходимую для устройства дорог, и пространства, полезные для организации жилищ. Следует отметить здесь еще функцию оседлого образа жизни, которая раскрывается в интерьерах объемов, где третье измерение играет очень важную роль, а также функции движения; последние используют только два измерения, поскольку они связаны с землей и высота для них лишь исключение, как, например, в том случае, когда изменение уровня поверхности вызывается необходимостью регулирования пропускной способности некоторых видов транспорта.

ГОРОД НЕОБХОДИМО ИЗУЧАТЬ СОВМЕСТНО С РАЙОНОМ ЕГО ВЛИЯНИЯ, ОБЫЧНЫЙ ГОРОДСКОЙ ПЛАН ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗАМЕНЕН ГЕНЕРАЛЬНЫМ ПЛАНом, ВКЛЮЧАЮЩИМ РАЙОН ГОРОДСКОГО ВЛИЯНИЯ, ПРЕДЕЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА

ДОЛЖНЫ ОПРЕДЕЛЯТЬСЯ ФУНКЦИЕЙ РАЙОНА.

Основные положения проблемы градостроительства покоятся на совокупности данных о деятельности, проявляемой не только в городе, но и во всем районе, центром которого он является. Право на существование города должно определяться и выражаться цифрами, которые позволят предусмотреть этапы его возможного развития. Аналогичные данные по второстепенным городам района помогут уточнить общее положение дела. Различного рода прерогативы, ограничения, компенсации, наблюдаемые в каждом городе района, позволяют судить о его характере и дальнейшей судьбе. В результате каждый город займет свое место и положение в общей экономике страны, что позволит четко определить и лимиты района. Именно здесь найдет свое выражение то широкое градостроительство, которое способно создать равновесие как в провинции, так и во всей стране.

Город, определяемый отныне как функциональное единство, может развиваться гармонично во всех своих частях, управляя пространством и устанавливая связи, свидетельствующие о ранности этапов его развития.

Город становится подлинным предприятием еще до того, как будет изучен со всей строгостью генерального плана. Мудрые провидцы будут высказывать всякие предположения о его будущем, обсуждать его характер, предугадывать размах его преобразований, предопределять его успех. Но, подчиненный насущным требованиям района, предназначенный обеспечивать четыре основные функции, город не будет больше беспорядочно следовать случайной инициативе. Его развитие, вместо того чтобы привести к катастрофе, явится венцом успеха. И приумножение его населения не будет больше вызывать бесчеловечных стычек — этих язв большого города.

Настоятельно необходимо, чтобы каждый город разработал свою программу, которая диктовала бы правила, позволяющие ее реализовать.

Случайность уступит место предвидению, программа заменит случайные решения. Каждое положение программы будет фиксироваться региональным планом. Земля будет оцениваться

с точки зрения ее приспособленности к той или иной деятельности. Четкий порядок на всех предприятиях будет вводиться и постепенно достигнет своего совершенства. Закон утвердит «земельный статут», предоставляющий каждой основной функции средства для ее лучшего выражения и закрепляющий за нею земли, наиболее удобные и благоприятные по их расположению. Он должен предусматривать также поддержку и защиту тех территорий, которые позднее будут заняты. В его компетенции разрешать или запрещать, поощрять всякую полезную инициативу, уделяя особое внимание тем предложениям, которые включаются в генеральный план, служат интересам коллектива, созданию общего блага.

Программа должна быть составлена на основе точных анализов, проведенных специалистами, в предвидении ее дальнейшего развития во времени и пространстве. Ее задача — привести к плодотворному сочетанию естественные ресурсы города, топографические условия местности, экономику, социальные интересы и духовные ценности.

Программа не должна ограничиваться первым появившимся планом какого-нибудь топографа, который кое-как проектирует пригороды, кварталы домов, распылит земельные участки. Она должна быть истинно биологическим творением с отчетливо выраженными органами, способными в совершенстве выполнять свойственные им функции. Ресурсы земли должны быть проанализированы и изучены, равно как и ее вредоносные качества, окружающая среда и природные богатства, в их иерархической последовательности. Кривая роста движения предопределяет экономическое будущее городов. Несомненно, эти жесткие правила программы обеспечат население городов хорошим жильем, облегчат ему труд, создадут все условия для полезного использования свободных часов. И тогда душа города вновь возродится благодаря ясному плану.

Для архитектора, занятого разрешением проблемы градостроительства, орудием измерений должен служить человеческий масштаб.

Архитектура после неразберихи последних ста лет вновь обратилась к служению человеку. Она отказалась от бесполезной помпезности и

сосредоточила свое внимание на человеке, создав ради его благополучия условия, доставляющие ему больше радости, чем все прочие блага жизни. Кто найдет необходимую меру для правильного решения этой задачи, кроме архитектора, который, обладая совершенным знанием человека, откажется от иллюзорных начертаний и с помощью до конца продуманных и разработанных средств создаст новый порядок, несущий в себе подлинную поэзию?

Первоначальное ядро градостроительства — это обитаемая ячейка (жилище), включаемая затем в группу создания единства жилищ большой эффективности.

Если клетка есть первоначальный биологический элемент, то домашний очаг, иными словами — приют для семьи, представляет собой социальную клетку. Устройство этого очага, уже более века отдаваемое на волю самой беззащитной спекуляции, должно стать теперь гуманным предпринятием. Домашний очаг — это первичное ядро градостроительства. Он покровительствует развитию человека, служит приютом радостей и страданий его повседневной жизни. И раз ему доступны ощущения солнца и чистого воздуха, то тем сильнее должны быть его восприятия внешнего мира, общечеловеческих интересов. Чтобы облегчить пользование услугами общественного значения, предназначенными обеспечивать снабжение, обучение, медицинскую помощь или квартирные условия, нужно группировать жилища в жилищные единства большой эффективности.

Жилищные единства, организованные на территории города, должны укреплять взаимоотношения между жилищем, рабочим местом и местами для отдыха.

Первая из этих функций, привлекающая внимание градостроителя, — это жить, и... хорошо жить. Но человеку нужно еще и работать, притом в условиях, требующих серьезной проверки актуальности непопулярных средств. Служебные помещения, мастерские, заводы — все должно быть оснащено оборудованием, способным обеспечить необходимые условия для осуществления второй функции. Наконец, можно ли пренебречь третьей функцией — отдыхать, развивать тело и дух? Здесь градостроитель должен предусмотреть удобное для этой цели расположение.

Чтобы решить эту большую задачу, необходимо использовать все средства современной техники. Эти средства при содействии специалистов обеспечат строительное искусство необходимыми знаниями и обогатят его новыми изобретениями и достижениями эпохи.

Эра машинизма принесла с собой новую технику, явившуюся одной из причин беспорядка и разрушений в городах. Между тем именно от нее надо требовать решения задачи. Современная техника строительства ввела новые методы, принесла новые облегчения, допустила новые измерения, открывшие поистине новый период в истории архитектуры. Новые конструкции являются не столько развитием прежних, сколько комплексами, вообще не известными до сих пор.

Чтобы осуществить сложную задачу, поставленную перед архитектором, он должен будет пройти все ступени их изучения, связаться со многими специалистами.

Ходом событий, по существу, будут управлять политические, социальные и экономические факторы.

Для того чтобы превратить теорию в практику, мало иметь «земельный статут» и определить строительные принципы. Здесь необходимо участие и других факторов. Прежде всего, политическая власть — та, которую хотят, прозорливая, уверенная в себе, могущая реализовать те многообещающие условия жизни, которые пока мы встречаем в большинстве лишь написанными на бумаге. Далее, население, образованное настолько, чтобы понимать, желать и требовать то, что предусмотрели для него специалисты. И наконец, прочное экономическое положение, позволяющее предпринимать и осуществлять работы, зачастую весьма значительные. Может, однако, случиться и так, что даже во времена общего спада, когда политические, моральные и экономические условия особенно неблагоприятны, все же возникает необходимость строить жилища.

Это требование, властно диктуемое самой жизнью, ставит цель, политическую, социальную и экономическую, и устанавливает программу.

НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ВСЕ СКАЗАННОЕ ВЫШЕ ОБОБЩЕНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХИТЕКТУРЫ?

Архитектура управляет судьбой города. Она определяет структуру жилища — основной ячейки городской ткани, здоровье, жизнеспособность и гармония которой подчиняются архитектурным решениям. Она объединяет жилища в единый комплекс, успех чего зависит от точности ее расчетов. Она предусматривает свободные пространства, среди которых поднимаются ноты здания, гармонично пропорциональные. Она создает вокруг домов продолжения жилищ — места работы и территории, предназначенные для отдыха. Она создает транспортные сети, соединяющие разные зоны. Архитектура ответственна за благосостояние и красоту города. Это она берет на себя всю тяжесть творчества и заботы об улучшениях; это на нее возлагается выбор и размещение различных элементов, удачные пропорции которых создают гармоничные и долговечные произведения. Архитектура — это основа всего.

Огромный масштаб работ, проводимых в срочном порядке по реконструкции городов, с одной стороны, и крайняя раздробленность земельных владений — с другой, представляют собой два несогласуемых явления.

Работы первоочередной важности должны выполняться без промедлений, поскольку любые задержки наносят значительный ущерб городам, одинаково и старым и современным. При этом никакие постройки не должны производиться, если они не предусмотрены генеральным планом.

Этот план по необходимости допускает реализацию части работ, которая может быть проведена незамедлительно. Выполнение других работ намечается на более длительные сроки. Также недопустимы и должны быть ликвидированы и многочисленные мелкие земельные участки — объект опасных корыстных спекуляций, которые часто в корне подрывают большие предприятия, одушевляемые заботой об общем благе. Проблема земельной собственности и возможной ее реквизиции выдвигается и в городах и на их периферии, охватывая более или менее обширные пространства, входящие в городской район.

КОНСТАТИРУЕМОЕ ЗДЕСЬ ОПАСНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ВЫДВИГАЕТ ОДИН ИЗ

САМЫХ ОСТРЫХ ВОПРОСОВ ЭПОХИ: КАК С ПРИМЕНЕНИЕМ ЗАКОННЫХ СРЕДСТВ УПОРЯДОЧИТЬ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЛЕЗНЫХ ЗЕМЕЛЬ, ЧТОБЫ ДОСТИЧЬ ПОЛНОЙ ГАРМОНИИ ЖИЗНЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ ИНДИВИДА И КОЛЛЕКТИВА?

Вот уже несколько лет все попытки в этом направлении, предпринимаемые в различных пунктах земного шара, разбиваются о несокрушимый закон по охране частной собственности.

Земля — территория страны — должна быть возвращена ей немедленно и по справедливой оценке, производимой еще до изучения проектов по этому вопросу. Она должна быть мобилизована, когда дело касается общих интересов. Нечисленные трудности обрушиваются на народы, если они не умеют точно определить объем технических преобразований и могущие возникнуть отсюда последствия в общественной и частной жизни. Пренебрежение градостроительством есть одна из причин анархии, царящей в организации городов, в оснащении промышленности, в том, что сельские местности пустеют, города перенаселяются сверх всякой меры, концентрация промышленных предприятий возникает случайно, рабочие жилища превращаются в лачуги. Ничто не предусмотрено для защиты человека. В итоге — катастрофа, почти одинаковая во всем мире. И больше ничего — горький плод столетнего, не управляемого никем машинизма.

ЧАСТНЫЙ ИНТЕРЕС БУДЕТ ПОДЧИНЕН ИНТЕРЕСУ ОБЩЕМУ.

Предоставленный самому себе, человек будет неминуемо раздавлен различного рода трудностями, через которые ему предстоит пройти. А если он будет слепо подчиняться стеснительным правилам коллектива, то задохнется, утратит свое лицо.

Поэтому частное право и право общее должны сочетаться друг с другом, поддерживать и подкреплять друг друга, превратив в общее достояние то созидательное, что они несут каждое в самом себе. Заметим, что частное право не находится ни в какой связи с частными интересами в вульгарном их значении. Частный

Заметки о международных конгрессах современной архитектуры

интерес, охватывая меньшую часть человечества и обрекая всю прочую его массу на убогую жизнь, должен быть строго ограничен и повсеместно подчинен интересам коллектива. И тогда каждому индивиду будут открыты все возможности удовлетворить его основные стремления: к благосостоянию домашнего очага, к красоте города.

1928 ГОД. ОСНОВАНИЕ СИАМ

В 1928 году в замке Сарра в Швейцарии собралась группа современных архитекторов, с исключительным гостеприимством встреченная мадам Элен де Мандро. Изучив в соответствии с программой, разработанной в Париже, проблему строительного искусства, собравшиеся выразили свою общую точку зрения и постановили образовать группу, ставившую своей целью служение архитектуры подлинному искусству.

Так был заложен фундамент Международных конгрессов современной архитектуры — СИАМ.

ДЕКЛАРАЦИЯ САРРА

Нижеподписавшиеся архитекторы, представители национальных групп современной архитектуры, подтверждают свое единство взглядов на основные концепции архитектуры и профессиональные обязанности.

Особенно они подчеркивают ту мысль, что строить — основная деятельность человека, непосредственно связанная с эволюцией жизни. Дело архитектуры — выражать разум эпохи. Сегодня они утверждают необходимость новой концепции архитектуры, которая удовлетворяла бы запросы материальной, чувственной и духовной жизни нашего времени.

Понимая, какие глубокие потрясения вызваны машинизмом, они вместе с тем признают, что изменения социального строя и экономической политики неминуемо влекут за собой соответствующее преобразование архитектурного феномена. Они собрались с намерением установить гармоничные взаимоотношения элементов современного мира и направить архитектуру на правильный путь экономического и социального порядка, то есть на путь служения человеческой личности. Только исходя из этого архитектура освободится от обесцеляющего влияния академий. Сильные своим убеждением и желая осуществить свои стремления, собравшиеся объявляют о своем объединении.

ЭКОНОМИКА

Оснащение территорий требует тесной связи архитектуры и экономики. Понятие «рентабель-

ность», вошедшее как аксиома в современную жизнь и трактуемое как стремление к максимальной коммерческой выгоде, в действительности подразумевает продукцию, вполне достаточную для полного удовлетворения потребностей человека. Подлинная рентабельность достигается путем реализации и нормализации методов производства, гибко сочетающихся с планами архитектуры. Здесь важно, чтобы архитектура, вместо того чтобы прибегать почти исключительно к малопродуктивному ремесленничеству, использовала неизмеримые ресурсы, которые ей предлагает промышленная техника, особенно когда речь идет о довольно разнообразном выполнении того, что составляет славу прошлых лет.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

Градостроительство — это планирование и оборудование территорий и различных мест, которые должны давать приют развитию материальной, чувственной и духовной жизни во всех ее проявлениях — индивидуальных и коллективных. Оно одинаково охватывает как городские населенные пункты, так и сельские объединения. Градостроительство не знает больше безусловного подчинения правилам неоправданного эстетизма. По существу, это функциональный строй с его тремя главнейшими функциями: 1) жить, 2) работать, 3) отдыхать. Его объекты: а) территория, б) движение, в) законодательство. Современное состояние населенных мест не отвечает трем упомянутым выше функциям. Распределение территорий соответственно этим функциям должно быть перестроено с таким расчетом, чтобы соблюсти правильную пропорцию между построенными объемами и свободными пространствами. Также должны быть пересмотрены и проблемы движения и скученности. Беспорядочное дробление земли — следствие разделов, продажи и спекуляций — должно быть заменено присущей экономике перегруппировкой. Эта перегруппировка — основа всего градостроительства — способна удовлетворить имеющиеся потребности и обеспечить и владельцев земли и коллективы, справедливо распределив между ними средства,

полученные в результате работ, представляющих общий интерес.

АРХИТЕКТУРА И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Архитектура, несомненно, должна оказывать влияние на общественное мнение, знакомя его со средствами и возможностями новой архитектуры.

Академическое преподавание извратило вкус публики, важнейшие жилищные проблемы на обсуждение почти никогда не ставились. И поскольку общественное мнение плохо информировано, жители домов, в общем, не умели как следует выразить свои пожелания по жилищному вопросу. Да и сами жилые дома долгое время оставались без особого внимания со стороны архитекторов. Несколько элементарных истин, преподанных в начальной школе, могли бы послужить основой образования, толчком к формированию поколений, обладающих здоровыми взглядами на роль жилища. И эти поколения, будущая клиентура архитектора, стали бы независимы от него искать решения жилищной проблемы, слишком долго игнорируемой.

АРХИТЕКТУРА И ГОСУДАРСТВО

Архитекторы, имеющие твердое желание работать в интересах современного общества, считают, что академии, консервативные по отношению к прошлому и игнорирующие проблемы жилья ради пышной архитектуры, тормозят социальный прогресс. Своим хозяйничаньем в области образования они прежде всего исказили роль архитектора и, пользуясь своим исключительным положением в государстве, противодействовали вторжению духа нового, который один только и мог бы оживить и обновить искусство строить.

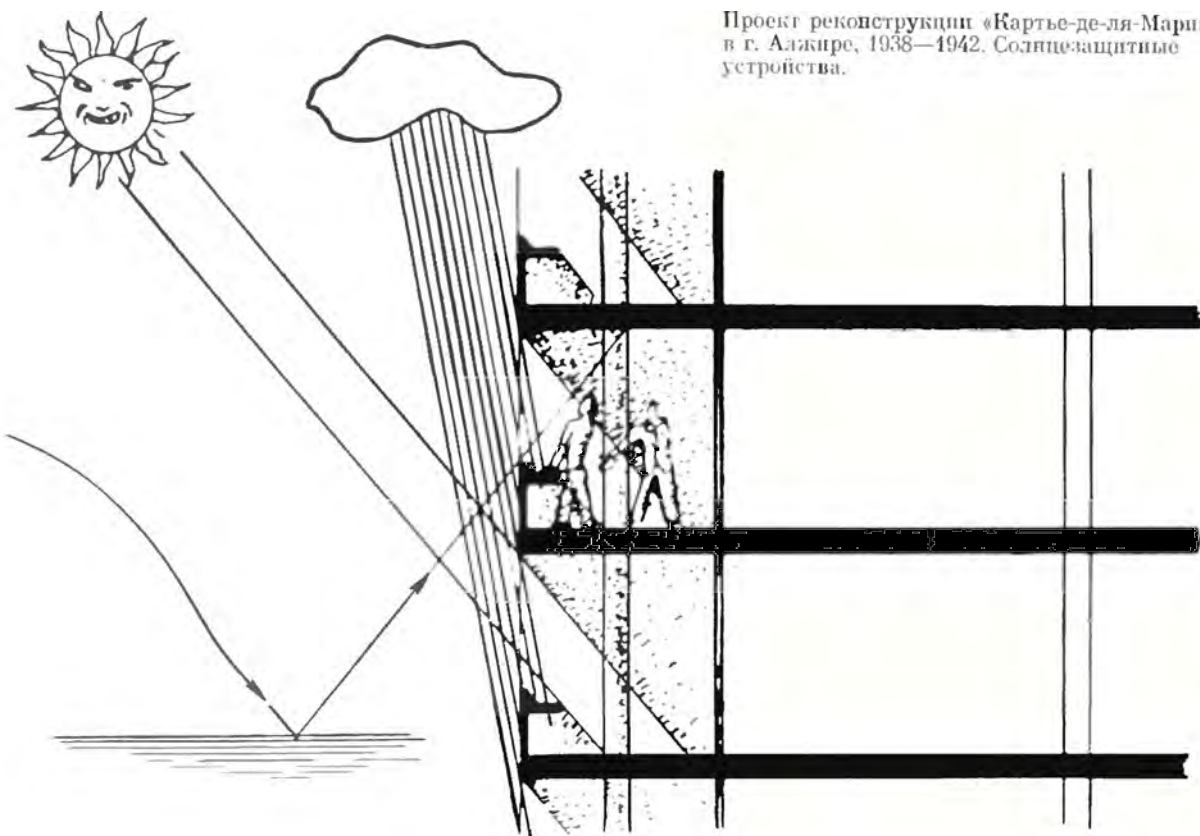
ЦЕЛИ СИАМ

Цели СИАМ таковы: формулировать современную архитектурную проблему; ознакомить с

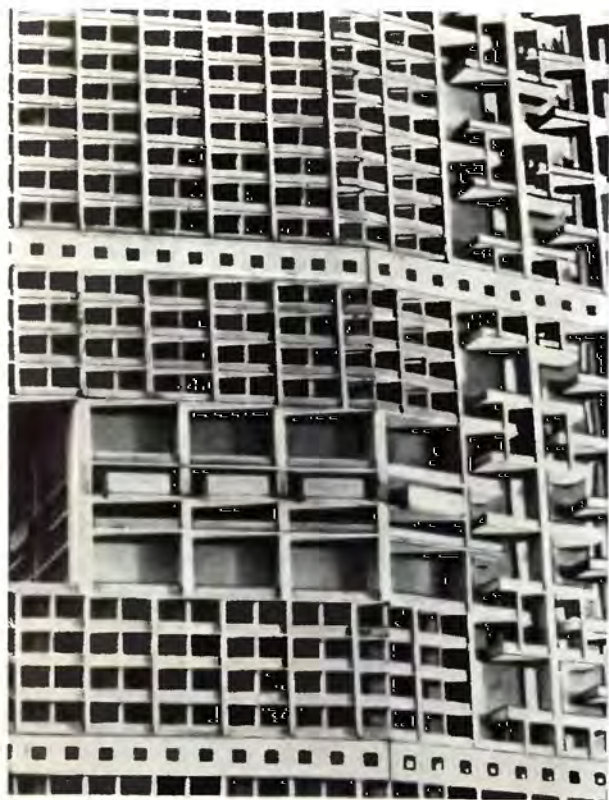
идеи современной архитектуры; распространить эту идею среди технических, экономических и социальных кругов; позаботиться о реализации архитектурной проблемы.

КОНГРЕССЫ СИАМ

С момента своего возникновения СИАМ вступил на путь практической реализации работ, коллективных дискуссий, резолюций, публикаций. Конгрессы СИАМ, которые всегда являлись собраниями делового, рабочего порядка, последовательно собирались в разных странах. И всякий раз, и в профессиональных центрах и на собраниях общественности, они вызвали плодотворный обмен мнениями, оживление, подъем. Год 1928-й, первый конгресс, Сарра: основание СИАМ; 1929-й, второй конгресс, Франкфурт (Германия): изучение жилища-минимум; 1930-й, третий конгресс, Брюссель: изучение рационального жилища; 1933-й, четвертый конгресс, Афины: анализ 33 городов, разработка хартии градостроительства; 1937-й, пятый конгресс, Париж: изучение проблемы жилища и отдыха; 1947-й, шестой конгресс, Бриджвотер: новое подтверждение целей СИАМ; 1949-й, седьмой конгресс, Бергамо: внедрение Афинской хартии, рождение решетки СИАМ, градостроительства; 1951-й, восьмой конгресс, Холдессон: изучение центра — сердца городов; 1953-й, девятый конгресс, Экс-ан-Прованс: изучение жилища человека; 1956-й, десятый конгресс, Дубровник: изучение жилища человека.

Проект реконструкции «Картё-де-ля-Марин»
в г. Алжире.
Фрагмент макета многоэтажного дома.

Проект реконструкции «Картё-де-ля-Марин»
в г. Алжире. Перспектива.

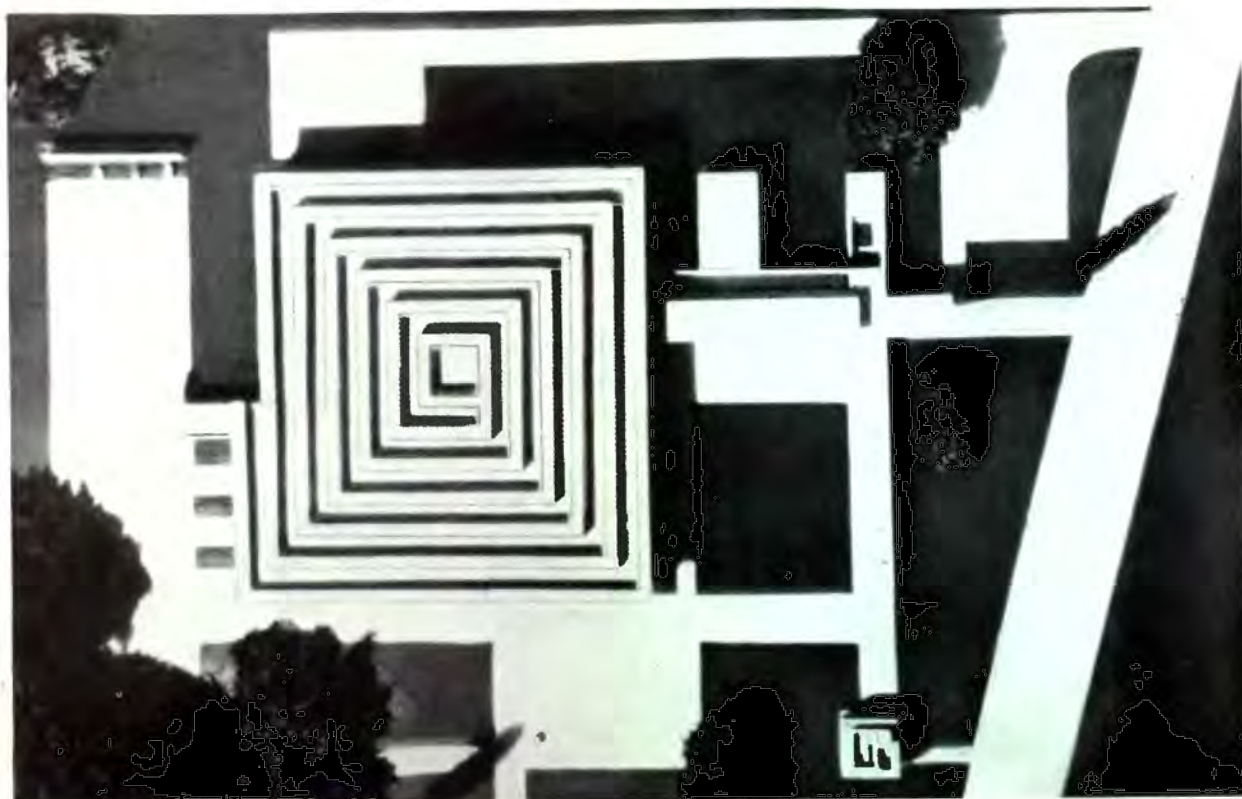
Проект реконструкции «Картё-де-ля-Марин»
в г. Алжире. Макет многоэтажного дома
на фоне облаков (справа).

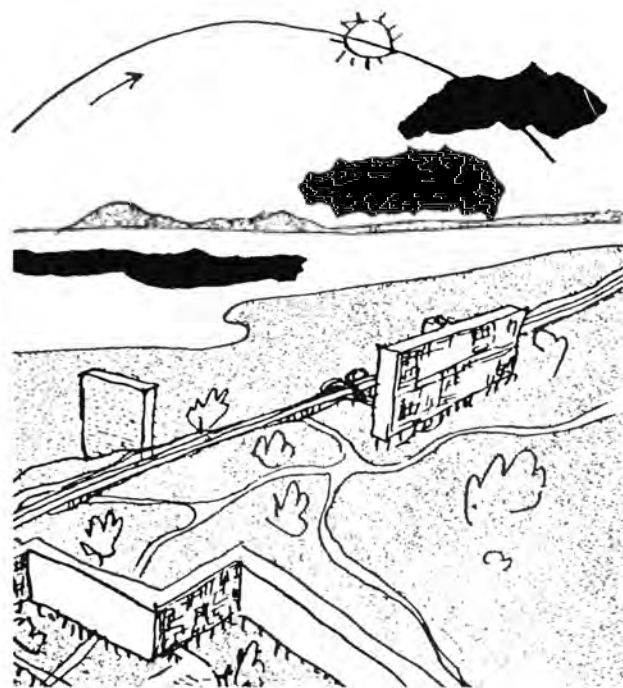

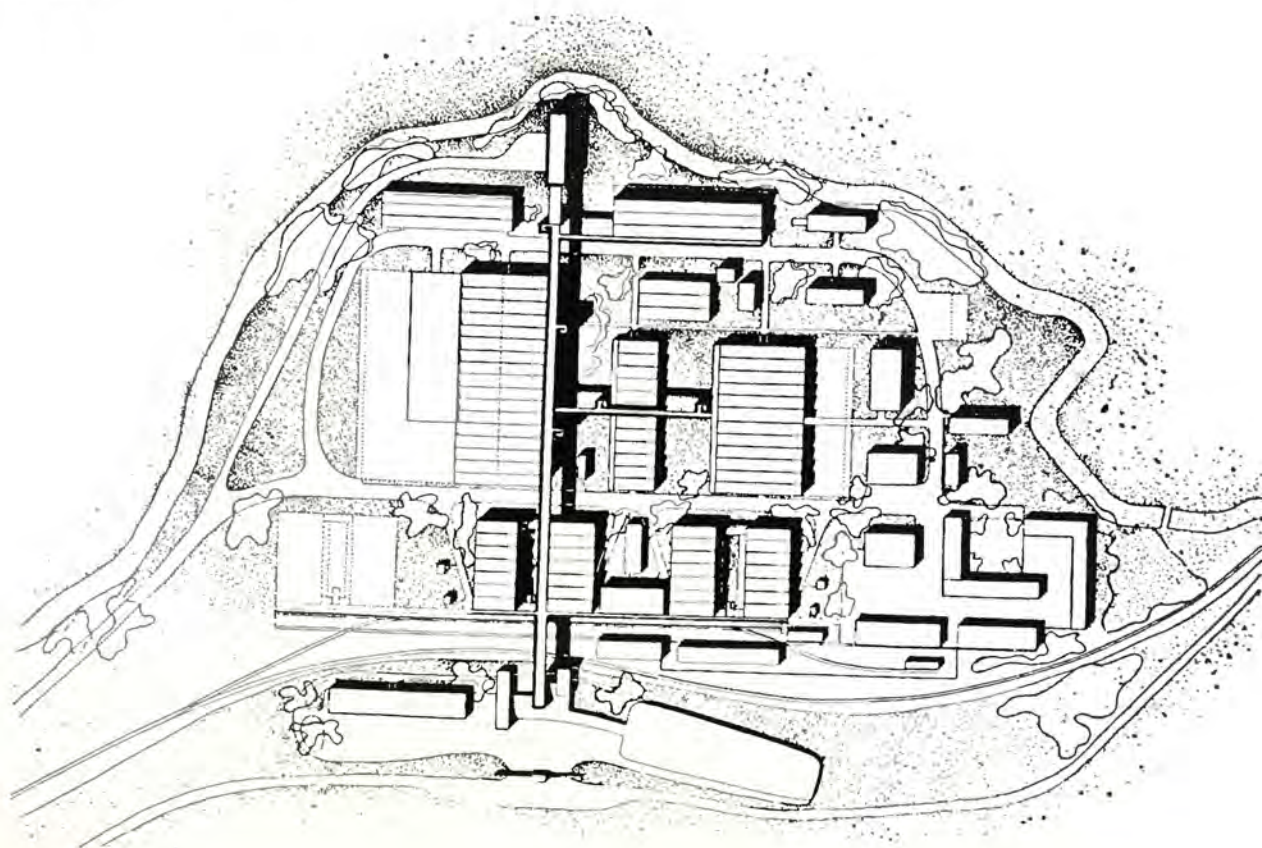
Проект реконструкции «Картё-де-ля-Марин»
в г. Алажире. Перспектива интерьера.

Проект музея с перспективным расширением, 1939.

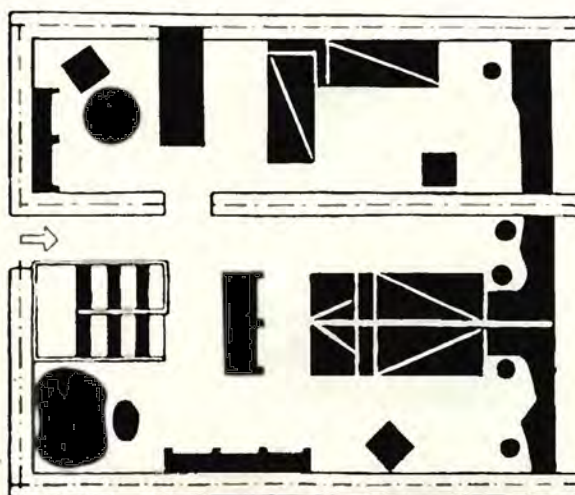
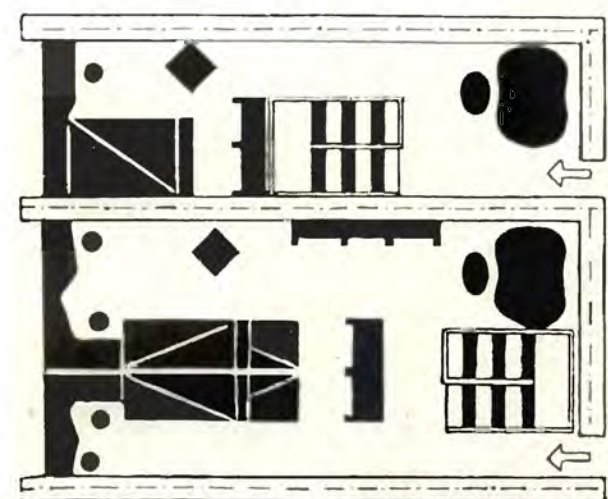
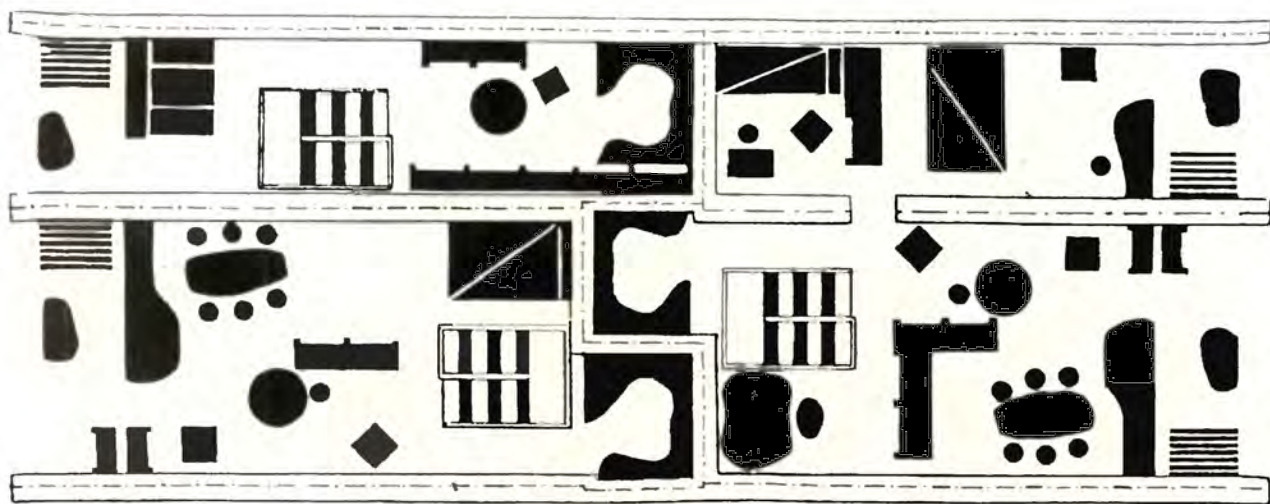
Генеральный план промышленного предприятия в Пиренеях, 1942 (прототип идеи «зеленого завода»).

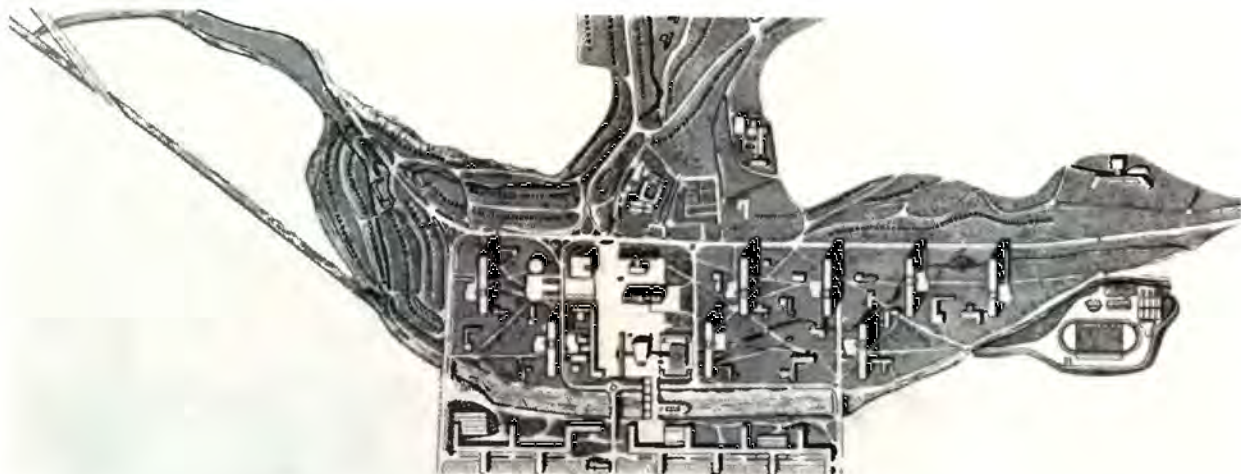

К проекту промышленного предприятия в Пиренеях.
Перспектива.

Фрагмент планировки жилых домов упрощенного
типа, 1944.

Проект реконструкции г. Сан-Дие, 1945. Генеральный план.

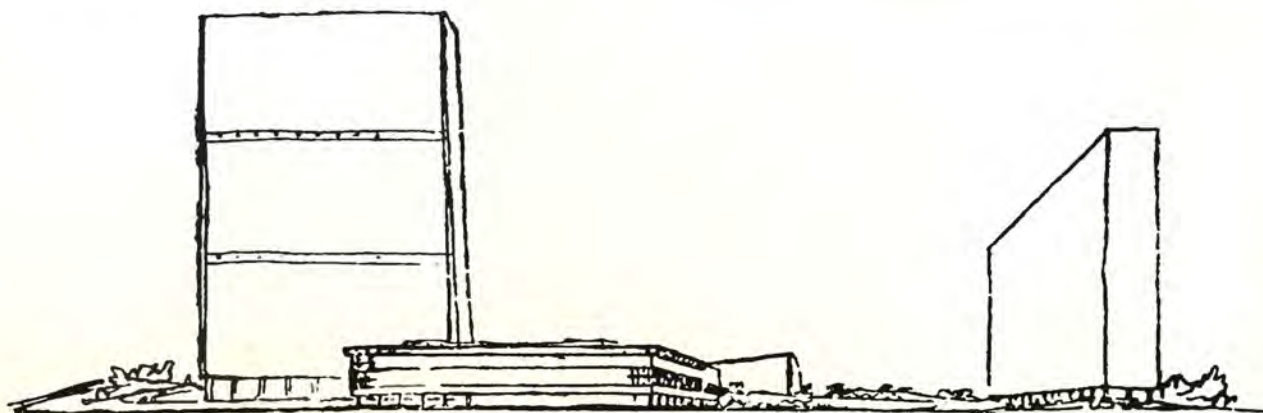

Проект реконструкции г. Сан-Дие. Перспектива.

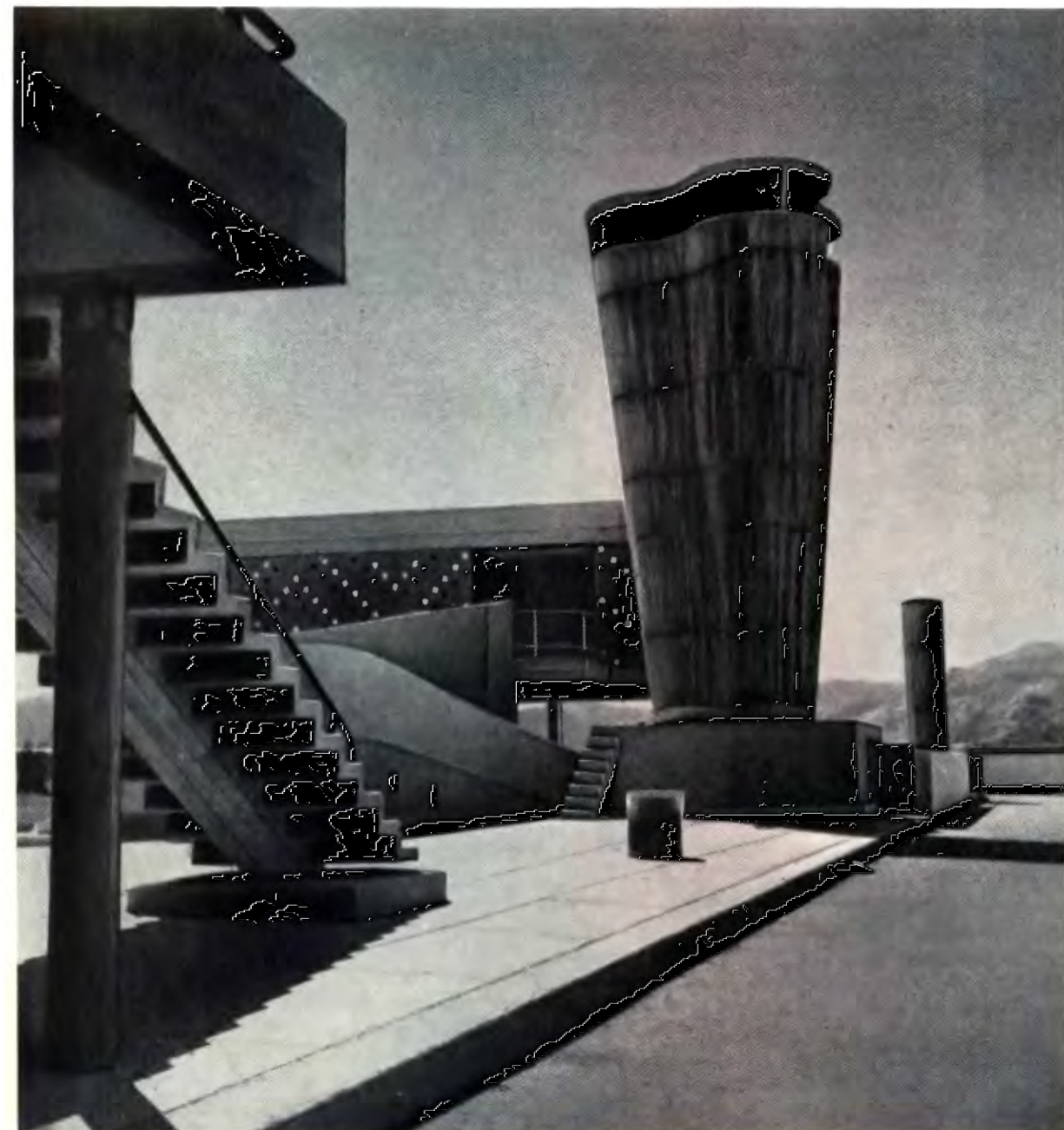
Здание ООН в Нью-Йорке. Фото.

Здание ООН в Нью-Йорке, 1947.
Эскиз Ле Корбюзье.

Единый жилой комплекс в Марселе на 1600 жителей.
Крыша-терраса.

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС В МАРСЕЛЕ

Поношения

Мы строим в Марселе жилой дом на 360 квартир — жилую коробку.

Положение с жильем во Франции таково, что в будущем требуется строить 4 миллиона жилищ в десятилетие.

Во время оккупации (1940—1944 гг.) я не получал никаких заказов на проектирование городов, ферм или домов. Никакой архитектурной работы: ни церквей, ни мэрий, ни музеев — ничего. Я потерял репутацию. В 1941 году я опубликовал книги «На четырех путях», «Афинская хартия» и «Встречи со студентами-архитекторами».

Когда армии Советского Союза окружали Берлин, у меня состоялся разговор с премьер-министром:

— Какой город вы теперь реконструируете?

— Никакого.

— Что вы строите?

— Ничего.

— В таком случае не хотели бы вы (*лукаво улыбается*) построить... один из этих ваших коллективных домов... там, в Марселе?

— Да, но с одним условием: я буду свободен от каких бы то ни было предписаний и указаний свыше.

— Согласен.

С 1945 по 1960 год мы работали над созданием прототипа жилых комплексов, будущего поселка... очень многого. Мы организовали мощную техническую группу, в которую входили представители разных специальностей. Создание такого объекта — дело не шуточное.

Нам мешали как только могли. Мы побывали в приемных семи сменявших один другого министров градостроения, имели дело с десятью правительственными кабинетами. Каждый министр оказывал нам помощь в пределах своих полномочий, и всякий раз это кончалось для нас еще большими осложнениями и трудностями. Против нас хотели поднять всю страну. Кто этого хотел?

Непрерывно устранялись всякого рода кампаний. Кто же их устраивал? Я прочитал первую статью в прессе, посвященную нашей работе: уж очень был хорош заголовок! После этого я решил не читать ни строчки из того, что пишется о Марселе. И сдержал слово. Так что

все эти акробаты стальных перьев, точильщики стрел и составители ядов просчитались.

У нас был великолепный рабочий коллектив. Только молодежь в состоянии виражировать себя в такую работу, *десять раз разрабатывая новые варианты*, чтобы довести проект до совершенства. Только молодежь может как следует управляться со стройкой такого размаха (один миллиард франков); эти люди не смотрят на грязь, что у них под ногами, — они видят в мире много другой грязи.

Мы вписали здание непосредственно в марсельский пейзаж. Мы всегда думали о природе, и природа отплатила нам сторицей — она вошла в дом.

Вся поднятая вокруг Марселя шумиха сводилась к тому, чтобы как можно меньше сказать о нашей работе. Ну не страшный ли метод! Предлагали даже закрыть стройку. Но все это привело к тому, что пошли разговоры, слухи, день ото дня все более настойчивые, сначала против нас, потом — за. Сегодня наступил день нашей победы. По всей стране вскоре будут начаты новые стройки.

В Марсель хлынули туристы со всех континентов, и для их приема организованная особая служба; в среднем прибывает до двухсот посетителей ежедневно; крупные газеты, журналы, научные издания шлют в Марсель своих корреспондентов. Многие страны командуют специалистами.

Поношения...

Поношения в 1947 году, в Высшем совете архитектуры и градостроения Франции (членом которого я в ту пору состоял). Мой штаб архитекторов, инженеры, администраторы и я тщательно разработали проект во всех деталях. Обоснование нашего проекта казалось нам неопровержимым. Открывалась дорога к счастью. Я уже готовился принимать поздравления от своих коллег, как вдруг...

— Труднобы, в которых внору свернуть себе шею! — таково было первое высказывание. Принадлежало оно одному очень большому авторитету в архитектуре, которым гордилась (и по праву) вся страна.

— Идеи, быть может, и интересные, но осуществимые лишь в весьма ограниченных мас-

Взгляд сверху

штабах. (А речь шла о жилом комплексе соответствующего размера!!!)

Министру был представлен доклад, основной вывод которого сводился к необходимости полного изменения нашего проекта. Доклад был послан и нам. Министр вызвал нас к себе и прочел нам его.

— Что вы думаете об этом докладе, г-н Ле Корбюзье? — спросил он.

— Я оставляю его без внимания.

— Прекрасно, — ответил министр, — и вам предлагаю называть отныне ваше предприятие «Жилым комплексом Ле Корбюзье»; во всех официальных актах будет значиться это наименование. Ваша работа не регламентируется действующими нормами, вы можете действовать целиком по своему усмотрению, вводить любые новшества, какие только вам заблагорассудятся. Вы берете на себя подобную ответственность?

— Согласен, г-н министр. Я позволю только заметить, что, взяв на себя эту ответственность, я поставлю задачу и перед властями: они должны будут обеспечить социальный контингент, способный заселить наш комплекс.

Это был третий по счету министр реконструкции.

А седьмой министр получил (правда, с запозданием) доклад Высшего совета народной гигиены Франции, содержавший вывод о необходимости запрещения строительства ввиду нарушения санитарных условий и норм.

В феврале 1950 года, когда работы уже шли к завершению, президент Коллегии врачей департамента Сена, врач-психиатр, заявил, что подобное жилище благодаря той сумятице, которую оно неизбежно вызовет, будет стимулировать рост числа психических заболеваний. По его словам, жители Марселя окрестили наш комплекс «домом помешанного».

Вот уже в течение трех лет я присутствую на заседаниях Экономического совета Французской Республики в качестве квалифицированного представителя¹ общественной мысли. Я работаю в составе Комиссии реконструкции, общественных работ и градостроения.

Будучи председателем подкомиссии по составлению жилищных норм, я представил 3 мая 1949 года доклад, который должен был войти в число предварительных документов будущей Хартии французского жилища.

Градостроение — это дело социальное, *дело всего общества*. Это проблема, которой должны заниматься специалисты различных отраслей культуры и экономики: мыслители, изобретатели, художники, строители. Задача, которую можно решать только коллективно.

В момент кризиса следует подняться достаточно высоко, чтобы иметь возможность охватить всю проблему в целом. Больше того, нужно иметь какой-то идеал, указующий путь, по которому следует идти к намеченной цели.

В настоящее время ощущается крайняя нехватка жилья. Цены на квартиры чрезвычайно высоки.

Встанем на более высокую точку зрения и определим сущность проблемы.

В природе мельчайшая живая частица — клетка — определяет жизнеспособность всего организма.

Все зависит от качества, эффективности и сохранности клетки. В строительстве городов и селений, улиц, домов, квартир — в деле создания человеческого жилья — все *определяет первичная живая ячейка*.

¹ Должность, утвержденная Национальным собранием (март 1947 г.).

Тема

Жить в доме, работать, упражнять тело и дух, перемещаться в пространстве. Эти взаимозависимые функции отправляются человеком все двадцать четыре часа солнечного цикла. Это бесконечное повторение двадцатичетырехчасовых отрезков времени, включающих в себя последовательную смену работы и отдыха, бдения и сна, представляет собою извечный и неизменный ритм жизни на нашей планете. Никакие достижения прогресса не в состоянии ослабить влияние этого космического явления. И все же именно прогресс извратил ныне этот основной закон нашей жизни: *двадцатичетырехчасовой солнечный цикл не протекает больше в нормальных условиях*. Если в его ходе возникнет нарушение порядка и равновесия, то неизбежно будет нарушен порядок всей нашей жизни, в равной мере и общественный порядок. Необходимо, следовательно, изыскать в пределах этих двадцати четырех часов способы упорядочения всех наших функций, с тем чтобы жизнь проходила полнокровно и безущербно.

Двадцать четыре часа солнечного цикла

Речь идет о том, чтобы наиболее разумно распределить время суток, которые состоятся из бодрствования и сна.

С восходом солнца человек, задумываясь о том, что ему сегодня предстоит сделать, тем самым начинает действовать; как только воцаряется темнота, он засыпает. В течение многих тысячелетий эта последовательность регулировалась исключительно движением светила при всем бесконечном разнообразии земных суток между периодами равноденствия и солнцестояния. Но вот люди изобрели светильник, свечу, керосиновую лампу, газовое и электрическое освещение. Все это привело к нарушению естественного распорядка суток, к потере равновесия, которое так и не восстанавливается.

Не выходя за рамки возложенной на нас задачи (Хартии жилища), здесь мы отметим только, что наряду с часами, отводимыми непосредственно на работу, известная часть суток тратится нами на поездки к месту работы. Оставшееся время предназначено для жизни дома. Последняя функция включает в себя домашнюю деятельность и отдых.

Ведение домашнего хозяйства, досуг в самых разнообразных его проявлениях — существуют ли материальные факторы, облегчающие домашний труд; существуют ли факторы, скрашивающие наш досуг?

Следует признать, что возможность и средства, предоставляемые человеку современным жилищем, весьма ограничены: сегодняшняя квартира зачастую представляет собой вместилище, отнюдь не готовое для принятия человека и для его гармоничного развития. Жилище должно быть очагом, *местопребыванием семьи*.

Мы видели, как за последние десятилетия один за другим выдумывались всевозможные суррогаты, призванные заполнять ту мрачную пустоту, которая открывается перед семьей: кафе, позволяющее человеку бежать из подчас непереносимой атмосферы жилища; кино со всеми его положительными и отрицательными влияниями; наконец, радио — самый доступный приют забвения, чудодейственный инструмент облагораживания или оглупления человека.

Ясно одно: люди чувствуют себя не в своей тарелке, и во многом это зависит от домов, в которых они живут.

Элементарные условия индивидуальной свободы

Вся беда оттого, что люди слишком мало сидят дома

Паскаль (цитируется по памяти)

Чтобы яснее разобраться в положении дел, было решено представить себе оптимальный статут семейства и всех его членов: родителей и детей, которым были бы обеспечены достаточная личная свобода и благоприятные возможности для семейного общения, больше того — условия для счастья. Личная свобода, с одной стороны, и семейный коллектив — с другой.

Элементарные условия индивидуальной свободы должен обеспечить замкнутый участок пространства, индивидуальная комната, которая должна быть совершенной и законченной, удовлетворяющей всем личным запросам человека. Тогда она будет благоприятствовать его деятельности: читать, писать, рисовать, шить, вязать, мастерить, размышлять и т. д. Комната должна обеспечивать человеку возможность отправления следующих конкретных функций: ежедневные физические упражнения, необходимые для компенсации вредных последствий сидячего образа жизни, который ведет большинство горожан; сон, что предполагает правильное решение вопросов ориентации жилого здания и звукоизоляции; умывание, что означает наличие следующих необходимых домашних условий: подача холодной и горячей воды, канализация, — осуществление этой последней функции (умывание) зависит исключительно от имеющихся в распоряжении человека средств. Можно смочить себе кончик носа и тем ограничиться; гораздо лучше принимать ежедневно душ. Микеланджело советовал особенно не злоупотреблять умыванием, но с тех пор времена изменились: люди избавились от чумы и от многих других болезней именно благодаря чистоплотности. Наше старое общество сохранило юношеский пыл, но не рассталось с некоторыми устарелыми привычками; ныне во всех трех Америках стало привычным принимать ежедневно ванну; ванная комната, как автомобиль, представляет собой инструмент повседневной жизни, который получает все большее распространение и со временем станет обычным предметом домашнего хозяйства. Все это говорится для того, чтобы лишний раз напомнить, что здесь мы не путешествуем по стране Утонии, а просто-напросто пытаемся определить понятие «жилища».

Детская комната должна быть предназначена для детей одного пола: мальчиков или девочек. Когда речь идет о спальне для родителей, тоже встают всякого рода вопросы: будут ли родители жить в одной комнате или в двух смежных и т. п.

Жилая комната — главный составной элемент жилища, перечисленные выше разнообразные функции требуют каждая в отдельности определенного пространства и соответствующей,

Жизнь семьи

чрезвычайно точно рассчитанной планировки. Эти условия совершенно необходимы для нормального течения жизни. Следовательно, необходимые пространства и соответствующая планировка должны быть предусмотрены в процессе проектирования и обеспечены при строительстве жилого дома. *Это одно из важнейших теоретических положений.*

Обычная комната не в состоянии обеспечить выполнение человеком таких разнообразных функций, как работа, физические упражнения, сон, умывание; это всего-навсего квадратный участок пространства, где каждый устраивается как может. «Устроиться» еще не значит должным образом решить поставленную проблему, это значит решать ее с помощью совершенно недопустимых затрат средств и энергии. Несколько комнат, соединенных в одну квартиру для одного семейства, требуют такой планировки, которая никак не согласуется с традиционными принятыми у нас объемами жилых зданий.

Но продолжим наш анализ. Рассмотрим условия нормального функционирования семейной ячейки. Эти условия зависят от времени, которое все члены семьи проводят сообща, собравшись в одном помещении, где они испытывают ощущение большей полноты жизни и получают возможность более разумно использовать предоставленные им мимолетные часы досуга. Таким помещением является общая комната.

Огонь, очаг — в этих двух словах заключен глубокий, вечный смысл. Здесь мы подходим к основному — мы едим для того, чтобы жить. Для этого надо где-то готовить пищу и принимать ее.

Еда всегда была торжественным актом при всех цивилизациях. Это не какое-нибудь случайное установление. Здесь перед нами встает одна из основных проблем: *приготовление пищи.*

Посмотрим, как устроена квартира буржуа, завещанная нам первым веком машинной цивилизации. Кухня в глубине квартиры, в конце длинного коридора; кухарка словно содержится там в заточении. Столовая удалена, насколько возможно, от входа, она хоть и рядом с гостиной, но все же изолирована. Весь ритуал жизни буржуа строится на отрыве кухни от столовой и на соседстве столовой и гостиной. Но сейчас такие времена, что скоро во всем мире не найдется людей, готовых пойти в услужение; острая нехватка домашних работниц наблюдается и у нас. Современное общество стремится пересмотреть методы своей семейной организации, оно возвращается к одному определяющему моменту: огонь, очаг — кухня, столовая — все это объединяется в один комплекс, в одной-единственной комнате. Именно здесь собирается вся семья. Но совершенно очевидно, что в этом случае все заботы сваливаются на мать семейства. Учитывая огромное число кухонь, имеющихся в настоящее время, следует задуматься о судьбе хозяйки дома, низведенной до рабского положения прислуги. Мы видим, что она стала жертвой беспорядка, допущенного по вине других, жертвой извращения самого понятия «жилье». Мелкий буржуа строит свое жилье по следующему принципу: гостиная с мебелью под чехлами, узкая столовая и уже в самом конце — кухня, где выбивается из последних сил хозяйка дома как раз в те самые часы, когда вся семья собирается за столом.

Следует лишний раз подчеркнуть всю торжественность этого акта, поскольку ныне он совершенно привнесен, в результате чего пропадают те самые моменты, когда отец, мать и дети имеют возможность и неоспоримое основание для того, чтобы собраться вместе, в обстановке близости, тесных семейных уз.

Техника

Если жилая комната обеспечивает человеку элементарные условия индивидуальной свободы, то столовая обеспечивает сохранение семейных связей.

Это положение, будучи перенесенным в область теории архитектуры и градостроительства (хотя подобный перенос, быть может, слишком прямолинейен), дает основание для следующего решающего вывода: *столовая есть кухня и, наоборот, кухня есть столовая.*

Сформулировав этот вывод, мы тем самым возвращаемся к лучшим традициям всех цивилизаций. Традиции эти, нарушенные в наш машинный век, могут и должны быть возрождены по той основной причине, что современная семья ограничена в своем составе: это только родители и дети. Больше нет рабов, нет наемной прислуги. Каждый идет на свою работу и становится членом той или иной социальной группы. Только домашний очаг может и должен воспрепятствовать распаду семейной ячейки. Перед нами целое общественное явление, с которым надлежит считаться. И это общественное явление требует каких-то мер, какой-то инициативы. Старинная семейная традиция, о которой вспомнили и которую позвали на выручку, будет возрождена в век расцвета техники, дающей в наше распоряжение технические приспособления, машины и методы правильной организации.

Технические приспособления, машины и организации — это путь, открывающийся перед нами.

Технические средства многочисленны, разнообразны и способны к совершенствованию. На наших глазах экономика строительства постепенно становится частью общей экономики страны. Покончив с изнурительной летаргией, страна вновь обрела желание строить. Но теперь уже не строят, как раньше, или, сказать точнее, теперь не следует строить, как раньше, поскольку цены при этом повышаются до такой степени, что жилье становится недоступным.

Техника, имеющаяся в нашем распоряжении, позволяет удовлетворить все наиболее существенные запросы и потребности человека, обеспечив ему:

кондиционированный воздух с соответствующей температурой, составом и циркуляцией, естественное и искусственное освещение. Под первым понимается воздействие солнечных лучей на наше физическое и моральное состояние — явление космического характера, которым с некоторых пор стали пренебрегать. Последствия этого заметны на кладбищах и в санаториях. Под искусственным освещением понимается то, о чем уже говорилось в самом начале доклада. — воцарение электричества в современных обществах, устранение грани между днем и ночью и в то же время появление новых привычек, которые чреваты всякого рода опасностями и расстройствами, а поэтому требуют внимательного рассмотрения.

Тишина, или, вернее, допустимый предел шума, — одна из наиболее острых проблем, стоящих перед современным обществом, которому угрожают психические или нервные заболевания, вызываемые бесчисленными и разнообразными вредными шумами. Кондиционирование, естественное и искусственное освещение, тишина — все это стимулирует развитие техники. Столь благоприятные возможности дают нам основания ставить перед техникой самые сложные задачи, так как мы уверены, что в кратчайшие сроки техника предложит нам реальные, экономически обоснованные решения.

Общение

Здесь следует принять во внимание возраст человека и действовать в соответствии с принципом: *каждому по потребности*. Возраст человека отсчитывается со дня его рождения (или даже раньше — с начала внутриутробного развития), и дальше следуют отрезки жизни, которые можно обозначить более или менее определенно: грудной ребенок, ребенок от двух до четырех лет, ребенок от четырех до шести лет, ребенок от шести до десяти или четырнадцати лет, юноша от четырнадцати до двадцати лет. Затем взрослые — чета: отец и мать. И наконец, если жизнь к ним примосится, подходит очередь дедушек и бабушек.

Нельзя поместить каждого в одинаковые условия, в одинаковые комнаты, и уж никак нельзя помещать их всех сразу в одно место, не приспособив его для этого, что случается в наши дни.

Выше мы говорили о комнате, отвечающей личным потребностям. Теперь предстоит оборудовать целые комплексы жилых помещений для людей того или иного возраста.

Для грудных младенцев — ясли (которые будут находиться не где-нибудь в конце улицы, а в непосредственной близости от дома); для малышей дошкольного возраста — особые места, где они могли бы получить от жизни все, что им требуется в эту прекрасную пору, где они могли бы выявить и закрепить свои физические, психические, моральные и интеллектуальные качества, в то время как теперь, при нынешней организации жилья, родители вынуждены вечно быть настороже и без конца кричать на ребенка: «Не делай того, не делай этого!» Дети — это маленькие создания, полные любопытства, энергии и рассудительности; они могут и должны жить так, как это свойственно их возрасту, а не по образу и подобию родителей; им надо предоставить возможность собираться группами — это куда лучше, чем держаться за материнскую юбку. Современное общество, в котором отдельные семьи уже не имеют собственных садов, дворов, ферм, должно любой ценой обеспечить детям условия для свободного развития, приспособить для этого соответствующее место.

Такое место можно будет назвать *клубом*. Клубы могут быть на открытом воздухе или в

помещении, дети будут там получать определенные навыки, либо заниматься спортом, либо просто играть. Стоит только заняться проблемой, чтобы вслед за тем наметить возможные пути ее решения, разработать программу и поручить ее осуществление умелым людям.

Чтобы обеспечить естественные условия, необходимо покончить с такими бедствиями, как шум, загрязнение воздуха, опасности уличного движения (которые существовали и раньше, но которые сейчас в десятки раз возросли) — отделить пешехода от автомобиля.

Отделение пешехода от автомобиля: развивать эту тему бесполезно — надо действовать, тем более что по этому вопросу существует ряд архитектурных и инженерных решений. Техника уже дала ответ на этот важнейший вопрос.

Осуществление

- а) Подготовить среду;
- б) действовать по определенному порядку.
- а) Подготовка среды.

Предварительное условие: *поставить на службу современные технические средства.*

Это не пустые слова: дело в том, что принятые ныне традиции и обычаи пока еще не отвечают этому условию, в результате чего как во Франции, так и в других странах жилищное строительство безнадежно отстало от других отраслей человеческой деятельности машинной эры, отстало как в методах, так и в результатах.

Взяв на вооружение современную технику, мы тем самым фактически осуществим принцип *изобилия*. Машина позволяет придерживаться этого принципа при строительстве жилья при одном условии: *все должно делаться подобающим образом*, а это означает, что мы должны избавиться от рутины.

Здесь, следовательно, предстоит сделать определенный выбор, создать известную этику и известный критерий изобилия.

Только таким путем можно понять стоящие перед нами проблемы, найти их решения и осуществить последние на практике.

Здесь мы будем придерживаться поставленной перед нами задачи: выработки Хартии французского жилища. Итак, мы рассматриваем жилище как специфический элемент строительства вообще.

Все сказанное выше предполагает большое разнообразие проблем: физических и психических, технических, этических и эстетических.

Перед нами настоящая наука или искусство жилья.

Но термин «искусство» может быть по-разному истолкован. Поэтому мы предпочитаем термин «*наука о жилище*», что сразу же вызывает определенные следствия. Наука требует системы. Здесь уже положения, выводы, решения не могут быть делом первого встречного: сторонний человек уже не будет считаться необходимым вступать в дискуссии и навязывать свои взгляды по вопросам, в которых он не компетентен.

Большинство смертных уважают науку; по отношению к искусствам они не проявляют должного почтения и сдержанности.

Из этого, естественно, следует необходимость «изобрести» целую категорию специалистов, способных решить задачу.

Вполне можно допустить, что эта столь тонкая и столь сложная задача потребует *специалистов по жилищным условиям*, что нужно будет воспитать и подготовить производителей и потребителей жилья.

Что касается производителей, то здесь предстоит организовать обучение предмету «*жилище*», который включал бы в себя все необходимые дисциплины: градостроение, архитектуру, строительство, домашнее хозяйство, меблировку, техническое оснащение квартиры и т. д. Задача не из легких. При таком подходе к делу строительство одного-двух миллионов квартир во Франции станет одной из важнейших отраслей экономики страны. Понятно, что такие обязательства и связанный с ними риск требуют для строительства солидной научной основы, а не подчинения какой-либо философской системе или косным традициям.

Чтобы доказать правомерность такого требования, достаточно констатировать тот факт, что во Франции не существует учебных заведений, готовящих специалистов по жилищному строительству. Мало того, система специального образования — единственный ныне институт, имеющий право готовить специалистов по жилью (а их потребуется множество), выдающий им дипломы, а следовательно, и разрешение на строительную практику, — эта система *никогда не включала предмет «жилище» в свои учебные программы*. Получается так, что выпускники с дипломами, имеющие право строить, не имеют никакой научной подготовки в том самом деле, которым им предстоит заниматься по окончании учебного заведения. Добавим к тому же, что специалисты по жилищному строительству, готовившиеся самостоятельно, вне школы, не пользуются каким бы то ни было официальным признанием: по закону им запрещено строить. Следовательно, градостроительная наука, архитектура, строительство, домашнее хозяйство, меблировка и техническое оснащение квартир — все, что касается городов, кварталов, улиц, домов, — все это находится под запретом для тех, кто решил взяться за дело на подлинно научной основе!

Где именно будет преподаваться наука жилья? Естественно, в начальной школе, потом в ходе производственного обучения или в средней и высшей школе. Так будут формироваться новые обычаи, отвечающие характеру современного жилища.

Следует отметить, что в течение полувека французская пресса остается безучастной к проблеме жилья. Было бы желательно определить основные характерные черты современного жилища. С некоторых пор пресса занимается исключительно политикой вперемежку со скандальной хроникой. В других странах, напротив, вопросы жилья регулярно ставятся в печати вплоть до ежедневных газет, что создает или уже создало определенные умонастроения в обществе, красноречивым подтверждением которых является коренная реформа домашней жизни.

б) Необходимый порядок действий

Это в равной мере относится как к сельскому, так и к городскому жилищу.

Повсюду царит полнейший беспорядок, или, вернее, отсутствие всякого порядка. Организация жилых строений определяется исключительно традициями, являющимися крайне односторонним и случайным проявлением противоречивых или отживших свой век идей. Эти традиции встают на пути прогресса, препятствуют необходимым новшествам, починам, изменениям. Разумеется, государственному деятелю или законодателю трудно заново переkreить существующие строительные нормы и правила, не рискуя при этом допустить ошибки. Но государство могло бы начать организованное экспериментальное строительство, с тем чтобы проверить на практике состоятельность новаторских концепций жилья. Это было бы естественным и своевременным актом. Широкие лабораторные исследования, предпринятые самим государством, были бы ограждены от праздного любопытства публики, от недружественных выпадов, от саботажа и от всякого рода трудностей, которые ставит перед исследователем профессиональное соперничество.

Этот необходимый порядок действий будет включать в себя четыре этапа:

- а) создание новых норм;
- б) стандартизация;

в) экономия;

г) соразмерность.

а) Новые нормы

Нормализовать — это значит создать рациональные правила строительства.

«Ненормальный» и «нормальный» — понятия относительные; решение может быть правильным или неправильным в зависимости от тех или иных климатических условий; коренная ломка традиций может быть правильной или неправильной — все зависит от того, какие это традиции, остаются ли они еще в силе либо уже видоизменяются. Меры по удовлетворению человеческих потребностей могут быть неправильными и правильными в зависимости от того, насколько верно эти потребности установлены.

Создавать нормы — значит признать специфический характер каждого рассматриваемого явления, выявить различия, определить тип и вид явлений. Действуя таким образом, мы следуем примеру природы, которая создает виды и семейства, чья эволюция представлена бесконечным разнообразием вариантов.

Нормализация означает в известной мере господство здравого смысла, а здравый смысл далеко не всегда бывает синонимом общепринятого мнения.

б) Стандартизация

Слово англосаксонского происхождения, означает оно все действия, имеющие целью подготовку серийного производства. Англосаксонское оно потому, что именно в Новом Свете возникло серийное промышленное производство товаров. Но термину «стандарт» можно подыскать другую, гораздо более отдаленную родословную.

В 1920 году журнал «Эспри нуво» заявил, что поиск стандарта приводит к совершенству.

Стандартизация, строго говоря, означает следующее: какой-то предмет или принцип, возведенный в норму, то есть признанный совершенным и неоспоримым, делается отныне стандартом, а именно: его параметры закрепляются, его форма, отделка и себестоимость (уровень совершенства, который может сохраняться в течение более или менее длительного времени) фиксируются. То, что было сделано в отношении кастрюль, ванн, радиаторов центрального отопления и т. д., — все то может быть распро-

странено на десятки и сотни других элементов жилища. В этом и состоит задача.

Как только стандарт выбран, экономика страны приходит в движение: фабриканты уже знают, что им надо производить, и немедленно принимаются за дело. Изобретательность и конкуренция приносят свои плоды: цены падают, качество повышается, закрепляется и вновь развивается — стандарт приводит к совершенству.

в) Экономия

Узаконенный стандарт означает экономию, поскольку он предполагает выбор оптимальных размеров изделия (чем всегда славилась Франция).

Официальные органы регламентируют стандартные размеры изделий. Эти стандарты пока еще недолговечны и подчас сомнительны, но положение меняется. Пример: первые автомобили имели форму и габариты кареты, теперь же маленькая «симка» или маленький «рено» свидетельствуют о том, каких чудес достигли изобретательность и экономия в выборе объема и размера.

Другой пример: в поезде, который везет не одну тысячу пассажиров, коридоры и входные двери вагонов имеют всего 50 сантиметров в ширину, через них проходят пассажиры самой солидной комплекции, проносят большие чемоданы, все это в страшной толкучке, и никто не жалуется. Это говорит о том, что среди существующих стандартных мер есть рациональные и есть сомнительные и что в условиях массового серийного производства следует пересмотреть принятые стандарты.

г) Соразмерность

Прекрасные слова — *соразмерность*, *гармония*. Они вызывают в памяти цивилизации, существовавшие тысячелетия назад: Пифагор, Египет и Греция, арабы, потом Ренессанс — расцвет искусств и научной мысли Европы. Все было соразмерным; люди научились их соразмерять; существовали определенные правила, эти правила основывались на дружеском союзе и согласии *человеческих размеров* с безграничным богатством чисел. Но промышленная буря нарушила соразмерность вещей. Теперь нам предстоит к ней вернуться.

Соразмерить, пропорционировать — значит получить определенные выгоды, очевидные для

каждого из нас и в то же время не требующие никаких особых затрат.

Нормализация, стандартизация, экономия, соразмерность — таков, следовательно, необходимый порядок действий. Он может иметь важные последствия, например *покончит с соперничеством метра и фута — дюйма*.

Новые правила неизбежно приведут к изменениям тех существующих ныне строительных норм, которые мешают взяться всерьез за реформу жилища.

И еще одно следствие: предстоит определить *типы размеров жилых комплексов*, выработать статут территории, выбранной под жилую застройку (равно как и оптимальные соотношения между другими сторонами городской жизни: работой, физическим и духовным развитием, перемещением в пространстве).

И наконец, следует подготовить законы о *выделении необходимых участков территории для строительства жилых комплексов соответствующего размера*. Подобные законы диктуются жизненной необходимостью. Они существуют в странах, отрешившихся от летаргического сна со всеми его отвратительными последствиями и занявшихся делом, например в СССР или в Латинской Америке.

ЖИЛЫЕ КОМПЛЕКСЫ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО РАЗМЕРА

В строительстве жилищ это проблема первоочередной важности; в ней, собственно, и заключена вся *суть дела*, и с нее начинают разлагаться между сторонниками двух противоположных концепций: *горизонтальный город-сад и вертикальный город-сад*.

Задача состоит в том, чтобы определить соответствующую величину той или иной единицы любого современного оборудования. В природе всякий живой организм имеет размеры, отвечающие условиям среды.

Чтобы осуществить на практике принципы, изложенные на предыдущих страницах, следует изыскать такое решение, в котором бы правильно сочетались технические возможности и использование территории.

Правильная жилищная застройка ставит под вопрос существующие ныне законы о земельной собственности. Хотя и нет нужды посягать на частную собственность, необходимо тем не менее обеспечить благоустройство всех территорий, чтобы можно было ими располагать для застройки, а в случае необходимости — «мобилизовать».

Это очень важный вопрос; некоторые его аспекты, рассматриваемые ниже, составляют суть всей проблемы. Повсюду говорят о *рассредоточении*, о *рассеивании*. Откуда это лихорадочное стремление рассредоточить, разбросать, рассеять, разбить, расчленить жилые кварталы, которые служат единению человеческого общества?

Люди организуются в общество, чтобы жить, действовать и пользоваться при этом всякого рода преимуществами общежития. Если их объединение имеет своим следствием те или иные трудности, то задача состоит в том, чтобы и эти трудности превратить в блага.

Рассредоточение и рассеивание представляют собой *негативные тенденции* в развитии жилых комплексов, и им следует противопоставить позитивные меры, а именно *объединение*.

Чрезмерное расширение городов, превращение их в города-спруты — одно из наиболее серьезных нарушений жизненного режима современного общества. Бегство в пригороды — это погоня за призрачной свободой, которая не сулит ничего, кроме кандалов, это химерическая мечта о городе-саде, паразитирующем на теле большого города. Это своего рода невроз, который приводит ко всеобщей дезорганизации жизни города, порождает всевозможные домашние неудобства, искажает гармонию суточного цикла, толкает общество на бессмысленную расточительность. И вся эта гонка приводит к настоящему рабству современного образа.

Опасность такого порабощения внешне неразличима, незаметна; она заслоняется размахом всеобщего делового оживления, который кажется многообещающим, но на самом деле... увы, бесплоден!

Поисками типовых размеров жилых комплексов в течение последних двадцати лет занимались СИАМ: 1) норма жилищного минимума, 2) рациональное распределение, 3) функциональный город, 4) жилище и досуг. Француз-

ское правительство дало разрешение на производство эксперимента первостепенной важности: на организацию в Марселе на бульваре Мишле *стройки-лаборатории*, являющейся прототипом жилого комплекса *соответствующего* размера. Работы уже продвинулись настолько, что можно подвести некоторые итоги. Они состоят в следующем:

1. Создан тип современного жилого дома (дом с коммунальным обслуживанием и со службами продолжения квартиры) — результат тридцатилетних исследований, посвященных непосредственно данному вопросу.

2. Разнообразие, богатство комбинаций достигается с помощью стандартизованных, соразмерных, сочетаемых и в то же время *раздельно изготавливаемых элементов*. В этом заключена сущность сборного строительства.

3. Теперь появляется возможность наладить заводское изготовление и последующую сборку элементов на месте. Подобный метод должен привести к *снижению стоимости строительства на 30—50 и более процентов при условии массового конвейерного производства сборных элементов*. Объем конвейерного производства может быть с точностью установлен уже завтра. Следует задуматься над тем, что представляет собой этот совершенно новый этап в развитии строительного искусства и экономики машинной цивилизации: отныне можно будет непрерывно изготавливать сразу всю *совокупность узлов*, составляющих жилой дом, включая самые мелкие предметы. Эти серии, предназначенные для машинного изготовления и требующие безупречной организации производственного процесса, вводят в строительную практику, имевшую до сих пор ремесленный характер, фактор *быстроты*, доселе неведомой и неслыханной, если угодно — быстроты фордовского производства.

Серийное домостроение приводит, кроме того, к повышению качества продукции — первейшему условию ее эффективности. Последняя дает возможность сократить размеры тех или иных изделий, предотвратить излишние затраты и т. д.

Так могут быть решены гигантские задачи, которые поставил перед нами жилищный кризис. Для этого потребуются (если учесть резуль-

Заключение

таты марсельского эксперимента) тридцать лет неустанной работы, настойчивости, упорного сопротивления всяческим козням и кривотолкам. Но зато какое ждет вознаграждение! Надо сделать так, чтобы это новое достижение техники (первое по значению во всей истории развития жилища) получило бурное развитие в экономике страны, чтобы оно компенсировало упадок ремесленного производства, предложив обществу обширные программы, предусматривающие использование современных методов и современного оборудования.

4) Таким образом, появляется возможность решения проблемы современного жилища. Власти должны иметь смелость продолжить эксперимент и начать заводское изготовление сборных домов, пригодных для застройки самых разнообразных *жилых комплексов*, разбросанных по стране, и особенно районов, отличающихся один от другого климатическими условиями и обычаями. На этом новом этапе в дело вступит черная металлургия. Она окажет поддержку своими конструкторскими бюро и, заменив традиционные методы строительства новыми, более прогрессивными, обеспечит тем самым для своей продукции емкий и застрахованный от кризисов рынок.

5) Принцип такого жилого комплекса соответствует направлению развития современного градостроительства: не вызывая никаких трудностей, он сулит неслыханные блага, на которые мы вправе претендовать уже сегодня и которых мы обязаны добиваться.

Основываясь на конкретном явлении (квартира с коммунальным обслуживанием), можно будет высчитать его *общественную рентабельность* и распространить результаты этого подсчета на всю территорию застройки, на законы и традиции жилищного строительства.

Важен прежде всего конечный результат: финансовая, человеческая и общественная рентабельность.

Министерство национальной экономики по предложению министра реконструкции и градостроения должно произвести расчеты и представить их министерству финансов, с тем чтобы последнее ознакомилось с новым положением в области строительства. Эти расчеты изменят уровень человеческой и общественной рентабельности и подведут, таким образом, новый *социальный баланс*, который появится на фронтисписе Хартии французского жилища.

Выводы

Редакция Хартин, основываясь на приведенных выше данных, считает возможным предложить следующие срочные и эффективные практические меры:

- а) введение учебных курсов науки жилья;
- б) открытие постоянной выставки жилищного строительства, экспозиция которой регулярно обновлялась бы и пропагандировалась такими средствами информации, как кино, радио и специальный бюллетень;
- в) открытие *строек-лабораторий* (экспериментальное строительство);
- г) внедрение понятия «наука жилья»;
- д) рациональная подготовка условий для заселения будущих жилищ (мобилизация существующих групп населения).

Французская политика в отношении жилища характеризуется крайней отсталостью.

Но Франция не утратила *ощущения жизни*.

В условиях современного прогресса Франция может проявить полезную инициативу.

В области жилищного строительства она воспользуется материальным прогрессом других стран (Скандинавии, США, Швейцарии, Голландии и др.).

Но если это потребуется, она сможет избрать верный, во всяком случае *человечный*, путь — путь порядка, дисциплины, мудрости, тот, который предписан законами архитектуры.

3—14 мая 1949 г.

От карты Европы через человеческое жилище к новому техническому и социальному балансу

«Аскарадь» (Ассамблея строителей — сторонников архитектурного обновления), основанная в 1942 году, издала книгу «Три человеческих установления», подготовленную секцией 5А-5В (промышленность, сельское хозяйство). В этой книге уточняется выбор мест и условий для современного труда, в том числе жилищных условий. Книга дает ответ на один из важнейших вопросов сегодняшнего дня, и ответ этот предусматривает переосвоение территории на основе трех человеческих установлений:

Сельское хозяйство. Промышленность. Обмен.

Это многообещающее решение: восстановив порядок там, где ныне царят сумятица и анархия (Нью-Йорк, Лондон, Париж, Буэнос-Айрес и т. д. и т. п.), можно будет, используя бесконечную сеть шоссе, железных дорог и водных путей, вернуться к извечному порядку передвижения человека по лику земли; современные дороги будут соответствовать тем путям, по которым люди двигались в доисторические времена.

Нынешний кризис радиально-концентрических промышленных городов будет преодолен; промышленные производства будут развернуты в линейных городах, вдоль взаимосвязанных дорог. Так появится новая карта Европы, не знающая государственных границ. Дорога связывает, объединяет, примиряет. На западе суда продолжают ее до Нового Света; на востоке она уходит на родину древних цивилизаций: к арабам, в Индию, в Китай — туда, где после внимательного изучения вопроса общественное мнение найдет наконец способ избавить машинную цивилизацию от придавившего ее бремени блеска и пиццеты.

Структура трех человеческих установлений определяется суточным циклом, который задает ритм всей деятельности людей. *Жить в доме, работать, упражнять тело и дух, перемещаться в пространстве* — эти ежедневные человеческие функции приведены в полное соответствие одна с другой; все меры основаны на человеческом масштабе; в жизни людей восстановлены естественные условия (на работе и дома); «жилой комплекс соответствующего размера» помещен в наиболее благоприятную среду.

Планы застройки Сен-Дие и Ла-Рошелли (Ла-Паданса на побережье океана), содержавшие

«жилые комплексы соответствующего размера». Были отвергнуты с насмешкой или с зубовным скрежетом (крупные и мелкие буржуа, мелкие собственники и представители левых — все единогласно высказались против).

Жилой комплекс в Марселе — это подтверждение правильности принципа «соответствующего размера», это его конкретное выражение. Бывают размеры слишком малые и слишком большие. Хорошее хозяйство всегда имеет соответствующий размер. Его-то и следует искать, учитывая совокупность всех существующих факторов.

С 1907 по 1950 год я вел непрестанные поиски: я считал жилище храмом семейства, сооружением, достойным труда, внимания и любви строителя; если существует на свете святая профессия, то это строительство жилья. Ныне она измождена спекулянтами и заброшена специалистами.

«МОДУЛЕР», 1942—1948 гг.

Это система, имеющая целью ввести в архитектуру и механику размеры и габариты, согласованные с человеческими масштабами, увязать с бесконечным разнообразием чисел те основные жизненные ценности, которые завоевывает человек, осваивая пространство. Прошло шесть лет исследований и опытов, и «модулер» дал о себе знать. Марсельский комплекс строился с учетом этой системы. Именно поэтому столь крупное сооружение кажется вполне уместным, светлым, элегантным и человеческим.

ОГОЛЬ, ОЧАГ

Стараясь постигнуть суть проблемы, мы в конце концов приходим к первичной клетке, к основной ячейке общества — к семье. И здесь речь заходит об огне, то есть о месте, где люди готовят себе пищу. Когда-то в деревнях по огням велся учет семей, говорили: в таком-то селении столько-то огней (то есть дворов).

То же самое значит и очаг.

Когда суть дела найдена, ее следует приписать во внимание. Марсельский комплекс начинается

с огня, с очага для каждого семейства. Он рассчитан на 350 семей, и в нем 350 огней. Все остальное — приложение.

ХИЖИНА ДИКАРЯ — ПАЛАТКА КОЧЕВНИКА

В течение многих веков города людей белой расы по соображениям военной безопасности застраиваются вдоль улиц. Дома выходят на улицы; последние имеют самые разнообразные направления, либо правильные, либо неправильные; форма домов совершенно произвольна, не существует никакого единого типа, единого способа постройки. В таких условиях невозможно изготовлять или производить дома в ритме машинного производства. Архитектура осталась за бортом современности; жилище не является естественным продуктом механизированного общества; в этом вопросе последнее оказалось несостоятельным.

Хижина дикаря, напротив, обладает всеми достоинствами типового сооружения. Она единственная для определенных условий.

Палатка кочевника — тоже типовое сооружение. Пролетая на самолете над степью, можно отметить безукоризненное единообразие кочевий; это единство может быть иным в другой или в третьей степи в зависимости от силы и направления ветра и от других подобных условий.

Хижина дикаря, палатка кочевника — это дома людей, подчиняющихся определенному закону.

Марсель, бутылка и ящик для бутылок

Введи совершенно новый принцип в концепцию жилья, и особенно в практику жилищного строительства, мы сделали гигантский шаг вперед. Жилище рассматривается само по себе, это жилище семьи. Это вещь в себе, которая имеет определенный объем, определенное устройство и соотношение частей, известные размеры. Это — бутылка.

Бутылка может содержать шампанское, любое другое вино либо зелье; жилье всегда будет содержать в себе семью, то есть человеческие существа, будь они богачи или бедняки.

Его устройство можно нормализовать, то есть выверить с той точностью, с какой выверяются конструкции машин — самолетов, автомобилей и т. п. Его можно разбить на отдельные составные части, которые в собранном виде составляют единый организм. При его изготовлении может применяться самая разнообразная технология. Здесь будут использованы машины, новейшие производственные принципы, преимущества массового изготовления. Все это дает возможность достигнуть высокого качества, безупречной работы всех узлов, необычайно высокой отдачи, полезности продукта, экономии производства.

Такая бутылка (жилище) может стоять и под нормандскими яблонями, и под елями Юры, и на пятом, и на семнадцатом этаже жилого дома — в любом случае она останется одинаковой: тот же принцип, то же изготовление.

Ее можно будет поместить в одно из отделений, глсзд на семнадцатом этаже, для чего необходимо будет иметь *несущий каркас*, а последний есть не что иное, как самый обычный ящик для бутылок.

Быть может, вы находите такие слова, как «бутылка», «ящик для бутылок», не особенно благозвучными, приличными? Почему же? Хорошая, добрая бутылка всегда согревала сердце человека. Поэтому давайте смиряться с этими двумя словами, ведь они самым точным образом обозначают смысл той программы, которая одна в состоянии решить проблему жилища.

Я знаю, что здесь против меня поднимутся все как один «защитники отечества», защитники ремесла и народных традиций, равно как и те, что в 1921 году носили меня как автора опубликованного в «Эспри нуво» тезиса:

«Дом — это машина для жилья». Теперь они говорят, что эпитет этот был совершенно правильным. А тем временем вновь встала проблема жилья, тем временем потеряно целое десятилетие, истраченное на неудавшуюся реконструкцию...

ОТНЫНЕ — ЛАБОРАТОРИЯ

Вновь понятно, что с бутылками и ящиками для бутылок можно проделать любые научные эксперименты. Жилище становится лабораторией.

Лабораторией технической, биологической, социальной и экономической. Современное общество отныне может спокойно заняться своим жилищем: не следует забывать, что только во Франции предстоит построить четыре миллиона квартир, а это означает, что жилищным строительством будет занята вся экономика страны, что изменится ее технический и общественный баланс.

ГАРМОНИЯ И ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ

...Гармония — магическое слово, сулящее всевозможные блага, это синтетическое понятие, это слово завтрашнего дня.

Прекрасная тема для социолога, который через год или два решит изучить распорядок жизни в марсельском комплексе, когда тот будет населен людьми: мужчинами, женщинами, детьми.

О долгом пути 1907—1950 годов и о программе на будущее

Ниже приводится перечень дат, свидетелей сорокатрехлетних изысканий, посвященных проблеме человеческого жилища. Подтверждением этих поисков могут служить документы, воспроизведенные в различных книгах и альбомах. Здесь мы отметим лишь основные этапы.

1907 — Чертоза Эмы в окрестностях Флоренции дала мне возможность постигнуть гармонию личной и коллективной жизни, взаимно дополняющих одна другую. Начиная с этого времени для меня существует неразрывный дуэтан: *индивид и коллектив*.

1919 — Дом Ситроена (невольно думаешь о «Ситроене»: как раз в то время во Франции началось серийное производство автомобилей. А почему бы не домов?).

1923 — «Современный город с трехмиллионным населением». Разработка дома-виллы. Новое градостроительство, новая архитектура, новые единства оптимальных размеров.

1925 — Павильон «Эспри нуво» на Международной выставке декоративного искусства. Строительство в натуре дома-виллы и доказательство его связи с градостроительством.

1928 — Создание СИАМ. Отныне человеческое жилье имеет своих исследователей, защитников, рыцарей. В 1928 году СИАМ только развешивали свою деятельность. Двадцать лет спустя их принципы нашли сторонников среди молодежи пяти континентов.

1929 — Жилые «кассеты». Первое практическое осуществление этого принципа, выдвинутого в 1925 году в павильоне «Эспри нуво». Жилая подвижность включает в себя столы, стулья и ячейки. Эти ячейки-клетки располагаются внутри дома в соответствии с их конкретным назначением.

1930 — Лучезарный город, теоретические основы: градостроительство, архитектура, социология и т. д.

1932 — Программа для Международной выставки жилища, намеченной на 1937 год. Власти храпят молча.

1935 — Жилой комплекс у Бастиона Келлермана в Париже для Международной выставки 1937 года. Неудача манипуляции.

1937 — Павильон «Тап нуво» в Порт-Майо; жилище ячейка, жилой дом, город. Многие еще

1939—1942—1944 — Дома «мюронден», временные переносные дома; жилые комплексы. Во время оккупации продолжалась подготовка предложений, могущих принести пользу стране.

1942 — Создание АСКОРАЛЬ. Одинадцать рабочих секций; теоретические исследования в области строительства. Написано несколько книг, одни из которых вышли в свет, другие в настоящее время готовятся к публикации.

1942—1948 — Создание системы «модуль», призванной нормализовать и индустриализовать строительство не только во Франции, но и на всех континентах, поскольку в наше время промышленная продукция путешествует по миру. «Модуль» примиряет футы — дюймы с метрами; он позволяет переводить фут — дюйм в десятичные меры и опрокидывает преграду, которая разделяет людей, пользующихся этими двумя различными системами мер.

1942 — Выход в свет книг «Дом людей», «О градостроительстве», «Афинская хартия».

1945 — Планы перестройки Сен-Дие (в Вогезах), в Ла-Рошели (Ла-Паллис) и начало строительства марсельского комплекса. Первые два плана отвергнуты, идея жилого комплекса признана сумасбродной и утонической.

Увы! Если можно было бы повернуть время вспять, то наряду с марсельским комплексом Сен-Дие и Ла-Рошель служили бы теперь блестящим подтверждением возможностей машинной цивилизации. План Сен-Дие был признан американцами (о чем я не был поставлен в известность) свидетельством французского возрождения; начиная с 1945 года он в течение нескольких лет путешествовал по городам США и Канады. В 1949 году план Ла-Рошели был использован в работах VII конгресса СИАМ в Бергамо (Италия); на выставке французской архитектуры и градостроительства в Вене (Австрия) этот план фигурировал в качестве первого примера осуществления принципа «решетки СИАМ».

1949 — в Марселе открыта для публики первая оборудованная типовая квартира.

И вот поношения выворачиваются наизнанку, словно перчатка: о труппах разговор больше не идет. Зато говорят другое: «Им заказали дома для рабочих, а они выстроили квартиры для американских миллиардеров» (!!!).

Программа на будущее

Отныне экономика страны может пользоваться услугами марсельского эксперимента.

Предстоит построить четыре миллиона квартир.

Гармония, человечность и математическая точность в выборе размеров гарантируют безопасность и соразмерность посредством методов, сходных с теми, которые в лучшие времена всегда открывали в секретах ремесла или в строительных традициях безграничное разнообразие возможностей (уподобление и контраст, нюансировка и т. п.). Новые нормы сулят захватывающие перспективы в экономии материалов, а главное — позволяют наладить массовое производство продукции.

Отныне эта продукция может изготавливаться промышленным способом, ее можно будет представить в виде *отдельных номенклатурных элементов*. Такая номенклатура позволит изготавливать новые изделия в местных цехах, мастерских и заводах, везде, где для этого существуют достаточные условия с точки зрения рабочей силы, оборудования, сырья и т. п. И при этом не будет необходимости возводить новые предприятия. Напротив, ремесленная мастерская с таким же успехом может взяться за изготовление этой продукции, как большое предприятие.

Материалы легкие, в некоторых случаях совершенно новые; методы тоже новые; транспорт принимает уже совершенно готовую продукцию и освобождается тем самым от перевозки мертвых грузов.

Стройки представляют собой монтажные площадки; те же самые номенклатурные листы, по которым предприятия выполняли заказы, здесь уже являются инструкцией по сборке. Строгое разделение между несущими и опорными элементами позволяет отныне индустриализовать строительство жилищ.

Остается только трезво взглянуть на положение вещей. Пока еще не создана наука о жилище.

Самое высшее учебное заведение, готовящее архитекторов, никогда не включало в свои программы вопрос о жилище, тогда как уже сам по себе один этот вопрос представляет собой гигантскую экономическую задачу, самую крупную из всех, какие только когда-либо ставила перед собой страна. Над ее выполнением будут

трудиться архитекторы, художники, монтажники, механики, специалисты по гигиене; все их усилия будут обращены на благо человека, семьи, мужчин, женщин и детей. Начиная от отдельного домашнего очага и кончая целым городом, вплоть до освоения целых обширных участков территории, — во всем должна соблюдаться последовательность, нигде не должно быть разрывов логической связи. При строительстве такого жилища должны существовать постоянные связи между близкими отраслями производства и смежными научными дисциплинами.

Каждый активный член современного общества может внести в это дело полезный вклад.

Жилой комплекс в Марселе позволил наладить 26 видов коммунального обслуживания, освободив тем самым мать семейства от домашнего рабства и облегчив ей задачу воспитания детей. Женщины должны сыграть свою роль в этом большом деле. Они могут наметить верную программу и сами же могут осуществить ее на практике. Все эти вопросы жилища открывают перед женщиной поприще архитектора. Термин «архитектура» уже не вполне точно соответствует той деятельности, о которой идет речь; надо создать новую профессию, надо сделать так, чтобы всякий, кто изберет ее, поддерживал близкое и постоянное знакомство с конкретными, материальными явлениями: с заводами, цехами, стройками. Те, кто накроит достаточно знаний в этой области, могут получить дипломы *специалистов по жилью* и заниматься строительством и оборудованием жилищ.

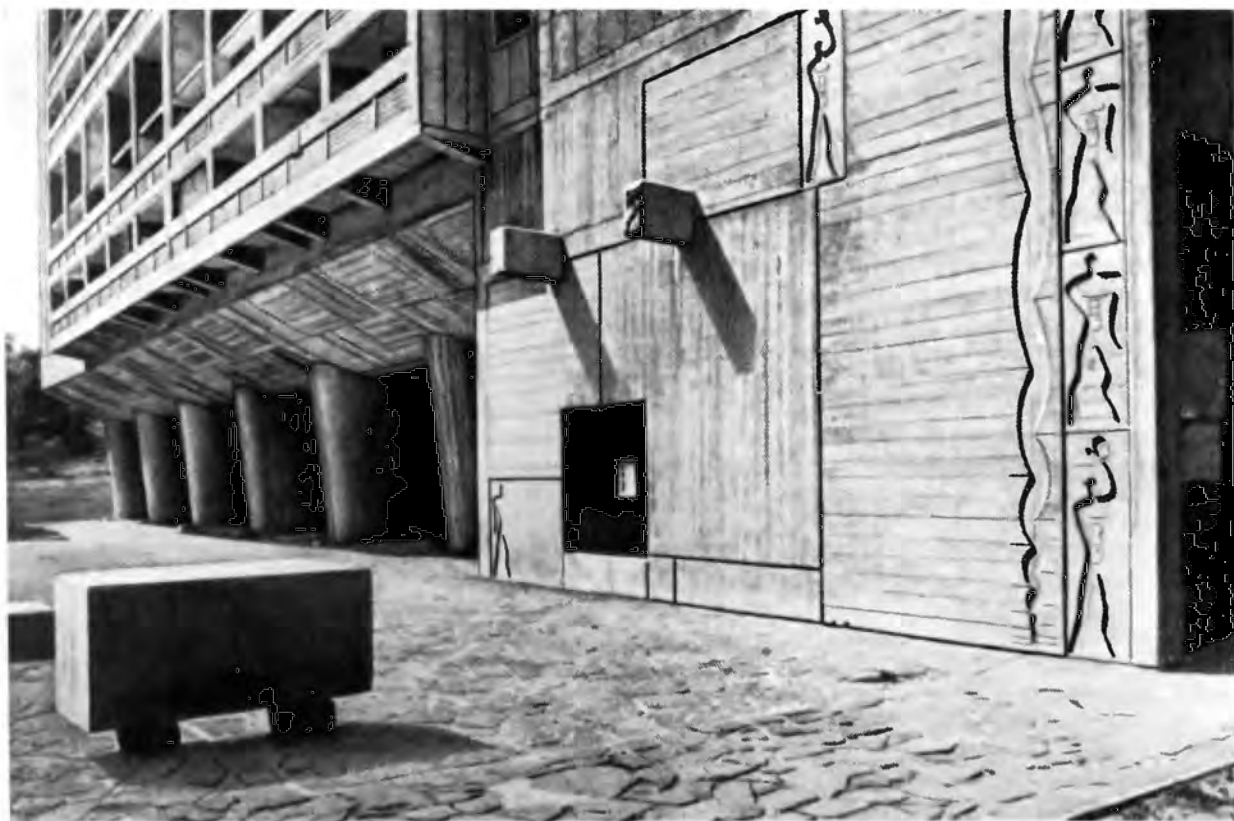
Дело в том, что теперешние дипломы во многом ограничивают то широкое поле деятельности, о котором говорилось выше. Качеств, которые ныне требуются от человека, желающего получить официальный диплом, совершенно недостаточно для того, чтобы посвятить себя новой профессии, призванной улучшить жизнь людей под их домашним кровом.

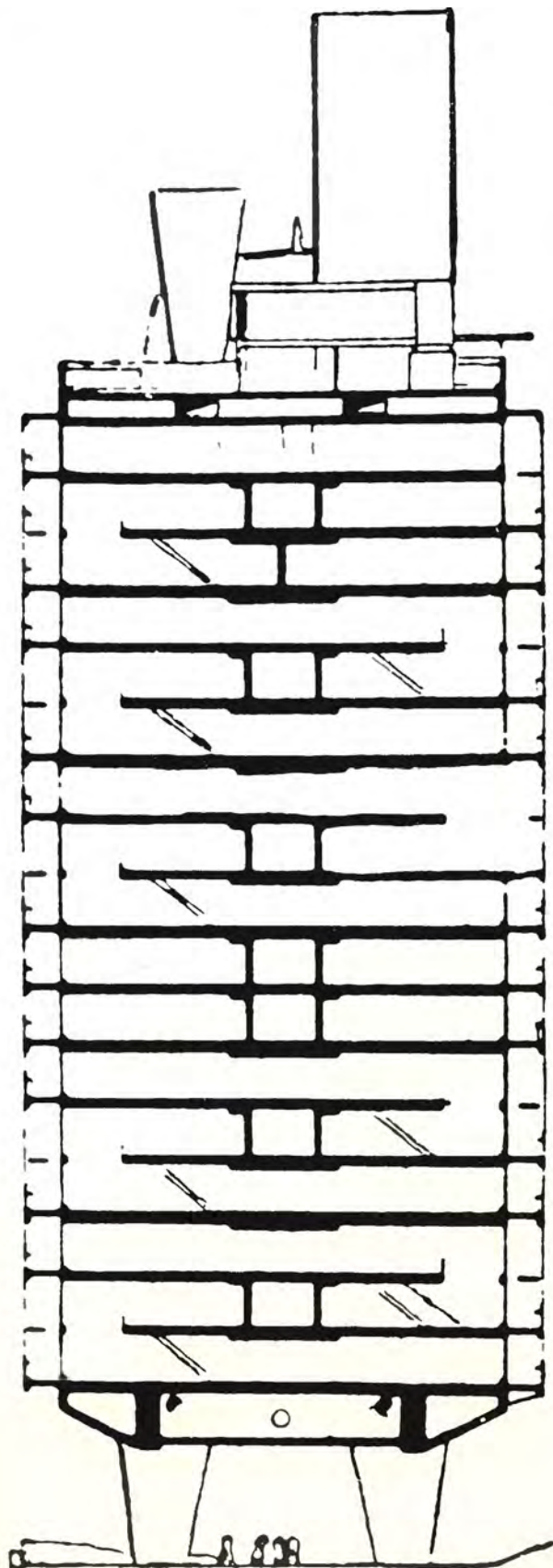
Le Corbusier. L'unité d'habitation de Marseille. Mulhouse, 1950.

Единый жилой комплекс в Марселе на 1600 жителей.
1947—1952.
Вид со стороны бульвара Мингье.

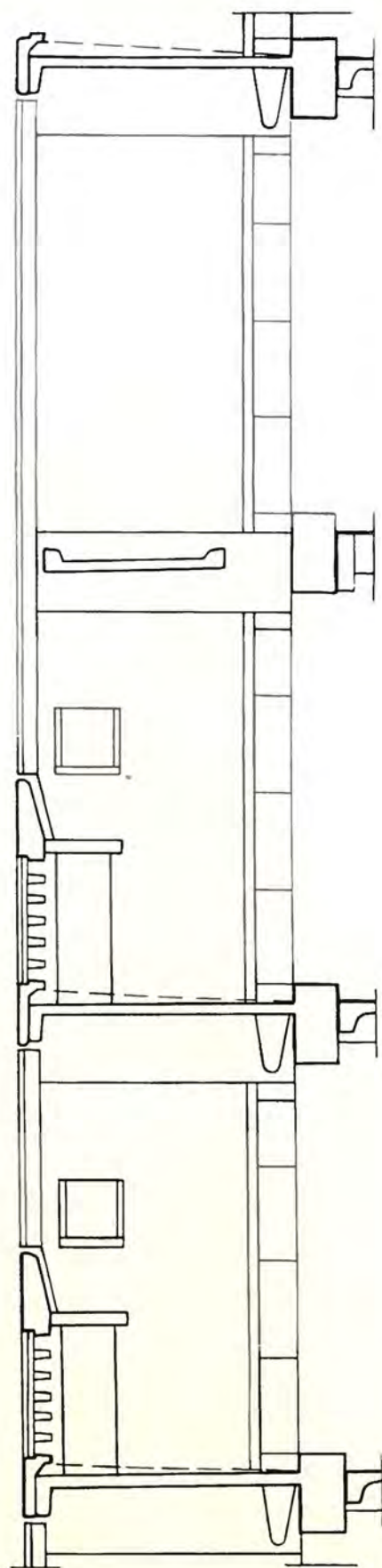
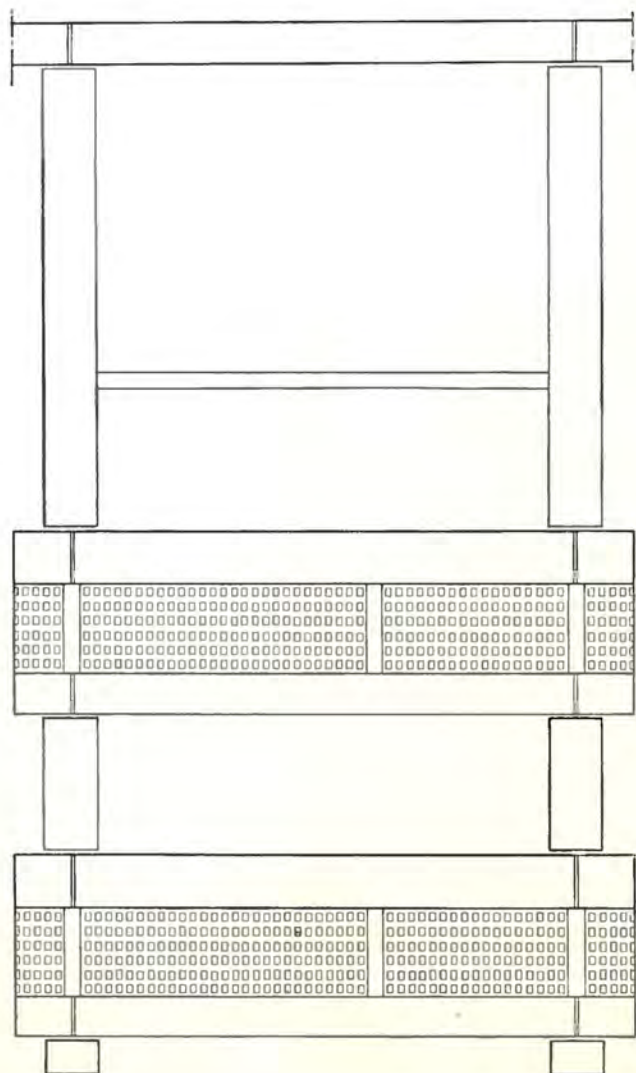
Единый жилой комплекс в Марселе на 1600 жителей.
Фрагмент фасада.

Единый жилой комплекс в Марселе на 1600 жителей.
Рельеф человека с поднятой рукой («модуль»).

Единый жилой комплекс в Марселе на 1600 жителей.
Поперечный разрез.

Капелла в Роншане, Франция. 1950—1954.
Общий вид.

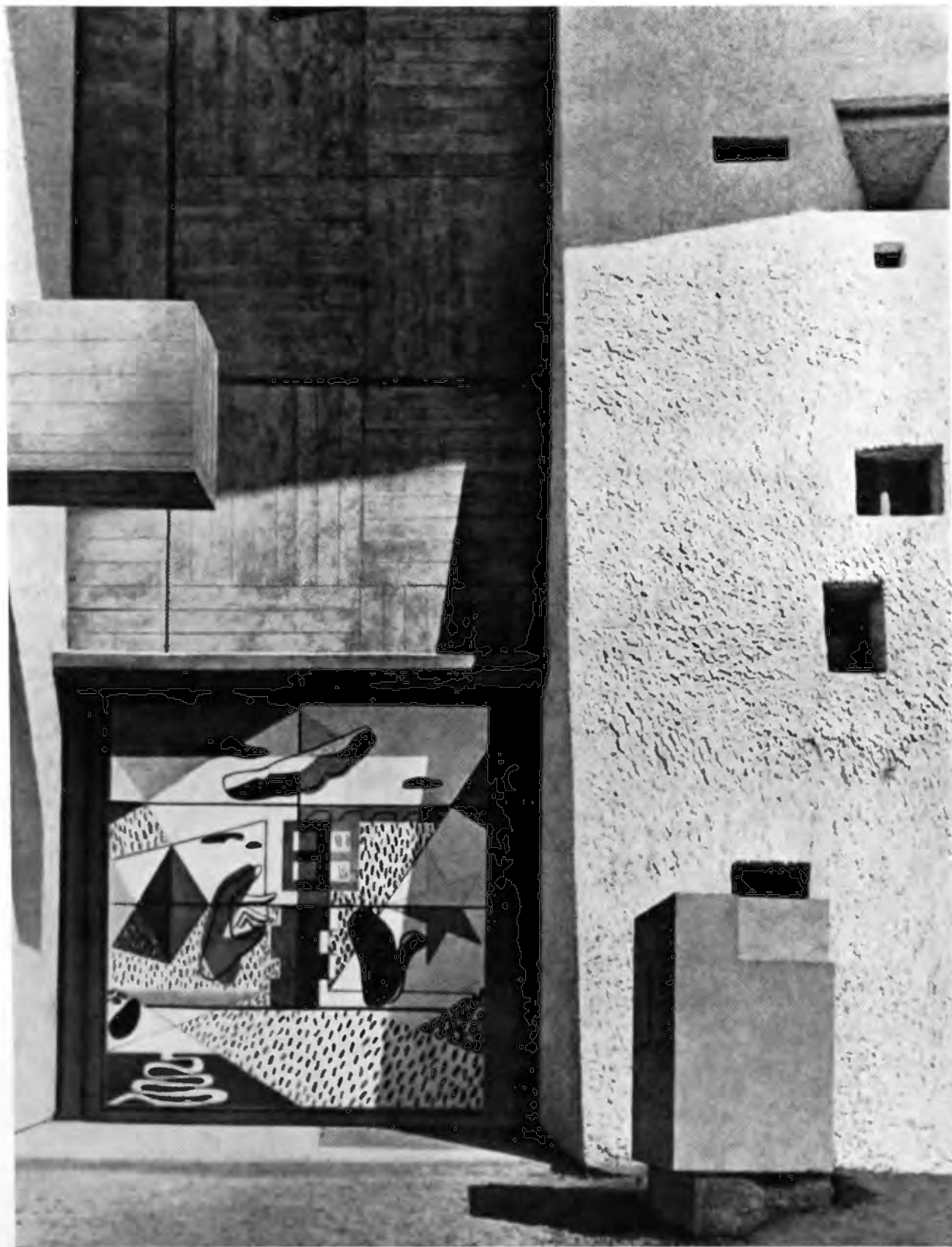

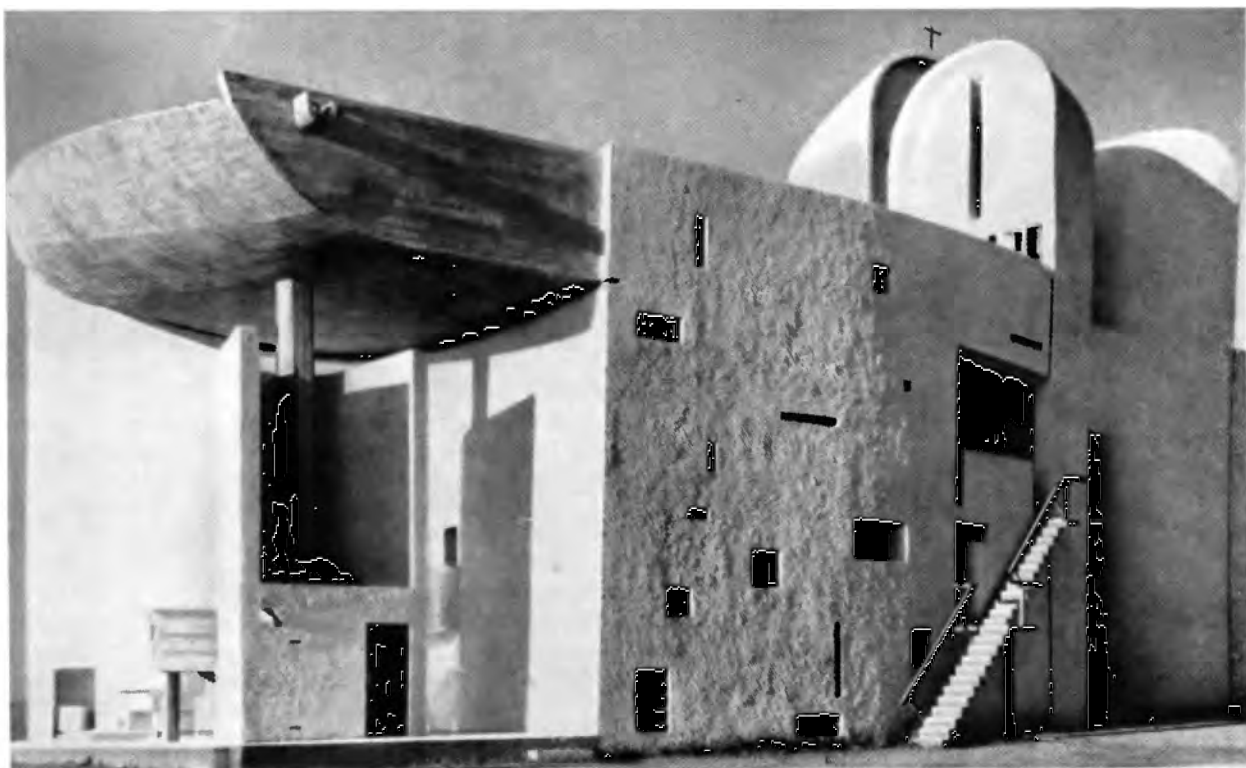
Капелла в Роншане. Набросок.

Капелла в Роншане. Набросок.

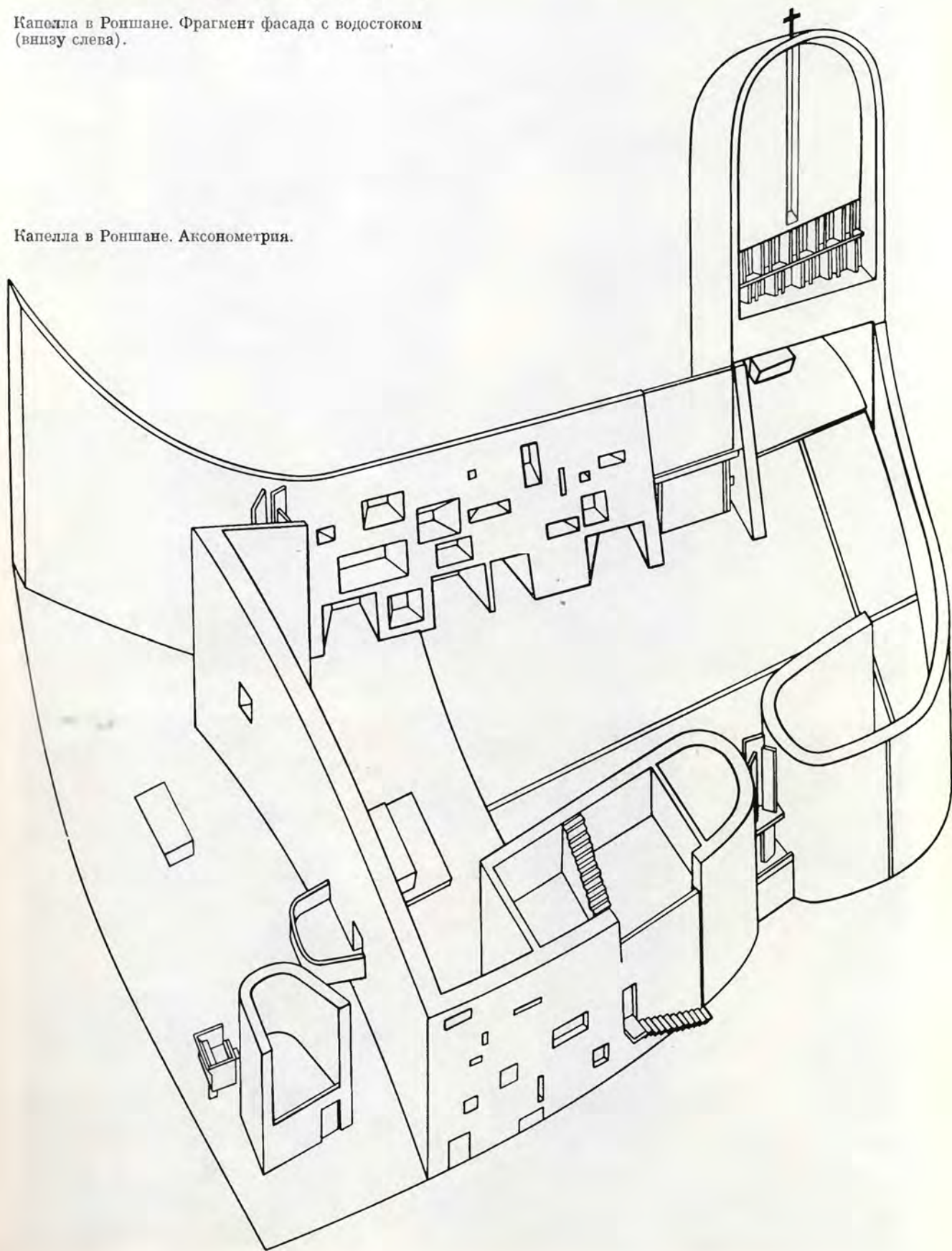

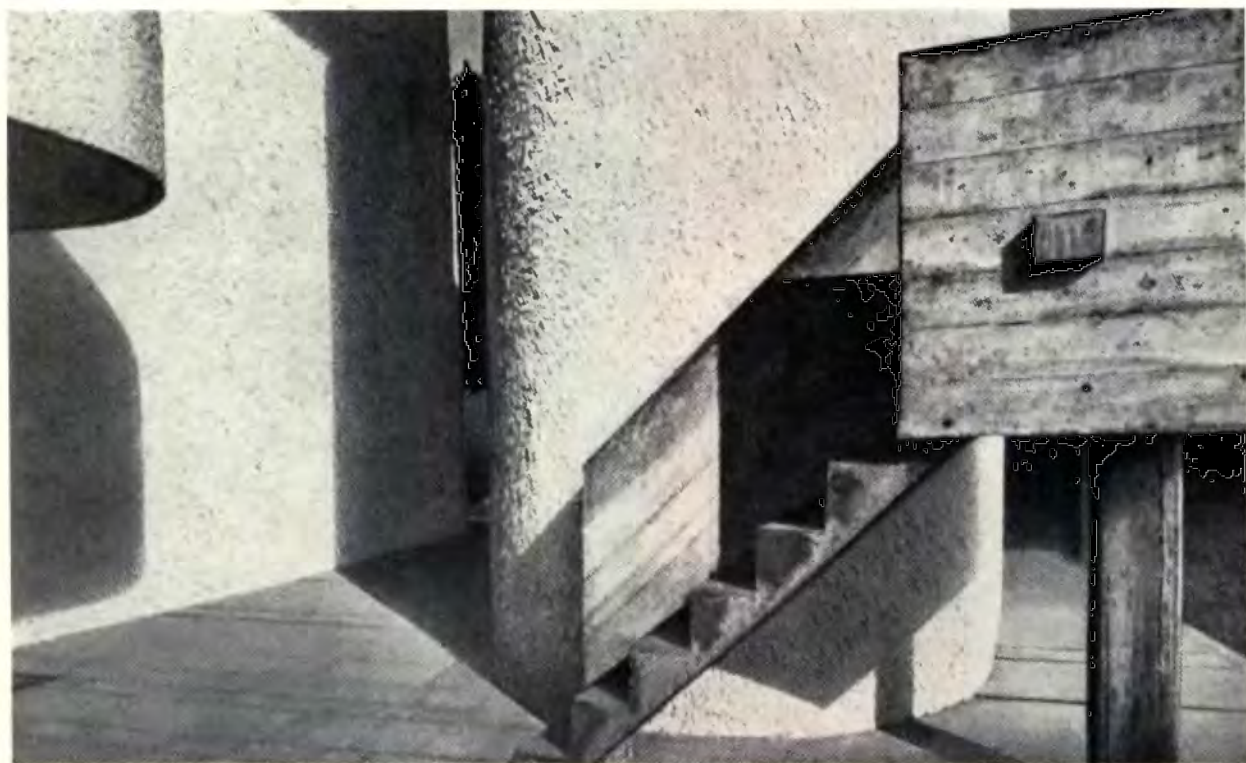
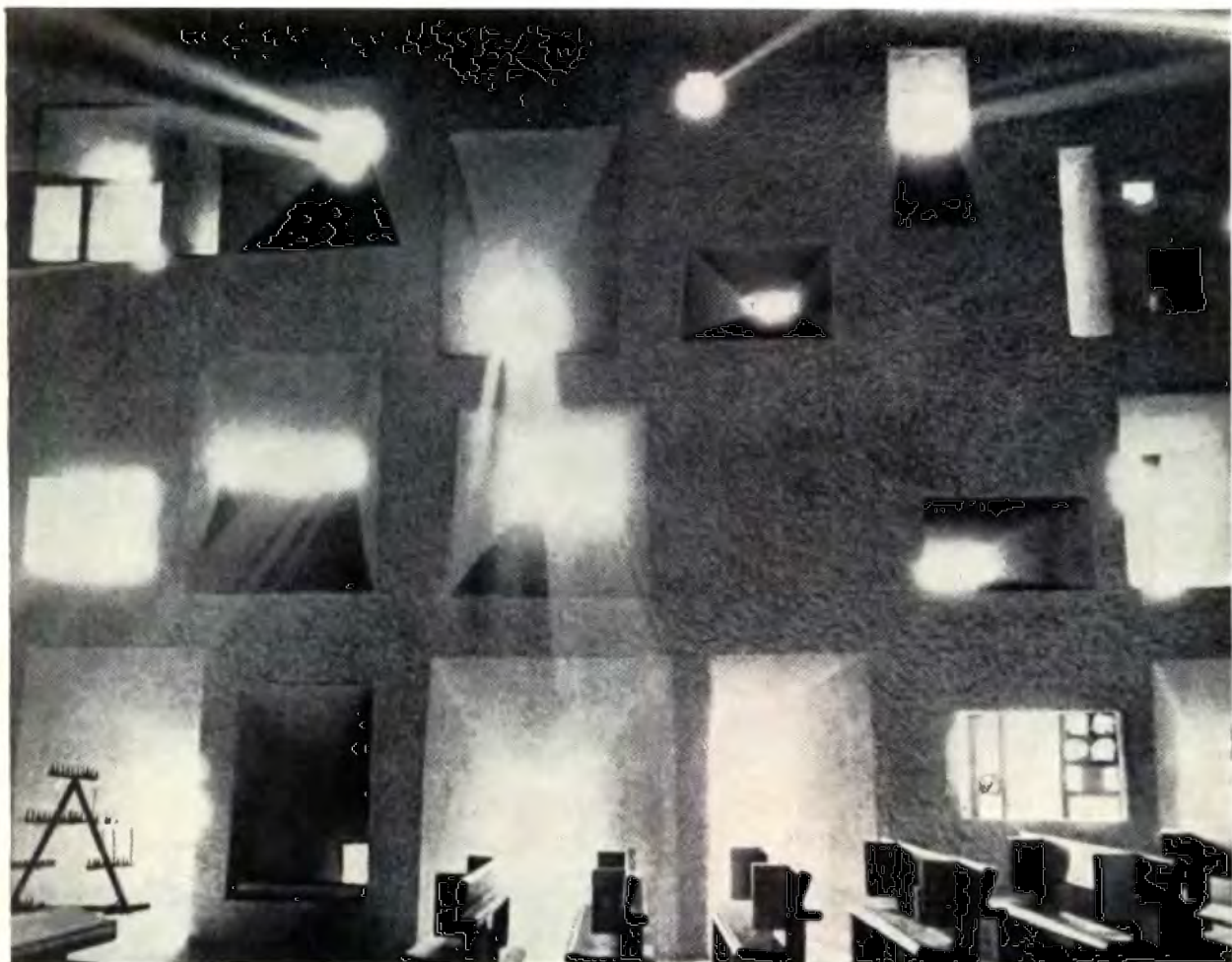

Капелла в Роншане. Фрагмент фасада с водостоком
(внизу слева).

Капелла в Роншане. Аксонометрия.

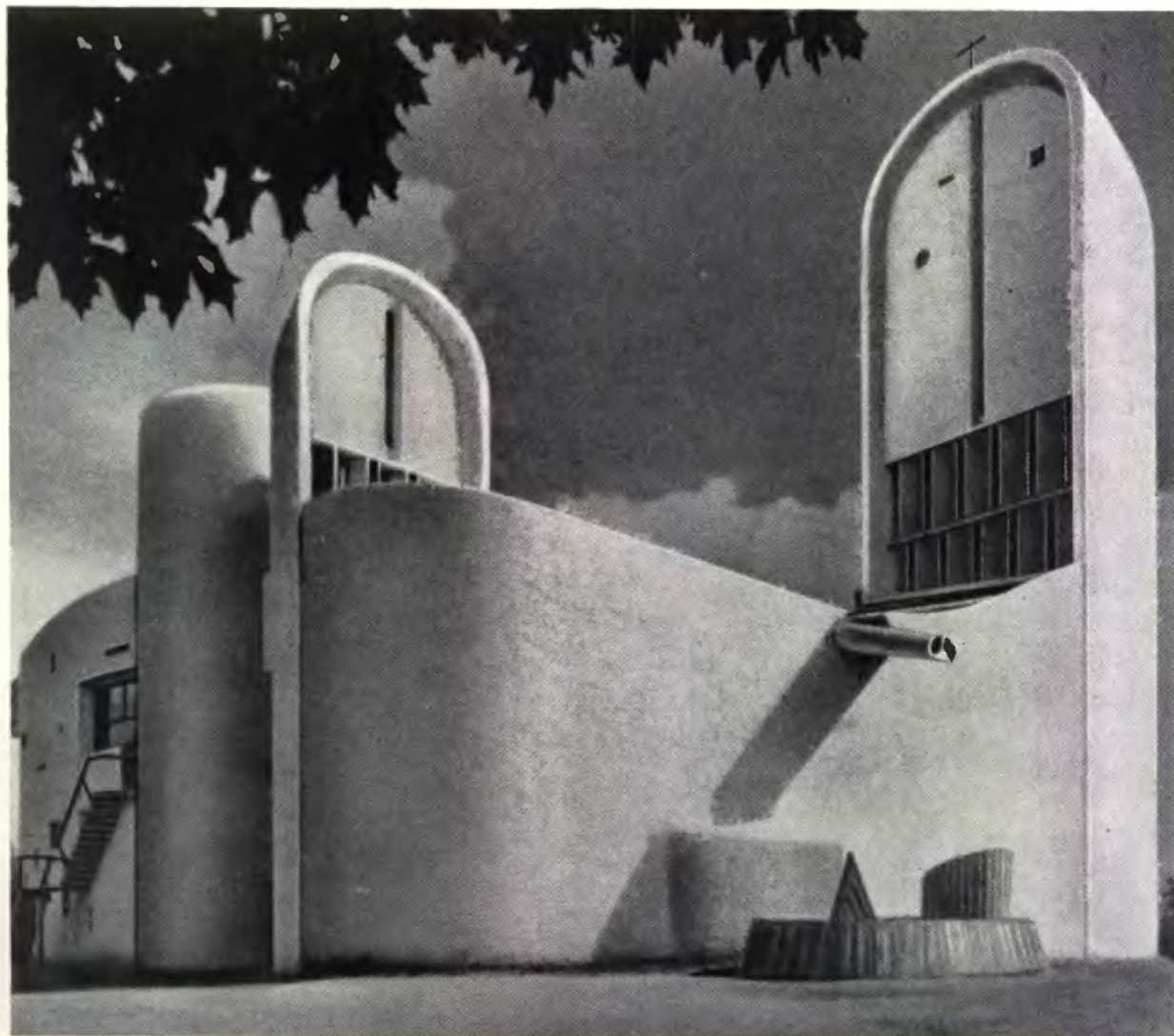

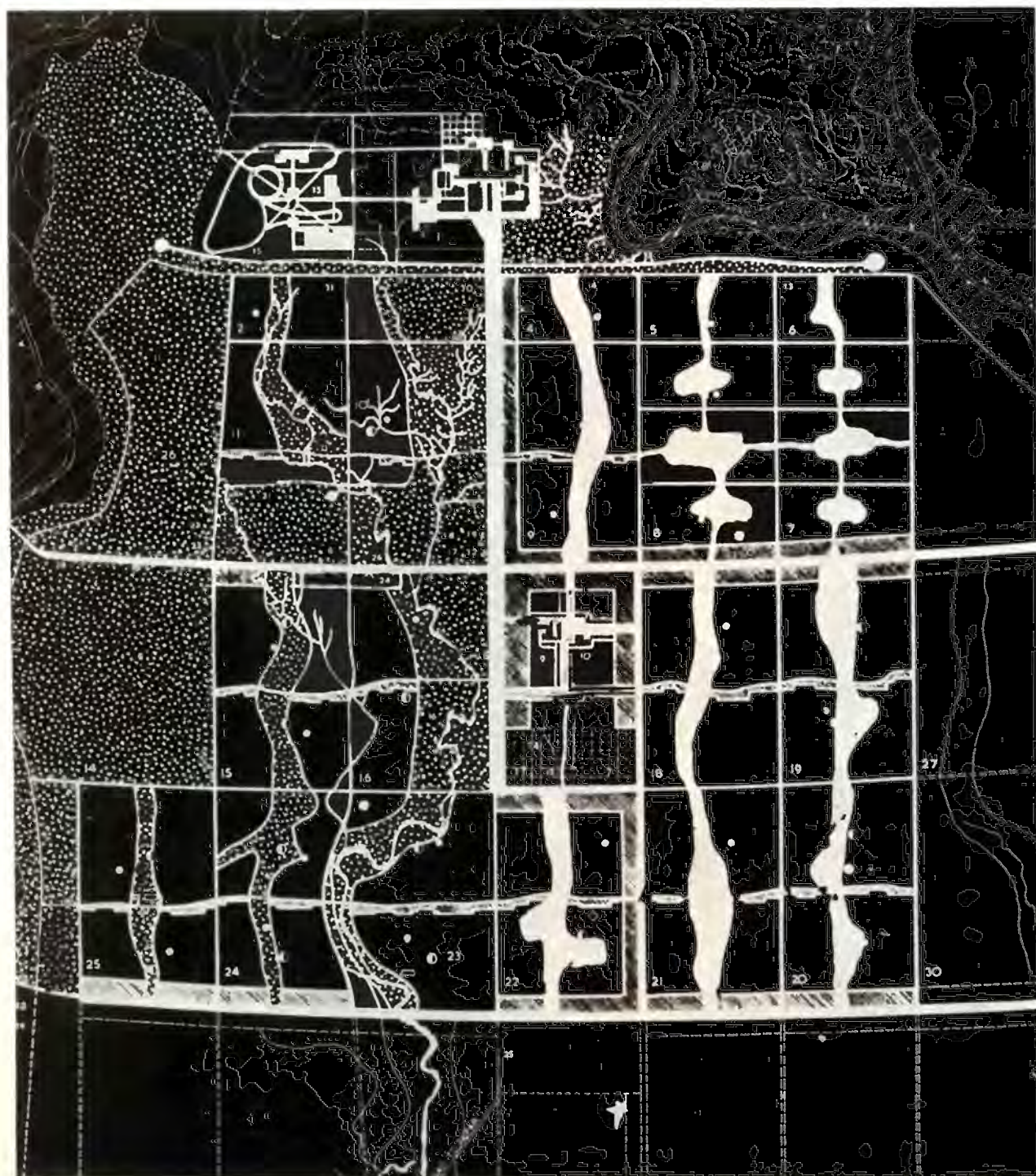
Капелла в Роншане. Наружная лестница (внизу слева).

Капелла в Роншане. Фрагмент фасада со стороны главного входа.

Капелла в Роншане. Западный фасад с водостоком.

ТРИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ УСТАНОВЛЕНИЯ

„Зеленый завод“

В наш век машинной цивилизации завод — это огромное предприятие, предназначенное для выпуска той или иной продукции. Главным фактором производственного процесса является механизация. Машины обладают неизмеримо большей мощностью, скоростью и точностью, нежели руки человека. Они перерабатывают самое разнообразное сырье и полуфабрикаты: металлы, вязкие массы, волокна, зерно, жидкости, газы и т. п. Оглушительный шум, сотрясения, пыль, всякого рода запахи, подчас зловонные, — все это создает на заводе поистине адекватную атмосферу, усугубляемую пламенем и жаром, дымом, копотью и испарениями.

Остекленные кровли или большие оконные проемы, обеспечивающие необходимое естественное освещение заводских корпусов, являются причиной перегрева производственных помещений или же их чрезмерного охлаждения в зависимости от времени года.

Машины воспроизводят рабочие движения человека в каком-то невероятном преувеличении, доводя их порой до чудовищного гротеска (толчение и дробление, трамбовка, прокатка, волочение, продувка, ковка и т. п.). Иногда они работают с медлительностью великана (огромные пестовые молоты, гигантские прессы). Другие развивают опаснейшие скорости, действуя с быстротой змеи или молнии, они то скачут галопом, то стремительно скользят. Повсюду маячат их злое и причудливые конечности, вызывая в душе беспокойство и страх. На полу, на стенах и перекрытиях оседает пыль, помещения захламываются отходами.

Труд на современном заводе может показаться великой карой, возмездием за некое неосознанное преступление. И все же необходимо принудить тем, кто им занимается, чувство его величия и красоты.

Если в социальной области предстоит еще решить множество проблем, касающихся трудового законодательства, прав и обязанностей, то строители в свою очередь обязаны немедленно приступить за переустройство и благоустройство производственных предприятий. В их задачу входит рациональное использование территории, учет резервов сельских земельных участков, разумная планировка промышленных городов и мест торгового обмена.

Что касается непосредственно промышленности, то здесь главная задача состоит в том, чтобы заменить «черный завод» — завод первого столетия машинной эры новым, «зеленым заводом».

На «зеленом заводе» трудовой процесс вновь будет протекать в естественных условиях. На предприятиях, как и в жилых кварталах, солнце, небо, зелень восстановят связь человека с природой, дадут его легким живительный воздух. Все это воссоздаст ту естественную среду, в которой происходила многовековая и сложная эволюция человека.

Подобные замыслы могут показаться чересчур смелыми. Разве так уж необходимо, скажут нам, да и возможно ли внедрить в повседневную и изнурительную трудовую жизнь атрибуты досуга, отдыха, смягчить неумолимую жестокость современного трудового процесса, больше того, с помощью конкретных и заблаговременно продуманных мер превратить труд в отраду жизни? В самом деле, речь идет о том, чтобы полностью преобразить самый значительный отрезок жизни, долгие часы, дни, годы — время работы, чтобы превратить его из тяжелого бремени в истинное наслаждение. Это основная цель, которую предстоит решить людям машинной цивилизации.

Если коренные изменения принципов застройки населенных мест возвращают жилищу естественные условия человеческого существования, то к подобным же результатам приводит и рациональная планировка мест приложения труда, не вызывая при этом никаких особых затруднений, никакого ущерба. Напротив, такое решение сулит большие выгоды.

Ниже дается описание одного из крупных военных заводов, сооруженного в оптимальные сроки в 1940 году. Завод этот, к сожалению, так и не вступил в действие из-за японского поражения. Министр вооружений Рауль Дотри (это он через шесть лет поручил мне создание жилого комплекса в Марселе) потребовал, чтобы проект завода был разработан с особой тщательностью, так, чтобы в случае успеха этот завод мог бы служить образцом при последующем проектировании других промышленных объектов.

Значительная часть современных промышленных предприятий характеризуется извест-

ным беспорядком, нарушающим последовательность производственных операций. Этому можно противопоставить определенный порядок, систему, которая предусматривала бы координацию всех этапов производства в пространстве и во времени. Образцом такой системы можно считать конвейерную систему, которая делит производственный процесс на отдельные стадии.

Именно такая четкость, достигаемая с помощью строгой организации труда, и будет положена в основу «зеленого завода». Но кроме этой, чисто материальной дисциплины, «зеленый завод» должен характеризоваться еще одним важнейшим фактором. Фактор этот морального порядка: радость жизни.

Дьявольская типичная беспорядка воцаряется повсюду, где только возникает для этого малейшая возможность. Достаточно, скажем, неудачного расположения зданий, например нарушения бесперебойности сообщения между отдельными корпусами или излишнего количества дорог, улиц, площадей, аллей, не выполняющих никакой определенной функции и являющихся только поводом к бесцельному хождению, к ненужным перевозкам готовой продукции или сырья, к сооружению временных складов, которые очень быстро превращаются в постоянные хранилища всевозможных отходов (поломанных колес, балок, изношенных механических частей — словом, того самого старья, что залеживается около домов, в траве, на асфальте проспектов или на неское аллей), — достаточно одного этого обстоятельства, и порядок нарушен.

Чтобы уничтожить беспорядок, нужно преградить ему доступ (вопрос организации транспорта) на территорию, заведомо объявленную свободной от всякого хозяйственного использования (вопрос расположения зданий).

Назначение таких пространств не будет, следовательно, иметь никакого отношения к производству. Это будут участки природного ландшафта с развернутыми на нем архитектурными ансамблями. Производство должно осуществляться в особой, специально для этого предназначенной, выбранной или оборудованной среде, где все строения, расположенные среди газонов или лужаек, среди густых древесных насажде-

ний или открытых пространств, будут выстраиваться в изящную, радующую глаз перспективу.

Последовательность производственных операций может быть организована в виде непрерывной линии, подобной транспортной магистрали с односторонним движением, на которой исключены всякие развороты. На этой магистрали, которая представляет собой прочную и гладкую бетонную ленту, пересекающую всю территорию завода, в том числе и озелененные участки, движутся только вагонетки с электрическим или каким-либо иным двигателем. Они транспортируют продукцию от приемного пункта сырья через крытые склады, предназначенные для хранения этого сырья, в производственные цехи и отделы, где оно перерабатывается, вплоть до склада готовых изделий и места их отгрузки. Эта лента соединяет одно здание с другим; внутри цехов она разветвляется и обслуживает каждую машину. Все операции производятся на земле, на уровне земли — либо непосредственно на бетонной ленте, либо на производственных площадках цехов. Этим маршрутом движения сырья и продукции должны пользоваться только ответственные, специально назначенные лица.

По какому маршруту в таком случае следуют рабочие? И прежде всего, откуда они приходят?

Они приезжают из дому по дороге, которая проходит рядом с воротами завода. Куда они затем направляются? Очевидно, к стоянке велосипедов, мотоциклов и автомобилей, отсюда к проходной, а дальше, пройдя через раздевалку и умывальник, каждый, не теряя времени, направляется к своему рабочему месту, к станку.

К концу рабочего дня они проделывают обратный путь. Во время смены некоторых рабочих могут вызвать в заводоуправление или им понадобится посетить организацию общественного обслуживания (консультации, врач и т. п.). Для этого им не придется бродить по заводской территории или вне ее.

Описанный выше маршрут воспроизводит схему кровообращения или нервной системы высокоорганизованного животного. Его разветвления напоминают также дерево со стволом и ветвями. Такая точная строгая и сжатая форма дает наибольшую экономию усилий. Она вовсе не похожа на традиционную квадратную сеть

Три примерные схемы „зеленого завода“

ОБРАЩЕНИЕ СЫРЬЯ

улиц или проспектов, которая в подавляющем большинстве случаев берется за основу при организации внутризаводского сообщения, в результате чего сырье, готовая продукция, рабочие и административный персонал движутся по самым запутанным маршрутам.

Каков характер производства на нашем предприятии?

На нем используются три вида сырья: свинец, латунь, сталь. Сталь требуется прежде всего для производственного оборудования. Кроме того, завод потребляет взрывчатые вещества, которые размещаются в особых складах, находящихся вдалеке от завода. Взрывчатые материалы отправляются в цехи каждый час небольшими партиями.

Сталь, свинец и латунь, доставляемые по железной дороге, разгружаются и взвешиваются. Здесь берет свое начало бетонная дорога, которая следует затем к крытому складу свинца, к складам стали и латуни, после чего она разветвляется, чтобы пройти через различные цехи: формовочный, хромировочный, инструментальный, измерительный, механический и второй формовочный. Обслужив различные машины и станки, она идет к цехам зарядки, маркировки и упаковки. Закачивается она у склада отгрузки готовой продукции на железную дорогу.

По бетонной ленте движутся только электрические вагонетки, и, кроме их водителей, никто не имеет туда права доступа.

Дорога эта проходит по траве; твердое покрытие предохраняет ее полотно от зарастания сорняками.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПЕРСОНАЛА

В течение дня на завод приезжают по шоссе три тысячи пятьсот рабочих, работниц и служащих.

На заводе имеются:

- гараж,
- проходная,
- здание социально-бытового обслуживания, в котором расположены отдел социального страхования, медпункт и столовая — прямо напротив проходной.

Начиная с этого места полотно дороги поднимается над уровнем почвы, оставаясь на всем своем протяжении почти горизонтальным, в то время как местность идет под уклон к реке.

На уровне шедовых крыш цехов дорога, таким образом, превращается в переходный мост, имеющий стены и потолок; он похож на квадратную трубу.

От моста отходит несколько лестниц, которые ведут в раздевалки погрузочных цехов. Подобные ответвления имеются и дальше: в сторону формовочного и механического цехов, в сторону инструментального цеха, и, наконец, дорога подходит к зданию заводоуправления.

Следует добавить, что все переходы должны быть освещены, отапливы и обеспечены водоснабжением. Поэтому в конструкции переходного моста должны быть предусмотрены электропроводка, система отопления и водопроводные трубы. Трубы отопления проведены под потолком, где в случае необходимости к ним легко можно получить доступ. Схема прокладки этих труб будет наиболее экономичной, с тем чтобы они с максимальной эффективностью выполняли свое назначение.

Из раздевалок, расположенных на антресолях, персонал спускается на первый этаж в умывальные комнаты, двери которых выходят прямо в цехи.

Путь следования персонала обозначен на схеме сплошной линией.

Маршрут движения электровагонеток обозначен пунктиром.

И наконец, в виде заштрихованной полосы представлено полотно шоссе с дорожкой, которая имеет площадь для стоянки автомобилей и проходит непосредственно рядом со зданием заводоуправления.

Все рассмотренные выше маршруты составлены в духе строжайшей экономии. Их направление — изнутри вовне — диктуется самой жизнью.

ПЛАН РАСПОЛОЖЕНИЯ ЗДАНИЙ

Здания размещены с учетом рельефа и требований производства; их форма и размеры в каждом отдельном случае соответствуют их назначению. Тщательно продумано устройство равномерного освещения цехов.

Но в отдельных местах, там, где лучи солнца не будут мешать работе, предусматриваются вертикальные оконные проемы-витрины, открывающие перспективы на разумно сохраненный естественный или вновь созданный ландшафт. Пространство между зданиями будет организовано как гармоничный ансамбль широких уча-

стков неба и уходящих к горизонту перспектив. Трава растет прямо у этих остеклений, открытых на природу. Существующие деревья сохранены, а кроме того, чтобы оживить местность, посажены и новые.

Одна из стен переходного моста остеклена. Заводоуправление помещается в четырехэтажном здании, обращенном в сторону реки.

Таков один из примеров «зеленого завода». Он может послужить образцом при проектировании линейных промышленных городов.

Жилые строения

В век автомобилей дорожная сеть нуждается в соответствующей реконструкции. Скорость движения современных машин в 20—30 раз превышает скорость конного транспорта.

Дорожная сеть определяет лицо страны, ее роль выходит за пределы местных потребностей и приобретает всеобъемлющий характер.

Париж никогда не терял своей исторически сложившейся сети дорог, несмотря на все превратности, которые ему приходилось терпеть из-за своего непрерывного роста. Но постепенно, в ходе веков трудности накапливались; сначала это были препятствия военного характера — необходимость сооружения укреплений, последовательных фортификационных поясов. Так возникли первый, второй, третий, четвертый пояса — каждый последующий шире предыдущего. Потом, в XIX веке, появляются железные дороги; город начинает расширяться изнутри, вырастают первые пригороды. И наконец, в XX веке возникает страшный недуг, проказа, искажающая само понятие города: крупные пригороды. Город становится чудовищно разбросанным: до 30 километров в ширину! Сейчас в Париже живет 8 400 000 человек, то есть пятая часть всего населения Франции.

Необходимо всерьез задуматься о дальнейшей судьбе Парижа как культурного и административного центра страны. Расчеты показывают, что в пределах фортификационного пояса Наполеона III можно создать зеленый, лучезарный город с трехмиллионным населением и при этом половина территории еще останется в резерве.

Принцип зеленого города с жилыми комплексами, окруженными насаждениями и отстоящими один от другого на 200—300 метров, может быть осуществлен в Париже. Уже теперь можно начать планомерное превращение многочисленных антисанитарных кварталов в кварталы зеленого города. Поскольку жилые комплексы займут лишь 10 процентов территории (хотя при этом плотность населения будет соответствовать плотности больших городов), то достаточно будет в ходе строительства высвободить внутри антисанитарных кварталов всего 10 процентов территории под застройку плюс 10 процентов для нужд строительства, то есть всего 20 процентов всей площади.

Таким образом, осуществление этого проекта потребует переселения в другие районы не более 20 процентов жителей, в то время как остальные 80 процентов останутся на прежнем месте и по завершении стройки смогут вселиваться в новые жилые комплексы.

После этого оставшиеся 80 процентов обветшалых зданий будут снесены и на их месте возникнут парки, шоссе и подсобные сооружения. Иллюстрацией такого принципа перестройки обветшалых районов может служить квартал № 6, превращенный в жилой район лучезарного города с населением 18 тысяч человек. Квартал этот расположен у начала парижской магистрали восток — запад, которая является примером того, как при разумном использовании принципов градостроительства можно добиться повышения ценности участков городской территории. Со временем такие отдельные островки сольются воедино, и тем самым будет завершена прогрессивная реконструкция всего Парижа.

Промышленные объекты

Города-спутники и децентрализация промышленных зон Парижа по принципу рассеивания лишь затрудняют сообщение и ведут тем самым к излишней трате времени.

Вместо децентрализации по принципу *рассеивания* необходимо практиковать децентрализацию *вдоль* путей сообщения, вдоль шоссе и железных дорог, вдоль каналов, идущих параллельно наземным путям.

Настоящие города-спутники выше следует возводить в 50, 100, 200, 300 километрах от Парижа с внимательным учетом природных условий. Это будут новые центры переработки сырья: *линейные промышленные города*, принцип которых был изложен выше. Таким путем можно будет освободить Париж от проказы пригородов и вновь утвердить его в качестве культурного, административного и торгового центра страны.

В городе Мо, например, *вдоль шоссе и водных (Уркский канал), железнодорожных и воздушных путей сообщения* может быть запроектирован промышленный линейный город с предприятиями по переработке сырья. Сеть автомобильных дорог сокращена до минимума. Она оборудована стоянками и гаражами везде, где в них есть необходимость. Пешеходные пути не соприкасаются с шоссе.

Дорога, идущая вдоль гражданского и ремесленного центра города, решает вопрос замедленного движения автомобилей и пешеходного движения. Автострада Париж — Реймс пересекает шоссе. И наконец, шоссе для велосипедов, мотоллеров и мотоциклов доходит до дороги, проходя мимо дверей каждого дома.

В каждом жилом здании налаживается коммунальное обслуживание: оно отдается в концессию частным лицам. Дело это чрезвычайно доходное, и предприниматели очень быстро могут погасить ссуду. Около домов в «зеленом городе» устраиваются спортивные площадки.

В начальную школу учащиеся могут ходить пешком, не прибегая к услугам транспорта. Детские сады и ясли расположены в самих домах. Школы окружены садами, в которых школьники будут изучать ботанику.

Некоторые истины очевидны. Так, например, власти могут твердо заявить: заводы «Рено» следует убрать из Биянкура, «Ситроен» — из

Жавеля. . . Достаточно нескольких распоряжений такого рода, и все изменится. Совершенно ни к чему держать наготове план Парижа с начерченным на нем будущим города. Принципы сами по себе в состоянии растопить лед, двигаться с места все, что раньше казалось укоренившимся и неизменным. Сотрясение косных традиций — это зари нашего завтра, это обещание грядущей стройки.

Уже существует тезис, гласящий: радиально-концентрические города-спруты впрямь не должны расширяться. Под напором механизации они будут преобразованы, приведены в соответствие с человеческими масштабами и для *служения человеку*. Промышленность отныне изгоняется из больших городов; покинув радиально-концентрические образования, она займет подобающее ей место в линейных городах. Там она будет сосредоточена, а не разбросана по всей территории. Переселение заводов «Рено» означает отъезд 30 тысяч семей, то есть что-то около 100—150 тысяч человек. Освобождается квартал из 30 тысяч квартир рабочих «Рено».

В Париже и его пригородах можно будет снести 30 тысяч домов-трущоб, которые отмечены черным цветом на плане санитарной службы города. Обитатели этих трущоб вселяются в квартиры, ранее принадлежавшие рабочим «Рено» (если эти квартиры достаточно благоустроены), и нет необходимости строить 30 тысяч новых квартир. Последнее обстоятельство до сих пор служило главным препятствием осуществлению всех проектов реконструкции перенаселенных городов. Теперь же можно будет взяться за перестройку тех или иных обветшалых кварталов, превращая их каждый в отдельности в самостоятельный жилой комплекс, *не будучи вынужденным при этом строить новые дома для переселяющихся*. Жилищные условия обитателей трущоб будут последовательно улучшаться: сначала трущобы, затем 30 тысяч высвободившихся квартир, более или менее пригодных для жилья, и, наконец, прекрасные квартиры, построенные с учетом всех современных требований и вместе с тем удачно расположенные в тех самых кварталах, где когда-то их теснерешили жильцы ютились в трущобах.

Если бы «Рено», если бы «Ситроен» . . . и т. д. Если бы были приняты нужные меры, города постепенно приняли бы новый облик.

Париж, радиально-концентрический город, не должен больше расширяться, напротив, площадь его должна быть сокращена. Его пригороды, окраины, предместья в течение нескольких десятилетий должны постепенно исчезнуть. Ведь они были застроены временными домами. Уже тогда каждый дом, каждая группа строений в этих предместьях была обречена на последующий снос, на перестройку; уже тогда предполагалось, что со временем их заменят новые, более качественные дома — здания более высокой категории по сравнению с прежними. Разрушение будет иметь своей целью созидание; на месте снесенных кварталов появятся парки, культурные или спортивные учреждения.

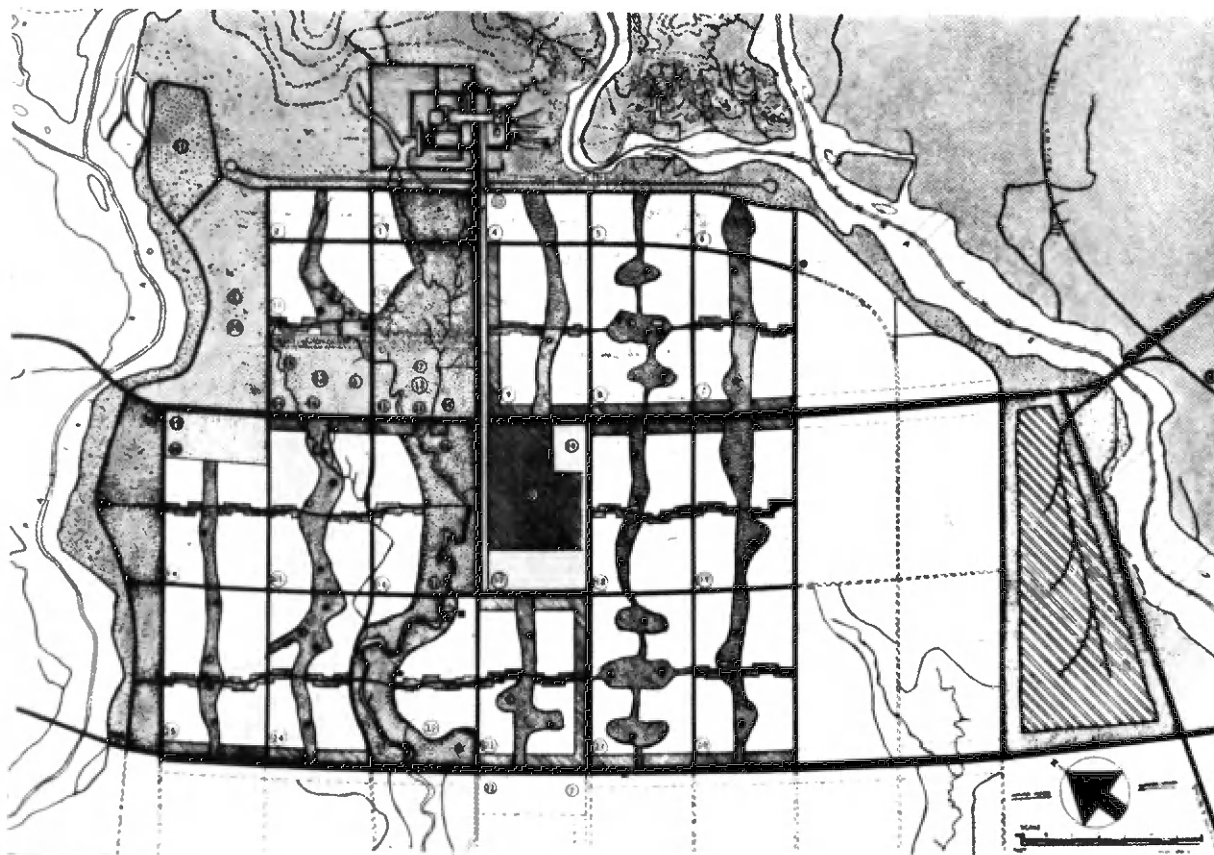
Тогда наконец прекратятся попытки разгрузить большие города с помощью *городов-спутников*, тоже в свою очередь радиально-концентрических. Города такого типа возникают не вдруг; они складываются постепенно, в определенных, обусловленных всевозможными объективными факторами местах — на пересечениях важнейших путей сообщения. . .

Гигантская программа? Непроизводительная программа? Почему же? Непроизводительная с точки зрения дивидендов, но весьма производительная с точки зрения человеческого счастья. Это рабочая программа, которая расплачивается за труды по ее осуществлению радостью жизни. Ответ «*Отныне в Бизанжуре строительство запрещено*» явится началом работ по всей стране:

а) деревня, которая уже перестраивается;
б) линейные города — основы нашего оптимизма;

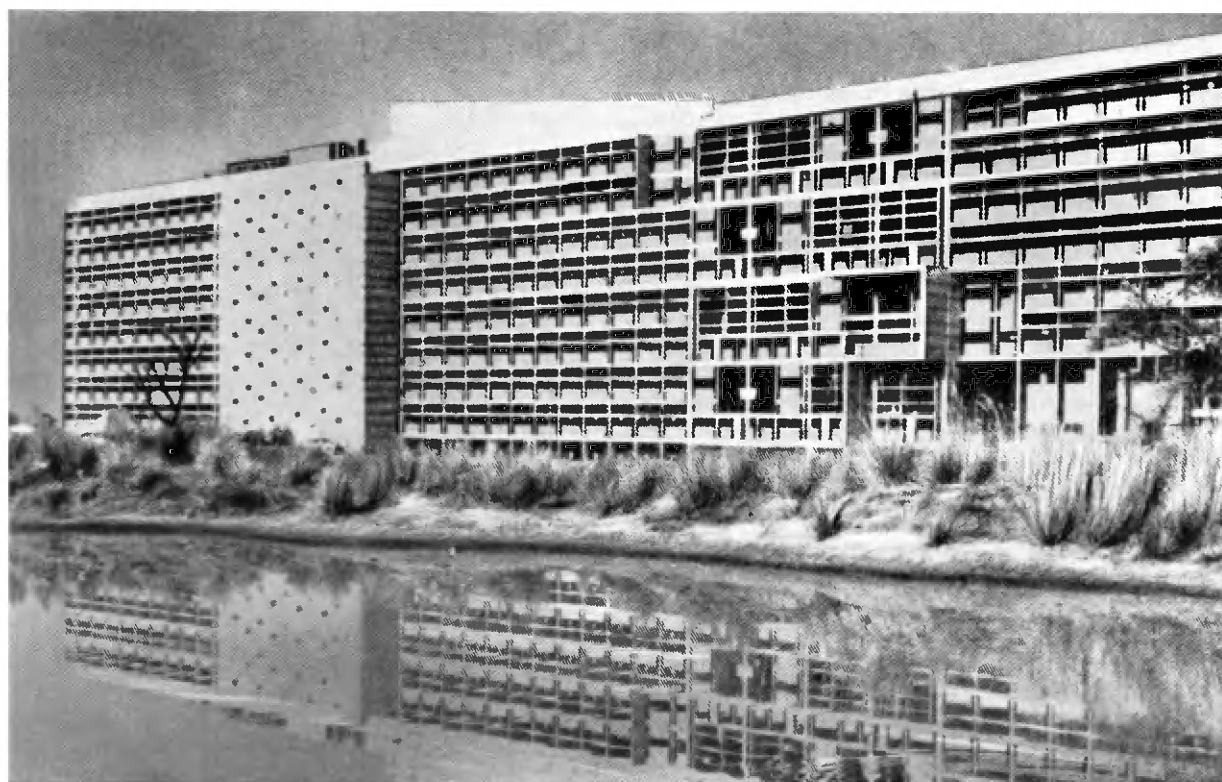
в) радиально-концентрический Париж, который очищается и вновь встает под небом Иль-де-Франса как город, исполненный человечности. Первый, «черный» цикл машинной цивилизации закоптил камни Парижа; второй этап этой цивилизации вновь сделает Париж светлым, блестящим и полным воздуха.

Le Corbusier. L'urbanisme de trois établissements humains. Paris, 1959, p. 106—112, 152—154, 164—171.

Окончательный генеральный план первой очереди строительства Чандигарха, 1952 г.

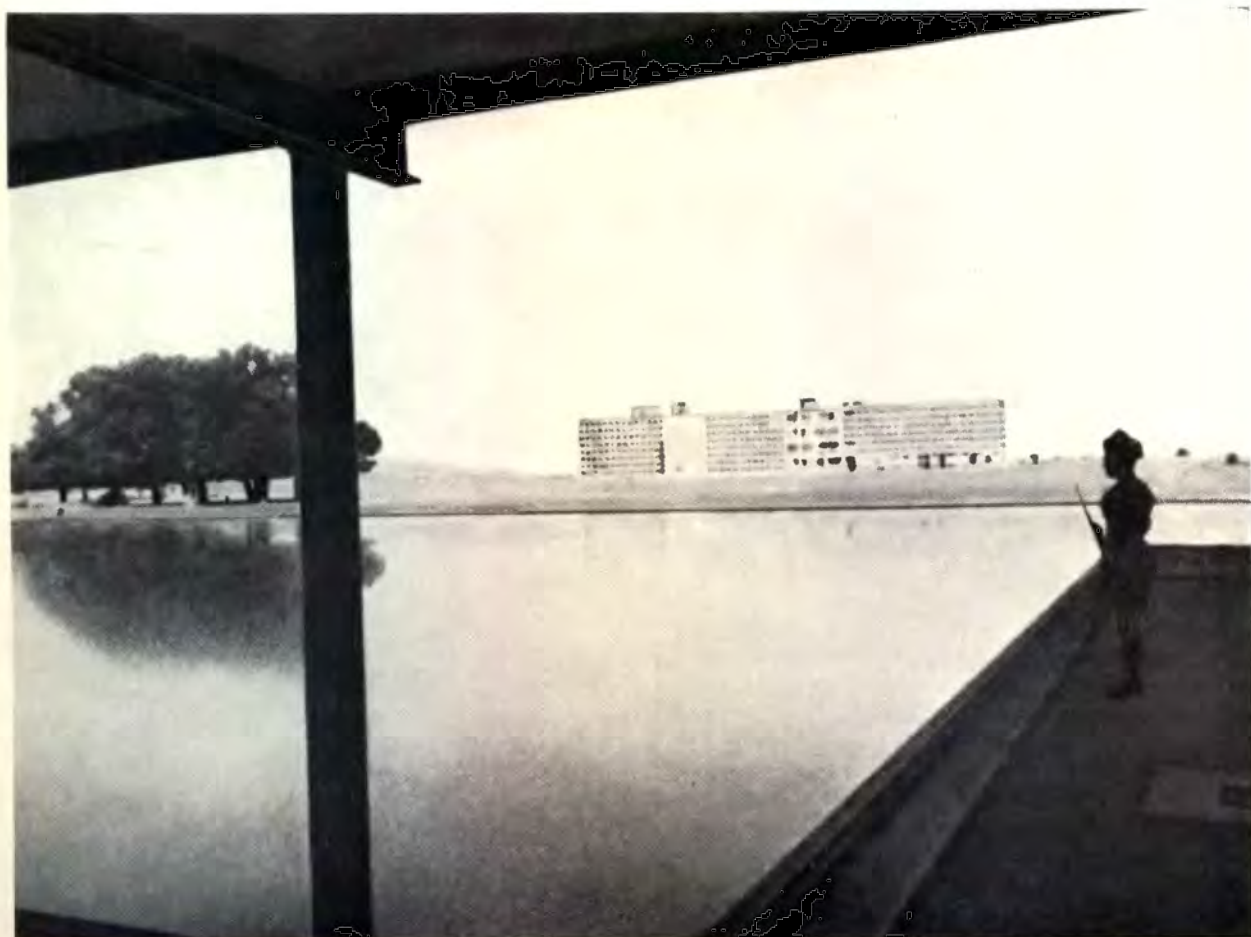
Капитальный (ансамбль правительственных зданий в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии), 1950—1957. Фрагмент здания Секретариата.

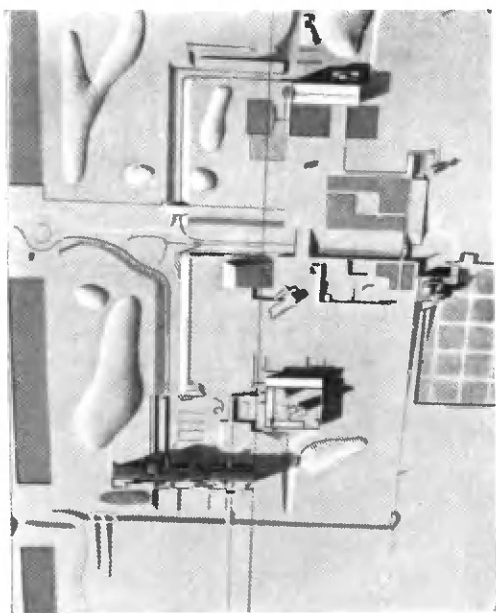

Капитолий (ансамбль правительственных зданий
в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии).
Юго-восточный фасад здания Секретариата.

Капитолий (ансамбль правительственных зданий
в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии).
Вид на здание Секретариата с террасы Дворца
ассамблей.

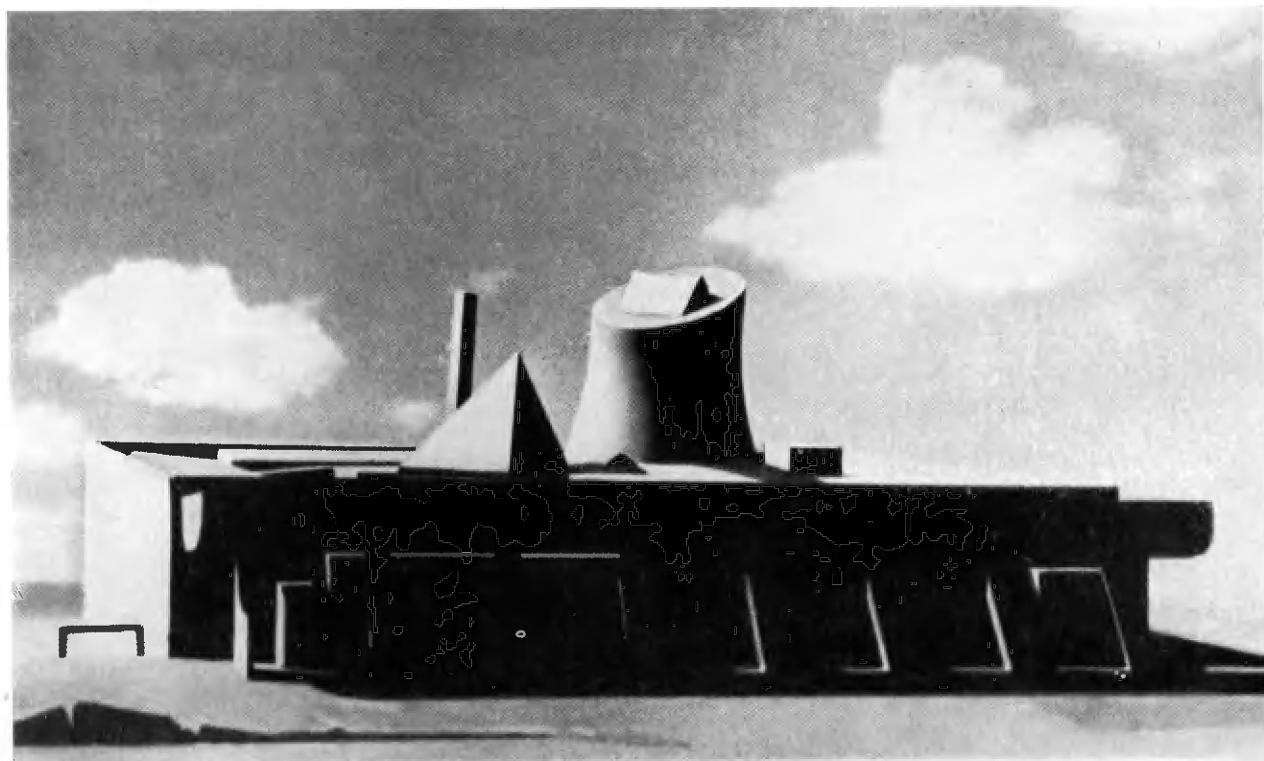

Капитолий (ансамбль правительственных зданий Чандигарха). Макет.

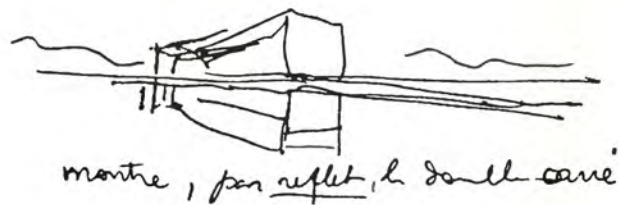

Капитолий (ансамбль правительственных зданий в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии). Фрагмент юго-восточного фасада здания Секретариата.

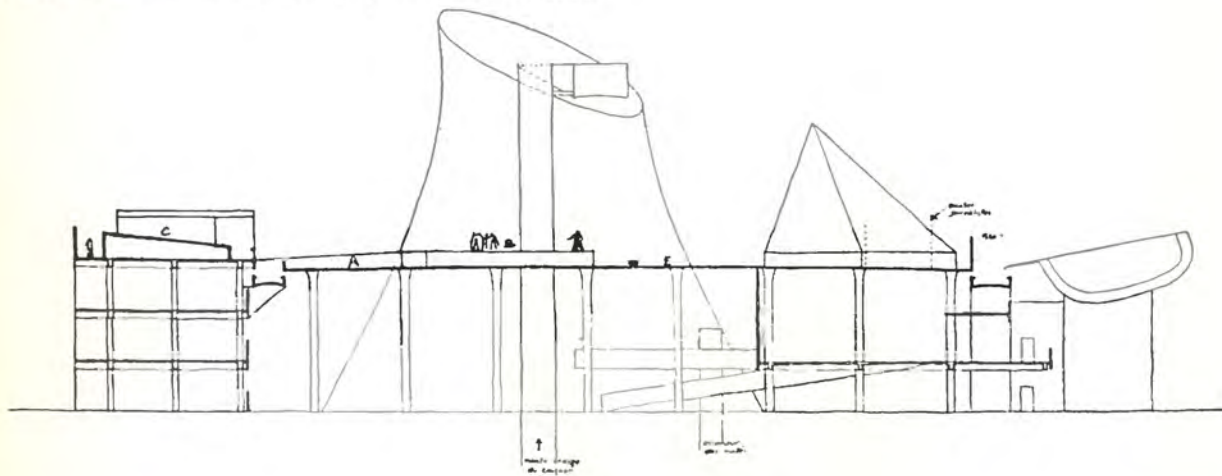
Капитолий (ансамбль правительственных зданий в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии). Дворец ассамблей (макет).

Капитолий (ансамбль правительственных зданий
в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии).
Дворец правосудия. Эскиз.

Капитолий (ансамбль правительственных зданий
в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии).
Разрез Дворца ассамблеи по «заду потерянных шагов».

Капитолий (ансамбль правительственных зданий
в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии).
Главный фасад Дворца правосудия.

Капитолий (ансамбль правительственных зданий в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии).
Фрагмент главного фасада Дворца правосудия.

Капитолий (ансамбль правительственных зданий в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии).
Фрагмент фасада Дворца правосудия. Главный вход.

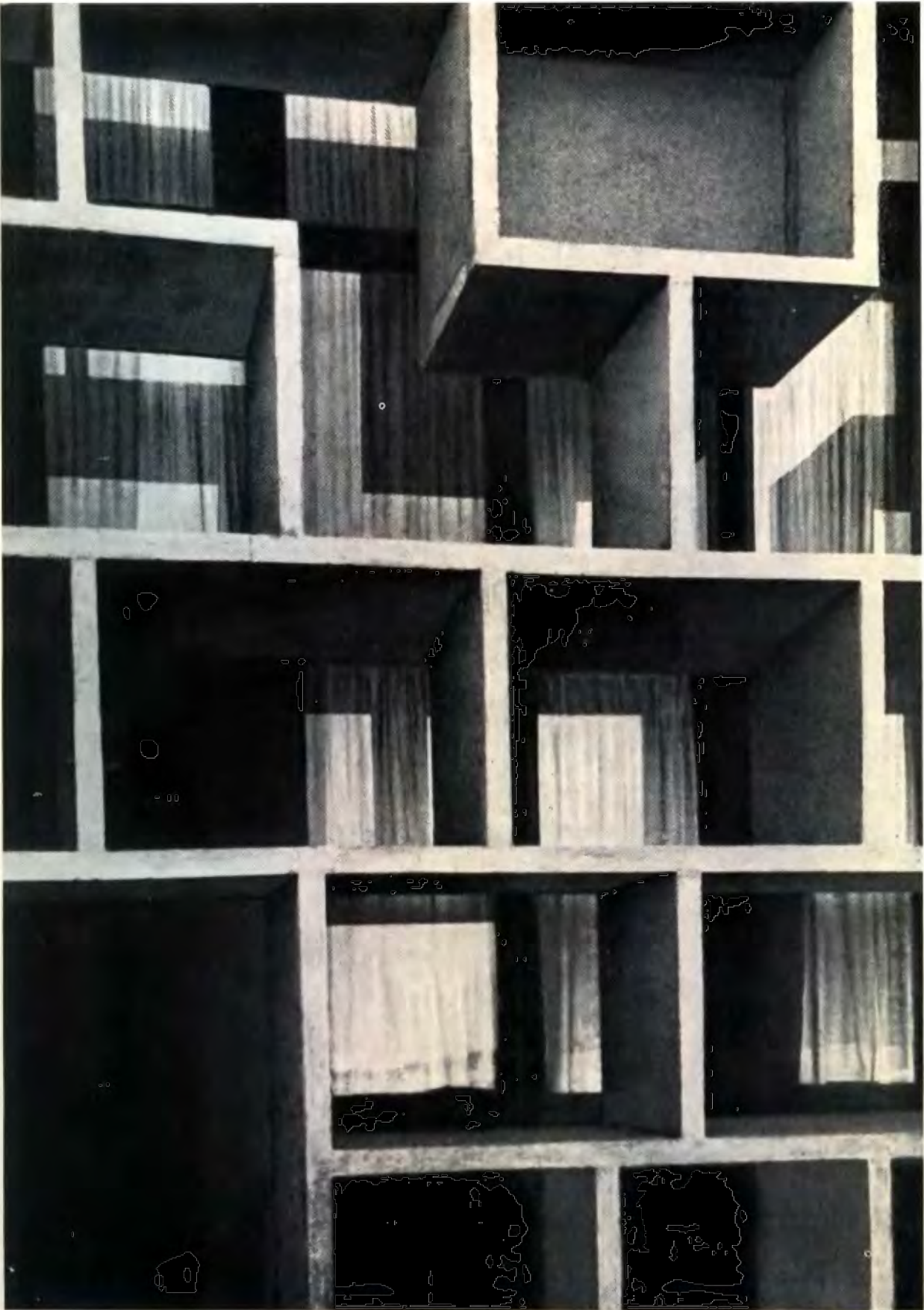
Капитолий (ансамбль правительственных зданий в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии).
Дворец правосудия. Интерьер с акустической тканью по рисунку Ле Корбюзье

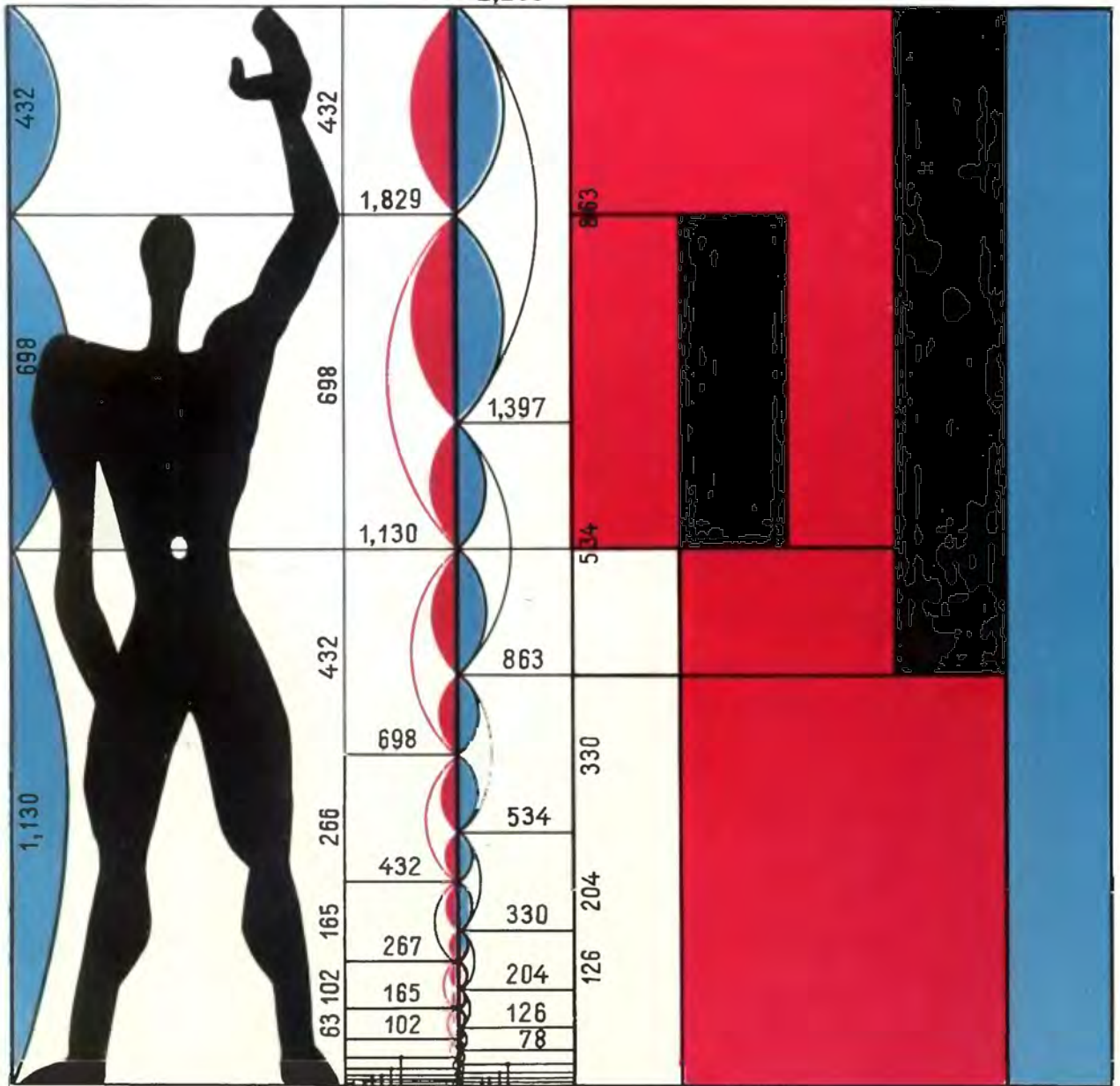
Капитолий (ансамбль правительственных зданий в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии).
Фрагмент аркады главного входа Дворца правосудия.

Капитолий (ансамбль правительственных зданий в Чандигархе, столице Пенджаба в Индии).
Солнцезащитное устройство Дворца правосудия. (Справа).

2,260

63
39
24
15
6
9
48
30
18
11

Среда, сфера, условия и развитие исследования

Привычные решения или навыки и обычаи противодействуют нам, особенно в серьезных случаях, порождая затруднения, ставя преграды, излишне усложняя нашу деятельность. Никого не волнует этот вызывающий тревогу порядок. А между тем при появлении трудностей простая отмычка лучше помогает преодолеть их, расчищая путь свободе и инициативе творческой мысли. Сейчас одни *навыки* почти исчезли, другие стали общими, укоренившимися привычками. И никто не думает о том, что простое решение, устраняя всю эту массу мучительных противоречий и препятствий, открывает дорогу жизни, просто жизни.

Звук — это волнообразное колебание частиц упругой среды, которое без всяких интервалов может изменяться от низкого до высокого. Голос может издавать звук, модулировать его. Так же могут действовать и некоторые музыкальные инструменты, например скрипка, труба. Другие инструменты не обладают этой способностью, поскольку в основе их лежит иной принцип — искусственно созданные человеком интервалы звука, свойственные фортепьяно, флейте и др.

Тысячелетиями люди пользовались звуком в своих песнях, играх и танцах. И эта первоначальная музыка передавалась только из уст в уста.

Но пришел день, это случилось за шесть веков до нашей эры, кто-то задумался над возможностью передавать музыку из поколения в поколение не только путем восприятия ее на слух, но и посредством записи. Однако в то время для этого не было ни метода, ни соответствующего инструмента. Задача заключалась в том, чтобы зафиксировать звук определенными знаками, парализовав, таким образом, плавность его переходов. Нужно было воспроизвести звук доступными нам средствами, следовательно, *разорвать его непрерывность* в соответствии с существующими условиями и *градуировать* его. Последнее предопределяло искусственное создание ступеней звуковой лестницы.

Но как делить непрерывность звучания? Как разложить звук в соответствии с доступными для всех правилами, которые были бы действительными, то есть гибкими, способными передавать различия, нюансы, богатство и в то же время быть простыми, удобными, доступными.

Пифагор ответил на этот вопрос, приняв за отправную точку, могущую обеспечить целостность и разнообразие звука, с одной стороны, человеческое ухо, слух человека (но отнюдь не слух волков, львов или собак), а с другой — числа, то есть математику (ее сочетания), которая сама по себе дочь Вселенной.

Так была создана первая музыкальная запись, сумевшая зафиксировать музыкальные композиции и пронести их сквозь все времена и пространства: сквозь формы дорические и ионические, послужившие позднее источником музыки грегорианской церкви и, следовательно, христианского мира — сквозь все его границы и языки. Если не считать безуспешных попыток изменить систему музыкальной записи в эпоху Возрождения, она сохранилась вплоть до XVII века. В это время трудами семьи Бахов, и главным образом самим Иоганном Себастьяном Бахом, создавалась новая потная система — модулированная гамма, новая система, более совершенная, способствовавшая величайшему подъему музыкальной композиции. В течение трех веков эта система успешно служила тончайшему выражению человеческого духа, музыкальной мысли Иоганна Себастьяна Баха, Моцарта и Бетховена, Дебюсси и Стравинского, Сати и Равеля.

Может быть — здесь я решаюсь на предсказание, — расцвет индустриального века потребует от нас создания более тонкого инструмента, способного образовать музыкальную гамму, объединяющую звуки, неиспользованные или неслышанные, незамечаемые или нелюбимые. И такой инструмент есть. Наша цивилизация уже в течение тысячелетий обладает двумя средствами воплощения звучания — явлением, которое, однако, все еще остается непередаваемым в записи, если оно заранее не разложено и не измерено.

Теперь я перехожу к предмету предпринятой работы. Знает ли кто-нибудь, что в том, что непосредственно связано с видимыми вещами, с их размерами, наша цивилизация еще не преодолела этап, пройденный музыкой? Все, что сооружено, построено, имеет длину, ширину и объем, создавалось без преимуществ, равноценных тем, какими владела музыка, — системы построения музыкальных форм, — рабочего инструмента, служащего музыкальной мысли.

Нанесло ли это невосполнимый урон человеческому гению? Не думаю, поскольку Парфенон, индийские храмы, соборы, вся уточенность последних человеческих достижений и невиданные механизмы, созданные в последнее столетие, служат ясными вехами победоносного марша времени.

Все же, если бы инструмент для линейных и оптических измерений, подобный музыкальной записи, был найден, то насколько легче стало бы работать в архитектуре! В современном машинизированном обществе, где оборудование с каждым днем совершенствуется для блага человека, создание гаммы визуальных измерений вполне уместно. Новый инструмент пропорционирования архитектурных форм явится основным средством объединения и сочетания человеческого труда, разобщенного — я бы сказал, разорванного — в наши дни присутствием двух труднопримиримых между собой систем: англосаксонской фут — дюйм, с одной стороны, и метрической — с другой.

Но прежде чем приступить вплотную к рассмотрению нашей задачи, необходимо дать некоторые пояснения. Отметим, что потребность в новом, визуальном измерении особенно настоятельно проявилась в последнее время, когда в связи с развитием огромных скоростей средств передвижения взаимоотношения людей и целых народов в корне преобразовались.

Сто лет назад первый паровоз установил новые скорости — механические и тем самым в корне изменил все существовавшие представления о возможностях передвижения людей и грузов.

В то время когда писались эти строки, современная авиация вновь преобразовывала мир, изменяя все коренным образом. В результате все становится взаимодействующим. Наши потребности переменились, завладели новыми пространствами. Средства связи умножились; появились товары и изделия, которые перекидываются из конца в конец земли, распространяются по всему миру. Перед нами стоит вопрос: меры длины, объема, веса и т. д., которые служат для создания вещей, могут ли быть разными в различных странах?

Когда римляне захватывали огромные территории, они вводили один язык, с помощью кото-

рого управляли. Когда христианская церковь распространила свое влияние на весь античный мир и начала покорять земли, моря, континенты, она располагала для внедрения своих идей одним средством: латынь. Когда в черные годы средневековья Европа огнем и кровью основывала новый порядок, латинский язык служил проводником этой цели.

Остается еще объяснить: Парфенон, индийские храмы, соборы строились по точно определенным размерам, предопределенным канонам, связанной системой, утверждающей полное единство.

Более того, и дикарь во все времена и повсюду, и носитель высокой культуры, египтянин, халдеец, грек и другие — все они всегда и везде строили, а следовательно, измеряли. Какими средствами они располагали? Средствами вечными, постоянными, средствами драгоценными, потому что мерой был сам человек. Эти средства имели свои названия: локоть, палец (толщина пальца), дюйм (большой палец), фут (стопа), пядь, шаг и т. д. Рассмотрим их непосредственно. Все эти меры — отдельные части человеческого тела, служившие удобным средством для измерений, необходимых при постройке жилищ, домов, храмов.

Более того, эти средства были безгранично богаты и тонки, потому что они вытекали из математической закономерности человеческого тела — математики грациозной, четкой и определенной, основанной на гармонии, которая нас восхищает, красоте, оцененной глазом человека и его восприятием. И действительно, мы не знаем и не можем представить себе лучшего критерия.

Локоть, шаг, пядь, стопа, большой палец как в доисторические времена, так и в наш, современный век были и являются средствами измерений.

Парфенон, индийские храмы, соборы, жилища, дома создавались для определенных мест Греции или Азии и т. д. Неподвижные создания рук человеческих не предназначались для перекочевывания и путешествий. И не было смысла требовать повсеместной унификации измерений. Если викинг ростом выше финикийца, нет оснований подгонять северный фут — дюйм к росту финикийца, и наоборот.

Но пришел день, когда освобожденная мысль стала покорять мир. Французская революция привела в действие глубоко гуманистические идеи. Была сделана попытка, бросившись вперед, добиться освобождения — по меньшей мере обещаний освобождения. — и двери в будущее распахнулись. Знание, расчет вступили на широкую, ничем не ограниченный путь.

Можно ли достаточно точно измерить то, что было когда-то, без расчетов, без *пуля* — этого ключа десятичной системы? Практически такие измерения вообще невозможны. Французская революция полностью отказалась от системы фут — дюйм и ее сложных, медленных пересчетов. Но, отбросив фут — дюйм, нужно было найти другой эталон. Ученые Конвента приняли конкретную систему измерения, настолько обезличенную и опередившую другие, что она стала абстракцией, по существу, символом: *метр, сорок миллионная часть земного меридиана*. Метр был принят обществом, пронитанным стремлением к новизне. Спустя полтора века, в ту пору, когда вырабатываемая продукция стала расширяться повсюду, мир оказался разделенным надвое: на тех, кто придерживается фута — дюйма, и тех, кто признает метр. Фут — дюйм прочно укоренился в измерениях человеческого роста, но практически чудовищно сложен. Наоборот, метр — как и его составные части: полметра, четверть метра, дециметр, сантиметр, миллиметр — безразличен к человеческому росту, тем более что, как правило, в природе нет людей одного или двух метров.

При строительстве жилищ, домов или храмов, предназначенных служить прежде всего людям, метр может привести к странным и чуждым реальности решениям. Применяя в архитектуре абстрактный метр как модуль, можно сбиться с верного пути. Иное дело архитектура фут — дюйм, преодолевающая все вековые преграды уверенно и постоянно.

Таково краткое введение, которое создает атмосферу наших поисков. Теперь мы начинаем понимать, чем будут заполнены последующие главы книги. Первая глава представляет собой объективный обзор возникновения вопроса, поделовому и без прикрас показывающий, как часто зарождаются изобретения, как возникают порой открытия.

Когда дело идет о создании объектов домашнего, промышленного или торгового назначения, производимых, транспортируемых и покупаемых во всех уголках мира, вопрос упирается в отсутствие единой системы измерений, способной определять габариты вместилниц и их емкости и как следствие гарантировать предложение и спрос. На этом сосредоточивается наше внимание. Наша цель — установить порядок, и может быть, сверх ожиданий гармония увенчает наши усилия?..

Хронология

Всякое открытие обязано своим возникновением уму, глазу, руке человека, а также благоприятным условиям окружающей среды и тем обстоятельствам, которые способствуют успешному поиску этих открытий и их осуществлению. Предложение нового метода измерений, дополняющих измерения метром или футом — дюймом, может показаться чрезмерно смелым. Другое дело, если бы такое предложение было выдвинуто неким всееленским собором или специально созданным конгрессом. Но предложения вносятся обыкновенным человеком, даже не профессиональным исследователем, хотя и имеющим к этому вопросу прямое отношение. Этот человек — архитектор и художник, за плечами которого 45 лет работы в искусстве, где все измеряется.

С 1900 по 1907 год он изучал природу под руководством превосходного учителя. Он наблюдал ее явления вдали от города, в естественных условиях верхней Юры. Занятия его состояли в создании модных в те годы декоративных элементов, в непосредственном изучении растений¹, животных, игры красок неба. Природа — это и порядок и закон, единый и в то же время бесконечно разный, уточненный, сильный и гармоничный, урок, который постигает человек в возрасте от пятнадцати до двадцати лет.

В девятнадцать лет он отправился в Италию посмотреть произведение искусства — своеобразные, фантастические, возбуждающие фантазию. Затем в Париж, где он изучал средние века — систему строгую и вместе с тем смелую, — а также великий век — эпоху Людовика XIV, век учтивости и общительности.

В двадцать три года человек нарисовал на чертежной доске фасад дома, который он будет строить. Тут перед ним возникает мучительный вопрос: *какое правило* упорядочивает и объединяет все вещи? «Я, — говорит он, — стою сейчас перед проблемой геометрического порядка, перед полностью зрительным явлением, присутствующим при создании вещи в себе. По гриве узнают льва! Но где же грива, где лев?» Много беспокойства, много волнений — и все впустую.

Здесь человек вспомнил, как во время своего посещения (около 1900 г.) одной современной виллы в Бремене садовник объяснял ему: «Вы знаете, все это так сложно — всякого рода фо-

кусы, кривые, углы, расчеты, все чересчур умно!» Вилла эта принадлежала голландцу и называлась «Тори Брик».

Как-то раз в небольшой комнате в Париже человек увидел рассыпанные на столе под керосиновой лампой иллюстрированные почтовые открытки. Взгляд его остановился на изображении римского Капитолия Микеланджело. И тут его рука, вдруг перевернув другую открытку белой стороной вверх, интуитивно начала рисовать на ней один из углов (прямой угол) фасада Капитолия. Здесь нашему художнику внезапно открылась вполне вероятная истина: прямой угол управляет композицией; *местоположение угла* обуславливает всю композицию. Это было подлинное откровение, вызвавшее уверенность. Так же удачно прошел и опыт с одной из картин Сезанна. Однако тот человек скептически отнесся к своему выводу, сказав себе: композиция произведений искусства регулируется правилами. Эти правила могут выражать методы резкие или тонкие, но всегда сознательные; они могут быть также банальными и шаблонно прилагательными. Их может *внушить* творческая интуиция художника и ощущаемая им гармония, как у Сезанна (что почти несомненно) или у Микеланджело, натуры уже другого рода, охотно склонявшегося к продуманным, научно обоснованным композиционным построениям.

Однако книга подтверждает наши наблюдения: это страницы «Истории архитектуры» Огюста Шуаззи, посвященные *композиционным построениям*. Значит, существовали системы композиционных построений?

В 1918 году человек этот стал заниматься живописью, глубоко и продуманно работая над каждой картиной. Композиция первых двух походила на черенки разбитого горшка. В третьей, в 1919 году написанной, он стремился к определенному композиционному построению. Результат почти хороший. А вот и четвертая картина, воспроизводившая третью, но в ней уточнена структура и все подчинено строгому компози-

¹ Этот рисунок был сделан в лесу сорок пять лет назад. Читатель должен сам исправить его, исходя из того, что интервалы по вертикали не должны уменьшаться книзу; подобное уменьшение может быть объяснено недостаточной величиной бумажного листа, взятого для рисунка.

ционному построению. Результат бесспорный. Следующие многочисленные картины 1920 года (экспозиция галереи Дрюе, 1921) прочно опираются на геометрию, используя два математических понятия — *местоположение прямого угла и золотое сечение*.

Брожение умов вокруг математики в течение нескольких лет было очень сильным. Появились издания «Нового духа», которым руководил и в котором работал наш человек вместе с другими. Из-под его пера вышли *теоретические* статьи, потому что с окончанием мировой войны казалось совершенно необходимым вновь братья за основные вопросы архитектуры. Это было прямым делом «Нового духа».

Тот человек вновь возвратился к архитектуре в 1922 году после шестилетнего перерыва. В 1920 году появились его статьи в изданиях «Новый дух», предвещающие возобновление его строительной деятельности. Его первые новые дома показали уже совершенно иное понимание архитектуры, выражение духа эпохи. Его новые фасады (пока только фасады) подчинены строгим законам пропорционирования. Поиски композиционные и многогранные, учитывающие основные градостроительные измерения («Современный город с тремя миллионами жителей», 1922); определение единства жилых ячеек (вместилище жилища и организации движения (сеть)). Эти явления основной организации архитектуры были впервые предугаданы в 1907 году в Чертозе Эми в Тоскане (индивидуальная свобода и коллективная организация).

Во время своих путешествий наш человек погружался в гармонию архитектурных построек как народного творчества, так и высокоинтеллектуальных построек с неизменным расстоянием от пола до потолка 2.1—2.2 метра (7—8 футов). Он изучал дома на Балканах, дома турецкие, греческие, тирольские, баварские, швейцарские, старые деревянные дома французской готики, а также «малые апартаменты» предместья Сен-Жермен и даже Малого Трианона

Людовика XV и Людовика XVI. Изучал он и традиционные парижские лавочки времен Людовика XV и Реставрации с их двойными аптресолями высотой 2,2 метра. *Высота человека с поднятой рукой* — высота, вполне отвечающая масштабу человека.

В своих постройках наш человек внедрял эту оптимальную высоту, вступая в противоречие с регламентацией городских властей. По этому поводу один из представителей парижского муниципалитета как-то сказал ему: «Мы разрешаем вам иногда нарушать нормы, ибо мы знаем, что вы работаете на благо человека».

«Новый дух» имел подраздел «Международный обзор современной деятельности», где помещались нередко разборы, оценки, дискуссии по вопросу о *взаимозависимости явлений*. Утверждался, что в наше время *все пришло в беспорядок*. В действительности же за нашей обычной деятельностью, за развитием современной эстетики скрывался чисто экономический фактор. Большой шум наделала статья, вышедшая в 1921 году под заглавием «Строить серийно». Речь шла о домах, которые рассматривались как машины для жилья. Серия, машина, эффективность, себестоимость, быстрота выполнения — все эти условия требовали наличия строгой измерительной системы¹.

«Новый дух» служил толкователем *кубизма* — одного из наиболее творческих и революционных явлений человеческого духа. Здесь, разумеется, не техническое изобретение, подрывающее социальные устои и экономику, а освобождение и развитие мысли. Дело касается наступления нового времени, коренных реформ в области пластических искусств. И эта реформа вошла теперь в архитектуру.

Наш человек был самоучкой. Он не пошел обычным путем, не проходил академического курса обучения и, игнорируя канонические правила и принципы, тем самым избежал подчинения канонам и косвым установлениям академии. Ускользнув от воздействия академического духа, он сохранил ясную голову, способность *применяться ко всему новому*. Как кубист, он склонился к пластике. Он мыслит объемами, визуально. Он происходил из семьи музыкантов, но не знал ни одной ноты. А между тем был музыкантом, хорошо разбирался в музыке, мог

¹ Подобного рода высказывания вызвали скандал. Так, в 1935 году, во время моего первого путешествия в США, враждебная пресса выразила мне свое недоверие — эти высказывания считали богохульством. Сегодня же, в 1949 году: серия, машина, эффективность, цена, быстрота!..

рассуждать и здраво судить о ней. Музыка для него — *время и пространство*, как и архитектура. Музыка и архитектура одинаково подчинены размеру.

Когда через много лет после опубликования в 1921 году в «Новом духе» статьи под названием «Чертеж-регулятор (построение композиции)» появилась книга Матилы Гики о пропорциях в природе и в искусстве и о золотом сечении, он не был еще подготовлен практически следовать указаниям математики (алгебраическим формулам); наоборот, фигуры, которые в действительности служили объектами его рассматривания, мгновенно им воспринимались.

Однажды Андреас Шнейзер, профессор Цюрихского университета (теперь Базельского), связанный с исследованиями *групп и чисел*, пригласил того человека участвовать в изучении египетских орнаментов, а также музыки Баха и Бетховена, все положения и выражения которых основывались на алгебре. «Согласен, — ответил профессору человек. — Природа — это действительно математика. Шедевры искусства созвучны природе, выражают ее законы, питаются ею. А отсюда — произведение искусства есть тоже математика, и ученый вполне может применить к произведению искусства ее бесспорные умозаключения и немолчимые формулы. Художник — неизменный медиум, необычайно восприимчивый, он превосходно чувствует природу, знает ее и воплощает в своих творениях, он постигает ее особенности, он выражает ее. И ваш математический этюд раскрывает закономерность ослепительной композиции египетского орнамента. Если вы заставите меня как художника вписать орнамент в ленту самой природы, я найду мотивы для него на моей дороге, и в своих поисках я сумею *выразить* ритмическое построение, неотъемлемую принадлежность орнамента. Это цепь очень коротких архитектурных решений, ключ к которым дает геометрия, геометрический ум, свойственный человеку и являющийся вместе с тем законом природы».

Эти теоретические работы привели нашего архитектора в 1933 году к совершенно неожиданному для него результату: на празднике шестисотлетия Цюрихского университета ему была присуждена степень доктора Honoris causa

за математической философии. Это было признанием его исследований в области организации форм и пространства. В 1945 году, после мучивших тяжелых лет, он нашел выражение для передачи всей глубины своих эмоций: «Пространство непостижимо!» — и сформулировал это так:

«Овладеть пространством — первое проявление жизни: людей и животных, растений и объектов, — важнейшее выражение равновесия и трудоспособности. Доказать существование — значит овладеть пространством.

Цветок, растение, дерево, гора тянутся вверх, живя в своей среде. И если они привлекают внимание своим спокойным величием, то потому, что, выделяясь из всего их окружающего, они вызывают отзвук во всей природе. Мы останавливаемся, очарованные этой естественной зависимостью, взирая на это созвучие с пространством.

Архитектура, скульптура, живопись находятся в прямой зависимости от пространства, будучи связаны необходимостью управлять им, каждая с помощью соответствующих средств. Существенно важно отметить, что ключом к эстетической эмоции служит пространственная функция.

Действие произведения искусства (архитектурного произведения, скульптуры или живописи) отражается на всем окружающем крайне активно, как крик, как воля (Парфенон в афинском Акрополе), это поток стрел некоего излучения, вызванного взрывом. Ландшафты ближние и дальние потрясены, возмущены, подчинены или обласканы: здесь присутствует произведение искусства, знак воли человека. Перед нами явление гармоничного взаимодействия, точного, как математика, — подлинная демонстрация эластической акустики. С учетом этого мы можем выбрать ту или иную систему, тот или иной порядок, несущий нам радость, как музыка, или угнетающий, как неорганизованный шум.

Я выступаю с декларацией о величии пространства, проявление которого художники моего поколения видели в необычных творческих порывах кубизма около 1910 года. Кубисты впервые заговорили о *четвертом измерении*. Жизнь, посвященная искусству и в особенности поис-

кам гармонии, побудила меня в свою очередь в практике трех видов искусства — архитектуре, скульптуре в живописи — принять в расчет это явление.

Четвертое измерение, видимо, является поворотным пунктом, вызванным гармоничным единством вновь открытых чисто пластических возможностей в современном искусстве.

Кубисты строили свои произведения средствами самих пластических форм, не прибегая к литературным сюжетам. Именно в этой деятельности, согласованной и результативной, скрыты все замыслы, истинный мир, который в ней проявляется и о котором мы вправе и можем сказать, чего он заслуживает.

Так раскрывается бездонная глубина мысли, стирающей барьеры, устраняющей случайные влияния, порождающей подлинные чудеса неизъяснимого пространства.

Я отрицаю чудеса веры, но я часто вижу чудеса неизъяснимого пространства, вепец пластической эмоции».

В производительные 1925—1933 годы, в период большого строительства во Франции, до второй мировой войны, вкус, потребности и необходимость создания архитектуры, соответствующей масштабам человека, привели к появлению на стенах моей мастерской изображений метрической шкалы высотой четыре метра. Эта шкала служила сопоставлению и сравнению с ростом человека. Однако эксперимент показал, что метр есть не что иное, как число, хорошо представляющее десятичную систему, абстрактное число, не способное в архитектуре определять расстояния, быть мерой. Опасное средство, если, исходя из его абстрактного числового значения, мы по бесчеловечности или лени или ради простоты измерения перейдем к его материализации: метр, полметра, четверть метра, дециметр и т. д. Такая эволюция, происходившая в течение целого века, ослабила архитектуру.

Французское общество норм и стандартов (АФНОР) было организовано в период оккупации Франции в помощь восстановлению страны. Промышленники, инженеры, архитекторы — все объединились тогда, чтобы решить неотложную задачу (в первую очередь) — установление строительных норм. Ваш покорный слуга не был приглашен за стол совещания, хотя двад-

цатью годами ранее (и его за это обвиняли) он писал:

«Нужно добиться установления стандарта, чтобы разрешить задачу совершенствования.

Парфенон — итог отбора нужного стандарта.

Архитектура действует по стандартам.

Стандарты — это продукт логики, анализа, скрупулезного изучения. Они устанавливаются на основе правильно сформулированной задачи. Экспериментирование окончательно закрепляет стандарт».

(«Глаза, которые не видят», «Эспри нуво», 1920, «К архитектуре», 1923)

Тяжелая индустрия должна заниматься строительством, наладить серийное производство элементов дома.

Строить серийные дома,
жить в серийных домах,
понимать смысл серийных домов».

(«Серийный дом», «Эспри нуво», 1921)

И чтобы добиться этого, нужно создать новые нормы проектирования и строительства.

В день, когда были опубликованы первые нормы АФНОР, ваш покорный слуга решил проверить свою интуицию в области гармонических соотношений в архитектуре и технике с человеческим масштабом.

Фигуры 1, 2 и 3 воспроизводят пропорциональные построения живописных и архитектурных работ, проведенных с 1918 года: местоположение прямого угла, золотое сечение, логарифмическая кривая, пятиугольник... Геометрические группы, специфические по своей природе равновесия. Чертеж-регулятор, служащий для построения композиции, в принципе не относителен, он строится в соответствии с данной композицией, надлежащим образом выраженной. В плане геометрического равновесия он должен внести порядок и ясность, убирая из композиции лишнее. Чертеж-регулятор не выражает никаких идей, поэтических или лирических. Он не творец, он устанавливает равновесие. Его задача — безупречная пластичность.

Вот перед нами изображение фасадов домов и зданий одного времени — небольших жилых до-

мов, общественных зданий, архитектурных групп¹.

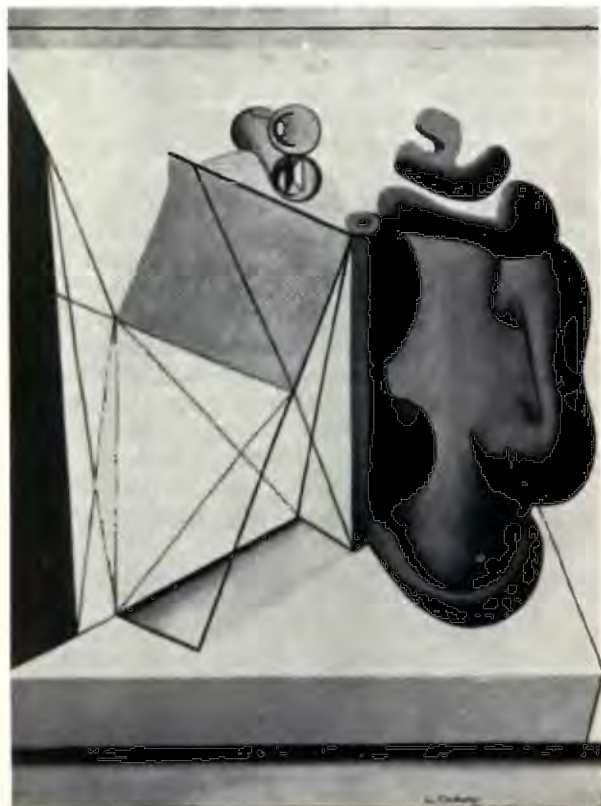
Живопись и архитектура отмечают здесь золотое сечение и местоположение прямого угла при высоте помещений 2,2 метра (человек с поднятой рукой).

Оккупация разодрала Францию на две части демаркационной линией. Моя мастерская закрылась 11 июня 1940 года. В течение четырех лет я не мог работать над новыми проектами, что заставило меня развить активную деятельность в области научных изысканий. Этому особенно способствовало Общество обновления архитектуры (АСКОРАЛЬ)², образованное в этих целях в 1942 году. Одиннадцать его секций и подсекций дважды в месяц собирались в укромном уголке, прячась от любопытных глаз. Материал для десятка книг был готов. Сек-

ция III «Наука о жилище» насчитывала три подсекции:

- 1) оборудование жилища,
- 2) нормы и вопросы строительства,
- 3) индустриализация³.

Один из моих молодых учеников, Ханнинг, должен был (1943 г.) бежать в Савойю, находясь по другую сторону демаркационной линии. «Дайте мне какое-нибудь задание, чтобы заполнить время», — писал он мне. Еще мальчиком, с 1938 года, Ханнинг работал вместе со мной. Он тогда уже хорошо понимал смысл поисков пропорциональности, которыми я занимался еще с давних пор. Вот какой ответ он получил от меня: «АФНОР предлагает проработать нормы для строительных объектов. Есть уже метод — упрощенный, чисто арифметический, вполне доступный для употребления. Однако мне он представляется произвольным и бедным. Даже взгляд на деревья, например, с их стволами, ветвями и листьями с прожилками укрепляет меня в мысли о том, что законы роста и сочетаний могут и должны быть более богатыми и тонкими. Таковой же должна быть и математическая связь в строительстве. Я думаю ввести на стройках, которые позднее покроют всю страну, «решетку пропорций», вычерченную на стене или сваренную из металла. Эта решетка вполне может служить обязательным образцом, средством измерений, допускающим применение безграничных сочетаний и пропорций. Каменщик, плотник, столяр смогут с ее помощью быстро рассчитать свою работу, и тогда вся их работа, разнообразная и строго дифференцированная, явится неоспоримым свиде-

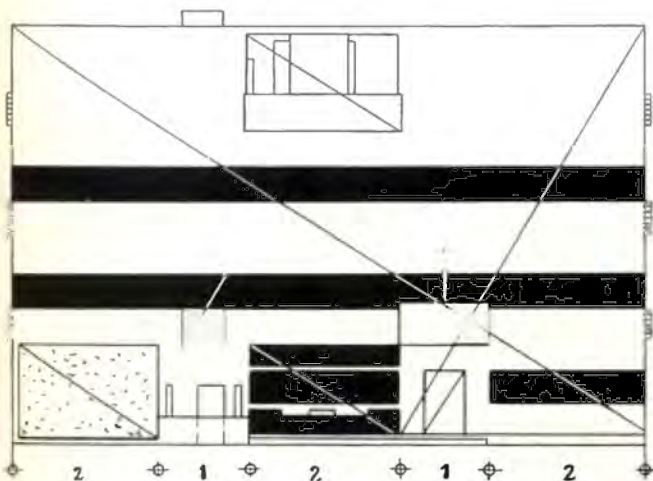
¹ В настоящем издании приведены: одна живописная работа и два фасада жилого дома (вилла Тарт).

² Ascoral — Asssemblée de constructeurs pour une rénovation architecturale, его президентом был Корбюзье.

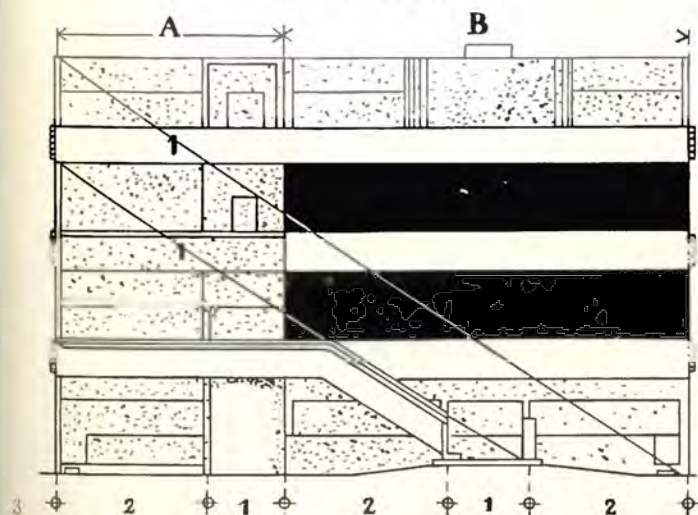
³ Входящие и выходящие в свет книги: „Sur les 4 routes“, Editions de la N. R. F., Paris, 1941; „La charte d'Athènes“, Editions Plon, 1943; „La maison des hommes“, Editions Plon, 1942, „Manière de Penser l'urbanisme“, Editions l'Architecture d'aujourd'hui, 1945; „Les trois établissements humains“, Editions Denoël, Paris, 1943; „Propos d'urbanisme“, Editions Bourrellier, Paris, 1945. Некоторые из этих книг были переведены на английский, испанский, итальянский, датский и другие языки.

тельством гармоничного труда. Такова моя мечта.

Представьте себе человека с рукой, поднятой до высоты 2,2 метра. Поместите его в два квадрата со сторонами 1,4 метра, поставленных один на другой. Затем поломайте голову над этим: третий квадрат даст вам решение. А как построить этот квадрат, вам подскажет местоположение прямого угла.

$A \cdot B \cdot B \cdot (A \cdot B)$

Я уверен, что, построив такую решетку применительно к человеку, помещенному внутри квадрата, вы получите целую серию размеров, согласующихся с ростом человека (с поднятой рукой) и математикой.

Таковы были мои указания Ханингу.

25 августа 1943 года пришло первое предложение (4):

квадрат
золотое сечение
диагональ

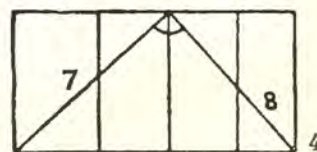
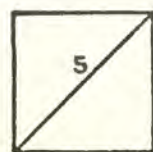
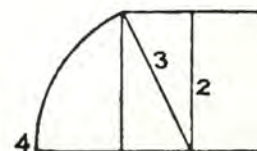
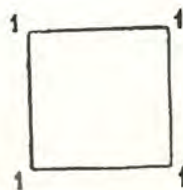
совмещение, при котором угол образуется посередине исходного квадрата.

АСКОРАЛЬ также работал над этой проблемой (секция III), в частности м-ль Элиза Майя, сотрудник музея Клюни и автор превосходной работы «О золотом сечении».

26 декабря 1943 года был предложен следующий исправленный эскиз (5):

квадрат
золотое сечение
место образования прямого угла на оси исходного квадрата:
получаем точку i
делим $g-i$ на две равные части
или

образуем два равных смежных квадрата — каждый в исходном квадрате. Все три квадрата абсолютно равны.

На линии $g-i$ получаем размеры, свидетельствующие о бесконечном разнообразии отношений; однако, как нам кажется, они еще не систематизированы.

Из фиг. 6 следует:

$abcd$ — исходный квадрат;

ef — его медиана;

f — вершина прямого угла, опирающегося на gi ;

i — точка на продолжении gb ;

$bdij$ — два прямоугольника, где bi и dj связаны φ с iq и qj ;

φ — знак золотого сечения;

kl — горизонтальная медиана $ghij$;

mn — симметрична с kl ;

$klmn$ — разделенное на две части вертикальной медианой, образует $komr$ и $olnr$, где диагонали и их половины соотносятся с φ .

Рассматривая gi , видим, что точка m есть завершение φ .

$m = \varphi \cdot abcd$;

$k = \varphi \cdot dcab$;

k — основание медианы $ghij$.

Также на gi видим возрастающий ряд пяти элементов:

km ;

$ka = mb = bi$;

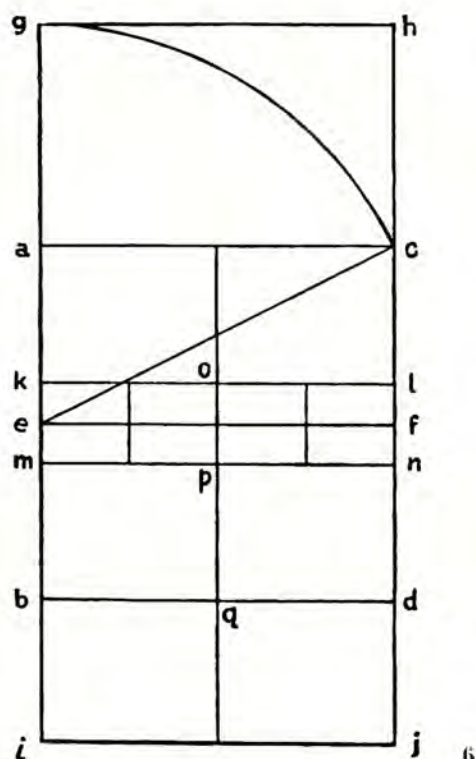
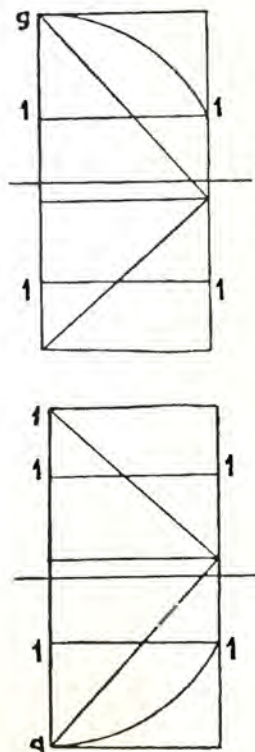
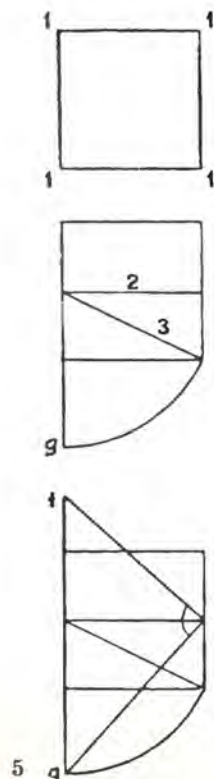
$ga = am = kb$;

$gk = ki$;

gb .

Если $gk = ki$, то $gklh$ и $klji$ представляют собой два одинаковых смежных квадрата. Они равны исходному квадрату $abcd$.

Таким образом, для решения предложенной задачи нужно поместить в двух смежных квадратах, заключающих в себе человека с поднятой рукой, третий квадрат в месте образования прямого угла.

Чертеж *a* может быть перевернут (*b*), что даст в результате *c*.

Теперь перед нами два чертежа (7, 8), по внешнему виду почти одинаковых. Однако на ум следует здесь различными путями.

Чертеж Ханнинга (*a*) включает две диагонали в исходном квадрате.

Чертеж Маяр (*b*) в пропорции φ исходит из первой диагонали, что приводит к образованию прямого угла, носителя точки *i*.

Точка *i* обосновывает наличие двух смежных квадратов, равных исходному квадрату.

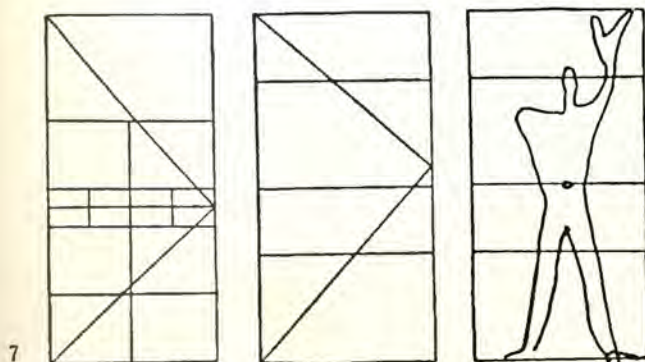
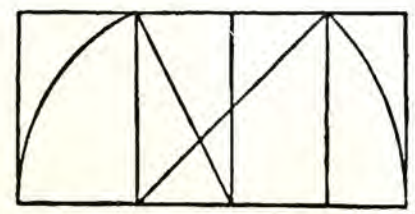
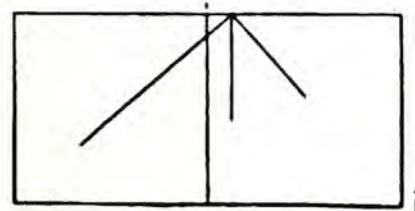
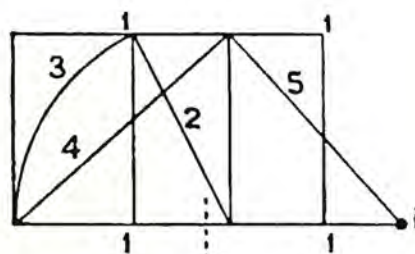
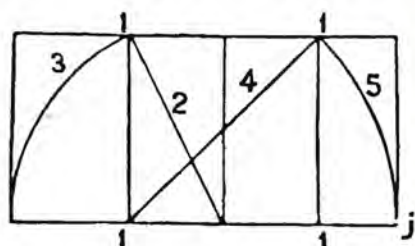
На чертеже Ханнинга (*c*) мы видим точку *j*, не совпадающую точно с точкой *i* (9).

«Решетка пропорций», правда, с некоторым сомнением в отношении точек *i* и *j* предназначена служить на стройках, давая в изобилии гармоничные размеры для составления чертежей комнат, дверей, окон, встроенных шкафов и т. п., позволяя применять самые различные сочетания приемов, использовать строительные детали заводского изготовления и уверению их внедрить.

Мы передали на строительство разработанный проект единого жилого комплекса, который демонстрировался впервые в 1922 году (тип «дом-вилла»), затем в 1925 году (павильон «Эспри пуво» на Международной выставке декоративного искусства) и в 1937 году (L'Hot Insalubre № 6). Здесь «решетка пропорций» полностью гарантировала нам правильные соотношения в плане. С помощью этой решетки, сочетающей математический порядок с ростом человека, мы определили элементы поверхности. Но хотя мы

и применяли ее, мы не были удовлетворены: нашему изобретению не хватало четкости.

Дело в том, что между нами еще не было согласия. 10 марта 1944 года Ханнинг писал мне из Савойи, что чертеж Маяр — Ле Корбюзье с математической точки зрения неприемлем: вершиной прямого угла может быть только точка *s* на линии, общей для двух квадратов (10). Утверждение: «Здесь возможен только один прямой угол, образуемый диагоналями двух квадратов», — явно не согласуется с наклонны-

ми 7—8 на его собственном чертеже от 25 августа 1943 года. Эти наклонные появятся только в августе 1948 года, когда и найдут, надо думать, свое объяснение.

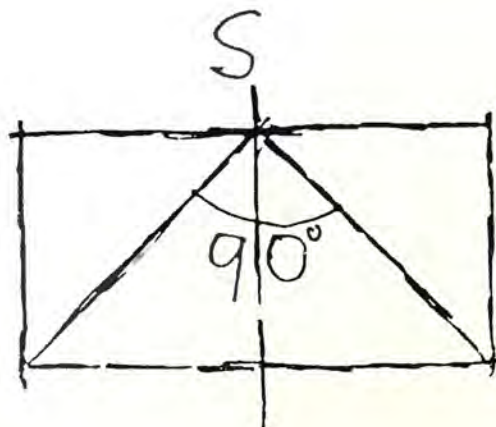
Нужно, чтобы читатель ясно представлял себе обстоятельства, в которых проходили эти изыскания: немецкую оккупацию Парижа, разобщенность людей и трудности их объединения. Дебаты об архитектуре, проходившие в этой тягостной атмосфере между знатоками своего дела, были далеки от ясности. Законом я был обязан выставить свою кандидатуру в Корпорацию архитекторов, созданную вишийским правительством в 1940 году. Моя кандидатура рассматривалась корпорацией в течение четырнадцати месяцев. Но тут загремели залпы английских орудий со стороны Версаля (лето 1944 года). Ежедневная работа комиссий АСКОРАЛЬ протекала при свечах, без телефона, в неотапливаемом помещении пыльной, заброшенной мастерской на улице Севр, 35. Секция III b имела своей задачей *составление норм*. До нас доходили и отзвуки выполняемых по заданию правительства работ АФНОР. Директор секции III АСКОРАЛЬ, он же член АФНОР, держал меня в курсе дел. 16 декабря 1943 года он писал мне, между прочим: «Есть большое различие между точкой зрения АСКОРАЛЬ и их (АФНОР); с одной стороны, самое лучшее — то, что может быть, с другой — половина того, что имеется».

1944 год. Освобождение.

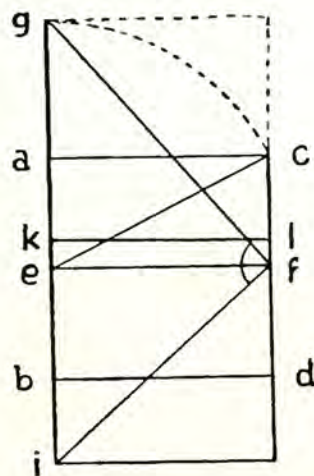
Осенью я принял участие в работах Теоретической комиссии Национального фронта архитекторов, положившей в основу протекающих дискуссий Афинскую хартию СИАМ. Вопросы реконструкции строительства, установления серийных элементов и вопросы пропорционирования больше чем когда-либо были в порядке дня. 7 февраля 1945 года мы с м-ль Маир отправились в Сорбонну отдать визит декану факультета естественных наук г-ну Монтелю и показали ему нашу схему решетки (11). Его ответ гласит: «Тем, что вы смогли включить прямой угол в двойной квадрат, вы ввели функцию $\sqrt{5}$, вызвав тем самым *расцвет золотого сечения*».

30 марта 1945 года я вновь очень серьезно взялся за изучение «решетки пропорций». Воженский, Хашинг, Ойам и Лооз также работали над этим. Министерство иностранных дел (Комитет по культурным связям) попросило меня организовать и взять на себя руководство изучением состояния архитектуры в США. Мне очень хотелось показать в США «решетку пропорций» — *система, которая должна была быть полезной при разработке сборных конструкций заводского изделия*. Мы разработали целую серию таблиц, которые свидетельствовали, на наш взгляд, о богатстве возможных комбинаций.

Так, мы присвоили человеческий облик найденной нами геометрической форме, взяв за основу рост человека 1,75 метра.

10

11

В дальнейшем наша решетка получила такие габариты: 175—216, 4—108,2 сантиметра, позволявшие различить восходящий ряд 1, 2, 3, 4, 5, 6 и т. д.

1=25,4	сантиметра
2=41,45	»
3=66,8	»
4=108,2	»
5=175,0	»
6=283,2	»

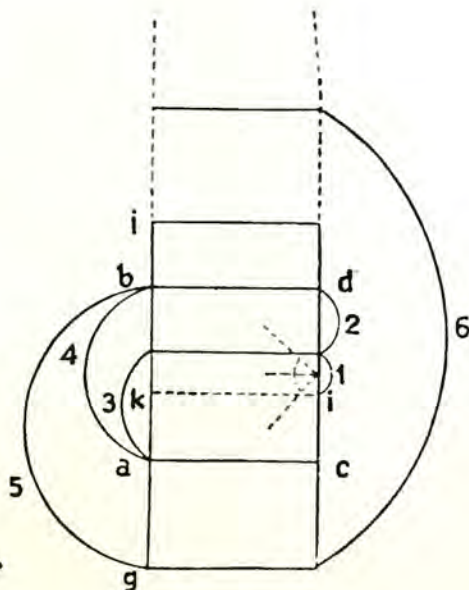
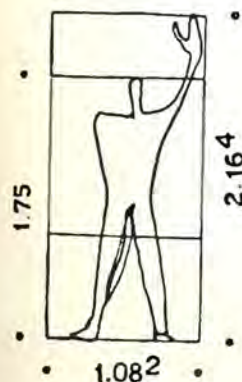
Заметим, что здесь нашел свое выражение так называемый ряд Фибоначчи, где сложение двух следующих один за другим членов пропорции дает в сумме нижестоящий член.

Был получен патент.

Читателю будет небезынтересно узнать некоторые подробности этой истории.

Мне было очень трудно так сразу дать простое и быстрое объяснение «решетки пропорций», тем более что директор бюро по выдаче патентов, инженер по образованию, еще не занимался подобными вопросами. Как заставить его понять, что в процессе наших длительных исследований в области архитектуры (включая в это понятие оборудование жилищ и мебель), градостроительной науки, строительства, эконо-

мики, пластических архитектурных форм и т. д. мы шли по пути, который, казалось, привел нас к первому существенному результату; мы оказались перед дверью, за которой что-то происходит; однако у нас не было еще ключа, который открыл бы нам доступ к пониманию явления. Пришлось направиться в кабинет директора, где часы отбивали секунды драгоценного времени, к инженеру, крайне вежливому и очень обязательному человеку (он целыми днями выслушивал разные разности), к начальнику крупного бюро по выдаче патентов на изобретения. Я обратился к нему: «Месье, прежде всего я должен сказать вам, что патенты, как таковые, меня мало интересуют. На это у меня есть свои основания, подтвержденные моим жизненным опытом. И однако, я хочу побеседовать с вами о «решетке пропорций», выраженной в числах, цифрах и энюрах, хотя найти точное определение, или, если хотите, объяснить ее, мне еще не удалось. Вы ничего не поймете из моего изложения. Но если нужно, я повторю вам все и два и три раза. Если вы не найдете ровно ничего интересного в этом деле, вы выставите меня за дверь». Итак, первое объяснение, второе объяснение. «К сожалению, я не понимаю...» Третье

объяснение. «Остановитесь, я понял. Это исключительно интересно, это очень важно!» и т. д. и т. н.

Пронцаюсь, этот человек сказал мне: «Из всей моей жизни инженера, занимающегося патентами, я отмечу белым камешком этот час, проведенный с вами».

Моему собеседнику изобретение показалось неоспоримым и в финансовом отношении значительным.

Проходили недели, прошел год. За это время я выдал одному очень умному и высококультурному человеку разрешение на право распространения нашего способа измерения, который, несомненно, будет весьма полезен для послевоенных строителей домов сборных конструкций. Мое чувство вещей укрепилося, но отнюдь не мое честолюбие: я считал, что «решетка пропорций», если она будет служить когда-нибудь такому строительству, унорядчит и фут — дюйм и метр.

Деловые люди заявляют: «Вы имеете полное право получить лицензию на все то, что будет строиться по вашей мерке». Это колоссально, это необъятно! Мой агент ожидает большого эффекта от патента во многих странах Европы и Америки. Он подготавливает создание агентств в разных местах.

Но скоро это дело стало меня раздражать. Инженер, ведающий патентами, по-братски заметил мне с беспокойством: «Вы сами себе враг номер один».

Теперь мой агент установил связи во всех пунктах земного шара. Как-то он заявил мне: «Ваша система неодолимо точна. Но она не согласуется полностью с целыми числами, выражаемыми футом — дюймом или метром, и плохо сочетается с размерами АФНОР. Однако, если вы проявите немного гибкости, сделав уступку до 5 процентов в вашей цифровой шкале, все пойдет хорошо, все будет просто и весь мир согласится с вами...»

Ужасные пересуды прощизывают весь 1945 год.

А впереди еще путешествие в Соединенные Штаты, переезд на грузовом судне «Вернон С. Худ».

Однажды в 1946 году в Париже я попрошу моего друга Андре Жауля из электрохимии в

Южине¹ проводить меня к инженеру по патентам. «Месье, — сказал я этому обязательному человеку, — я пришел заявить вам в присутствии свидетеля, что я отнюдь не рассчитываю на какую-то выгоду от своего изобретения. Не деньги являются предметом разговора. Поймите меня! Я хочу спокойно продолжать и проводить новые исследования моей системы, широко применять ее на практике, повседневно раскрывая ее достоинства и недостатки, — и все это с помощью собственных глаз и собственных рук, исправлять ее и наконец завершить. Мне не нужна торговая организация, я не хочу рекламы. Природа изобретения такова, что, если оно оправдывает себя, наши архитекторы, мои друзья, во всем мире охотно примут его и архитектурные журналы, лучшие из них, посвятят свои страницы изучению и обнародованию этого изобретения. Я ясно чувствую свою ответственность за это дело. Его нельзя замкнуть в узкий круг денежных интересов, в мир пагубный, жестокий, бессовестный и дикий. Я предвижу, что архитекторы и инженеры воспользуются этим полезным средством измерения. Займутся им и конгрессы. А позднее, если оно окажется цепным, Объединенные Нации в своей экономической и социальной секции обсудят этот вопрос. И кто знает? Если допустить, что когда-нибудь прениятствия, задержки, конкуренция и оппозиция, вызывающие антагонизм между двумя принятыми измерениями футом — дюймом и метром, исчезнут, тогда наше измерение сможет связать то, что было разъединено и соперничало между собой, и стать общим достоянием. Вы хорошо понимаете, мой дорогой месье, что я не смогу продолжать свою деятельность, которая может стать своего рода апостольской, если буду знать, что за каждым из моих призывов, моих выступлений, моих успехов идет кассир и собирает деньги моим именем. Я отнюдь не сборщик дорожных поборов».

Это свидание сняло с обсуждения данный вопрос, и, мой читатель, я могу уверить вас в том, что после этой беседы, состоявшейся в самом конце 1945 года — года блестящих финансовых перспектив, я почувствовал себя очень легко. В

¹ Электрометаллургический завод г. Южин (Са-нойя).

полном смысле этого слова чистым перед самим собой, вполне удовлетворенным.

Я поручил Андре Воженскому и Солтану подобрать материал в связи с предстоящей поездкой в США. Солтан только что начал входить в курс дела и пока знал лишь начатки этой работы: два квадрата, образующие третий, и т. п. И однако, с первых же дней он выдвинул новую идею. «Мне кажется, ваше изобретение не может быть использовано для измерения площади, а только для линейных измерений. Решетка, которую вы изобрели, есть только фрагмент линейной серии, серии золотых сечений, стремящихся, с одной стороны, к пулю, а с другой — к бесконечности». «Прекрасно, — ответил я, — отныне мы ее переименуем: «линейка пропорций».

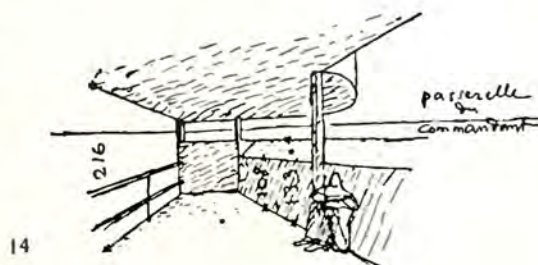
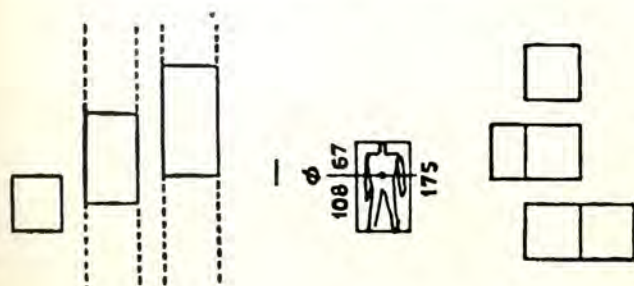
С этого времени дело пошло на лад очень быстро, без всяких помех.

Солтан изготовил мне из прочной глянцево-бумажной великолепную ленту с размерами от ноли до 2,164 метра в соответствии с ростом человека 1,75 метра.

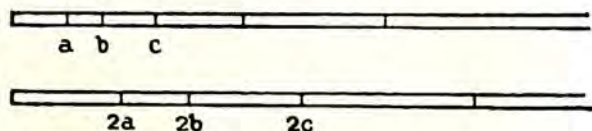
9 декабря 1945 года я сделал первую попытку изобразить эту линейку (13).

Но вот я и на грузовом судне «Вернон С. Худ». Оно вышло из Гавра в середине декабря 1945 года и пришло в Нью-Йорк через девятнадцать дней. Первые шесть дней пути сопровождалась страшной бурей; в остальные дни море тоже очень сильно волновалось. Американская компания объявила, что путешествие будет продолжаться семь-девять дней. На второй же день стало ясно, что оно продлится восемнадцать-девятнадцать дней. Это вызывало недовольство всех двадцати девяти пассажиров. Мы почевали в общих спальнях, матросы занимали каюты. Я как-то сказал Клодусу

Пти, который меня сопровождал: «Не сойду с этого проклятого парохода, пока не найду объяснения моей золотой линейке». Удалось договориться с администрацией парохода, чтобы каждое утро с 8 до 12 часов и каждый вечер с 20 часов до полуночи мне предоставлялась отдельная каюта. Там я предавался своим размышлениям, пытаюсь как-то связать их между собой. В кармане у меня лежала лента с напечатанной Солтаном шкалой, уложенная в небольшую алюминиевую коробку от фотошпленки «Кодак». С тех пор эта коробка не покидала моего кармана. Я часто по самым неожиданным поводам доставал ленту и принимался что-нибудь проверять. Вот пример. На корабле некоторые из нас усаживались на капитанском мостике (14) подышать свежим воздухом. Все кругом казалось прекрасным, удивительно пропорциональным. Но тут лента вдруг вылетала из своей коробки и начались измерения. Через три года, в 1948 году, другая проверка. Я присутствую на заседании Экономического совета, секции реконструкции — градостроительства и общественных работ, где изучался проект нового закона о квартирной плате. Говорят о высоте жилых помещений. Я рекомендую высоту в рост человека с поднятой рукой и ее

14

удвоение. Мы находимся в Пале-Рояле, в Париже, на этаже «малых апартаментов» (конец XVIII века и эпоха Реставрации — начало XIX века). Их высота была бы достаточной для новых небольших квартир, поскольку она достаточна для залов, в которых мы сейчас заседаем и ведем дебаты. Я измеряю высоту помещения своей линейкой: 216 сантиметров — высота человека с поднятой рукой. Наш председатель, г-н Како, фиксирует это полное соответствие.

Но вернемся к нашему судну.

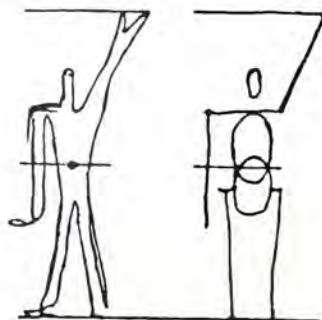
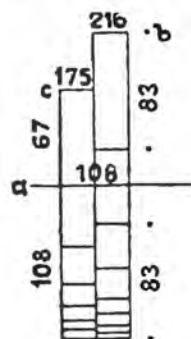
Пока корабль болтается, испытывая жестокую килевую качку, я составляю цифровую шкалу (15).

Ее цифры и точки, нанесенные соразмерно с человеческим ростом, точно определяют *габариты пространства*. Все они являлись *антропометрическими*.

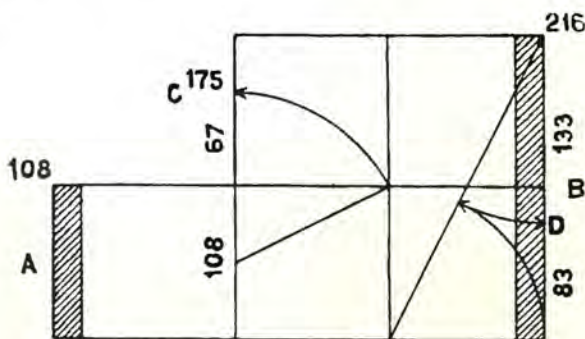
Но занимают ли они положение, математически обоснованное, свойственное им и, так ска-

15

15a

16

зять, привилегированное? Ответ на это нам дает фиг. 15a.

Единица измерения $A = 108$.

Удвоенная величина $B = 216$.

Отношение $\varphi A = C = 175$ ($108 \div 67$).

Отношение $\varphi B = D = 83$ ($143 \div 83$).

Отсюда можно сделать вывод, что эта линейка, построенная в соответствии с человеческим телом, указывает основные границы занимаемого пространства и является наиболее простым и активным фактором математической эволюции, давая значения единицы измерения, ее удвоения и обоих золотых сечений, прибавленные или убавленные.

Теперь мы гораздо увереннее в себе и далеко продвинулись вперед по сравнению с тем временем, когда вместо построения прямого угла включали в два смежных квадрата третий квадрат такой же величины. Объединяя в одном рисунке оба отмеченных положения, я получил, таким образом, очень наглядное изображение. Вначале я определил *красную серию*, ряд Фибоначчи, по связи с φ , построенным на отметке 108, и далее *голубую серию* на отметке 216 (удвоение). Затем я нарисовал фигуру человека высотой 1,75 метра, выраженную четырьмя цифрами: 0, 108, 175, 216. И наконец, я поместил красную ленту слева, голубую — справа, серию φ , стремящуюся к нулю, — внизу, а стремящуюся к бесконечности — вверх (16).

Прибыв в Нью-Йорк 10 января 1946 года, я встретился с г-ном Кайзером, знаменитым конструктором кораблей «Либерти-шипс». Его новая программа предусматривала строительство для Соединенных Штатов ежедневно десятка тысяч домов.

— Однако, — сказал он мне, — я изменил программу, я буду делать автомобили.

Я изложил ему причину моего приезда в США.

Кайзер — видный промышленник, крупная величина в деловом мире США. Он должен был заняться строительством трех миллионов серийных односемейных домов ежегодно. Эти дома заняли бы огромную территорию, образовав длинные улицы за пределами существующих городов, так как в городах для них нет свободного места. Непомерно разросшиеся города потре-

буют невероятного развития всех видов коммуникаций — вода, газ, электричество, телефон и пр. Потребуется новые линии железных дорог, метро, трамвая, автобусов и пр., а также должны быть проложены в огромном количестве шоссе и дороги. Какое поле деятельности, какая роскошь! Вы думаете? Реализация подобной программы привела бы к катастрофе, огромное расточительство у американцев я уже наблюдал и анализировал в 1935 году¹. Но никому в голову не придет упрекнуть Кайзера, никто не остановит его бурную энергию. И вот, взвесив после шести месяцев изучения всю обстановку, сам Кайзер решает строить уже не дома, а автомобили. Автомобили служат транспорту, помогают транспорту, позволяют сделать более терпимым исключительно трудное положение американского горожанина. Кроме того, Кайзер предвидит здесь и другое: низкую себестоимость и эффективность автомобиля, как такового, и общую эффективность производства. Однако конкуренция в Америке огромна. Здесь нужно учитывать еще изменения во вкусах публики, удорожающие стоимость машины. Надо помнить, что автомобиль есть символ значительности человека, первая ступень к его уважению другими. Чтобы угодить вкусам публики, автомобиль должен иметь длинный и обтекаемый кузов, вместительный, как у всякой машины восхищающих нас марок, свидетельствующий о мощи мотора, величественный с виду. Ценятся автомобили великолепные, сверкающие, вызывающие чувство самодовольства, поражающие своей силой. Но они очень велики, и их капоты с гигантскими хромированными челюстями спереди кажутся лицом бога, выражением могущества. Все знают, как переполнены улицы Америки. Автомобили порой бывают

длиннее, чем это нужно. Они преграждают путь при поворотах, занимают много места. А следствие этого? Скорость, запрещенная правилами, двойной расход стали, краски, масла. И вот мы снова перед проблемой человеческих масштабов... Я возвращаюсь к своей теме и вновь беру за свой «модуль»².

Второй мой визит был к г-ну Лиллентау из Ноксвилла — главному директору Теннесси-Валлей, вдохновителю большого плана, поддержанного президентом Рузвельтом: тennesseeские плотины, новые города, восстановление и развитие земледелия.

Разговаривая, он дружески улыбался при мысли о той гармонии, которая воцарится всюду в результате проведения огромных работ в этой области и координации всех самых разнообразных проектов: водоснабжения, электричества, удобрений, сельского хозяйства, транспорта, промышленности. И тогда территория, огромная, как вся Франция, вырвется из лап эрозии, которая с ужасающей быстротой одела, словно в саван, некогда плодородные земли. Всенобеждающая жизнь вновь будет владеть спасенными землями, применяя самые совершенные методы современной организации. В этом отношении СССР и США показали свое могущество.

В Нью-Йорке я встретился с одним из моих бывших чертежников, Ваксманом, благодаря исключительной энергии которого было создано Общедвижение по изготовлению панелей, предназначенное полностью обеспечивать строителей домов серийными элементами. Наш общий друг Вальтер Гроппус, руководитель кафедры архитектуры Гарвардского университета в Бостоне, помог сделать это предприятие достойным его архитектурного назначения.

Я приехал слишком поздно, чтобы принять участие в предпринятии моих друзей. Дело обстояло так: Ваксман руководствовался стандартом, созданным по типу шахматной доски, причем за единицу измерения он принял квадрат. Японцы по вековой традиции строили замечательные деревянные дома, взяв за основу более тонкую единицу измерения — размер циновки (татами)³.

В США, где распространены серийные дома, я предпочел бы не ограничивать их разнообра-

¹ Quand les Cathédrales étaient blanches, Paris. 1937.

² Modulor (лат.) — ритмически размерять. Здесь автор употребляет это слово как существительное: ритмический размер. — Прим. ред.

³ Размер циновки: один кен в длину, полкена в ширину. В разных провинциях кены варьировали. Крестьянский кен равен 1,97 метра, токийский кен — 1,82 метра. Он стал всеобщим с тех пор, как император поселился в Токио. Теперь он неизменно употребляется для измерения традиционных домов. Для всего прочего принята метрическая система.

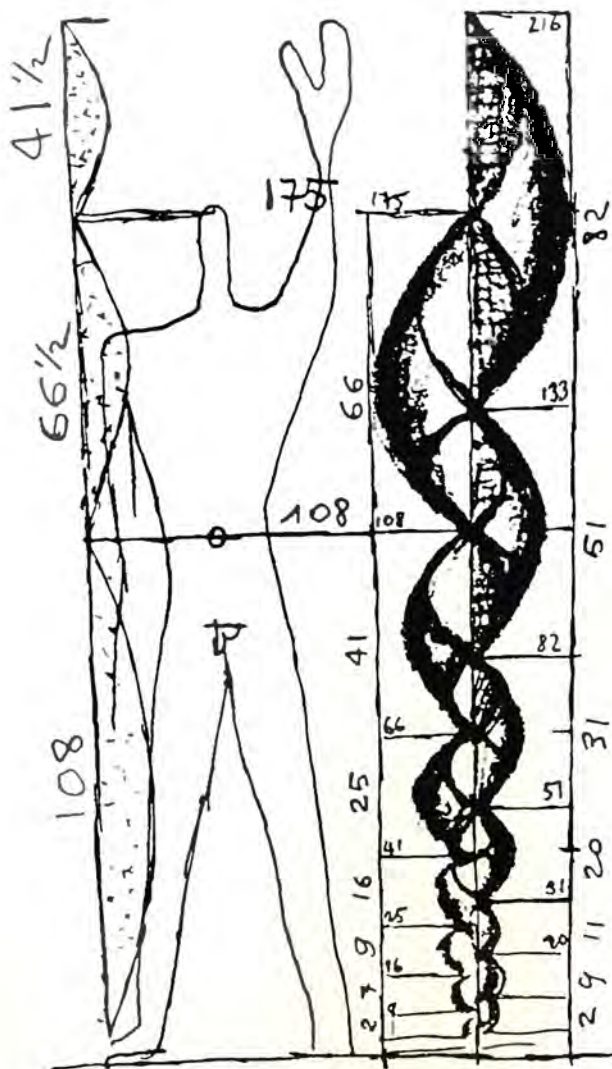
зше, которое, мне кажется, может обеспечить на-
на гармоническая система.

В мастерской на улице Севр я поручил Пре-
вералю доработать начатое на «Вернон С. Худ». Не-
обходимо было выбрать название для нашей
золотой линейки. Из ряда слов мы выбрали «мо-
дулёр». Вместе с тем мы создали и свою фабрич-
ную марку — клеймо, дав на ней рисунок, раз-
деляющий само изобретение (17).

На этот раз сущность изобретения была выра-
жена с редкой простотой: «модулер» — это сред-
ство измерения, основой которого являются рост
человека и математика. *Человек с поднятой ру-
кой дает нам точки, определяющие занятое про-
странство — нога, солнечное сплетение, голова,
кончик пальцев поднятой руки, — три интерва-
ла, обуславливающие серию золотого сечения,
называемую рядом Фибоначчи. С другой сторо-
ны, математика предлагает здесь некоторое из-
менение, очень простое и в то же время весьма
существенное: простой квадрат, удвоение и два
золотых сечения.*

Сочетания, полученные в результате исполь-
зования «модулера», оказались беспредельны-
ми. Превералю было поручено подготовить таб-
лицы. Это было вполне естественным даром чи-
сел — непрерываемой чудесной игрой матема-
тики.

Но вот о чем нас просили: округлять наши
числа, чтобы приблизить их к некоторым дру-
гим, ныне употребляемым. Претензии, которые
нам предъявлялись, состояли, в сущности, в
следующем: числа, отмеченные на первой ленте
(Солтана) или в первой вычислительной табли-
це, были выражены в метрических мерах, на-
пример 1080 миллиметров (солнечное сплете-

ние). Неудобство заключалось в том, что при суммировании метрических мер было невозможно практически выразить их в измерении фут—дюйм. Поэтому «модульёр» добивался унификации такого разноречия в дальнейшем во всех странах. Для этого было необходимо выразить значение фута — дюйма *в целых числах*.

Я никогда не затрагивал вопроса об «округлении» чисел папих серий — красной и голубой. Но как-то, собравшись вместе, мы захотели отыскать решение этого вопроса. Один из нас, Пи, сказал: «Значения, принятые «модульёром», определены исходя из роста человека 1.75 метра. Но это, скорее, рост француза. У англичан, как вы, наверно, читали в их детективных романах, красавцы мужчины, например полисье, неизменно имеют рост 6 футов».

Мы попытались применить этот эталон: 6 футов = $6 \times 30,48 = 182,88$ сантиметра. К нашему восхищению, шкала нового «модульёра», построенная исходя из роста человека в шесть футов, легко переводилась для футов — дюймов в целые числа на всех ступенях.

Нам показали — и особенно в творениях Возрождения, — что человеческое тело также подчиняется золотому сечению. Когда англосаксы установили свои линейные меры, они прежде всего определили соотношение между значениями фута и дюйма, — соотношение, которое распространилось (по смыслу) и на соответствующие значения человеческого тела. Отныне перевод нашего «модульёра» на исчисление с основой 6 футов (182,88 сантиметра) в целых числах был признан всеми. Мы были в восторге. Солтан нарисовал новую градуированную ленту, на этот раз последнюю, которая заменила прежнюю в маленькой алюминиевой коробке в глубине моего кармана.

Итак, мы имеем следующие эквиваленты:

¹ Я помню, сколько страданий пришлось мне пережить в бюро штаб-квартиры Объединенных Наций в Нью-Йорке в 1947 году, когда я работал над планом новых сооружений у Ист-Ривер. Кто только не раздражался, кто не испытывал мучительных волнений из-за несоответствия значений, не ощущал всей тяжести создавшегося здесь положения!

² Поправка: абсолютное значение метра, принятого за эталон вычислений, заменено теперь длиной волны определенного цвета.

Метрические меры (миллиметры)	Принятые значения (миллиметры)	Футы — дюймы	Принятые значения
101,9	102	4"012	4"
126,02	126	4"960	5"
164,9	165	6"492	6 $\frac{1}{2}$ "
203,8	204	8"024	8"
266,8	267	10"504	10 $\frac{1}{2}$ "
329,8	330	12"98	13"
431,7	432	16"997	17"
533,9	534	21"008	21"
698,5	699	27"502	27 $\frac{1}{2}$ "
863,4	863	33"994	34"

и т. д.

и т. д.

Проведенный опыт принес нам единственную пользу: мы определили, что «модульёр» автоматически разрешает те тягостные разногласия, которые разделяют сторонников метра и сторонников фута — дюйма. Эти разногласия между инженерами и строителями, применяющими фут — дюйм, и теми, кто придерживается метра, настолько велики, что между ними вырастает высокая стена¹. Перевод расчетов, проведенных по одной системе, в измерения другой — операция, парализующая ход работы, дорогостоящая и настолько трудоемкая, что примирить два разных лагеря во много раз труднее, чем примирить различные языки.

«Модульёр» автоматически осуществил преобразование метра в фут — дюйм. Он не только укрепил сердечное согласие метра (который есть не что иное, как условно принятый для измерения металлический брусок, хранящийся в специальном колодце около Бретейского навильона в окрестностях Парижа²) и всей десятичной системы с футом — дюймом, но и избавил фут — дюйм путем применения десятичной системы от сложных вычислений, затрудняющих сложение, вычитание, умножение и деление.

«Какого только внимания не заслуживают вычисление пространства и роль нуля! Без этого арифметика, несомненно, никогда бы не развилась дальше кокона. Разве мы не чувствуем бла-

готворного влияния вычислений не только в математике, но и в тех технических достижениях, на которых зиждется мощь больших современных государств?»¹

1 мая 1946 года я отправился самолетом в Нью-Йорк с полномочием от имени Франции защищать в Объединенных Нациях современную архитектуру в случае постройки здания ООН в США.

Я имел удовольствие довольно долго беседовать о «модулёре» с профессором Альбертом Эйнштейном в Припстоне. В то время я испытывал большую неуверенность и беспокойство. Я объяснялся плохо и плохо объяснял ему, запутавшись в разных «причинах и следствиях». Как-то Эйнштейн взял карандаш и стал что-то подсчитывать. Я глупо прервал его, наша беседа отклонилась в сторону, и все расчеты застряли. Мой друг, который меня сопровождал, был огорчен. Но в тот же вечер Эйнштейн прислал мне очень любезное письмо по поводу «модулёра». «Это гамма пропорций, которая делает это трудно-, а добро легковыполнимым». Некоторые считают, что такое уточнение непаучко. Но сам я думаю, что это поразительная прозорливость. Это дружеский жест, которым великий ученый показал всем нам, что мы отнюдь не только ученые, а солдаты на поле битвы. Ученый сказал нам: «Это оружие верно бьет: в установлении размеров и определении пропорций оно придаст вам в нашей работе больше уверенности».

На Бродвее в Бюро инженерного совета я рассказал о «модулёре» Мужо, основателю парижского КОЭ (Организационного экономического комитета), являвшегося отделением Объединенных Наций по строительству заводов. «Как, вы, француз, хотите организовывать американские заводы?» — «Да, несомненно, поскольку у вас сплотившееся безумное расточительство и т. д. и т. п. «Но ведь мы каждый день чему-нибудь учимся». Немного позднее Мужо сказал мне: «Я провел целый день, рассчитывая по вашему «модулёру». Знаете ли вы, что между самой низкой отметкой — пятнадцать тысячных миллиметра, — которой я сегодня занимался, и окружностью Земли «модулёр» насчитывает всего только 270 интервалов? Это любопытно. — И он прибавил: — «Модулёр» должен применяться в механике на

том же основании, как и в архитектуре». Это понятно, ибо машина обслуживается человеком и полностью подчиняется жесту рабочего, который ею управляет. Как следствие она должна быть выражением человеческого масштаба. В механике необходимо пользоваться такими измерениями, которые в зависимости от величины полезного пространства обуславливали бы допустимые габариты машин, а значит, и размеры валов, станин, коробок и пр. Это заключение Мужо очень важно.

В Нью-Йорке я посетил Музей кооперативного объединения — музей, посвященный преподаванию декоративного искусства и архитектуры. В декоративной секции мое внимание привлек салон Людовика XV, украшенный гротесками² великодушных пропорций. Я вынул из кармана маленькую алюминиевую коробку и занялся измерениями: высота компаты точно 2,16 метра; камин и другие ее детали хорошо согласуются с этой высотой. Я обратился к другу, который был со мной: все это, несомненно, работа французских мастеров, на это указывает и моя лента № 1, рассчитанная на человека ростом 1,75 метра. Объявление гласит: «Декоративная роспись с обезьянками. Заимствовано из дворца Шантильи»³.

Однажды вечером Андре Жауль пригласил меня на обед вместе с Джоном Делем, президентом объединения «Чарльз Харди» в Нью-Йорке. Джон Дель берется пропагандировать «модулёр» — инструмент, который должен находиться на чертежном столе рядом с циркулем. Я изложил Делю принцип «модулёра», на что он ответил: «Я очень хорошо понимаю все это. И вот почему: вечерами у себя дома я играю на виолончели. Струны под моими пальцами также подчиняются математике, выполняя функцию по «модулёру».

¹ François Le Lionnais. La Beauté Mathématique (Cahiers du Sud, 1948).

² Слово «гротеск» употребляется в истории искусства, по-видимому, неправильно. Первоначально говорили: раковина, скала, грот — la grotte, термин «гротеск» распространился в эпоху Возрождения. Опустили одно «т» и придали слову совершенно другой смысл.

³ Во времена Людовика XV были в моде подобные росписи с изображением обезьян и ветвистых орнаментов.

«Модульер» — это измерение, опирающееся на математику и построенное по принципу человеческого масштаба. Он образует двойную серию чисел — красную и голубую. Однако может ли числовая таблица ответить на все? Нет! Здесь я хочу ясно высказать свою точку зрения на то, что, по-моему, является ключом к изобретению. Метр есть не что иное, как абстрактная величина; сантиметр, дециметр, метр — только наименования десятичной системы (я скажу дальше коротко о миллиметре). Цифры «модульера» — размеры. Следовательно, сами по себе они жизненны и являются итогом выбора из бесконечного ряда значений. Более того, будучи выражены в числах, они обладают всеми их достоинствами. Однако объекты строительства, которые они фиксируют, представляют собой весьма различные по объему и разнообразные *вместилища человека или продолжения человека*¹. Чтобы выбрать лучшие размеры, нужно ясно видеть их и уметь оценить, *ощупывая руками*, а не ограничиваясь только размышлениями (это относится к размерам, очень близким к росту человека). Поэтому лента «модульера» должна быть всегда под рукой — на чертежном столе, по соседству с циркулем. Архитектура (в это понятие, как я уже говорил, я включаю совокупность почти всех строящихся объектов) должна отвечать нашим чувствам, быть содержательной и вместе с тем умной и теоретически обоснованной.

После того как был открыт закон «модульера», нужно было еще изучить различное его применение и как следствие — его материальную форму. Джон Дель поручил Стамо Панадаки, нью-йоркскому архитектору, техническое руководство этим исследованием. Какая материальная форма будет придана «модульеру» и какая индустрия сможет его применить?

1. Лента длиной 2,26 метра (89 дюймов), металлическая или из пластического материала (17a).

2. Измерительная таблица с двумя ее полезными сериями. Эпитетом «полезный» подчеркивается ее притязание на измерения на изученной площади. Предел применения — восприятие

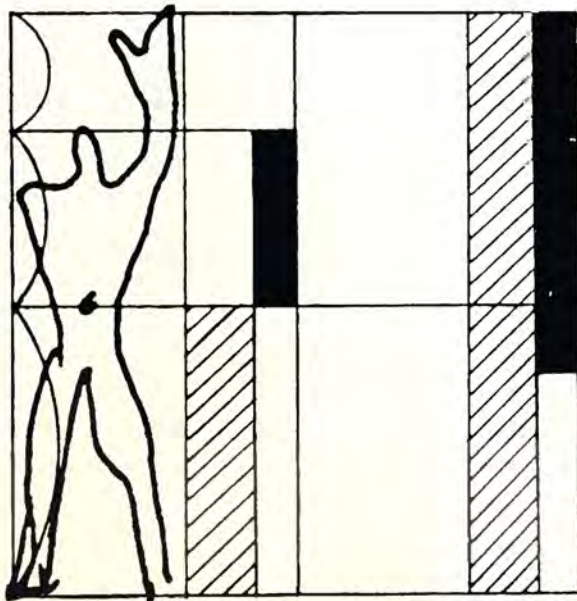
реальное, зрительное, чувственное. Мы полагали, что для расчета строений выше четырехсот метров наши измерения не могут быть применимы.

3. Книжка с пояснениями к «модульеру» и различными комбинациями его применения.

Джон Дель собирается завершить дело изданием всемирного бюллетеня о «модульере», содержащего информацию и отзывы о нем специалистами.

28 января 1947 года я приступил в Нью-Йорке в качестве одного из десяти экспертов Объединенных Наций к работе по осуществлению планов штаб-квартиры ООН по строительству у Ист-Ривер. К этому времени «модульер» — неизвестно как! — уже проложил первую борозду. Общество американских проектировщиков на своем конгрессе попросило меня сделать сообщение в большой аудитории Метрополитен-музеум. Несколько месяцев спустя студенты Колумбийского архитектурного факультета, как и их профессора, и министр народного просвещения, сердечно принимавшие меня в Боготе, объявили, что они многого ждут от «модульера».

17a

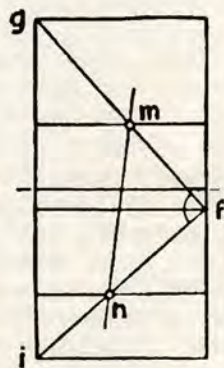
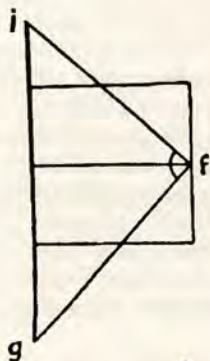
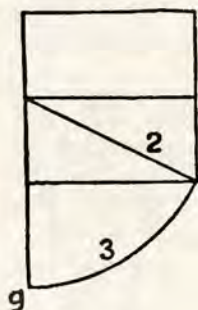
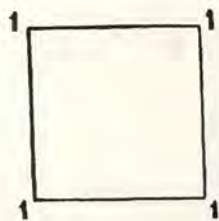
¹ Машинка, мебель, журнал являются продолжениями жестов человека.

В сентябре того же года, на VI конгрессе СИАМ в Бриджуотере, в Англии, была проявлена такая же заинтересованность. Большой лондонский журнал «Архитектурал ревью» посвятил целый раздел основным элементам «модулёра», дав описание его таблиц и рисунков. В этом разделе, частично написанном Матилдой Гикой, он ответил на вопрос, который я задавал себе каждый день.

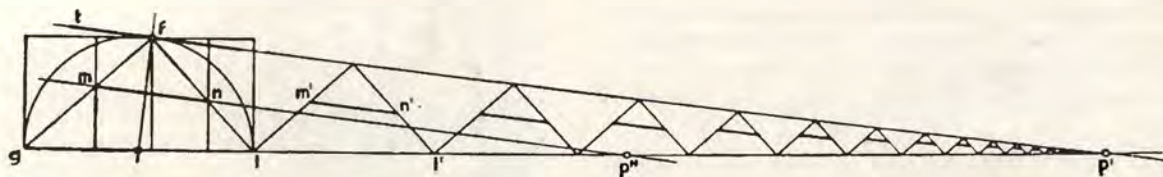
Я хочу знать, открыл ли «модулёр» волшебную дверь в мир чисел сознательно, как в известную ему область, или только приоткрыл то, что должен был бы открыть, случайно, наудачу, как любую дверь среди сотни или тысячи чудесных дверей, которые могут или могли бы нас сюда привести. Ответ Гика склонялся, кажется, ко второй альтернативе. Как я уже говорил, я задаю себе этот вопрос, предлагая подумать над ним и своим попутчикам по работе. Но во всех случаях я всегда оставляю за собой право сомневаться в беспорности решений, подсказываемых мне «модулёром», сохраняю полную свободу действий, подчиняя их моему чувству вещей, по отношению к моему рассудку.

После моего возвращения из Америки в июле 1947 года обстоятельства позволили мне в течение целого года непосредственно заниматься проверкой. В этой скрупулезной работе, проводимой под моим личным наблюдением и по собственным чертежам в Марселе, Сен-Дисе, Байё и др., применение «модулёра» полностью обеспечило мне возможность правильной его оценки. И эта оценка оказалась настолько положительной, что у меня возникло желание выполнить еще одну работу — честно раскрыть читателю весь механизм «модулёра», с тем чтобы читатель мог сам о нем судить.

В заключение я должен сказать еще несколько строк о второй версии «модулёра», построенной на базе человека ростом 6 футов. Много говорить здесь нечего. Поскольку объекты нового строительства, измеряемые с помощью «модулёра», появляются повсюду, становясь, как правило, достоянием людей различных рас и разного роста, требование, чтобы строящиеся *вместилища* были пригодны для человека самого высокого роста (6 футов), должно быть, естественно, удовлетворено. Поэтому возводимые архитек-

18

19

турные сооружения лучше делать больших размеров (конечно, в разумных пределах), а не слишком маленькими, с тем чтобы эти вместилища могли служить всем.

В августе 1948 года, когда я работал над этой книгой, у меня вдруг возникло сомнение в правильности формулировки первоначально выдвинутого принципа «модулёра»: *третий квадрат строится внутри двух первых смежных квадратов, вместо того чтобы сказать: внутри прямого угла.*

Поэтому я сделал новый эскиз (18 и 19), где соединение двух точек, m и n, образует наклонную. Касательная к окружности, в которую вписан прямой угол, также наклонная. Будучи продолжена, эта наклонная касательная и продолженная наклонная m—n сходятся на линии основания фигуры, позволяя поместить между ними нисходящий ряд прямоугольных треугольников, сходных с первым, подтверждая этим принцип восходящего ряда φ и отношение Фибоначчи.

В заключение нашего небольшого очерка будет небесполезно еще раз, вкратце, конечно, с учетом терпения читателя, повторить то, о чем мы уже говорили выше.

1. Наша решетка дает три размера: 113, 70, 43 (в сантиметрах), которые согласуются с φ (золотое сечение) и рядом Фибоначчи: $43 + 70 = 113$, или $113 - 70 = 43$. В сумме они дают $113 + 70 = 183$; $113 + 70 + 43 = 226$.

2. Эти три размера (113, 183, 226) определяют величину пространства, занимаемого человеком шести футов.

3. Размер 113 определяет золотое сечение 70, показывая начало первой, красной серии: 4—6—10—16—27—43—70—113—183—296 и т. д.

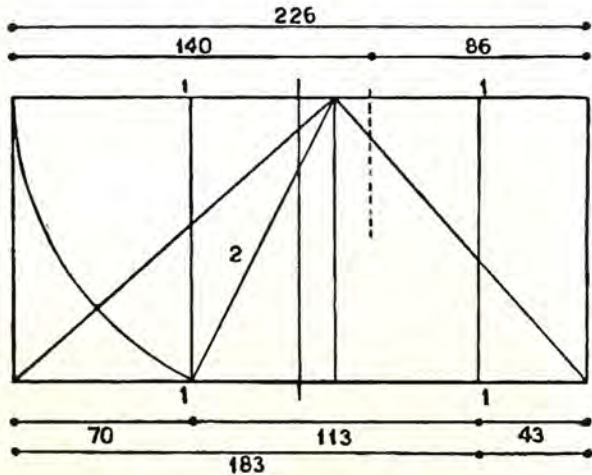
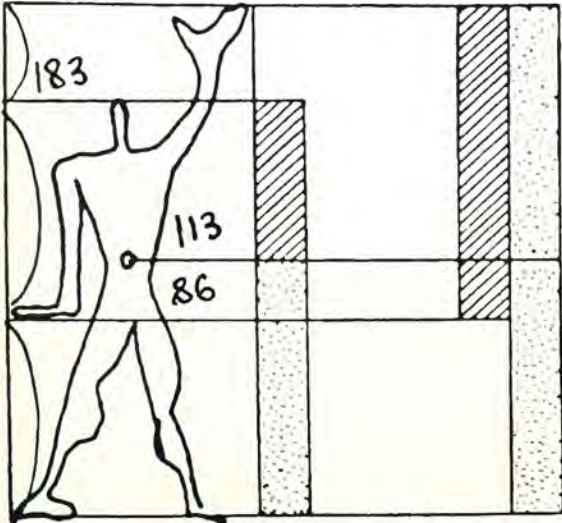
Фабричная марка, употребляемая в настоящее время, может быть использована для улучшения чертежа. До сих пор стоящий человек служил определению трех, а не четырех решающих значений «модулёра», а именно:

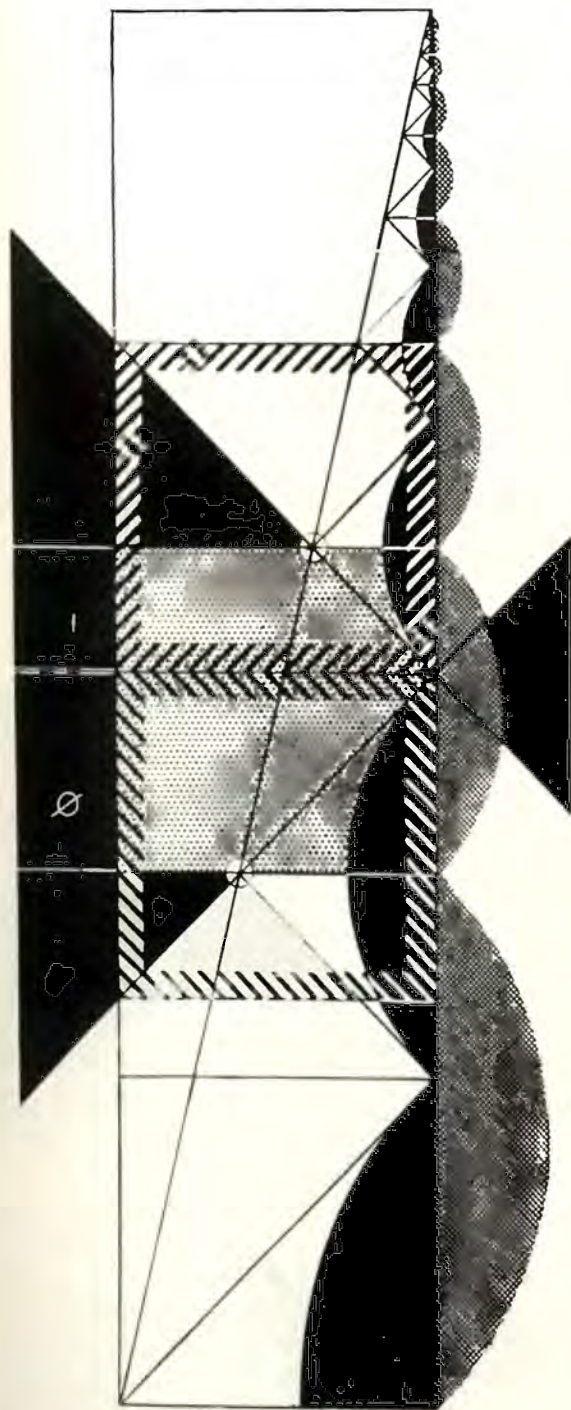
- 113 — солнечное сиятение,
- 183 — вершина головы (отношение φ , 113),
- 226 — конец пальцев поднятой руки.

Второе отношение φ 140—86 вводит четвертую существенную точку фигуры человека — точку опоры опущенной руки; 86 сантиметров.

Таким образом, если человек, у которого левая рука поднята, не принужденно опустит правую руку, то она даст отметку 86. В результате мы получаем четыре точки, определяю-

226

щие с помощью фигуры человека занимаемое им пространство (см. все это на фиг. 20).

Размер 226 (2×113 — удвоение) определяет золотое сечение 140—86, показывая начало второй, *голубой серии*: 13—20, 3—33—53—86—140—226—366—592 и т. д.

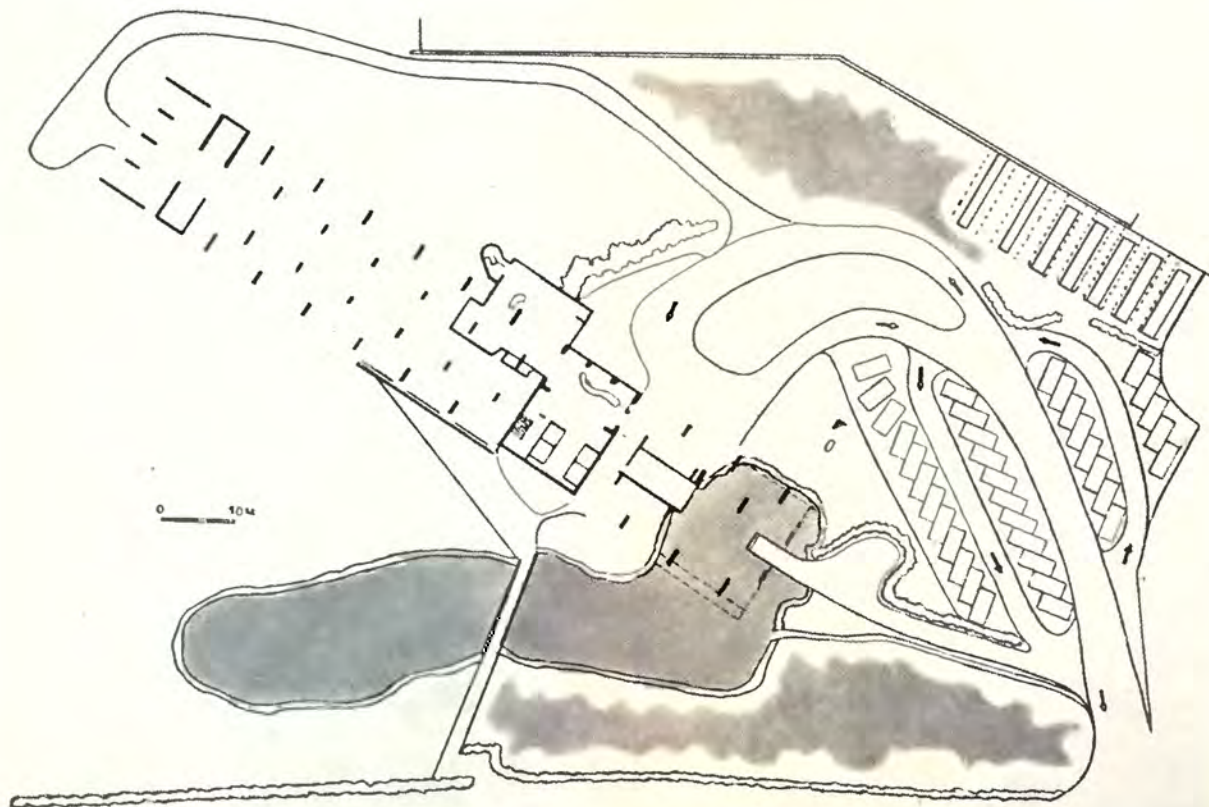
4. Из этих значений и размеров отметим те, которые определено связаны с ростом человека (21, 22, 23, 24, 25).

5. Однако тот, кто рассчитывает в конечном итоге возвратиться к значениям, допускающим бесконечные комбинации, пусть обратится к таблицам, посвященным применению «модулёра», которые мы приводим для сведения во второй части нашего очерка.

И вот двадцать лет после Матилы Гики, который в 1927 году написал «Эстетику пропорций в природе и в искусстве», элементы «триады» — *солнечное сплетение, голова, конец пальцев* (поднятой руки); элементы «дуализма» — *солнечное сплетение, конец пальцев*, то есть в обоих случаях неограниченная возможность измерений: по принципу триады в красной серии «модулёра» и дуализма — в голубой.

«... Тела животных и насекомых также раскрывают в большей части своих пропорций тему золотого сечения. В передних ногах лошади, так же как в указательном пальце человеческой руки, находит свое выражение серия из трех последовательно сочетающихся элементов серии нисходящего ϕ . Благодаря равенству большего элемента триады сумме двух других — и в этом ее смысл — она восстанавливает дуализм и симметричное деление, которому она противоречила. И это вызывает интерес к себе в архитектуре».

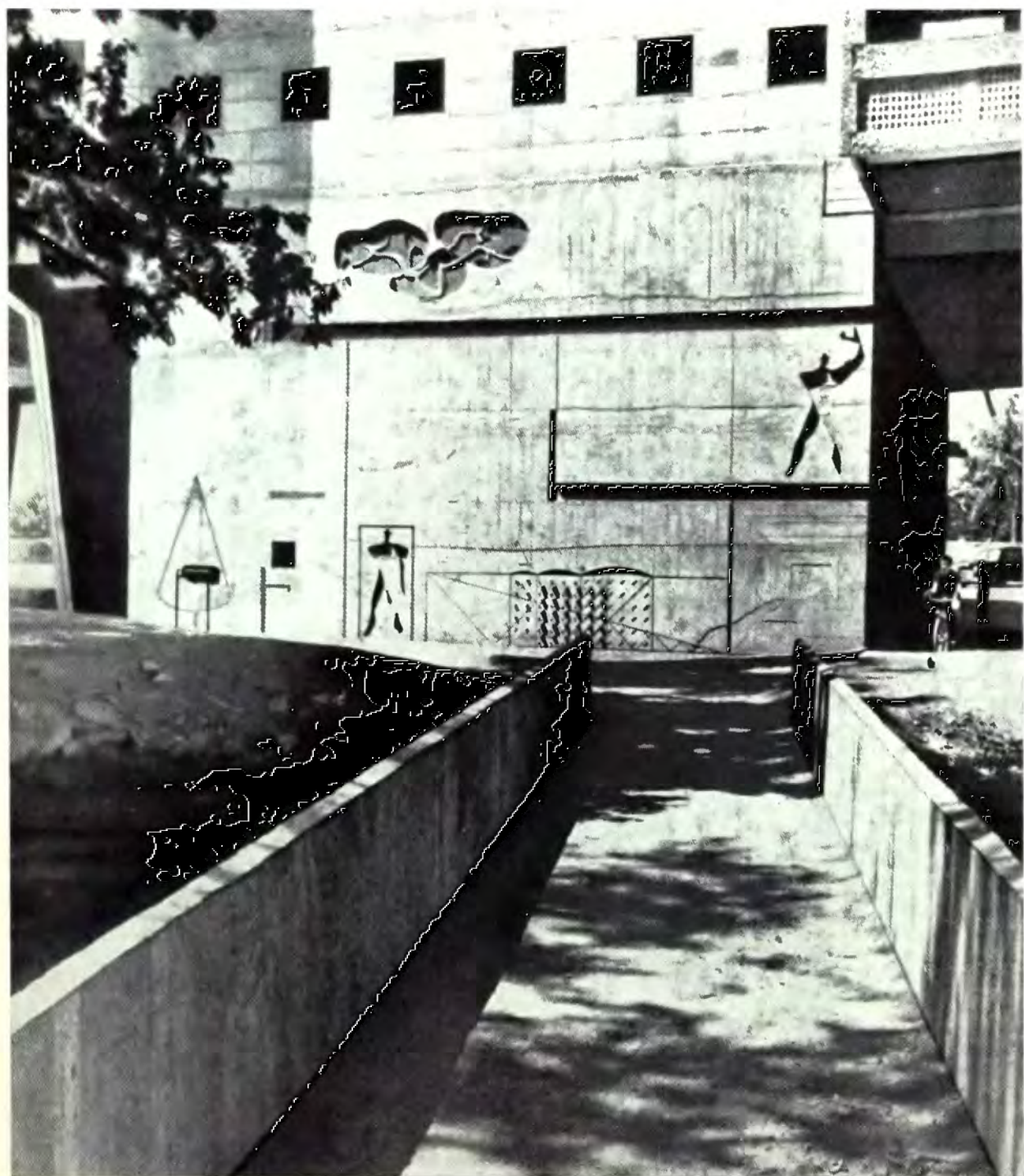
Le Corbusier. Le Modulor. Boulogne, 1951.

Единый жилой комплекс в Нант-Резе (Франция),
1953—1955.
Генеральный план.

Единый жилой комплекс в Нант-Резе (Франция).
Фрагмент фасада.

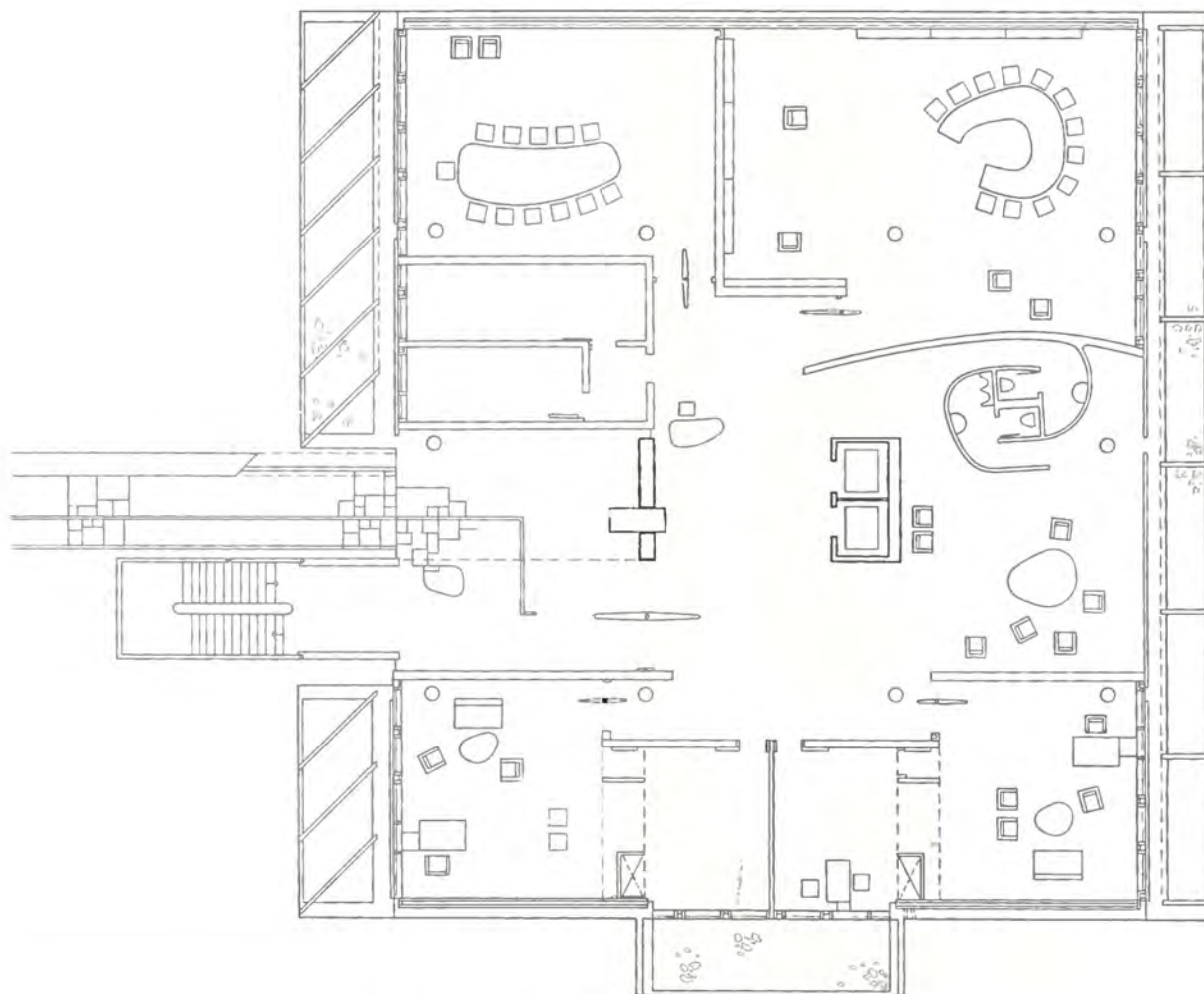

Дом Текстильной ассоциации в Ахмедабаде, 1954—1957.
Западный фасад.

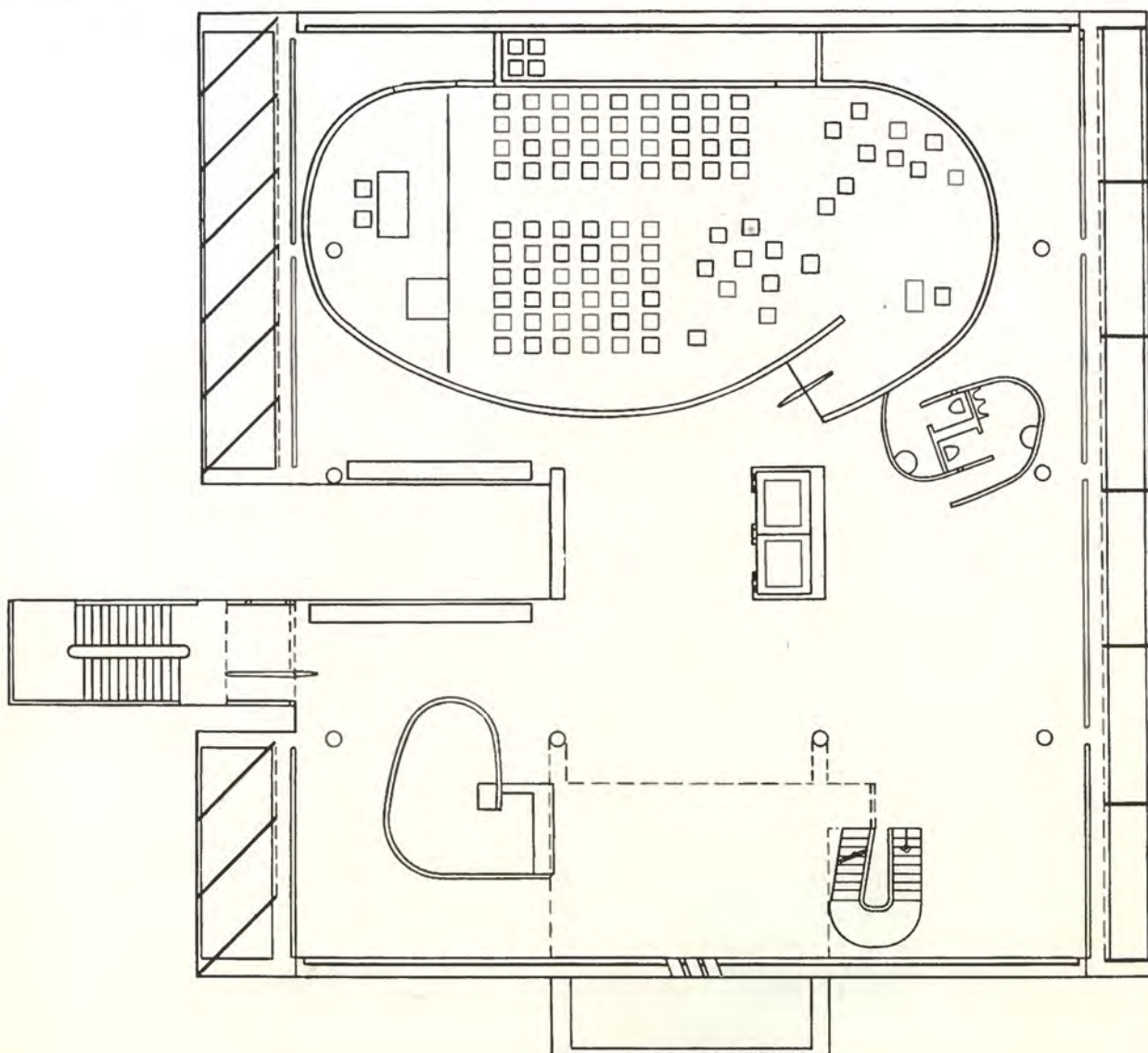
Дом Текстильной ассоциации в Ахмедабаде.
План третьего этажа.

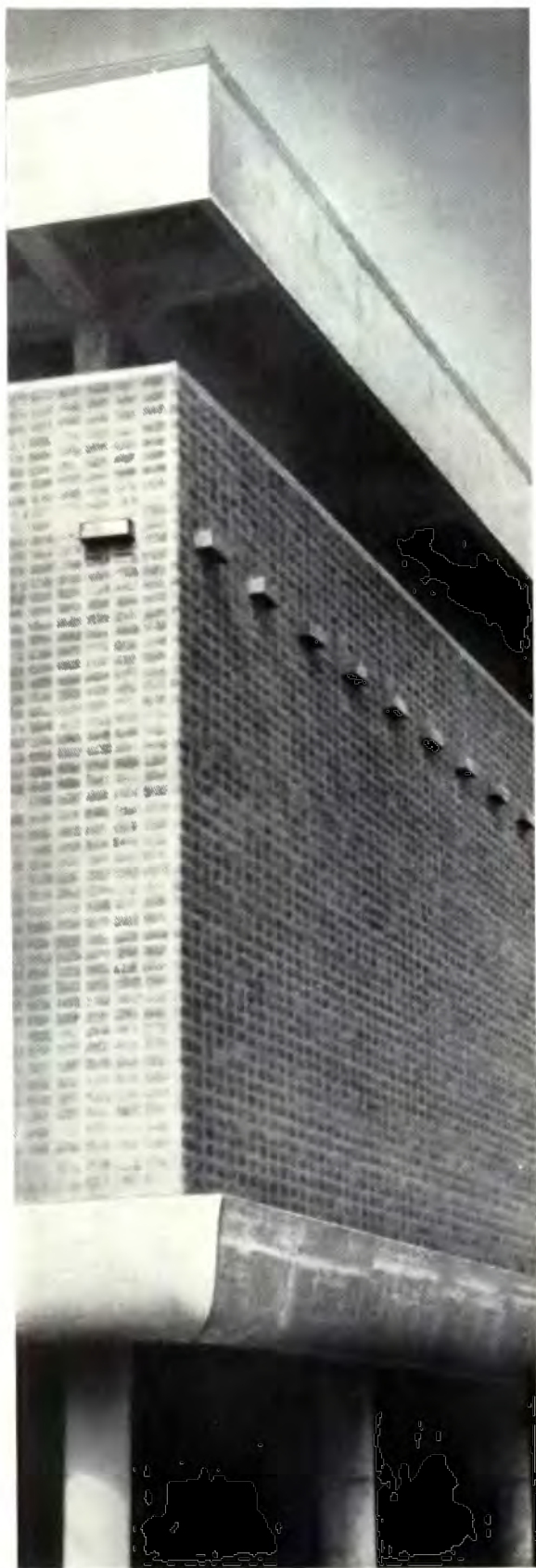

Дом Текстильной ассоциации в Ахмедабаде.
Восточный фасад.

Дом Текстильной ассоциации в Ахмедабаде.
План верхнего этажа.

Музей в Ахмедабаде. Фрагмент фасада.

Музей в Ахмедзаде, 1954—1957 (во время стройки).

Музей в Ахмедабаде. Дворик.

Проект стадиона на 100 тысяч зрителей в Шантильи,
Париж, 1936—1937. Макет.

Проект стадиона на 100 тысяч зрителей в Шантильи.
Париж. Макет (вид сбоку).

1

ОПОРЫ-СТОЛБЫ: Дом на отдельных опорах! Раньше дом был забит в землю, а темных и зачастую сырых местах. Железобетон дает нам отдельные опоры. Теперь дом в воздухе, высоко над землей: под домом находится сад, на крыше дома тоже сад.

2

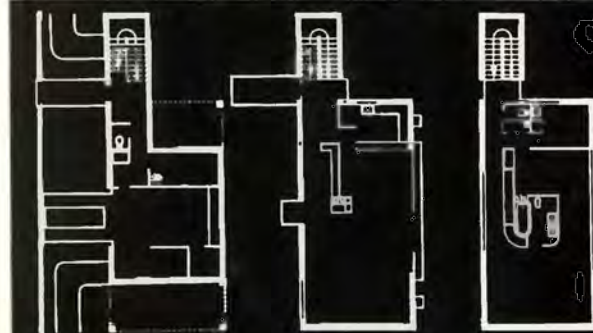
КРЫШИ-САДЫ: Железобетон — это новый материал, позволяющий создать совмещенную кровлю здания. Соображения технологии, экономии, удобства и психологии приводят нас к выбору крыши-terraces.

3

СВОБОДНАЯ ПЛАНИРОВКА

До сих пор стены здания были его несущими элементами, планировка дома полностью зависела от стен. Применение железобетона допускает свободную планировку. Этатки больше не будут отделяться один от другого словно отсеки. Отсюда — большая экономия жилого объема, рациональное использование каждого кубического сантиметра, большая экономия материальных средств.

4

РАСПОЛОЖЕНИЕ ОКОН ВДОЛЬ ПО ФАСАДУ

Окно — один из важнейших элементов дома. Новейшие средства раскрепостили окно, железобетон произвел настоящую революцию в его истории. Окна могут быть протянуты вдоль всего фасада, от одного его конца до другого.

5

СВОБОДНЫЙ ФАСАД

Опоры вынесены за пределы фасада, внутрь дома. Перекрытия крепятся на консолях. Отныне фасады — это легкие пластины изолирующих стен и окон. Фасад освобожден от нагрузки.

ПИСЬМА, ЗАМЕТКИ И Т. П.

Пять отправных точек современной архитектуры

1. *Опоры-столбы:* Дом на отдельных опорах! Раньше дом был забит в землю, в темных и зачистую сырых местах. Железобетон дает нам отдельные опоры. Теперь дом в воздухе, высоко над землей; под домом находится сад, на крыше дома тоже сад.

2. *Крыши-сады:* Железобетон — это новый материал, позволяющий создать совмещенную кровлю здания. Соображения технологии, экономии, удобства и психологии приводят нас к выбору крыши-террасы.

3. *Свободная планировка:* До сих пор стены здания были его несущими элементами, планировка дома полностью зависела от стен. Применение железобетона допускает свободную планировку. Этажи больше не будут отделяться один от другого, словно отсеки. Отсюда — большая экономия жилого объема, рациональное использование каждого кубического сантиметра, большая экономия материальных средств.

4. *Расположение окон вдоль по фасаду:* окно — один из важнейших элементов дома. Новейшие средства раскрепостили окно, железобетон произвел настоящую революцию в его истории. Окна могут быть протянуты вдоль всего фасада, от одного конца до другого.

5. *Свободный фасад:* опоры вынесены за пределы фасада, внутрь дома. Перекрытия крепятся на консолях. Отныне фасады — это легкие пластины изолирующих стен и окон. Фасад освобожден от нагрузки.

На одном из приемов у министра строительства г-на Сюдро

Ле Корбюзье: «Разрешите представить г-на Жана Миона, президента-директора «Инженерии» заводов «Рено». Он предлагает мне разработать проекты для производства образцов различных типовых комнат (из панелей).

Г-н министр, в 1920 году в журнале «Эспри нуво» (а позднее и в книге «К архитектуре») я посвятил серийному домостроению отдельную главу. В 1935 году, когда я приехал в Соединенные Штаты, идею эту сочли там попросту скандальной.

Г-н министр встает и заявляет: «Это будет нечто чудовищное».

После чего директор «Инженерии Рено», а вместе с ним и Корбю потихоньку высказывают из министерского кабинета.

*Записка Ле Корбюзье Софи Дариа
18 декабря 1963 года*

*

Париж, 8 марта 1934 г.

Господин префект,
руководствуясь сознанием гражданского долга и чувством солидарности, я считаю необходимым до Вашего сведения следующие внушающие беспокойство факты.

Я живу на улице Жакоб. Сегодня утром я узнал, что в доме № 14, где помещается лавка угольщика, этой ночью скончалась от туберкулеза жена торговца г-жа К.

В 1932 году в той же самой лавке умерли от туберкулеза г-н Б. и его жена.

В 1930 году умер от туберкулеза в этой лавке г-н Р.

В 1927 году там же умерли — опять-таки от туберкулеза — два жильца, мужчина и женщина, имен которых мне не смогли назвать.

Более ранних сведений мне получить не удалось.

Все вышеупомянутые лица были крестьянами крепкого сложения. В Париж они прибыли прямо из Оверни. Достаточно было двух лет, чтобы свести каждого из них в могилу в тридцатилетнем возрасте. Очевидно, никто не подумал уведомить Вас об этом, и меньше всего сам хозяин дома, который невозмутимо отмывает свою лавку после каждого смертного исхода.

Открытое письмо г-ну префекту

Париж, 7 февраля 1955 г.

Завтра туда прибудет из Оверни еще одна чета, которая, без всякого сомнения, скончается в 1936 году.

Я позволю себе считать, г-н префект, что эти мелкие факты, уже сами по себе вызывающие волнение, входят в компетенцию подведомственных Вам служб.

Соблаговолите принять, г-н префект, заверения в моих лучших чувствах.

Ле Корбюзье

Господин префект, наступил момент, когда Париж должен привлечь к себе особое внимание. Ваше лично и подведомственных Вам служб. На город обрушились бедствия! Повсюду автомобили; лавина механического транспорта затопила Париж. Пора принять какие-то меры!

Кроме того, в городе наблюдается крайняя нехватка жилищ: одни из них недоступны из-за своей дороговизны, другие чрезмерно удалены от места работы — обстоятельство, несовместимое с быстротечностью двадцатичетырехчасового солнечного цикла, который определяет весь ритм жизни людей и ставит известные пределы их дневным перемещениям. В этом причина неустроенности жизни многих молодых семейств, да и не молодых тоже.

К тому же еще существуют трущобы. Они рассеяны по всему городу, они обезображивают его лицо. Иные из них восходят к временам Генриха IV, причем эти как раз не самые ужасные. Большая же часть трущоб относится к тем несклонным периодам всеобщей лихорадки, когда наспех были выстроены неблагоустроенные жилые дома для размещения огромной массы людей, по разным причинам (одна из таких причин — рост промышленности) хлынувших в Париж. Количество жителей Парижа с 700 тысяч превалило на сегодня за пять миллионов.

Любопытная вещь, г-н префект: при королях составлялись различные планы украшения Парижа. Позднее Осман, стремясь оградить правительство от революций, «пушечными залпами» «прорубил» в городе авеню и бульвары...

После 1918 года были учреждены всевозможные комиссии, «большие комиссии». Одна из последних, в которой я состоял, занималась вопросом о постройке в Париже четырех аэропортов: одного на севере, одного на юге, одного на востоке и одного на западе, дабы неукоснительно соблюсти дух равенства и справедливости... К счастью, этот столь «демократический» принцип четырех сторон света был отвергнут...

В то время только что появился новый термин «градостроительная наука». Но при более внимательном изучении вопроса выяснилось, что этот термин сам по себе неточен, поскольку в действительности речь идет о том, чтобы скоор-

дипировать деятельность людей на территории целой страны и всего земного шара — на территории распространения человеческой деятельности.

Для этого необходимо было определить специфику различных родов человеческой деятельности.

Я предлагал (в 1933 году речь шла о городе Алжире) понятие «освоение территории».

Я хотел начать именно с освоения территории, что, однако, требовало выработки четкой предварительной программы. Прежде чем приступить к делу, надо твердо знать его цель.

И вот я оказался в числе тех людей, которые вечно заняты тем, что их не касается: у них нет для этого ни соответствующей специальности, ни дипломов, ни официальных полномочий.

Меня постоянно занимала проблема человека. Я всегда считал человеческий фактор ключом к решению вопроса.

Что за удивительное создание человек: его все время что-то волнует, он всегда чем-то интересуется, его бесконечная изобретательность подсказывает ему различные решения. Это жизнеутверждающее, творческое свойство природы человека побуждает его строить.

Начиная с 1922 года я стал внимательно приглядываться к Парижу, точно так же как впоследствии и приглядывался к Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айресу, к Стокгольму и Москве, к Цюриху и Нью-Йорку. В течение двадцати лет я пристально и упорно изучал Алжир. Мне не давали никакого поручения, но позволили, чтобы я за этот долгий срок объяснил жителям Алжира реальные перспективы и возможности развития их города. Один за другим я разработал семь проектов, тщательным образом продуманных, основанных на одном исходном элементе — жилой ячейке, с учетом климатических условий и пересеченного рельефа местности.

В 1942 году мэр города, которому все это уже успело надоесть, потребовал от префекта моего ареста.

Вся моя работа, само собой разумеется, выполнялась мною безвозмездно.

Позднее мой план застройки Немура Африканского был признан Международным конгрессом современной архитектуры наиболее последовательным и гармоничным выражением принципов

Афинской хартии. Потом, после Освобождения, жители разрушенного города Сен-Дие попросили меня разработать проект его восстановления. Одновременно власти Ла-Рошели — Ла-Паллиса официально поручили мне разработать проект перестройки города. Это были вполне законченные, четкие, всесторонне разработанные проекты — настоящие градостроительные проекты.

Первый из них был решительно отвергнут всеми общественными и политическими группировками Сен-Дие! В Ла-Рошели начиная с 1947 года, то есть с того момента, когда мой план был окончательно принят, власти совершенно перестали интересоваться моим дальнейшим участием в работе.

Впоследствии мои проекты ожидала лучшая участь: был принят генеральный план застройки столицы Колумбии Боготы, рассчитанный на рост населения города с 500 тысяч до 1 миллиона человек; в Индии по моему проекту начал строиться Чандигарх, новая столица штата Пенджаб: сеть транспортных артерий в виде семи V, двадцать пять жилых секторов, Капитолий с правительственными зданиями...

Кстати, однажды по возвращении из Соединенных Штатов я встретил доктора Алекса Карреля. Он заявил о своем несогласии с моими принципами градостроения, после чего счел нужным игнорировать все мои предложения...

— Вы, — говорил он, — в принципе строите, как американцы, — в высоту. А я в своей книге «Человека надо разгадать» показал, что американцы вызвали к жизни губительную цивилизацию...

Я вручил ему свою книгу «Лучезарный город», и он в корне изменил свои взгляды. Однако за двадцать лет жизни в США он усвоил определенный образ мыслей: когда дело касалось градостроительства, в него тут же вселился дух отрицания, питаемый всепоглощающей любовью к маленькому дому, к бунгало, как он его называл. Такой дом он увидел однажды вечером в прекрасном лесу на Калифорнийском побережье.

Смещение понятий и принципов наблюдается повсюду. Споры затеваются вокруг вопросов, не имеющих отношения к проблеме градостроительства. Чандигарх сделан двухэтажным толь-

ко потому, что жители Пенджаба в течение всего года выносят свои постели на улицу и спят на траве перед домом или на крыше, так как в Индии в настоящее время нет средств, которые позволили бы обеспечить кондиционирование воздуха в жилых помещениях в столь тяжелых климатических условиях.

... в Нью-Йорке небоскребами застроена сеть улиц, не рассчитанная на подобную плотность населения. В результате жизнь города парализуется.

Что касается моего проекта здания Секретариата Объединенных Наций, то его, грубо говоря, у меня стянули самым беспардонным образом. Преодолев досаду, я стал наблюдать за происходящим со стороны. Я испытывал чувства альтруизма и чисто спортивного интереса. Я знал, что этот дворец привил Нью-Йорку (городу, зашедшему в тупик) частицу юного лучезарного города — плода моих сорокалетних размышлений и исканий, имевших целью выяснить, каким образом человек, брошенный в ад машинной цивилизации, сможет в конце концов выбраться из своих злоключений, поистине чрезвычайных.

Все усилия, затраченные на изучение этого вопроса (равно как и наша неизменная заинтересованность в общественном благе), привели к тому, что в 1943 году, во время оккупации, мы сообща написали небольшую книгу, которая увидела свет лишь 3—4 года спустя. Называлась она «Три человеческих установления».

1. Сельскохозяйственный производственный комплекс.

2. Липейный промышленный город.

3. Радиально-концентрический город — многофункциональный центр обмена.

На основе такой классификации при использовании современных средств можно разрешить проблемы, стоящие ныне перед властями. Можно будет выйти из тупика, высвободить энергию, способную двинуть жизнь вперед.

Это новое освоение территории предполагает возвращение к извечным, традиционным местам и путям заселения земли человеком, оно восходит еще к доисторическим временам.

Сумасбродство и нелепость коренятся там, где царит ложь, лицо которой — эгоистические интересы, страх, невежество, косность.

Если повозка опрокинулась, если поезд сошел с рельсов, их следует вновь вывести на дорогу. Это будет действенный акт.

Тревожась сам, я бью тревогу.

Прошу Вас, господин префект, принять искренние заверения в моих лучших чувствах.

Размышления

1 января 1934 г.

Меня всегда влечет к естественным человеческим организациям. Я не посещаю салонов, вот уже много лет как меня там не встретишь. Но я замечаю, что, покидая город, я всегда оказываюсь там, где перед людьми встает необходимость совместного решения общественных дел. У дикарей я пишу не варварство, а житейскую мудрость.

Будь то в Америке или в Европе, вижу ли я крестьянина или рыбака, я понимаю: иду туда, где люди работают для того, чтобы прокормиться, и ищут средства для облегчения своих тягот. Кроме того, они делают все, чтобы без затрат и издержек воспользоваться плодами обидения, профессии, жизни в семье и в коллективе. Поэтому я осознаю, что, будучи архитектором и градостроителем, я должен учиться прежде всего у человека или у людей.

*

Пятьдесят лет странствий по всему свету дают мне право считать, что я кое-чему научился, понял положение вещей... и даже нашел какое-то решение. Кто из моих вечных противников может поставить под вопрос это мое право?

... Я, можно сказать, пребываю в смятении, с тех пор как убедился, что люди политики, политические деятели, не то что безразличны к градостроительству — что для них это совершенно чуждый вопрос. Явление, ставшее одним из основных символов деятельности современного общества, чуждо людям, долг которых состоит в том, чтобы всемерно содействовать решению всех градостроительных вопросов.

Я много путешествую, больше того — я стал врачом-консультантом всех больных городов земли. Хватит наконец увильнуть от прямого разговора и вести светско-академические споры по поводу дурного и хорошего вкуса. Пора вступить во второй век машинной эры, который избавит нас от хаоса, вызванного нашей собственной беснечностью.

Объявление в мастерской Ле Корбюзье

7 июня 1937 г.

Господам проектировщикам

Друзья,
на сей раз мы безнадежно запаздываем. Неужели вы не отдасте себе отчета в положении дел?

В десять часов вы еще в постели!

Я обращаюсь к вам с дружеской просьбой: вы должны кончить все за десять дней.

Молодость прекрасна, но чертовски беззаботна!

Ле Корбюзье

Заявление Ле Корбюзье 27 января 1959 года

Мне семьдесят один год. . .

Я построил первый дом, когда мне было семнадцать лет, и я продолжаю трудиться вот уже более полувека, претерпевая всевозможные злоключения, трудности, провалы, иногда добиваясь успеха.

Мои искания, так же как и мои чувства, сводятся к одному, к главному в жизни — к поэзии.

Человек одухотворен поэзией, и именно это позволяет ему овладевать богатствами природы.

Я человек зрения, я работаю глазами и руками, занимаясь явлениями пластического характера, то есть тем, что лежит в основе подлинной архитектуры, подлинной живописи, подлинного градостроительства, которое охватывает планировку не только городов, но и любых жилых образований, в том числе и сельских.

Я изобрел термин «лучезарный город».

Архитектура и градостроительство, или планировка населенных мест городского и сельского типа, в действительности представляют собою единую проблему, а не два отдельных вопроса.

Архитектура и градостроительство требуют единого решения и предполагают труд людей одной профессии.

Мои города — это *зеленые города*. Мои дома дают человеку солнце, пространство, зелень.

Но чтобы получить от жизни такие богатства — солнце, пространство, зелень, — вам придется всякий раз собирать в одном месте две тысячи человек и строить для них большой дом с одной входной дверью. Надо сделать так, чтобы каждый смог быстро попасть к себе домой и найти там полную тишину и полное уединение. . . В доме будет вертикальная улица, образованная четырьмя скоростными лифтами (расчитанными каждый на 20 человек), семь внутренних улиц — одна над другой, четыре соседа: один сверху, один снизу и по бокам.

Таковы условия, обеспечивающие современному человеку личную свободу, тишину, уединение и одновременно возможность пользоваться всеми преимуществами коллективной жизни.

Таковыми будут зеленые города.

Расстояния максимально сократятся, улучшится сообщение, автомобиль будет отделен от пешеходов.

Но здесь чего-то не хватает. Современное общество, поглощенное своими будничными за-

ботами, позабыло о следующем: мужчины, женщины, ребенок снят в своих постелях, просыпаются, идут на работу и вновь возвращаются к своим постелям.

Если бы люди обратили внимание на проблему, решение было бы немедленно найдено.

Но внимание местных властей, правительства, инженеров, архитекторов и вообще всех людей не привлечено к этой проблеме. . .

Ныне миллионы и миллиарды мужчин, женщин и детей во всем мире каждый день участвуют в бешеной гонке в поездах, бесполезно растрачивая свое время.

Они живут там, где им жить не следует. Они работают там, где им не следует работать.

Насущная задача состоит в том, чтобы вновь обрести естественные условия существования.

Разрешение этой проблемы есть наша главная задача на сегодня и на завтра — это правильное освоение территории, то есть правильное освоение всей непрерывной сферической поверхности планеты!

Итак, перед человеком стоит великая задача: своим трудом освоить землю.

Он осуществит ее, основываясь на трех человеческих установлениях, а именно:

1. Сельскохозяйственный производственный комплекс.

2. Линейный промышленный город.

3. Радиально-концентрический город — центр обмена (торговля, образование, управление).

Заметьте, что начиная с самых отдаленных времен существовали лишь два основных установления — для сельскохозяйственного производства и для обмена, но не для промышленности, поскольку промышленности не было.

С прошлого века началась эра индустрии, и это была эра хаоса.

Вторая промышленная эра будет эпохой порядка и гармонии, и она едва только начинается.

Весь мир уже готов к тому, чтобы встретить ее (стоит только внимательнее посмотреть вокруг себя, чтобы в этом убедиться), все отныне пришло в движение.

Это так потому, что мы вновь приняли во внимание человеческий критерий, человеческий масштаб.

Письмо Ле Корбюзье мэру Венеции

30 октября 1962 г.

...Власти должны объявить Венецию священным городом.

В Венеции не должно быть никаких промышленных предприятий, оказывающих разрушительное воздействие на творения минувших веков.

...Венеция — это закрытый город. Она окружена водой.

На территории Венеции нет никакого колесного движения, и это самое поразительное явление во всем мировом градостроении. Это чудо.

...Венеция, где нет колесного транспорта, где нервы отдыхают и где каждый уголок, отраженный в движущихся водах, производит чарующее впечатление.

Все людские сердца открываются в Венеции!

...Вы не имеете права менять облик этого города.

Вы не имеете права допускать в Венеции архитектурный и урбанистический беспорядок американского типа.

...Да, я строил небоскребы двухсотметровой высоты, но я возводил их там, где они уместны. Заклинаю Вас, не губите Венецию.

Письмо Ле Корбюзье группе архитекторов Иоганнесбурга

23 сентября 1936 г.

Дорогой друг Мартиенсен!

...Я думаю, что не все еще в полной мере отдают себе отчет в том, что мир целиком переживает, что возникает новая цивилизация... что все должно быть обновлено, все должно отражать новые умонастроения и взгляды.

...Каким образом можно развить свои творческие силы? Для этого мало быть подписчиком архитектурных журналов, надо открывать новые, еще не изведанные богатства природы.

...Мы стоим на пороге архитектурного открытия нашего времени.

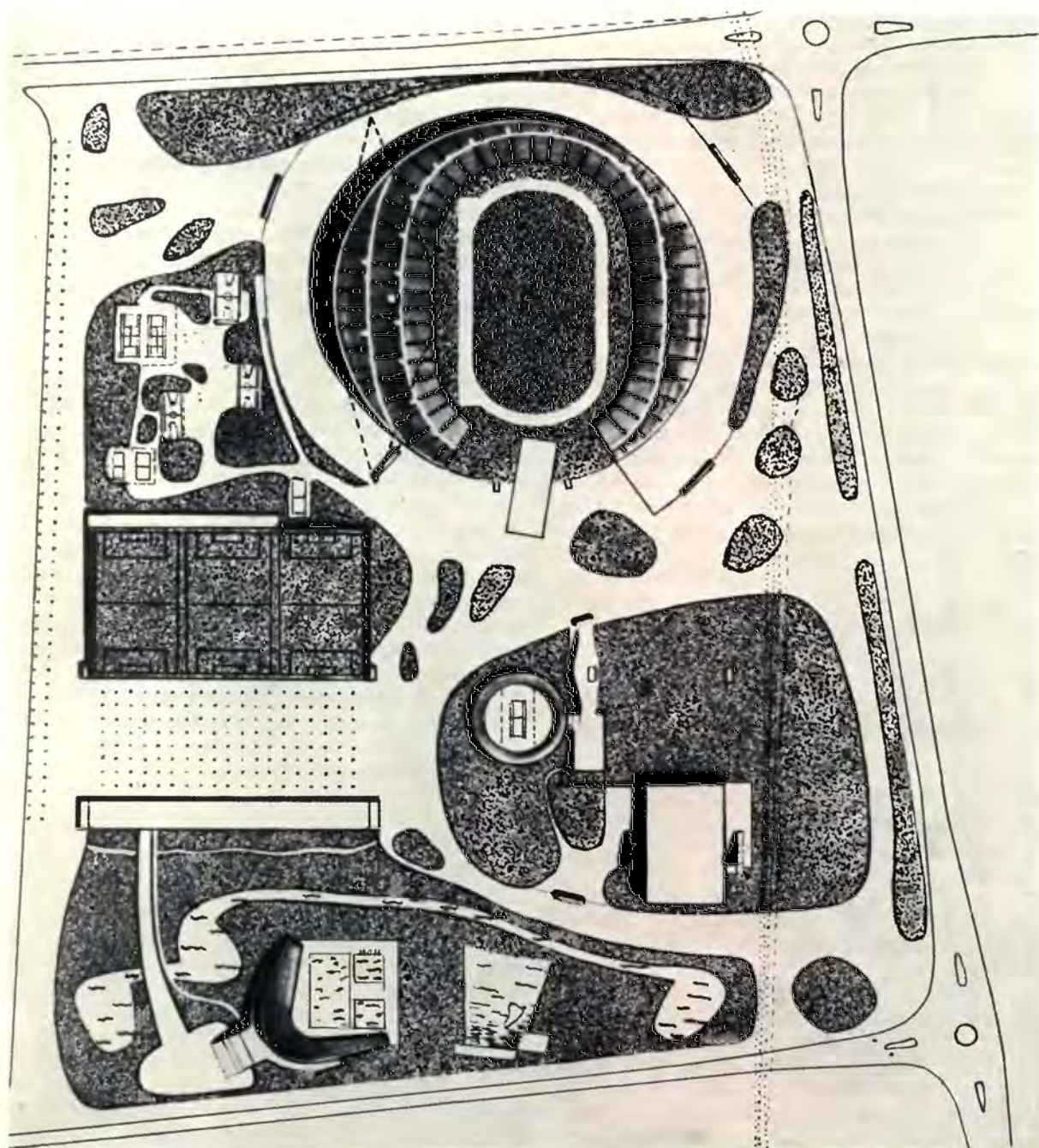
Пусть повсеместно возникают новые, свежие предложения. Через сто лет можно будет говорить о стиле.

Мне хотелось, чтобы все архитекторы, а не только обучающиеся архитектуре взяли карандаши, чтобы рисовать растение, листок, выразить на бумаге дух дерева, гармонию раковины, формы облаков...

...Я хотел бы, чтобы архитекторы стали избранными членами общества... людьми с богатейшим духовным миром, а не ограниченными и бездушными ремесленниками, чтобы они интересовались всем, что происходит в мире, а не замыкались в своей узкой мещанской скорлупе.

Архитектура — это не профессия, это определенное состояние духа.

...Не одна только практическая польза, но духовное богатство, улыбка и красота — вот что поможет архитектуре принести радость человеку новой машинной цивилизации.

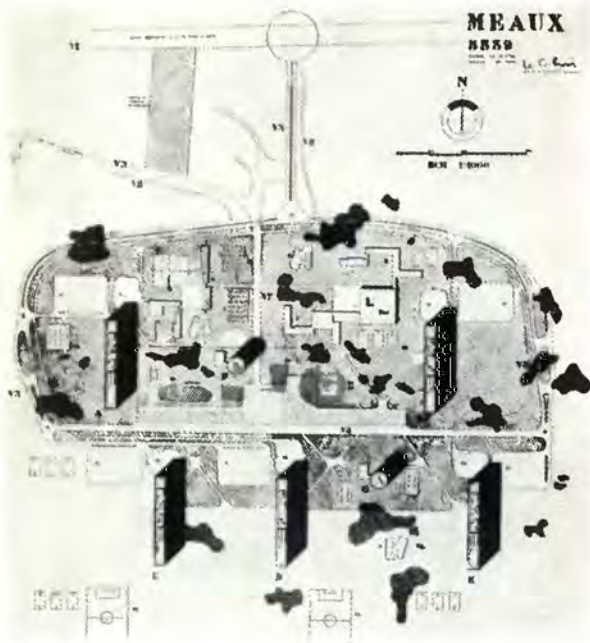

Интерьер гостиной дома Жуаль в Париже, 1955—1960.

Единый жилой комплекс в Берлине, 1956—1967. Фасад и разрез.

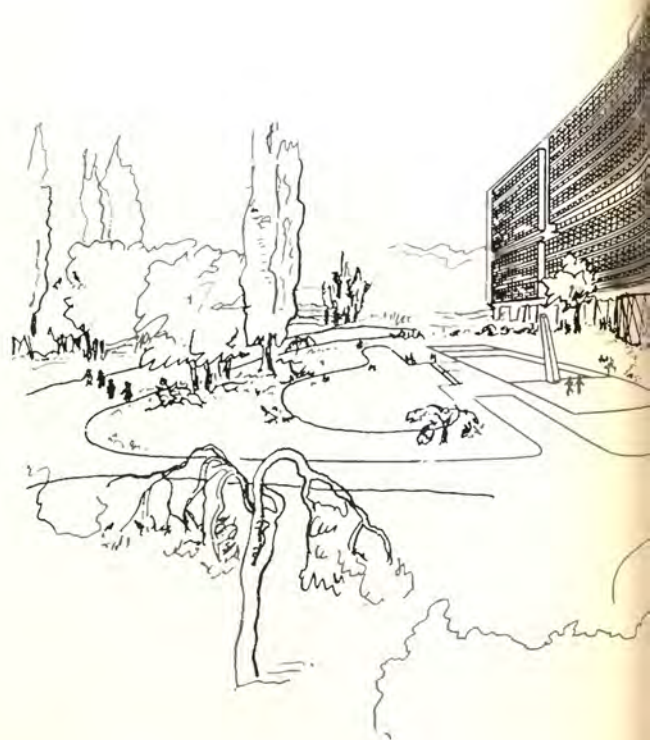

Генеральный план ансамбля единых жилых комплексов в г. Мо (Франция), 1955—1960.

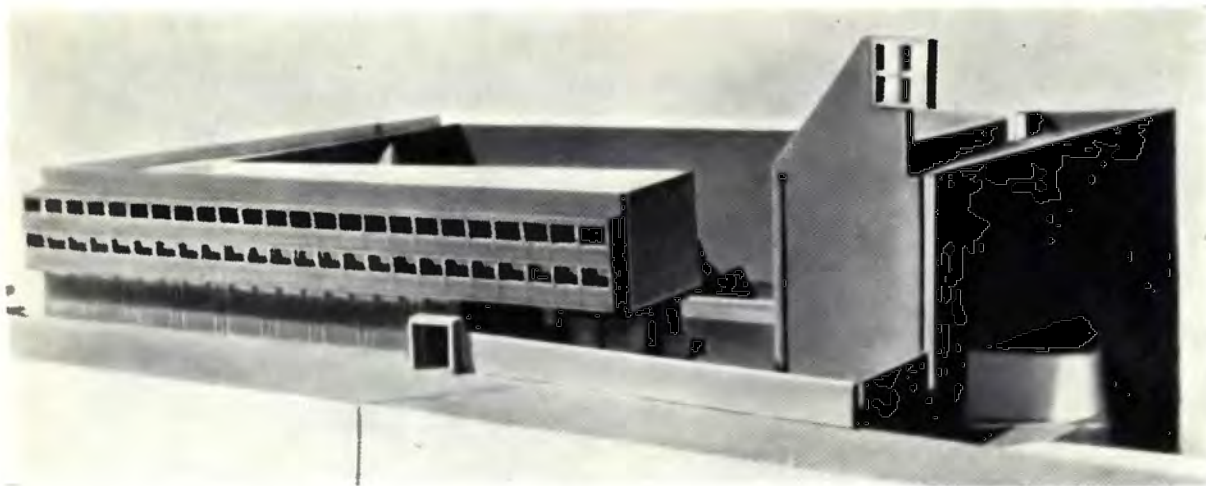

Единый жилой комплекс в Берлине. Генеральный план.

Реконструкция центра Западного Берлина, 1956—1957.

Доминиканский монастырь в Ла-Туретте, близ Лиона.
Макет.

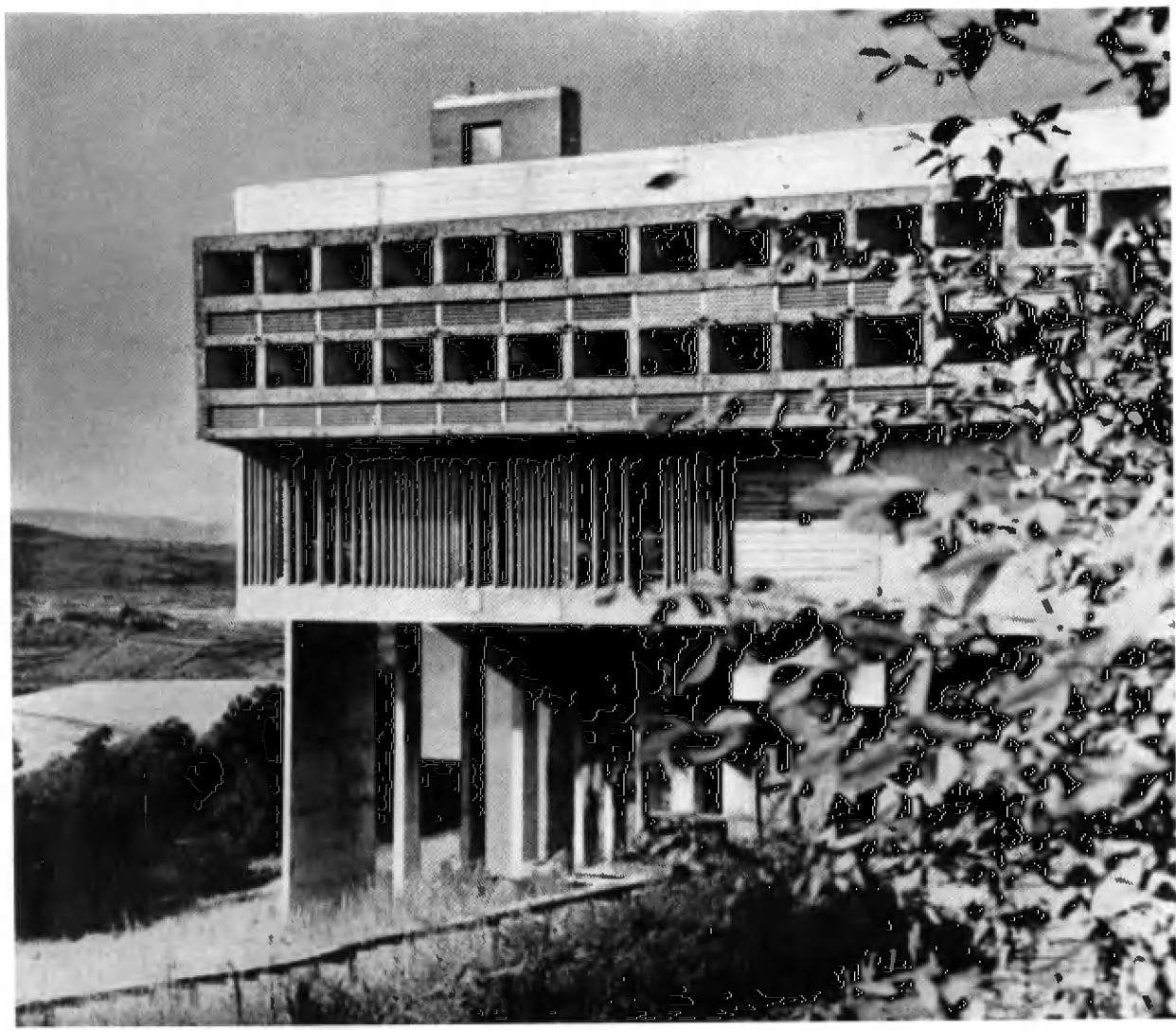
Доминиканский монастырь в Ла-Туретте, близ Лиона.
Перспектива.

Ле Корбюзье беседует с доминиканцем о проекте монастыря.

Доминиканский монастырь в Ла-Туретте, близ Лиона.
Левое крыло южного фасада.

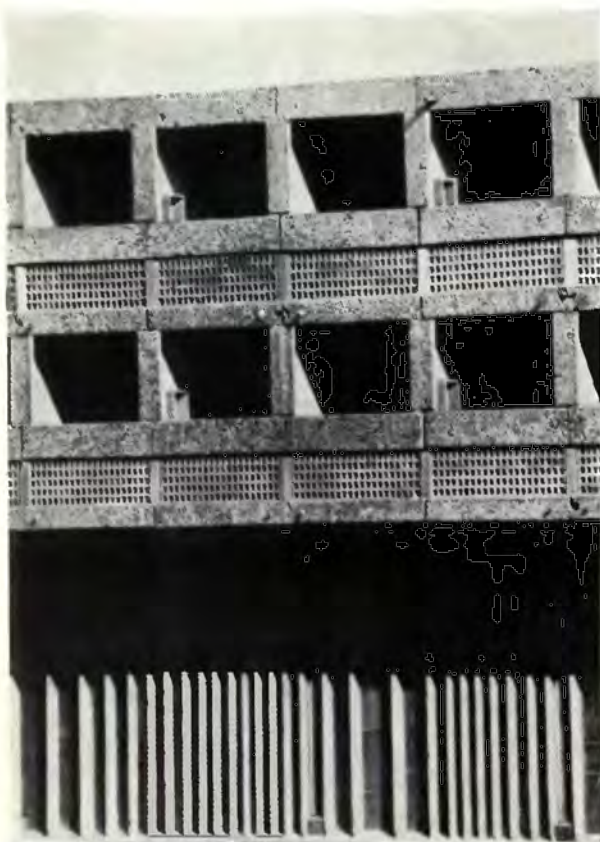

Доминиканский монастырь в Ла-Туретте, близ Лиона. 282
Железобетонная стена лестничной клетки.

Доминиканский монастырь в Ла-Туретте, близ Лиона.
Интерьер с лестницей.

Доминиканский монастырь в Ла-Туретте, близ Лиона. Фрагмент южного фасада.

«Бразильский Дом» в студенческом городке в Париже (в сотрудничестве с Лусио Коста), 1957—1959. Наружный дворик.

«Бразильский Дом» в студенческом городке в Париже (в сотрудничестве с Лусио Коста). Интерьер.

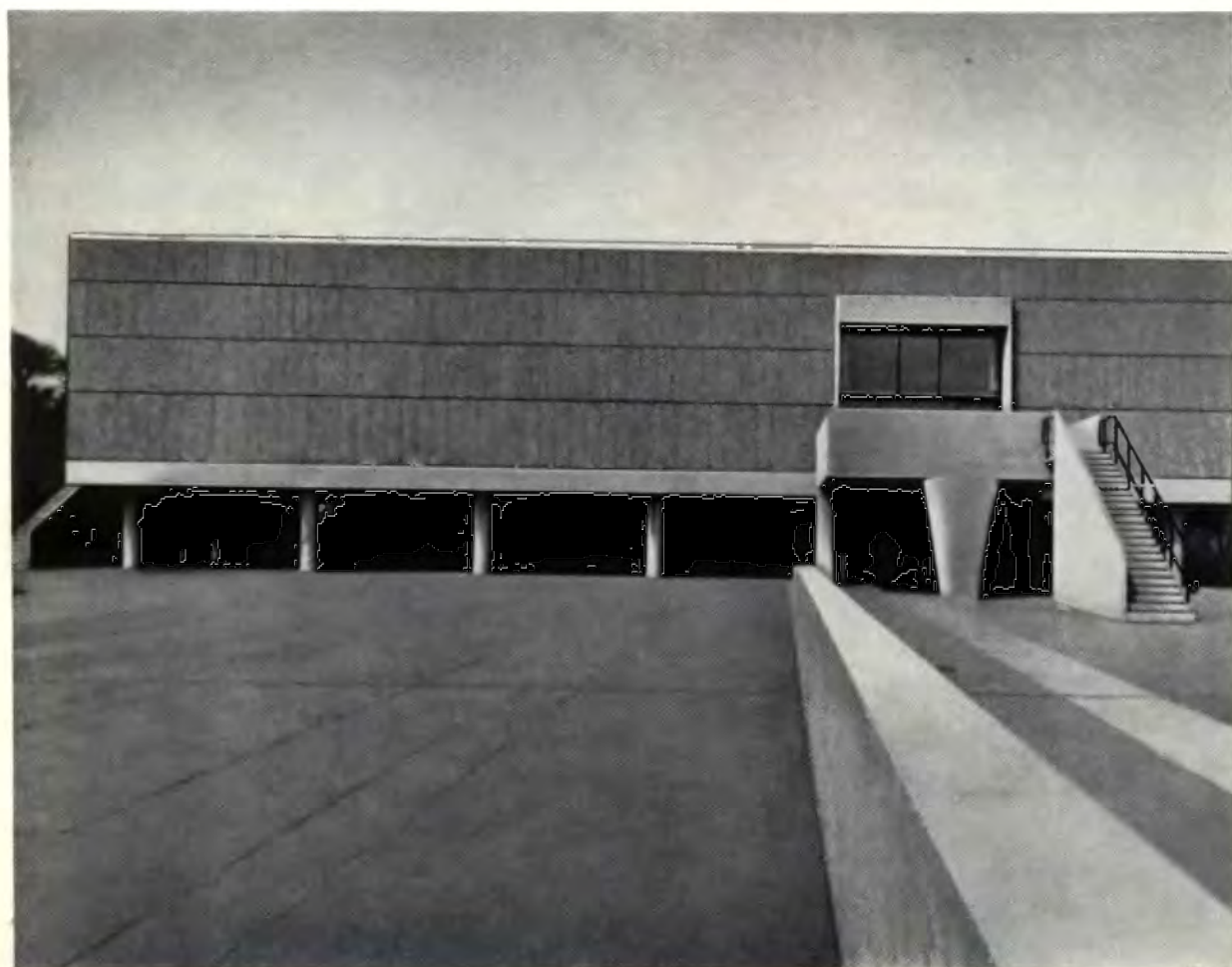
«Бразильский Дом» в студенческом городке в Париже (в сотрудничестве с Лусио Коста). Западный фасад.

«Бразильский Дом» в студенческом городке в Париже
(в сотрудничестве с Лусио Коста). Восточный фасад.

Музей в Токно, 1957—1959. Вид со стороны двора.

Музей в Токио. Макет.

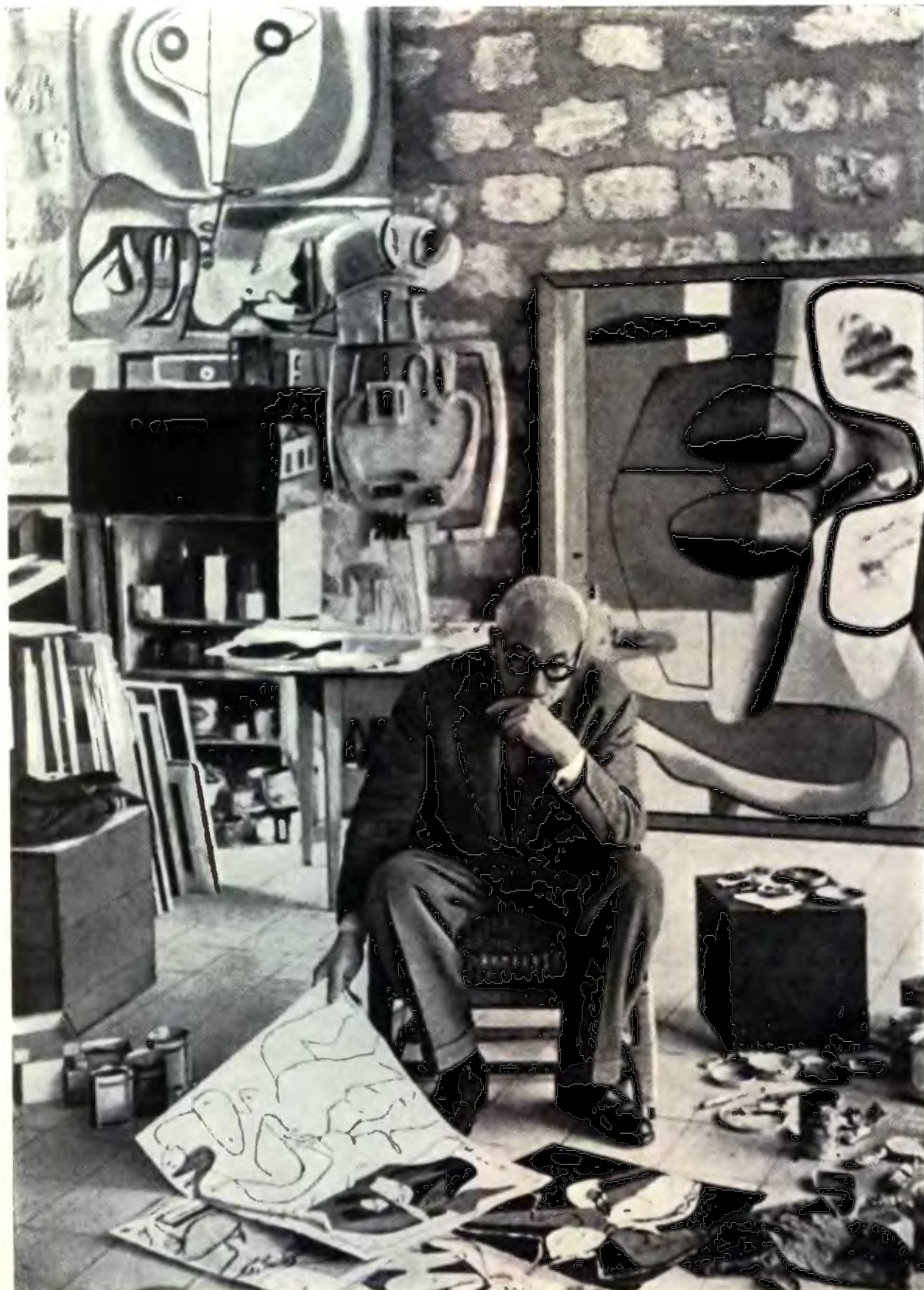

Музей в Токио. Интерьер большого зала. Вид на пандус.

Музей в Токио. Интерьер большого зала. Вид с пандуса.

Музей в Токио. Эскиз интерьера.

Осуществленные постройки

<p>1905 Жилой дом в Ля Шо-де-Фон (Швейцария).
Первая постройка</p> <p>1922 Вилла в Воскресенье под Парижем
Дом художника А. Озанфана в Париже</p> <p>1923/24 Дом Ля Рона и Альберта Жаннере в Отёйе (Париж)</p> <p>1924 Дом скульптора Ж. Липшица в Булонь-сюр-Сен</p> <p>1925 Маленький дом для родителей Ле Корбюзье на берегу Женевского озера недалеко от Веве (Швейцария)
Поселок Пессак под Бордо
Павильон «Эспри нуво» на Международной выставке декоративного искусства в Париже</p> <p>1926 Дом художника в Булонь-сюр-Сен
«Народный дом» Армии спасения в Париже
Дом Кука в Булонь-сюр-Сен
Дом Гист в Антверпене (Бельгия)</p> <p>1927 Вилла в Гарне под Парижем</p> <p>1928 Два дома и поселке Вейссенгоф (Штутгарт)
Павильон «Нестле»
Вилла в Карфагене</p> <p>1928/29 Реставрация старинного дома в Виль-д'Авра под Парижем</p> <p>1929/31 Вилла «Савой» в Пуасси под Парижем
Здание приюта Армии спасения в Париже</p> <p>1929/33 Дом Цепгроссоюза в Москве (Дом ЦСУ, СССР)</p> <p>1930 Дом Эразуррис в Чили</p> <p>1930/31 Надстройка старого дома на Елисейских полях в Париже (квартира с садом-террасой для Ш. Бэстегг)
Дом «Кларт» в Женеве</p> <p>1930/32 Швейцарский корпус в студенческом городке в Париже</p> <p>1932/33 Центр Армии спасения в Париже</p> <p>1933 Восьмизэтажный жилой дом в Порт-Молиторе в Париже (здесь помещалась квартира Ле Корбюзье)</p> <p>1935 Домик для уик-энда в предместье Парижа
Дом отдыха в Матах на побережье Атлантического океана</p> <p>1936 Здание Министерства просвещения в Рио-де-Жанейро (совместно с Оскаром Нимейером, Луисо Коста и другими бразильскими архитекторами)</p> <p>1937 Павильон «Тап нуво» в Париже</p> <p>1938/39 Выставка «Идеал хомз» («Идеальное жилище») в Лондоне</p> <p>1940 Галерея искусств на выставке заморских владений Франции, Париж</p> <p>1946/51 Промышленный комплекс Дюваль в Сен-Дие во Франции</p> <p>1947 Проект здания ООН в Нью-Йорке</p> <p>1947/52 Единый жилой комплекс в Марселе</p> <p>1952 «Хижинка» на мысе Кап-Мартеп на Лазурном берегу</p> <p>1950/54 Капелла Нотр-Дам-дю-О в Роншане</p> <p>1952/57 Единый жилой комплекс в Нант-Резе (Франция)</p> | <p>1950/57 Чандигарх — новая столица Пенджаба в Индии
Дворец правосудия
Здание Секретариата
Дворец Ассамблеи
Дворец губернатора
Памятник открытой руки</p> <p>1954/56 Дом Сарабхан в Ахмедабаде
Дом Сходан в Ахмедабаде</p> <p>1955/57 Дома Жауль в Нёи-сюр-Сен</p> <p>1956/57 Дворец текстильной ассоциации в Ахмедабаде
Музей в Ахмедабаде</p> <p>1956/57 Единый жилой комплекс в Берлине (Западном)</p> <p>1958 Павильон фирмы «Филиппс» на Международной выставке в Брюсселе</p> <p>1956/59 Монастырь в Ла-Туретте недалеко от Лиона</p> <p>1957/59 Бразильский дом в студенческом городке в Париже</p> <p>1957/59 Музей в Токио</p> <p>1960 Единый жилые комплексы в Мо и в Брие-ан-Форе (Франция)</p> <p>Из ранних произведений Ле Корбюзье в этот список не вошли: вилла Фавр-Жако (1912) и вилла Швоб (1916) — см. журнал «Современная архитектура», 1964, № 3—4, стр. 231.</p> |
|---|---|

¹ Из книги: „Le Corbusier 1910—1960“, Zürich, 1960.

Неосуществленные проекты¹

- 1914/15 Дом железобетонной каркасной конструкции в «Дом-шю»
- 1917 Проект боеи и холодильника для Бордо
- 1922 Проект современного города на 3 миллиона жителей (диорама экспонировалась в Осеннем салоне в Париже)
Проект жилого дома из квартир-вилл (прототип будущих единых жилых комплексов в Марселе, Папте)
Проект дома «Ситроен» (из стандартных конструкций), выставленный в Осеннем салоне 1922 года
- 1922 Проект дома художника
- 1925 «План Вуазен» — проект реконструкции Парижа (экспонировался в навильоне «Эспри нуво» в Париже)
Проект планировки студенческого квартала
- 1927 Проект виллы для г-жи Мейер в Париже
Проект Дворца Лиги Наций в Женеве (присуждена первая премия на международном конкурсе)
- 1928/29 Проект «Ваннер» в Женеве
- 1929 Проект типографии в Париже
Проект всемирного музея (Муиданеум) в Женеве
Дома «Луниёр» (проект недорогих жилых домов). Проект жилого дома для Брюсселя
Проект планировки Порт-Майо в Париже
- 1929/30 Проекты планировки и реконструкции городов Южной Америки: Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес
- 1930 Проекты планировки и реконструкции города Алжира
- 1931 Проект музея современного искусства
Конкурсный проект Дворца Советов в Москве
- 1932 Проект апарт-хауса для Цюриха
Проект жилого дома для рабочих в Цюрихе
Проект административного здания «Фентенап-итальт» в Цюрихе
Проекты планировки и реконструкции городов: Женевы, Стокгольма и Антверпена
Проект многоквартирного дома в Алжире
Проект планировки жилого района в Барсело
- 1933/34 Проект жилого района Веди-Ушайя в Алжире
- 1934 Два варианта планировок г. Алжира
Планировка города Немура в Северной Африке
Разработка проектов на тему «Лучезарный город»
- 1934/48 Проектные предложения реорганизации структуры сельских поселений. Новые планировочные решения
- 1935 Проект планировки Элокура в Лотарингии
Проект планировки расширения города Злина (ныне Готвальдов) в Чехословакии
Проекты государственных музеев в Париже
- 1935 Проект водного бассейна в г. Алжире
- 1936 Проект центра для отдыха и спорта со стадионом
- Проекты планировки университетского городка в Рио-де-Жанейро
- Проекты реконструкции Парижа
- 1936/37 Разработка проектов для выставки, посвященной жилой квартире в Париже в 1937 году
- 1938 Проект небоскреба
- 1938/42 Проект реконструкции старой части г. Алжира (Картье де ля Марин)
- 1939 Проект музея с предусмотренным неограниченным расширением на перспективу
Проект морской биологической станции в г. Роскоф (Франция)
Проект зимней и летней туристической базы в долине реки Вар (Франция)
- 1940 Типовые дома «Ланнемезап» и «Мюронден»
- 1942 Проект генерального плана г. Алжира
Разработка проекта планировки линейного индустриального города
Проект «Зеленого завода»
Проект дома Пейррисак в Северной Африке
Вариант единого жилого комплекса упрощенного типа
- 1944 Проект реконструкции г. Сен-Дий (Франция)
- 1945 Проекты реконструкции городов Сен-Годан и Ла-Рошель (Франция)
- 1945/46 Проект подземной церкви в Сент-Бом и жилища в скале
- 1948 Проект дома для доктора в Ла-Плата (Аргентина)
- 1949 Проекты для мыса Кан-Мартен на Лазурном берегу
- 1950 Проект жилого дома для профессора Фуостера
Проект планировки Порт-Майо «50» в Париже
Проект реконструкции Марселя (старого порта и района Вейер)
- 1951 Проекты реконструкции городов Боготы (Колумбия) и Измира (Турция)
- 1951 Проект планировки и реконструкции южной части Марселя
Проект жилого комплекса на 800 квартир в Страсбурге
- 1956 Проект культурного центра в Токио
Проекты целлюлозгазетных жилых домов для г. Ланьи (Франция)
Проект недорогих жилых домов для Антони (пригород Парижа)
Проект стадиона для г. Фирминьи (Франция)
Проект стадиона для Багдада (Ирак)
- 1965 Проект больницы на 1200 мест для г. Венеции

¹ Приводится по данным итальянского журнала „L'architettura“, 1965, VII—IX, № 117—119.

- Etude du Mouvement d'Art décoratif en Allemagne. La Chaux-de-Fonds, 1911
- Après le Cubisme (avec Ozenfant). Editions des Commentaires, Paris, 1918
- Vers une Architecture (Collection de l'Esprit-Nouveau). Editions Crès, Paris, 1923 (переведено на английский, немецкий, испанский и японский языки).
- La Peinture moderne (avec Ozenfant). Editions Crès, Paris, 1925
- L'Art décoratif d'aujourd'hui (Collection de l'Esprit-Nouveau). Editions Crès, Paris, 1925
- Urbanisme (Collection de l'Esprit-Nouveau). Editions Crès, Paris, 1925
- Almanach de l'Architecture moderne (Collection de l'Esprit-Nouveau) Editions Crès, Paris, 1926
- Une Maison—Un Palais (Collection de l'Esprit-Nouveau). Editions Crès, Paris, 1928
- Précision sur un état présent de l'architecture et de l'urbanisme (Collection de l'Esprit-Nouveau). Editions Crès, Paris, 1930
- Croisade. Le crépuscule d'un académisme (Collection de l'Esprit-Nouveau). Editions Crès, Paris, 1932
- La Ville radiieuse (Collection de l'Equipement de la civilisation machiniste). Editions de l'Architecture d'aujourd'hui, Boulogne sur Seine, 1935
- Aircraft (Collection The New Vision). Ed. The Studio, London, 1935
- Quand les Cathédrales étaient blanches. Voyage au pays des timides. Editions Plon, Paris, 1937
- Des Canons, des Munitions? Merci! Des Logis... s. v. p. (Collection de l'Equipement de la civilisation machiniste). Editions de l'Architecture d'aujourd'hui, Boulogne sur Seine, 1938
- Le lyrisme des temps nouveaux et l'urbanisme. Editions du Point, Colmar, 1939
- Destin de Paris. Editions Sorlot, Paris, 1941
- Sur les 4 routes. Editions de la N. R. F. (Gallimard), Paris, 1941
- La maison des hommes (avec François Pierrefeuf). Editions Plon, Paris, 1942 (переведено на датский, испанский, английский и итальянский языки).
- Les constructions „Murondins“. Editions Chiron, Paris, 1941
- La charte d'Athènes, avec un Discours liminaire de Jean Giraudoux (Collection Urbanisme des C. I. A. M.). Editions Plon, Paris, 1943
- Entretien avec les étudiants des Ecoles d'Architecture. Editions Denoël, Paris, 1943
- Les trois établissements humains (Collection Ascoral). Edition Denoël, Paris, 1945 (переведено на английский и испанский языки).
- Manière de penser l'urbanisme (Collection Ascoral). Editions l'Architecture d'aujourd'hui, Boulogne sur Seine, 1945
- Propos d'urbanisme (Collection „Perspectives humaines“). Editions Bourreliez, Paris, 1945 (переведено на английский язык).
- U. N. Headquarter, Reinhold Publishing Corp. New York, 1947
- New World of space. Editions Raynal and Hitchcock, New York, 1948
- Le Modulor, Editions de l'Architecture d'aujourd'hui, Boulogne sur Seine, 1950 (переведено на немецкий язык).
- Poésie sur Alger. Editions Falaise, Paris, 1950
- L'Unité d'habitation de Marseille. Editions Le Point, Mulhouse, 1950
- Une petite maison (Carnet de la recherche patiente). Editions Girsberger, Zürich, 1954
- Le Modulor 2. Editions de l'Architecture d'aujourd'hui, 1955 (переведено на немецкий язык).
- Le Poème de l'angle droit (19 lithographies en couleurs). Editions Verves, Paris, 1955
- Les Plans Le Corbusier de Paris 1922—1956, Editions de Minuit, Paris, 1956
- Ronchamp. (Carnets de la recherche patiente 2). Hatje Stuttgart 1957. Edition française, Girsberger, Zürich
- Le Poème électronique (Pavillon Philips). Editions de Minuit, Paris, 1958
- Oeuvre complète vol. 1—6, publié par W. Boesiger. Editions Girsberger, Zürich, 1929—1957
- Le Corbusier 1910—1960 (l'oeuvre complète en un vol.). Editions Girsberger, Zürich, 1960

¹ Из книги: „Le Corbusier 1910—1960“, Zürich, 1960.

Ле Корбюзье писал: «Эстетика инженера и эстетика архитектора связаны единством, но первая из них переживает бурный расцвет, а вторая мучительно деградирует»¹. И в другом месте: «Мои искания, так же как и мои чувства, сводятся к одному, к главному в жизни — к поэзии»².

В этом, мне кажется, — в стремлении добиться нового расцвета эстетики архитектуры и в поэтизации этой важнейшей сферы человеческой деятельности — ключи к раскрытию творчества Ле Корбюзье — великого мастера, жизнь которого связала два века в истории современной архитектуры.

Конец XIX века знаменовался небывалым размахом строительства, огромными достижениями в науке и технике. Возникают новые смелые конструкции, применяются новые строительные материалы, новая строительная технология. И наряду с этим обнаруживалась несостоятельность традиционных эстетических концепций в искусстве архитектуры. В архитектурной среде происходило расслоение: одни старались осмыслить новые возможности, другие вопреки конструктивной логике пытались спрятать новые конструкции за ложной декорацией обветшалых архитектурных стилей.

Корбюзье в семнадцать лет построил свое первое здание. И в нем он уже искал эстетического единства назначения и формы, стремился поэтически осмыслить и органически включить архитектуру в окружающую природу. «Жилище — это возможность свободно двигаться... отдыхать, погружаться в раздумье; возможность испытывать или вызывать присутствие среды: солнце — хозяин всего живого, движение воздушных струй, чарующее глаз и несущее душевное равновесие, зрелище трав, цветов, деревьев, неба, пространства»³. Поэтическая мечта Корбюзье о сближении человека с природой не имеет ничего общего с сентиментальной идиллией сельской жизни. Это — рациональное решение градостроительной проблемы, создание наиболее эффективной среды для труда и отдыха.

Начало архитектурной деятельности Ле Корбюзье совпадает с началом XX века. Это было время экспериментирования, поисков новой художественной правды, и ее находили иногда там, где, казалось, царила только утилитарность. Зодчие-новаторы стремились найти путь к новой архитектуре, учитывая потребности современного человека, назначение здания, материалы и методы строительства.

Ле Корбюзье непосредственно приобщился к творчеству своих старших современников. В Вене он учился у архитектора Йозефа Гюфмана, в Париже — у Огюста Перре, в Германии — у Петера Беренса и сблизился с группой архитекторов «Веркбунд», куда входил и Вальтер Гропиус. Но все это были лишь этапы на пути создания собственного стиля, в наиболее чистых формах выразившего идеи функциональной архитектуры, поэтически осмысленной Ле Корбюзье.

Особенности творчества Ле Корбюзье можно проследить на материале создания архитектурной композиции. Он создал свои самые значительные произведения только после длительных и трудных поисков первичной архитектурной формы. Как бы ни был сложен план и объем здания, его укладывают из простых пространственных элементов. Эту возможность Корбюзье обрел в железобетоне. На смену традиционным конструкциям пришла плита большого размера, поставленная как на вертикальные, тоже железобетонные стойки — колонны. Тем самым стена освобождалась от нагрузки: колонны ставились внутри здания и стена превращалась в ограждающую от внешнего пространства плоскость, если угодно, мембрану, которую можно навешивать на конструкцию. Идеальным для стены материалом было стекло. Железобетон и стекло впервые в творчестве Корбюзье получили свое принципиальное утверждение. Предшественники Корбюзье, в том числе и его учитель Огюст Перре (1874—1945), в архитектуре фасадов все еще чередовали стену и проем. Корбюзье применяет сплошную ленту стекла. Пространственная композиция складывается из принятых элементов, состоящих каждый из двух этажей, связанных лестницей. Эту простую форму Корбюзье бесконечно варьирует, создавая многообразие жизненного пространства. Отдель-

¹ См. стр. 9.

² См. стр. 274.

³ См. стр. 143.

ные ячейки архитектор связывает внутренними коммуникациями, которые он так и называет «улицей». Ле Корбюзье в замкнутом пространстве своего жилого дома размещает все необходимые функции для обслуживания живущих в нем людей. Наиболее четко этот принцип получил свое выражение в знаменитом марсельском жилом доме, построенном задуманном в 1952 году. К созданию первичной архитектурно-пространственной композиции Ле Корбюзье пришел через применение стандартных строительных элементов. Корбюзье видел в стандартизации не только удобство и удешевление строительства, но главным образом вариантоспособность. Он пошел по-вое художественное выражение путем применения стандартной детали. Этому предшествовал долгий путь поисков. Развитие новых железобетонных конструкций дало возможность наиболее эффективно использовать стандартные элементы и на этой основе создать новую архитектуру. В известных «Пяти отправных точках современной архитектуры» Ле Корбюзье четко сформулировал свои принципы. Он впервые установил, что архитектура и градостроительство, или планировка населенных мест городского и сельского типа, в действительности представляют собою единую проблему, а не два отдельных вопроса. Архитектура и градостроительство требуют единого решения и предполагают труд людей одной профессии.

Ле Корбюзье видит город как сочетание отдельных элементов, его составляющих. При планировке города он применяет тот же метод, как и в решении композиции жилого дома. Только теперь жилой дом принимается им за первичную архитектурно-пространственную ячейку. В доме Корбюзье усматривает основу нормального существования человека. Компоненты жилых домов образуют город, где все его сферы — транспорт, зоны приложения труда, общественные центры — расположены с учетом рационального обслуживания человека. Исходный пункт планирования его «Лучезарного города» — жилой район.

Почти всегда место, где человек трудится — завод, деловой центр, — возникало без учета его местожительства. Это создает мучительные трудности для населения. Ле Корбюзье предлагает преодолеть их, создавая так называемые

«линейные города». «Линейный город» Ле Корбюзье не прямая на плоскости, а линия, положенная на реальный рельеф, вписанная в него и использующая наиболее удобные места для всех элементов города. Корбюзье не приспосабливает к проекту природу, пейзаж к надуманной, абстрактной идее, а, наоборот, включает город в конкретный пейзаж: «Я... предложил комплексную идею, — пишет Корбюзье по поводу несуществующего проекта планировки Алжира. — Она единым ударом рассекает туниски, в которые заходит слишком быстро растущий город. Я задумал «Лучезарный город», расположенный в центре великолепного ландшафта: небо, море, Атласский хребет, горы Кабилии. Для каждого из 500 тысяч жителей... для каждого из них я предусмотрел небо, море и горы, которые будут видны из окон домов и создадут для их обитателей благодатную и жизнерадостную картину»¹.

Таким образом, Ле Корбюзье необыкновенно последователен в своих композициях. Он рассматривает город как организм, жизнь которого зарождается в первичной клетке и затем распространяется по всему обширному пространству. В этот непрерывный творческий процесс он вкладывает идею человечности, доброты и демократичности.

Корбюзье архитектурное сооружение рассматривал как пластическую форму, полную света и тени, «вылепленную» из строительного материала. Скульптурны и построенный им дом в Марселе, и его шедевр — канелла в Ронниане. В первом случае пластичность достигнута лоджиями, ритмически членимыми прямой фасад. Во втором — пластикой изогнутых стен, нависшей крыши и отсутствием прямых углов.

Искания в пластике приводят его к живописи и скульптуре. Он сближается с Леже и Пикассо, и в своих ярких и локальных по цвету живописных композициях и многоплановых обобщенных скульптурах он ищет прежде всего преодоления двумерности плоскости и четко выраженной архитектоники.

Мечтатель и рационалист, убежденный в правоте своих идей, перешагнувший границы своего времени и в теоретических выводах и в осу-

¹ См. стр. 123.

ществленных архитектурно-градостроительных проектах, Корбюзье во всем своем творчестве шел впереди века, предвидя наиболее рациональные формы будущего человеческого поселения и быта.

*

В 1887 г., когда в Париже Эйфель приступил к постройке своей знаменитой башни, 5 октября в маленьком, затерянном на склонах Юры городке французской Швейцарии — Ля-Шо-де-Фон в семье ремесленника Эдуара Жанпере родился сын Шарль-Эдуар. Дед и отец будущего зодчего делали эмалевые крышки и циферблаты для часов. По рождению Жанпере — швейцарец, предки его были выходцами из Франции.

Отец Шарля-Эдуара любил природу родного края и был страстным альпинистом. По праздникам в опасные экскурсии отправлялись с ним и его сыновья Шарль-Эдуар и Альбер, которым он привил любовь к природе. И где бы потом ни жил Ле Корбюзье (один из предков матери Шарля-Эдуара носил фамилию Ле Корбюзье. Впоследствии, став архитектором, Шарль-Эдуар Жанпере принял это имя и прославил его), он всегда вспоминал родные места, своеобразные, суровые, но полные поэзии: «Мои детские годы протекали среди природы и друзей. Мой отец внушил нам культ гор и реки, которые образовывали наш пейзаж. Мы очень часто поднимались на горные вершины. Гигантские горизонты были нашим кругозором. Отроческие годы — время жадной любознательности. Я знал, как сделаны цветы изнутри и снаружи, форму и цвет оперения птиц и почему деревья сохраняют равновесие в горах во время бурь»¹.

Первой художественной школой Шарля-Эдуара стала мастерская отца. Он внимательно следил за работой отца и деда, искусно создававших эмали. Много сделала для художественного воспитания своих детей мать, сумевшая привить сыновьям любовь к музыке. И если Альбер стал скрипачом и композитором, то Эдуар ввел симфонизм и принципы музыкального построения в архитектуру.

Шарль-Эдуар начал учиться с 4 лет и в 13 закончил начальную школу. В средней школе он выказал способности и трудолюбие, и главное — здесь уже проявилась его любовь к рисованию. Педагоги оценили его успехи, и он был направлен в городскую художественную школу.

Эта школа была создана в Ля-Шо-де-Фон в XIX веке как профессиональное художественное учебное заведение по подготовке мастеров прикладного искусства. Здесь юный Шарль-Эдуар поразил учителей своими способностями, и его работы по гравировке и чеканке неизменно попадали в школьный музей. Он стал подмастерьем, и ему прочили будущность блестящего мастера-гравера.

Большую роль в жизни молодого Жанпере сыграл один из его первых учителей — Л'Эплатень, преподаватель живописи в художественной школе в Ля-Шо-де-Фон. Сын крестьянина из этого же кантона, Л'Эплатень, окончив в Париже Школу изящных искусств, вернулся в родные места, чтобы способствовать здесь развитию искусств. «До 1907 года в родном городе я имел счастье быть учеником Л'Эплатень, — вспоминал впоследствии Ле Корбюзье. — Это он открыл мне двери искусства. Мы изучали шедевры всех времен и народов, которые помещались в простом шкафу нашего рисовального класса. Наш учитель собрал там все нужное, по его мнению, для нашей духовной пищи»².

Л'Эплатень задумал создать в городе настоящую художественную школу широкого профиля. И вскоре «... 20 подмастерьев старшего курса и несколько рабочих объединяются вокруг нашего учителя, создавая школу декоративного искусства. Их девизом стало: возродить понимание человеческого жилища в его извечном значении очага и вернуть к жизни исчезнувшие ремесла. Каждый из питомцев школы должен был выбрать себе специальность: работа по дереву, камню, керамике, по стеклу, чеканка, работы по металлу, ювелирное искусство и т. д. — какая роскошная когорта! Какая радость жить!»³ — так через многие годы с восторгом вспоминал Ле Корбюзье о замечательной поре своей озорной искусством юности.

Когда возникла необходимость в архитекторе-декораторе, Л'Эплатень выбрал именно Шарля-Эдуара, который в то время и не помышлял

¹ Sophie Daria. Le Corbusier, 1964, p. 48.

² Ibid., p. 20.

³ Ibid., p. 21.

об архитектуре, мечтая посвятить себя живописи. Но учитель верно угадал в своем талантливом ученике будущего зодчего. И Жаннере не исполнилось еще и 18 лет, когда он получил свой первый заказ на постройку виллы для одного из членов совета Художественного училища.

«В семнадцать лет мне посчастливилось встретить человека без предрассудков, который поручил мне постройку своего дома. И в возрасте от 17 до 18 лет я построил этот дом с великим старанием и целой кучей волнующих происшествий. Этот дом, по всей вероятности, ужасен»¹.

Дом этот был первым и последним в творчестве Ле Корбюзье, выстроенным в духе декоративного стиля 900-х годов модерн. Будущий Ле Корбюзье в 19 лет навсегда перевернул в своем творчестве эту страницу в истории архитектуры, чтобы никогда больше к ней не возвращаться.

«Но с тех пор я убедился, что дом строится из материалов, рабочими, по разработанному плану и в разрезу и это определяет успех или неуспех произведения»², — выводит для себя свой первый неизменный постулат будущий архитектор-новатор. Так, уже в начале века он задумывается о необходимости искать новые пути в архитектуре. Молодой Жаннере отказывается от канонических приемов и готовых рецептов, преподносимых в архитектурных школах, от понятия о «великом вдохновении свыше», не имеющем отношения к реальности.

Но для того чтобы пойти по намеченной дороге, предстояло очень многое узнать, постигнуть, выверить, увидеть собственными глазами. И вот на свои скудные сбережения, накопленные упорным трудом, Шарль-Эдуар Жаннере отправляется в путешествие; девятнадцатилетний юноша-горец, высокий, худой, спортивного вида, с рюкзаком за плечами и с альбомом для зарисовок в руках начинает свои долгие странствия по дорогам Европы.

Италия. Очарованный, он открывает ее для себя. Страницы альбомов покрываются множеством зарисовок — города, дворцы, все, что его поражает, что будоражит его ум и волнует серд-

це. В штрихах и линиях воплощает он тончайшие ощущения прекрасного, волнующие переживания встреч с великими творениями искусства. Юный Ле Корбюзье сосредоточенно и упорно изучает Флоренцию, Сиену, Падую, Верону, Венецию. Его несколько не смущают тысячи досадных трудностей, сопряженных с путешествиями. Он подвижнически вырабатывает, тренирует и укрепляет в себе пренебрежение к личным неудобствам и материальным лишениям, которое сохранит затем на всю жизнь. И именно эта черта в нем особенно удивляет, потому что он был буквально одержим идеей создавать всем своим современникам, всем людям-труженикам максимальные жизненные удобства и комфорт.

После Италии на пути молодого Жаннере Будапешт и Вена. И здесь он посещает музеи, восхищается творениями художников раннего Ренессанса.

Новая венская архитектура его разочаровывает. В Вене он проводит полгода, изучая все, достойное изучения. Единственным отдыхом и развлечением в его тогдашней суровой, спартанской жизни была музыка. Шарль-Эдуар регулярно посещает оперу и симфонические концерты, мечтая внести гармонию и в свои будущие архитектурные творения. Постепенно созревает решение ехать в Париж — новую Мекку искусства. Но прежде юный зодчий считает необходимым посетить архитектора Иозефа Гофмана (1870—1956), кумира тогдашней артистической молодежи, имя которого пользовалось славой новатора от Петербурга до Нью-Йорка.

Шарль-Эдуар, явившись к прославленному архитектору без всяких рекомендательных писем, произвел на него такое впечатление, что Гофман сразу предложил ему работу у себя. Это было как чудо: получить работу у самого Иозефа Гофмана. И все же решение ехать в Париж остается неизменным. Проработав у Гофмана полгода, в феврале 1908 года Шарль-Эдуар Жаннере уезжает в столицу Франции.

Вспоминая впоследствии свой первый приезд в Париж, Корбюзье описывает, как он поселился в убогой гостинице, среди трупоб: «Большие города для молодых — это пустыня, где умирают с голоду перед тысячами закрытых дверей. Высшие школы больших городов! Юноши и де-

¹ Sophie Daria. Le Corbusier, 1964, p. 22.

² Ibid.

вушки, юнioni с длинными волосами и стриженные девунки. Богема! Еще до первой мировой войны»¹.

Но зато — рядом Нотр-Дам, Эйфелева башня, музей Лувра! Жаннере перебрался на Монмартр в мансарду, откуда открывалась панорама Парижа от Нотр-Дам до Сакре-Кёр. Все свое время он проводит в музеях. Однажды он попадает на выставку Салона независимых, где первое знакомство с живописью Матисса приводит юного провинциала в ужас.

Однако главная цель его приезда в Париж — учиться архитектуре. Шарль-Эдуар не захотел идти в Высшую школу изящных искусств, потому что ему ненавистен обветшалый эклектический академизм. «Университетами» будущего Ле Корбюзье становятся творческие мастерские наиболее выдающихся, передовых архитекторов того времени — тех, кто открывал новые законы в искусстве и кто стремился использовать для развития архитектуры новейшие технические достижения.

Франц Журден (1847—1935) — президент Осеннего салона независимых, архитектор и публицист, автор проекта многоэтажного магазина «Самаритен», неоднократно выступал с сокрушительной критикой академизма в архитектуре. Именно к нему и обратился молодой Жаннере за советом.

Так же как до этого Иозеф Гофман, Журден был поражен рисунками молодого художника и рекомендовал его известному архитектору Липи Соважу (1873—1932), будущему автору проектов домов с уступами на улице Вавен в Париже. Соваж предложил Жаннере разработать фриз для жилого дома. Для Шарля-Эдуара, прекрасного рисовальщика, такая работа была нетрудной, но и не представляла интереса. Она его не удовлетворяла: он стремился к углубленному изучению архитектуры. И Жаннере перешел на работу к Огюсту Перре (1874—1954), построившему в 1903 году в Париже первый железобетонный дом. В свое время Огюст Перре покинул Высшую школу изящных искусств, отказавшись делать дипломный проект.

Перре высоко оценил молодого Жаннере. Сделал его своим ближайшим помощником и пред-

ложил заниматься теорией повсюду, где тот найдет для себя нужным, работая у него в мастерской лишь пять часов в день. Огюст Перре поверил молодому помощнику свои сокровенные мысли. Он предвидел успешное применение железобетона в строительстве домов и целых городов, которые будут отвечать потребностям современного человека и общества.

В часы, свободные от работы в мастерской Огюста Перре, молодой Жаннере изучает памятники архитектуры Парижа, слушает лекции в Сорбонне, берет частные уроки математики, много времени проводит в библиотеках, делая записи и бесчисленные зарисовки. Практику архитектуры он интенсивно усваивает не только в мастерской, но и на стройках. Изучает он и новое направление в искусстве, открывает для себя скульптора Бурделя, живописцев Мориса Дени, Вюйера, Сезанна, пересматривает свое отношение к Матиссу, которого еще совсем недавно не понимал.

У Перре он проработал год и три месяца. Он выполнил проект мастерских для художников — комплекс стандартных студий. Так, впервые еще в 1910 году молодой Ле Корбюзье стал вводить в свою архитектурную практику элементы стандарта, типового проектирования.

В мае 1911 года художественная школа в Ля-Шо-де-Фон, с которой он все это время не порывал связей, командирует Шарля-Эдуара Жаннере в Германию для изучения нового немецкого декоративного искусства. Рекомендательное письмо открывало ему двери на все заводы и фабрики, в торговые предприятия и художественные школы страны. Результатом этой командировки явилась первая научная работа Ле Корбюзье «Состояние декоративного искусства в Германии», изданная в Ля-Шо-де-Фон в 1911 году.

В Берлине Жаннере проработал пять месяцев у архитектора Петера Беренса (1868—1940). Здесь, в мастерской прославленного зодчего, он познакомился с архитектором Вальтером Гропиусом (1883 г.), с которым дружил до конца своей жизни.

В том же 1911 году Жаннере отправился в путешествие, чтобы собрать материалы об Эль Греко, через Болгарию, Мраморное море, Стамбул — места, хранящие память о древней Ви-

¹ Sophie Daria. Le Corbusier, 1964, p. 25.

зантин, в Грецию и Италию. «Я видел вечные памятники, славу человеческого разума! Меня пленила средиземноморская культура!»¹

Снова без устали зарисовывал он все — от великолепных храмов до крестьянских хижин.

Шарлю-Эдуару Жаннере было 24 года, когда он вернулся в Париж. Огюст Перре предложил ему соавторство в разработке проекта театра на Елисейских полях. Но от этого блестящего предложения пришлось отказаться. Шарль-Эдуар был обязан вернуться в Ля-Шо-де-Фон, чтобы в сотрудничестве со своим бывшим учителем Л'Эплантенье заняться преобразованием художественной декоративной школы в родном городе. На это ушло пять лет жизни, но все кончилось неудачей, так как городские власти решительно выступили против всяких новшеств. В эти годы Жаннере не только преподавал в школе, но и занимался экспериментальным проектированием. К 1914 году относится его проект сборных серийных домов, названный им «Домипо» (первая в истории архитектуры идея каркасного дома для серийного производства). Проект не был реализован и получил признание лишь в 1929 году.

К этому времени относится твердое решение Шарля-Эдуара полностью посвятить себя архитектуре. Л'Эплантенье возражал. Ему нужен был Жаннере художник-декоратор, талантливый преподаватель прикладного искусства. Между учителем и учеником произошел разрыв.

В конце 1917 года Шарль-Эдуар Жаннере явился в Бюро паспортов Швейцарии. «Я хотел бы получить паспорт в Париж». — «На какое время?» — «Навсегда», — был ответ².

В 1918 году Жаннере снова в Париже и теперь уже до конца жизни. Франция становится его второй родиной. Занятия живописью сближают его в это время с кубистами. Однако вскоре Жаннере приходит к убеждению, что кубизм, войдя в моду, становится салонным и тем самым деградирует. Жаннере считает необходимым искать более аскетическое, чистое, новое искусство.

В поисках нового направления в живописи Жаннере объединяется с Озанфаном. Они стре-

мятся оздоровить кубизм, отвергая его манерность и приобретенные в салонах «подозрительные искания». И так как живопись для Ле Корбюзье, по существу, всегда была частью архитектуры, естественно, что свои поиски нового в живописи он ведет путем выявления архитектурных вещей, стремления к ясной, уравновешенной архитектурной композиции. Новое направление в живописи Жаннере и Озанфан назвали пуризмом — от французского слова «pur» (что означает чистый) — и опубликовали манифест «После кубизма». В своих поисках новых законов они стремились к некоей абсолютной объективности, тем самым утверждая, что кубизм — пройденный этап.

Живописью и скульптурой Ле Корбюзье занимался всю жизнь. В построенном им доме в Порт-Молиторе, где на верхнем этаже помещалась его живописная студия, Ле Корбюзье работал каждое утро.

Эти постоянные занятия были для него необходимы и обязательны, как для пианиста-виртуоза экзерсисы и гаммы. Он должен был ежедневно упражняться, совершенствоваться постоянно, варьируя иногда в течение многих лет один и тот же натюрморт. В этих работах отражалось его мастерство. Его натюрморты геометризированы и подчинены задачам архитектуры. Ведь свои картины он рассматривал как элементы архитектуры. Компонуя их, Ле Корбюзье применял законы пропорционирования и золотого сечения. И только с 1929 года на его полотнах появляются человеческие фигуры. Тематических произведений он никогда не писал. Однако Ле Корбюзье не был абстракционистом. Его искусство всегда оставалось изобразительным, фигуративным. И в живописи, как в архитектуре, Ле Корбюзье применял свою систему «модуль» — систему человеческого масштаба. Закономерным было и то, что в 1936 году Ле Корбюзье сделал картоны для шпалер мануфактуры Обюссона, решая их как элемент архитектурно организованного пространства.

... Строгий интерьер студии в Порт-Молиторе отражает характер ее автора и хозяина. Здесь просторно, удобно работать и тихо, как в музее. И как в музее, можно увидеть лишь те вещи, которые достойны созерцания и, очевидно, до-

¹ Sophie Daria. Le Corbusier, 1964, p. 30.

² Ibid., p. 32.

роги владельцу. Произведения его друзей Пабло Пикассо, Анри Лорана, Фернана Леже.

С последним Ле Корбюзье связала особенно глубокая дружба. Оба художника во многом схожи не только взглядами на искусство, но и своим мироощущением, отношением к жизни. Оба они — из семьи тружеников, оба самородки и даже самоучки, обязанные всем достигнутым только самим себе, своему таланту.

Начиная с 1922 года Ле Корбюзье строит несколько небольших сооружений в окрестностях Парижа в совершенно новом стиле по пластике, композиции и форме. Это небольшие дома-виллы, мастерские для ближайших друзей — художников: живописца Амедея Озанфана в Париже, скульптора Жака Липшица в Булонь-сюр-Сен. В Отёе отдельные опоры поднимают над землей дом Ля Роша и композитора Альбера Жанниере, брата Ле Корбюзье. Свободная планировка внутренних помещений создает здесь необычные, фантастические, но логически завершённые интерьеры. Плоская крыша — терраса с садом. Сад разбит и под опорами дома, и дом словно парит над зеленью. Вытянутые по горизонтали окна открывают вид на окружающую природу. Перед нами основные черты архитектуры Ле Корбюзье, которые мы узнаем во всех его — и малых и грандиозных — проектах.

В зданиях, построенных Ле Корбюзье, торжествует новая архитектурная эстетика, жизнеутверждающая и глубоко человеческая. Каждая новая постройка становится событием в художественном мире. Его произведения и проекты публикуются во всех архитектурных изданиях, он всюду пропагандирует новое слово в архитектуре. А когда в 1923 году выходит его книга «К архитектуре», Ле Корбюзье становится одним из ведущих теоретиков архитектуры XX столетия.

К этому времени относятся проекты, воплощающие его идеи. Так, «Современный город» на три миллиона жителей (1922). В этом проекте Ле Корбюзье противопоставил гармоничное решение города хаотической застройке городов капиталистического Запада. Его поселок для рабочих в Пессаке под Бордо (город-сад) задуман в 1925 году и в очень короткий срок — меньше года — осуществлен, но заселен по вине администрации только в 1929 году. В дальнейшем этот

поселок для рабочих из 51 дома стал образцом и местом паломничества многих архитекторов. Так же и павильон «Эспри нуво» — квартира жилого комплекса на Выставке декоративного искусства в Париже. Все эти произведения зодчего-новатора знаменовали собой подлинную революцию в архитектуре.

Такие люди, как Огюст Перре, Фернан Леже, Журден, Пикассо, принимали работы Ле Корбюзье с восторгом, поддерживали их, боролись за них. Но создаваемые им проекты и построенные по ним здания встречали в академических и буржуазных кругах резкое противодействие. Его обливали грязью, осыпали грубой бранью. Его демократическое по своей сути новаторство эти люди ненавидели, его называли «тройным коном большевизма».

Блестящий полемист, Ле Корбюзье не оставался в долгу, он расправлялся со своими противниками в статьях и книгах, выдвигая в то же время все новые и новые проблемы, проблемы социального значения архитектуры. Он руководствовался в своем творчестве запросами всех слоев населения. Он знал и ценил архитектурное наследие всех времен и народов, не только шедевры мирового значения, но и скромные крестьянские постройки, и это создавало прочный фундамент его архитектурного творчества.

Восстав против эпитонства и эклектизма в архитектуре, Ле Корбюзье уловил потребности грядущего.

И пусть не всегда был он последователен в своем мировоззрении, лежащем в основе его творчества, в направленности своего творчества он не ошибался. Он работал для будущего.

Ле Корбюзье был человеком прогрессивных идей, хотя незнание марксизма мешало ему делать до конца правильные выводы. Само его творчество, пронизанное духом новаторства, предполагало глубокие сдвиги в общественных отношениях, в материальной и духовной культуре, в экономике, так же как в науке и технике. Без этих условий некоторые идеи, выдвинутые Ле Корбюзье, оказались утопическими. Например, считая, что земля должна быть обобществленной, он наивно предполагал, что этот вопрос могут решить юристы.

В 1925 году вышел в свет капитальный труд Ле Корбюзье «Градостроительство». Книга эта

оказала большое влияние на развитие молодой градостроительной науки, она вызывает значительный интерес и в наши дни.

В 1927 году Ле Корбюзье принял участие в конкурсе на лучший проект здания Лиги Наций в Женеве. Он создает проект, ныне давно уже всеми признанный шедевром архитектурного творчества. Жюри признало его проект лучшим, отвечающим всем требованиям и наиболее экономичным. Но тем не менее силы обветшалого академизма еще были в большинстве — проект отвергли, к торжеству всех реакционеров.

Знаменательно, что первое свое крупное произведение Ле Корбюзье осуществил в СССР — стране победившего социализма, где многие мечты зодчего-новатора стали реальностью. В 1928 — 1933 годах Ле Корбюзье проектирует и строит в Москве Дом Центросоюза — ныне Центральное статистическое управление — на улице Кирова. Здание рассчитано на 3500 служащих, обеспечено всеми необходимыми условиями комфорта, большим центральным холлом, столовой, залом собраний. Ле Корбюзье придумал для этого здания специальную систему кондиционирования, которую в те времена по техническим причинам невозможно было осуществить. Отсутствие этой системы, к сожалению, отрицательно отразилось на эксплуатации здания. В дальнейшем пространство между поддерживающими здание опорами было застроено, это лишило творение Ле Корбюзье первозданной легкости, стройности.

Постройка Дома Центросоюза в Москве — первенца советских административных зданий нового типа — стала большим событием в развитии мировой архитектуры. Все здесь было ново: решение внутренних пространств, свободная планировка, лаконичное решение фасадов, построенных на контрасте остекленных поверхностей и глухих стен, облицованных арктическим туфом. При строительстве Дома Центросоюза были использованы все технические строительные достижения тех лет.

Пребывание в СССР произвело на Ле Корбюзье глубокое впечатление: «В Москве поразительное обилие всяких проектов: здесь планы заводов, плотин, фабрик, жилых домов, проекты целых городов. И все делается под одним лозунгом *использовать все достижения прогресса*»¹.

В 1931 году Ле Корбюзье участвовал в конкурсе на лучший проект Дворца Советов в Москве. Вместе с ним работал его двоюродный брат, молодой талантливый архитектор Пьер Жаннере. Проект Ле Корбюзье поражал остротой решения, в котором ощущалось и влияние советского конструктивизма. Симфония обнаженных конструкций, подчиненные им объемы, новые материалы.

В славной советской архитектурной когорте Ле Корбюзье видел своих единомышленников, и это было естественно. Многие советские мастера архитектуры и градостроительства работали одновременно с ним над теми же проблемами. Несомненно, они в свою очередь испытывали влияние Ле Корбюзье.

Работа над грандиозным проектом Дворца Советов стала новым этапом в творчестве Ле Корбюзье. Однако его проект вызвал много споров, главным образом потому, что увлекшись конструктивистскими идеями, Ле Корбюзье не учел характера окружающей застройки и его решение не сочеталось с исторически сложившимся обликом древней Москвы.

В 1929—1931 годах Ле Корбюзье в соавторстве с Пьером Жаннере возвел одну из своих значительных построек в Париже — Дом Армии снашения. Здесь впервые в Европе была осуществлена система кондиционирования воздуха в здании, имеющем сложное остекление, площадью 1000 квадратных метров.

В 1930—1932 годах Ле Корбюзье построил общежитие для швейцарских студентов в Париже, в студенческом городке. Эта постройка уже давно признана классическим произведением архитектуры, стала важным этапом в творчестве Ле Корбюзье, но не все современники сумели оценить новое достижение мастера. Буржуазная пресса даже подняла бешеную травлю, обрушивая потоки брани и на автора и на его создание.

В 1928 году Ле Корбюзье организовал Общество Международных конгрессов современной архитектуры (СИАМ).

Первый конгресс общества состоялся в 1928 году в замке Ла Сарра в швейцарском кантоне Во. Затем для обсуждения проблем рационального строительства участники общества собра-

¹ См. стр. 106.

лись в 1930 году в Штутгарте. В 1933 году в Афинах общество обсуждало проблемы градостроительства. Результаты этой работы легли в основу книги Ле Корбюзье «Афинская хартия». В 1937 году в Париже СИАМ обсуждал проблему «Жилище и отдых». Неизменным руководителем на этих конгрессах был Ле Корбюзье. При этом он ни на день не прерывал свою обычную кипучую деятельность. Он безвозмездно подготовил проект реконструкции города Алжира. Читал лекции, печатал статьи, писал книги «Когда соборы были белыми» и «Лучезарный город», излагая в них идеи совершенного человеческого поселения. Неистощимая и целеустремленная энергия художника и борца возбудила международный интерес к вопросам по-новому понимаемой градостроительной науки, к той современной архитектуре, которая сегодня все больше определяет лицо городов, стран и континентов.

В годы второй мировой войны Ле Корбюзье не мог оставаться в оккупированном Париже. Фашистские оккупанты видели в нем коммуниста. Он оставил свою мастерскую на улице Севр и бежал в зону Франции, не занятую немцами, где, скрываясь, продолжает разрабатывать теоретические вопросы. Именно к этому времени относится создание «модулёра» — системы новых пропорциональных отношений. Ле Корбюзье кладет в основу архитектурной метрики размеры человеческого тела. Причем берет не только средний рост человека, но размеры сидящей фигуры, стопы человека, длину его руки, шага и т. д. «Модуль» — не только теория, в нем содержится и подробно разработанное практическое руководство по применению человеческих пропорций в сопоставлении с общепринятой метрической системой расчета.

Среди тех, кто первым оценил «модуль», был великий Египтеин, считавший, что разработанная Ле Корбюзье система имеет большое практическое значение не только в архитектурном проектировании, но и в других видах человеческой деятельности.

В 1943 году в тяжелых условиях Ле Корбюзье основал Объединение строителей для обновления архитектуры — «Аскораль». Главной задачей объединения становится создание жилища как градостроительной единицы. Рассматрива-

ются три формы расселения: 1) сельское; 2) линейный промышленный город; 3) радиально-концентрический торговый город. Работу объединения Ле Корбюзье распределил по соответствующим секциям. Каждая решала свой отдельный вопрос. Деятельность объединения сплотила передовых архитекторов и градостроителей Франции, что дало хорошие результаты.

Сразу после окончания войны Ле Корбюзье приступает к разработке проектов реконструкции двух городов: Сен-Дис и Ла-Рошель — Ла-Паллис. И одновременно берется за осуществление своей давнишней заветной мечты — проектирует единый жилой комплекс для Марселя — жилой дом на 1600 человек. В этой работе он впервые применяет на практике «модуль». Создание этого дома-гиганта стало триумфом Ле Корбюзье и новой архитектуры.

Сегодня здание марсельского жилого комплекса является гордостью не только Марселя. И не только гордостью Франции. Оно послужило прототипом жилых комплексов для других городов Европы. Десятки тысяч туристов приезжают ежегодно, чтобы увидеть это сооружение.

В 1950 году Ле Корбюзье вместе с другими передовыми представителями французской интеллигенции подписывает Стокгольмское воззвание в защиту мира и о запрещении атомного оружия.

Совершенно новой страницей в творчестве Ле Корбюзье стала капелла Нотр-Дам-дю-О в Роншане, над созданием которой он работал с 1950 до 1954 года. Здесь мастер впервые применил упруго изогнутые плоскости несущих стен, над которыми как бы взлетает, образуя огромные навесы, также криволинейное перекрытие из монолитного железобетона. Небольшие оконные прорези разных размеров и форм, словно случайно разбросанные по фасаду, создают в интерьере сказочный эффект. Эти окна подчеркивают цельность и монументальность здания. Возникают какие-то далекие ассоциации с романской архитектурой, с храмами древнего Пскова, а скорее всего, со старинными хижинами французских крестьян.

В 1956 году Ле Корбюзье приступил к работе над постройкой доминиканского монастыря в Ла-Туретте близ Лпона. Когда одного монаха

спросили, почему постройку монастыря поручили именно Ле Корбюзье, доминиканец ответил: «Для красоты нового монастыря». Монахи знали, что знаменитый мастер создаст им архитектурный шедевр. Личные взгляды Ле Корбюзье на религию и церковь были им совершенно безразличны. Церковники не обманулись в своих расчетах: туристы со всего света стекаются в Ла-Туретт, так же как и в Роншан.

Наконец настало время, когда Ле Корбюзье засыпают предложениями. Он принимает участие в строительстве здания ООН в Нью-Йорке. Строит музей в Токио. В ноябре 1950 года в Париж прибыли представители индийского правительства с предложением построить у подножия Гималаев новую столицу штата Пенджаб. С Ле Корбюзье подписывают контракт на постройку города Чандигарха с правительственным центром — Канитолием.

Ле Корбюзье закончил разработку города в четыре месяца, с марта 1951 года началось строительство. Премьер-министр Неру сам следил за строительством Чандигарха, часто посещал его и оказывал поддержку строителям в трудное время. В материальном отношении работа была для архитекторов невыгодной. Жить приходилось в невероятно тяжелых бытовых условиях, в непривычном для европейцев климате. Но архитекторы, вдохновленные небывалой по масштабам задачей, работали с энтузиазмом.

Успех превзошел все ожидания. Вдоль широкой глади водного пространства протянулся легкий, новый, светлый город, подчиненный главной из гармоний — гармонии архитектуры с природой и с человеком. Когда-то, еще в 30-е годы, Ле Корбюзье разработал план реконструкции Парижа. Этот проект произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Ле Корбюзье, по существу, предлагал снести старый Париж, чтобы на его месте возвести новый, выдержанный в строгой геометрии город. То были первые шаги Корбюзье в градостроительстве. Тогда он был убежден в превосходстве прямой линии и противопоставлял хаосу капиталистического города чистую геометрическое градостроительное решение. С годами зодчий пришел к новым концепциям, теснее связанным с реальной жизнью. И, получив возможность возвести новый город, который можно было решить в прямых линиях, чисто

геометрически, Ле Корбюзье пошел по другому пути. Достаточно даже непосвященному человеку взглянуть на генеральный план Чандигарха, чтобы не просто увидеть, а ощутить, как органично врос новый город в воспринявший его пейзаж, рельеф местности. Не зря «отчаянный Корбю», как называли его близкие друзья, говорил о самом себе: «Дались они мне с их приписанным мне собственным стилем! Вот я им покажу нечто новое: торжество наклонной линии, которая то победно и легко взмывает вверх, то как бы с улыбкой свергается вниз в легком слаломе»¹.

Постоянно выдвигая архитектурные новшества, идеи, приемы, он никогда из своих предложений не делал догмы. Его творчество всегда было связано с конкретной реальностью, которую предлагала ему жизнь, а его мозг ненасытно и неустанно решал все новые задачи, поступающие из этого неиссякающего источника. И этот органический, вечно живой обмен, называемый творчеством, никогда не прекращался. Для Корбюзье творить значило дышать. Трудно себе это представить, но в годы возведения Чандигарха он еще построил музей и другие здания в Ахмедабаде — центре текстильной промышленности Индии. В книге «Лучезарный город» Ле Корбюзье сформулировал пять отправных точек для современной архитектуры.

На всей нашей планете мы видим архитектуру, созданную по этим четко сформулированным им законам. Однако для Корбюзье это были только этапы его творчества. А дальше идут другие: постройки в Ахмедабаде, павильон Филиппа на Брюссельской всемирной выставке 1962 года, музей в Цюрихе, построенный уже после смерти великого мастера.

Ле Корбюзье считал, что не архитектура должна подчиняться пейзажу, а пейзаж — архитектуре. Не холм Акрополя диктует архитектуре, утверждает Ле Корбюзье, а Парфенон.

И разве это не так? Посмотрите, как на Нерли маленький храм Покрова создает и держит огромный пейзаж...

В 1959 году Ле Корбюзье говорил: «Мне семьдесят один год... Я построил первый дом, когда

¹ Журнал «Современная архитектура», 1968, № 1, стр. 80.

мне было семнадцать лет, и я продолжаю трудиться вот уже более полувека, претерпевая всевозможные злоключения, трудности, провалы, иногда добиваясь успеха. Мои искания, также как и мои чувства, сводятся к одному, к главному в жизни — к поэзии. Человек одухотворен поэзией, и именно это позволяет ему овладевать богатствами природы...

Я человек зрения, — читаем мы дальше, — я работаю глазами и руками, занимаясь явлениями пластического характера, то есть тем, что лежит в основе подлинной архитектуры, подлинной живописи, подлинного градостроительства¹. Об этом Ле Корбюзье написал огромное количество статей и книг. Главные из них мы называли.

Теперь советский читатель получил возможность ознакомиться с основным из всего того, что Ле Корбюзье написал по проблемам архитектуры и градостроительства.

Знакомство со взглядами, творческими поисками и открытиями, жизненным и художественным кредо крупнейшего мастера архитектуры XX столетия, несомненно, заинтересует всех, кому не безразличны судьбы современного искусства. Литературный стиль Ле Корбюзье самобытный, предельно сжатый. Самой манерой изложения мыслей, неожиданной и неповторимой, неистовый Корбю как бы ниспровергает бездарное, довольствующееся штампами, чванливое наукообразие. Здесь все поражает соответствием, созвучностью современности и все пронизано быющей через край мужественной, созидающей, одухотворенной творчеством поэзией. Сочинения Ле Корбюзье не только вводят нас в мир и смысл обновленной архитектуры. Они обогащают наше представление о времени, в котором мы живем. Они раскрывают перед нами духовные богатства, сложность, величие, вечную взволнованность и не ведающую отдыха целеустремленность творческой личности. Личности человека современного, сегодняшнего дня, воплотившего в себе одну из духовных вершин, достигнутых эпохой.

И в старости сохранил Ле Корбюзье крепкое, легкое сложение, уверенную осанку спортсмена. На суровом лице, для которого улыбка была редкостью, поражали детские, ясные глаза. И быть может, годы еще явственнее подчеркнули столь для него характерные черты художника-работячего, вечного труженика, для которого творческий труд был потребностью.

Целеустремленность сочеталась у него с упорством, как и аскетическая простота привычек, целомудрие, душевная ясность, честность... Он сразу и мудрец, и рационалист, и мечтатель. Мечтатель, воплощающий свои мечты с титанической энергией. Поэзия сплавила воедино все, что жило в нем. Ему были чужды чувства Гамлета и героев Достоевского. Не потому ли скептики и пессимисты обвиняли его в доктринерстве, в самонадеянности и самоуверенности. Нет, это была органически свойственная революционеру-новатору твердая уверенность в себе, в своих решениях, всегда обоснованных, глубоко продуманных и ответственных.

*

Осенью 1965 года газеты всего мира напечатали сообщение о смерти Ле Корбюзье. Это случилось на Лазурном берегу, в Средиземном море. Как обычно, он заплыл далеко. Сдало сердце, и Ле Корбюзье погиб. Ему было семьдесят восемь лет.

В 1967 году в Швейцарии — на родине великого зодчего — был торжественно открыт в Цюрихе «Центр Ле Корбюзье». На открытии музея, сооруженного посмертно по проекту Ле Корбюзье, его брат композитор Альбер Жанпере сказал: «От Лозанны до Цюриха попадалось мне множество выросших из земли Корбю — гармоничных, подтверждающих успех его принципа сочетания горизонтали и вертикали... Они действительно — молодость, веселая и улыбающаяся, вся в белом под лучами света»².

Светлым, человеколюбивым, славящим жизнь останется для людей творчество Ле Корбюзье. Оно принадлежит не только французскому народу. Оно принадлежит человечеству.

К. Топуридзе

¹ См. стр. 274.

² Журнал «Современная архитектура», 1968, № 1, стр. 80.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

К архитектуре *Перевод В. Н. Зайцева* 9
Тезисы 9

Градостроительство *Перевод*
В. Н. Зайцева 25

Общие положения 28 Порядок 30 Современный
город 33 Современный город с трехмиллионным
населением 34 План города 37 Центр Парижа 40
«План Вуазен» и история Парижа 42

Декоративное искусство
сегодня *Перевод В. Н. Зайцева* 53

Новый дух в архитектуре
Перевод В. В. Фрязинова 67

Уточнения по поводу со-
временного состояния ар-
хитектуры и градострои-
тельства *Перевод В. Н. Зайцева* 95

«План Вуазен» для Парижа. Может ли Буэнос-
Айрес стать одним из самых достойных городов
мира? 102 Московская атмосфера 106

Лучезарный город *Перевод*
В. Н. Зайцева 121

Воздух городов 124 Как решить проблему Парп-
жа? 128 «Лучезарная ферма» 129 «Лучезарная
деревня» или кооперативная деревня 131

Пушки, снаряды? Уволь-
те! Жилища? Пожалуйста!
Предпочитаешь ли ты вое-
вать? *Перевод В. Н. Зайцева* 143

Афинская хартия *Перевод В. В. Фря-*
зинова 155

Общие положения. Город и его район 156 Современное состояние городов. Критика и лечебные средства 159 Историческое наследие городов 173 Заключение. Основные положения доктрины 174 Заметки о международных конгрессах современной архитектуры 181

Жилой комплекс в Марселе

Перевод В. Н. Зайцева

191

Поношения 191 Взгляд сверху 192 Тема 193 Двенадцать часов солнечного цикла 193 Элементарные условия индивидуальной свободы 194 Жизнь семьи 195 Техника 196 Общение 197 Осуществление 198 Заключение 202 Выводы 203 От карты Европы через человеческое жилище к новому техническому и социальному балансу 203 Марсель, бутылка и ящик для бутылок 205 О долгом пути 1907—1950 годов и о программе на будущее 206 Программа на будущее 207

Три человеческих установления

Перевод В. Н. Зайцева

219

«Зеленый завод» 219 Три примерные схемы «зеленого завода» 221 Жилые строения 223 Промышленные объекты 224

Модуль

Перевод В. В. Фрязинова

233

Среда, сфера, условия и развитие исследования 233 Хронология 236

Письма, заметки и т. п.

Перевод В. Н. Зайцева

269

Пять отправных точек современной архитектуры 269 На одном из приемов у министра строительства г-на Сюдро 269 Открытое письмо г-пу префекту 270 Размышления 273 Объявление в мастерской Ле Корбюзье 273 Заявление Ле Корбюзье 27 января 1959 года 274 Письмо Ле Корбюзье мэру Венеции 275 Письмо Ле Корбюзье группе архитекторов Иоганнесбурга 275

Работы Ле Корбюзье

287

Осуществленные постройки 287 Неосуществленные проекты 288

Литературные труды

289

Послесловие

Н. Т. Топуридзе

291

Ле Корбюзье

АРХИТЕКТУРА XX ВЕКА

ИБ № 1176

Редактор *С. Д. Комаров.*

Художник *Л. Ф. Шкапов.*

Художественный редактор *В. Я. Мирошниченко.*

Технический редактор *Т. К. Кутцова*

Сдано в набор 14.06.76. Подписано в печать 30.05.77. Формат 84 × 108^{1/16}. Бумага мелованная. Услови. печ. л. 31,92. Уч.-изд. л. 29,48. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1322. Цена 3 руб. 70 коп. Изд. № 20828.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва 119021, Зубовский бульвар, 21.

Ордена Трудового Красного Знамени ленинградская типография № 3 имени Ивана Федорова «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 196126. Ленинград, Зиенгородская, 11.

ПЯТЬ ОТПРАВНЫХ ТОЧЕК СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

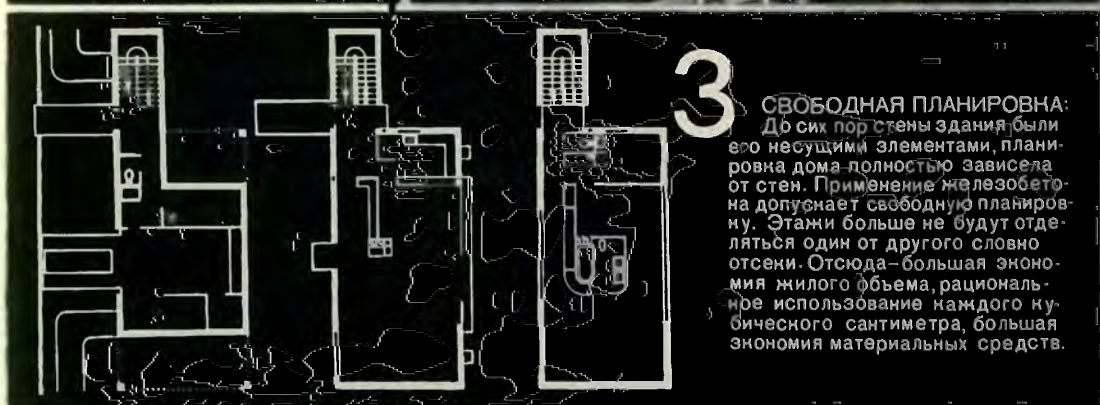
Из книги «Лучезарный город» 1933 г.

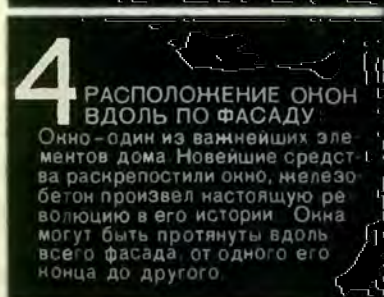
1 **ОПОРЫ-СТОЛБЫ:** Дом на отдельных опорах! Раньше дом был забит в землю, в темных и зачастую сырых местах. Железобетон дает нам отдельные опоры. Теперь дом в воздухе, высоко над землей; под домом находится сад, на крыше дома тоже сад.

2 **КРЫШИ-САДЫ:** Железобетон — это новый материал, позволяющий создать совмещенную кровлю-здания. Соображения технологии, экономии, удобства и психологии приводят нас к выбору крыши-terraces.

3 **СВОБОДНАЯ ПЛАНИРОВКА:** До сих пор стены здания были его несущими элементами, планировка дома полностью зависела от стен. Применение железобетона допускает свободную планировку. Этажи больше не будут отделяться один от другого словно отсеки. Отсюда — большая экономия жилого объема, рациональное использование каждого кубического сантиметра, большая экономия материальных средств.

4 **РАСПОЛОЖЕНИЕ ОКОН ВДОЛЬ ПО ФАСАДУ:** Окно — один из важнейших элементов дома. Новейшие средства раскрепостили окно, железобетон произвел настоящую революцию в его истории. Окна могут быть протянуты вдоль всего фасада, от одного его конца до другого.

5 **СВОБОДНЫЙ ФАСАД:** Опоры вынесены за пределы фасада, внутрь дома. Перекрытия крепятся на консолях. Отныне фасады — это легкие пластины изолирующих стен и окон. Фасад освобожден от нагрузки.